

ЕФРИМИЯ
ЛЕТОВА

СМЕРТЬ МЕНЯ
НЕ НАЙДЕТ

Мое первое имя — Камилла, а второе, видимо, "угораздило". Угораздило полезть в чужую квартиру спасать кота подружки, угодить в камеру смертников в другом мире, угораздило связаться с ненормальным некромантом, а потом так и вовсе умереть! Теперь за мной охотятся жрецы и королевская полиция, а я отчаянно пытаюсь выжить, разобраться в том, что же на самом деле натворила бывшая владелица моего нынешнего тела, кому можно верить и... стоит ли возвращаться обратно.

Глава 1.

У каждого человека есть какой-то талант или врождённый дар. Кто-то поёт, кто-то рисует, кто-то деньги зарабатывает, кто-то гениально мозги выносит.

Лично я гениально нахожу себе неподходящих друзей. Вот просто попадаю в десятку, не глядя, с любого расстояния.

Когда мне было пять лет, Танька Матвицкая, с которой мы, между прочим, дружили с ясельной группы, наябедничала воспитательнице, что я разбила тарелку, а осколки смыла в унитаз. Осколки смываться не захотели, и пришлось запрягать следы своего первого в жизни преступления парочкой рулонов туалетной бумаги. Замотанная работой в две смены без нянечки Галина Степановна наорала на меня от души, а я тогда впервые задумалась о том, что дружба и я — понятия несовместимые. В третьем классе сосед по парте и по совместительству друг Вадик Потехов предложил исправить «ужасные ошибки» в моей домашней работе, и-таки исправил, так, что в результате полученной двойки чаша весов четвертной оценки склонилась в не лучшую для меня сторону, и мама не купила обещанный конструктор лего, а я снова зареклась дружить с кем бы то ни было. Но долго не продержалась, на секции лепки из глины в умилительно советском по духу ДК познакомилась с девочкой Настей. Наша дружба ограничивалась совместными походами от ДК до трамвайной остановки, а также болтовнёй ни о чем до и после занятия, и я не ожидала от судьбы никакого подвоха. Но спустя всего четыре месяца после знакомства, как сейчас помню, в тёплом и снежном декабре, нам с Настей по дороге встретилась шумная ватага её одноклассников, пожелавших немедленно закидать снежками мою доостановочную спутницу. Вместо того, чтобы разбираться с собственными проблемами, Настя ловко юркнула мне за спину, а я встретила новый год с отменным фингалом под глазом, потому что снежок, попавший прямым в глаз — это очень и очень больно.

Надо ли говорить, что в десятом классе очередная подруга отбила у меня симпатичного мальчика, на первом курсе университета уже другая подруга увела нужную мне тему курсовой, а вот сейчас, прямо сейчас, передо мной стояла Людмила с тощим кудрявым чёрным котом в руках и смотрела на меня так жалобно, что я прямо почувствовала запах грядущих проблем и неприятностей?

«Нет, нет, Боженька, пусть это будет не то, о чём я думаю», — мысленно взмолилась я и широко улыбнулась Милке, демонстративно крепко выжимая тряпку, которой только что мыла пол. Буквально душа тряпку в нежных дружеских объятиях.

— Доброе утро!

— Здравствуй, Милечка! — как я ненавижу это сюсюканье. «Милечка»! Я же не зову её «Люлечка». Хотя, наверное, она была бы и не против.

Схожие в сокращении имена — единственное, что у нас есть общего.

— Обувь сними, тапочки на полке, — предупредила я. — И руки помой.

— Кажется, это называется «мизантропия», да?

— Мизофобия. И нет, у меня нет мизофобии. Просто я только что прибралась в квартире.

«А вот к мизантропии иду семимильными шагами».

Людмила покорно сняла туфельки и навестила ванную, последнее, впрочем, было совершенно бесполезно с учётом сидевшего у неё на руках кота — рассадника инфекций и паразитов. В моём окружении, да что там — во всём современном мире — хвостатыми принято восхищаться, но я, уввы, и здесь оплошала, животных предпочитаю любить на расстоянии.

— У него шерсть кудрявится просто так или от какого-то заболевания? — кивнула я на кота.

— Это ла-перм, им так положено, — с искренней обидой в голосе сказала однокурсница. — Он породистый, привитый, не агрессивный, к лотку приучен. Ест, правда, плохо, не подобрали ещё корм подходящий, видимо, но это у редких пород дело обычное.

— Зачем ты мне всё это рассказываешь? — насторожилась я. — Не ест и не ест, мне-то что с того?

— У меня все подружки по общагам, как и я, — грустно, словно героиня из отечественной мелодрамы, сказала Мила. — Со своей квартирой только ты, Камуся.

— Не называй меня Камусей! — прошипела я. — Говори прямо, что нужно.

— На пару дней Ксамурра пристроить, — наконец-то выдал источник моих очередных неприятностей и проблем. — До понедельника, а? Мне домой бы смотаться, мамка зовёт, хахаль её свалил, она трезвая и добрая, денег даст, сказала. А куда мне кот в поезде, да и дома тоже. Ну, Миль? Пожалуйста... Всего до понедельника!

— У меня аллергия на кошек! — я запаниковала. — Я чешусь, чихаю и кашляю, у меня может быть отёк Квинке!

— У ла-пермов нет подшёрстка, это самые гипоаллергенные кошки после этих, как их там, лысых! — гордо поведала Людмила. — Я у тебя уже десять минут сижу, была бы на него аллергия, ты бы уже вся соплями бы обвешалась, а раз нет, то всё в порядке. Еда и лоток у меня с собой. Камилла?!

... Что поделаешь, талант есть талант, — мрачно подумала я. Кот посмотрел на меня подозрительно и недобро.

— Как его зовут?

— Ксамурр! Ла-пермы редкие и дорогие, а мне бесплатно достался, я его в подъезде нашла, красавчик такой.

Лично я бы потребовала доплаты за столь убогое создание — коты должны быть большими, упитанными, лоснящимися, а это какое-то недоразумение с графским именем. Тощий и весь какой-то всклокоченный.

Совсем как я.

— Ладно, лоток в туалет, миски в коридор.

— Ой, чёрт, корм-то я принесла, а миски забыла, ну, найдёшь же что-нибудь, Камусь? А то бы мне уже на вокзал?!

— Найду, — процедила я, и приятельница исчезла быстрее, чем стипендия с карточки.

А кот остался.

Глава 2.

Кот поджал лапы и улёгся в позу хлебной буханки. Выглядел он весьма уныло, и я снизошла до комментариев вслух.

— Понимаю, перемены ни тебя, ни меня не радуют, но давай искать какие-то плюсы в сложившейся ситуации? Поверь мне, ехать в жарком душном поезде в плацкарте то ещё удовольствие, тем более с Людмилой, вообще не представляю, как ты с ней живёшь, проклинаешь, наверное, тот момент, когда выбирал ее подъезд для согрева. Ну, а с моей стороны всё тоже шоколадно — пока что ты не орёшь, не носишься по квартире, не дерёшь диван, возможно, даже не линяешь... Просто не будем мешать жить друг другу, хорошо?

Кот сощурил зелёные глаза.

— Так, — приободрилась я. — Ваш графский лоток — тут, — для наглядности я продемонстрировала коту белый пластмассовый лоток, чувствуя себя всё более и более глупо. — Миски, миски... есть вымытые баночки от сметаны. Зато вода кипячёная. Кушать хочешь?

Кот мрачно отвернулся.

— Ну и... дело твоё, — подвела я итог неудавшейся попытке межвидовой коммуникации. — До понедельника с голоду ты точно не помрёшь. Ладно, я в душ. Сиди, не линяй, не ори, не забывай про лоток, и всё будет пучком.

Но в душе меня неожиданно охватило странное беспокойство. И вроде всё действительно было в порядке, сессию закрыла без хвостов, впереди ещё два летних месяца, квартира, любезно предоставленная уехавшей за лучшей жизнью в Хорватию тёткой по матери за присмотр и коммуналку, в моём полном распоряжении, и всё же, всё же... Неужели стихийный визит Людмилы и этот её кот так выбили меня из колеи..?

Непорядок.

Мне только-только двадцать один год исполнился, а я уже с ворчанием воспринимаю всё новое, держусь обеими руками и ногами за свой устоявшийся жизненный уклад. А дальше что? Шутки из серии "в шестнадцать — панк, в двадцать шесть — панкреатит"?

Текущая вода против обыкновения не успокаивала, напротив, хотелось выключить её и прислушаться к происходящему за дверью — слышались какие-то шумы и звуки, которых просто не могло быть. Я смыла с головы пену и с опаской посмотрела на воду — вода как вода. Собственная нагота стала напрягать тоже, делала вдвойне уязвимой, словно в любой момент кто-то мог ворваться ко мне — я уже давно живу одна, с семнадцати лет как, и напрочь отвыкла запирать за собой двери, а зря...

Какая чушь, от кого мне запираться? Дешёвая бирюзовая шторка заколыхалась, будто от сквозняка.

Точно, балкон же открыт.

Я завернулась в полотенце и торопливо вышла. В квартире было ожидаемо тихо, иррациональные страхи не оправдались. Поискала глазами кота — его графства нигде не наблюдалось. Против всякого здравого смысла стало еще тревожнее.

С надеждой на то, что ещё не всё потеряно, я осмотрела коридор на предмет наличия кота чёрного кудрявого одна штука, а потом и кухню. Дверь во вторую и последнюю комнату, то есть спальню, была закрыта, на заискивающее кискивание животина не отзывалась, на дурацкое гламурное имечко — тоже. Делать нечего, пришлось идти на балкон — обычный, несовременный, незастеклённый балкон, заваленный всяким хламом. У меня четвёртый этаж, много это или мало для гипотетически рухнувшего на землю кота? И почему я его сразу не закрыла? Людмила меня убьёт и будет совершенно права, между

прочим. Взаяся за гуж, то есть, за котосодержание, не говори, что не дюж, то есть... Я тяжело выдохнула и выглянула вниз. Размазанного чёрного, точнее, чёрно-красного, прости Господи, пятна под балконом не наблюдалось, уже хорошо. Но всё равно паршиво — для меня, ну, и для Милы, наверное, она уже привязалась к хвостатому, вон, корм ему подобрала, к лотку приучила. А я его раз — и с балкона, тут вон метров двенадцать будет. Казался таким тихим и безобидным, и вот нате вам — стоило минут на десять оставить без присмотра, как кот тут же попытался покончить жизнь самоубийством или сбежать к прежней бродячей жизни.

Хорошо, что Людмила не оставила мне, например, ребёнка или свою банковскую карточку.

Что поделаешь, законный выходной закончен, проклятие проблем, приносимых друзьями, в действии, пора выходить на улицу, обшаривать кусты и опрашивать старушек на лавочках.

Я уже было повернулась, чтобы вернуться в комнату, как вдруг замерла, а полотенце попыталось сползти с груди. Смотреть на меня в принципе было некому, да и зрелище не обещало быть завлекательным, но всё же...

Вцепившись одной рукой в полотенце, другой я безнадёжно поскребла стену, уставившись на совершенно никуда не падавшего чёрного кудрявого кота, мирно сидящего на узких балконных перилах.

Вот только балкон был не мой, а соседский, почти вплотную примыкавший к нашему по какой-то дурацкой прихоти когда-то крепко обкурившихся архитекторов доперестроечных времён. Большинство жителей нашей доисторической хрущёвки свои балконы застеклили, тем самым вложившись в поддержание соседского суверенитета, но моя тётя последние годы была увлечена исключительно хорватским двухметровым красавцем, а соседка баба Валя в принципе не жаловала все эти навороты, мешавшие её старенькой русской спаниелихе Норе обгавкивать редких прохожих. Нора уже год как преставилась, а одинокая и старенькая баба Валя так и не нашла в себе ни сил, ни денег, ни желания заниматься остеклением этого прыща на физиономии доживавшей свой век пятиэтажки.

И теперь кот сидел, точнее, лежал — буханка буханкой — и смотрел на меня, почти великодушно, без вполне понятных ноток превосходства, скорее, с жалостью.

— Ксамурр Людмилович! — постыдно залебезила я. — Кс-кс-кс!

Хотелось запустить в него чем-нибудь тяжёлым и не особо ценным для тёти, например, сгоревшим сто лет назад утюгом, который тётя так и не выбросила... Но моя задача заключалась в возвращении кота без резких звуков и движений, дабы напуганный зверь всё-таки не сверзился вниз. Впрочем, кот избрал эффективную тактику тотального игнора. Я сбегала за кормом, за лотком, за помытой банкой от сметаны, за самой сметаной, искала — безуспешно — валерианку в аптечке (кроме просроченных таблеток, названиями которых можно было ненароком вызвать демона, там ничего не было), попробовала проложить между балконами чудом найденную, но, к сожалению, слишком короткую доску — всё бесполезно. Кот поджал лапы, обернулся тощим длинным хвостом, моргнул зелёным глазом и впал в нирвану.

— Ах, ты... — я неинтеллигентно выругалась, переделась в футболку и джинсы, схватила телефон и отправилась к бабе Вале в соседний подъезд, искренне надеясь на то, что гадский котяра меня дождётся, что баба Валя окажется дома, что больше никогда и никому не придёт в голову считать меня человеком, который сможет присмотреть за дебильным

питомцем. — Ах, ты!

Глава 3.

В соседний подъезд я попала не сразу — домофон не работал. Насколько я помнила из более чем двухмесячной давности случайной улично-дворовой беседы, ни телефон, ни домофон одинокая престарелая соседка не оплачивала принципиально: «И приходите ко мне некому, и звонить тоже, пусть платят те, к кому ходят и кому звонят!». К моему великому сожалению, по этой же причине соседке нельзя было позвонить. Нервно поглядывая на балкон — отсюда кот казался маленьким чёрным облачком — дождалась-таки степенно выходящего из подъезда старичка с мопсом, поднялась на четвёртый этаж, мысленно сочувствуя пожилой женщине — ступеньки были высокие, неудобные, местами щербатые, сам подъезд — прокуренный, грязный и тёмный, с мутными, будто бы задымлёнными стёклами, лампочки на лестничных клетках реагировали на движение, угрюмо, неохотно вспыхивали и гасли. Когда я добралась до нужного мне пролёта, то даже слегка запыхалась — точно, скоро обзаведусь панкреатитом и коллекцией мемов про раннюю старость. Почему-то теперь мне показалась, что баба Валя поднимается не в пример бодрее меня. Я безнадёжно понажимала потёртую кнопочку звонка и прислушалась — шаркающих шагов бабы Вали не было слышно. На лавочке у подъезда её тоже нет, логично предположить, что женщина в поликлинике или в магазине. Скорее даже второе — все-таки сегодня суббота, выходной день, как-никак. К врачам старушка относилась с подлинным пиететом, так что вряд ли рискнула бы тревожить своих кумиров в выходной день, несмотря на то, что у представителей самой благородной профессии их не бывает в принципе.

Одна маленькая деталь — если глаза меня не подводят, балкон был открыт. Уйти и оставить балкон открытым было чем-то из ряда вон выходящим, это я ещё по своей бабушке помнила, пусть даже лето и жара, пусть даже четвёртый этаж, пусть даже «красть у меня нечего».

А вдруг с ней что-то случилось? И мистически чёрный кот почувствовал эманации смерти из соседней квартиры, и...

Тьфу-тьфу-тьфу, не буду я об этом думать, всё нормально, всё в порядке, подумаешь — не открывает человек дверь субботним летним днём, что теперь, сразу самое плохое предполагать? Всё будет в порядке, всё будет в порядке, — твердила я самой себе, а рука уже тянулась к узкой и острой дверной ручке. «Отпечатки пальцев останутся!»

Я разозлилась и, ни на что не рассчитывая, сердито дёрнула ручку. А дверь взяла да и открылась.

В квартире было темно, тихо и — холодно.

Я обернулась, огляделась — три других двери на лестничной клетке были заперты, в подъезде царила полная тишина. Никого. И правильно — самый конец июня, суббота, день, время дач и выгула детей в парках и торговых центрах, что за удовольствие сидеть дома?

— Баба Валя? — позвала я, голос будто тонул в смутных очертаниях прихожей — заваленной несезонной одеждой вешалки, свисающей с потолка люстры, почти что раритетного трюмо с низкими деревянными тумбами и раскрывающегося книжкой высокого овального зеркала. На тумбе лежал кнопочный проводной телефон, а рядом — старенький кожаный собачий ошейник, отчего моё сердце вдруг болезненно сжалось.

«Быстро забирай чёртова кота, по сторонам не смотри, ну же, давай, одна нога здесь, другая там», — шепнул, видимо, тот самый рогатый невидимый советник, сидящий у каждого на левом плече. Тот самый, слушать которого не надо ни при каких

обстоятельствах, но чей голос так чарующе-убедителен, попадает прямиком внутривенно в душу, а потом ты недоумённо бьёшься головой о стену, не понимая, в каком таком бреде творил то, что творил? Если верить тем же неутомимым мемосоздателям, на правом плече должен сидеть белокрылый представитель противоположной, разумной и здоровой, точки зрения, но у меня он свалился с плеча где-то ещё в раннем детстве, или охрип, короче, голоса того, кто посоветовал бы мне плюнуть на кота и ни в коем случае не заходить в чужую открытую квартиру, слышно не было от слова «совсем».

— Баба Валя? Это Камилла из второго подъезда. Вы дома?

Тишина. На всякий случай я ещё покискискала, без особой надежды ожидая, что кот услышит мой голос и выйдет сам — ничего подобного. Ксамурр Людмилович и я были слишком мало знакомы для такого акта высочайшего доверия.

«Ненавижу кошек. И друзей, приносящих мне кошек, ненавижу тоже! И вообще, это не друзья, а предатели какие-то, враги народа, не иначе».

Я потопталась на вытертом застиранном коврикe у двери, вероятно, раз в неделю подрабатывавшем на четверть ставки половой тряпкой, и сделала шаг в квартиру, ожидая окрика, ругани, чего угодно — но тишина, гулкая, влажная, окутывала меня лесным предрассветным туманом. Шаг, ещё шаг... Надо же, расположение комнат в точности как у меня — отдельный санузел, там, очевидно, кухня, а вот и гостиная, которую тётя именовала «большой комнатой», хотя большой она была только по сравнению с туалетом.

Полуразложившегося тела, полчищ мух, сладковатого запах тлена и разложения не наблюдалось, и я приободрилась, оглядела пустую комнату, коробкообразный телевизор, обёрнутый полиэтиленом пульт на продавленном диване, накрытом тёплым пледом с бахромой. Дверь на балкон действительно была открыта, тюль слабо колыхался от лёгкого ветерка.

Хозяйка просто ушла в магазин, забыв закрыть балкон и дверь — ну и что такого, посмотрим, в каком я маразме окажусь в её-то годы. Небось, буду стриптизёров и пожарных вызывать одновременно:

«Мальчики, тушите, это же просто огонь!».

Пальцы уже коснулись тюлевой шторки, прикрывающей вход на балкон, когда за спиной что-то глухо щёлкнуло. Я обернулась, ощущая, как сердце падает куда-то в желудок, и увидела сидящую на диване женщину. Совершенно не бабу Валю не похожая, вот просто — ничего общего.

На вид ей могло быть от сорока до семидесяти, кожа неестественно гладкая, словно после подтяжек, затянутые в строгий узел на затылке волосы удивительно яркого и чистого сиреневого цвета, каким иногда закрашивали седину некоторые бабульки, правда, настолько анимешного неестественного оттенка я ещё не встречала. «Как у балерины», — мелькнула глупая неуместная мысль. Незнакомая женщина сжала худые, болезненно костлявые руки на коленях, и смотрела на меня с откровенной неприязнью, даже с возмущением, а потом открыла рот, узкие бордовые губы скривились, и произнесённая ею фраза была буквально украдена из моего сознания, слово в слово:

— А что это вы, милочка, в чужом жилище делаете?

Глава 4.

— Так баба Валя в гости давно звала, — заблеяла я, проклиная рогатую невидимую сволочь, уверявшую, что никто не заметит, как я тут шастаю, и всё обойдётся. — А ещё у меня кот на балконе. То есть, у неё на балконе кот. То есть, балкон бабывалин, а кот мой. Я

просто пришла за своим котом, заберу и уйду!

— Что-то ты врёшь, обокрасть меня хотела?! — прошипела женщина. — Какая ещё баба, какой кот, воровка? Я сейчас полицию вызову, дрянь мелкая!

...Упс.

— Как какая баба, бала Валя, Валентина Петровна, хозяйка этой квартиры! — возмутилась я, решив, что лучшая защита — нападение. — Вы-то сама кто такая? Документы покажите! У бабы Вали родственников нет, это кто ещё полицию вызовет! А вы мне моего кота не отдаёте, кот — моё имущество. Пустите, я его заберу!

— Нет никакого кота! — женщина вскочила на ноги, резко дёрнула тюль, обрывая тонкую ткань, я обалдело уставилась на балкон — кота не наблюдалась. Тварь мохнатая, если он не свалился, а вернулся обратно в мою квартиру, я, пожалуй, даже расстроюсь. Вернусь к себе и самолично выкину! Тем временем дама с сиреневым пучком продолжала бесноваться, и градус её ярости всё возрастал и возрастал.

— Врёшь, воровка! — теперь она распахнула руки в стороны, словно я пыталась пробежать мимо неё, что было бы весьма затруднительно в столь тесном и захламлённом мебелью помещении. Сумасшедшая женщина, вот что. И в квартиру попала случайно, так же, как и я — открыв незапертую дверь.

Просто дурацкое совпадение?

— Успокойтесь, успокойтесь! — я вытащила руку с мобильником из кармана джинсов. — Давайте...

Внезапно руку обожгло резкой болью, словно меня хлестнули раскалённым кожаным ремнём, мобильник упал на пол и будто бы сам собой отлетел в сторону, под диван. И вот тут мне стало по-настоящему страшно, я резко нырнула под руку женщины, выскочила в коридор и стала отчаянно, судорожно дёргать ручку, а потом металлическую задвижку замка — дверь не открывалась, вообще, никак! Женщина показалась в проёме, глядя на меня всё с тем же негодованием, словно я не пыталась выйти, а тушила сигареты о дешёвый бордовый дерматин.

— Я вызываю полицию! — возвестила психованная почти со злорадством, опускаясь на деревянную тумбу трюмо, элегантно движением поднося к уху белую пластмассовую трубку.

"Телефон не оплачен", хотела я сказать, но смысл спорить с сумасшедшей? Драться с ней тоже не хотелось, как-то это выходило за рамки возможного, обожжённая непонятным образом рука болела, я продолжала тянуть ручку двери, поворачивать замок, а за спиной женщина манерно проговаривала, растягивая гласные:

— Полиция? Я обнаружила в квартире воровку. Приезжайте и арестуйте её, немедленно!

"А адрес назвать не надо?!"

Абсурдность ситуации нарастала, я прекратила терзать несчастную дверь, бросилась в большую комнату, начала искать телефон — и ожидаемо не нашла. Выбежала на балкон — кота точно не было, высунулась по пояс вниз — во дворе никого не видно.

Орать "помогите, горим"?

Еще минут пять, и я, кажется, заору. Нет, зачем ждать пять минут?!

— Помо...

Тяжелая широкая ладонь легла мне на рот, одновременно перекрывая и ноздри, кто-то потянул меня назад, в квартиру. Я замычала, бестолково замолотила руками и ногами,

ударяя незримого человека за спиной — однозначно не ту безумную бабу, вот же она, всё ещё сидит на тумбочке, глядя на меня злорадно и торжествующе. А вот и ещё один персонаж... действительно полицейский?! Да ладно, быть того не может, не может и всё тут, они так быстро не приезжают, особенно на вызов без адреса!

Меня отпустили на мгновение, и пока я жадно глотала воздух, перехватили за обе руки — тот, кто меня схватил, тоже оказался мужчиной в полицейской форме, крупным, рослым, тяжеловесным, полной копией первого — и молча выволокли из квартиры, потащили вниз по ступенькам.

— По-д-дож-жди-те-э-э, — я едва не прикусила язык, — Та-ак ж-же нельз-зя-а-а!

Полицейские — или некие персонажи, их роль играющие, ну не могли же это быть настоящие полицейские?! — хранили молчание, их лица были отстранённые и равнодушные, словно они волокли мешок с картошкой, а не ни в чём не повинную меня. — Если эт-то розыг-рыш, то оч-чень ид-диот-ск-кий!

На улице стоял полицейский уазик — и как я его не разглядела, когда высовывалась с балкона? Если это розыгрыш, то продуман на все сто, мои поздравления и аплодисменты. Не хватало только наручников — в них аплодисменты будут не такими громкими, но ещё более искренними.

Наручники на меня не одели, просто запихнули внутрь, громко захлопнули дверцу с зарешённым окном, а через секунду машина рванула вперёд.

Похитили? Вот так, среди бела дня?! В бордель или на органы сдадут? На какой-то кочке я больно тюкнулась затылком о низкий потолок, вытерла рукой неожиданно выступившие на глазах слёзы, вцепилась в деревянную скамью. Про бордель ни за что не поверю, кому я там сдалась-то. Розыгрыш.

Или дурацкий сон. Начиная с прихода Людки, всё это — дурацкий бредовый сон.

А значит, я скоро проснусь.

Глава 5.

Одуванчики.

Что?!

Ну, одуванчики же! Я иду по полю, по пояс в зелёной мягкой траве, задевая ее ладонями. Огромные, с яблоко или даже помело белые пушистые головки одуванчиков разлетаются под пальцами ворохом семян-парашютиков. Как хорошо... Жаль только, что это всё не по-настоящему.

Изображение в глазах, моргающее, как в старом допотопном телевизоре, постепенно начинает настраиваться, словно кто-то там, наверху, неумело дёргает управляющую мною антенну.

Пол... грязный. Пыльный, заваленный какими-то крошками, чьими-то волосами, кажется, даже комьями земли. Когда они успели так натоптать? Да тут порезвилась солдатская рота, сразу после секретной высадки военного картофеля, не иначе. И хлоркой больше не пахнет, а пахнет чем-то... не знаю. Запах незнакомый, не вызывает никаких ассоциаций, не технический, не съедобный, а... Я сажусь, сжимая ноющую голову руками. Реально, грязь, скамейка из подгнившего, даже заплесневевшего тёмного дерева прямо перед глазами. Какая гадость. Какая...

— Вы как-то готовы прокомментировать произошедшее? — повторяет голос, но это — другой голос, точно, другой, низкий, с хрипотцой. Обалдело задираю голову и вижу склонившееся надо мной лицо темноволосого мужчины лет тридцати.

Узкое, хищное, гладковыбритое лицо. Светлая кожа. Яркие умные глаза. Красавчик.

...качество помещения стремительно ухудшается, а внешний вид ментов — наоборот, — проскальзывает в голове одинокая мысль, тупенькая такая мыслишка. — Грязный пол и мужик, как ожившая картинка из "Космополитена". Это правильный, однозначно правильный способ воздействия на меня. Ненавижу и то, и другое!

...

— Лирта, вы меня слышите? У вас осталось всего несколько дней. Милость короля безгранична, но дольше половины декады она никак не продлится.

...царём нашего долгоиграющего и всенародновыбранного называли многие, а вот чтобы королём... как-то не по-русски это. Хотя мент-красавчик, наверное, имеет в виду своего главного. Эммм... Начальника уголовного розыска? Верховного судью? Генерального прокурора?

Как же болит голова. Ничего не понимаю.

— Я ни в чем не виновата, — сама поморщилась от того, насколько банально прозвучала эта фраза. Словно я в каком-то дешёвом отечественном сериале, где героиню засадили за решётку изменщик-муж, предварительно лишив родительских прав и документов на ателье. — Я готова всесторонне сотрудничать, но брать на себя чужую вину не буду. Добровольное признание не подпишу. Приведите мне...

Отчего-то простое слово «адвокат» никак не хочет выговариваться. Уж не случился ли у меня инсульт? При нём такое, я слышала, бывает — что язык онемевает и не слушается. Наконец, выдавливаю из себя:

— Приведите мне народного защитника! По закону положено!

— Кого? — с искренним недоумением переспросил мент, позёрским жестом отбрасывая за спину длинные черные волосы. Аж зависть взяла. У меня лично волосы тоже чёрные, но они больше похожи на встрёпанные вороны перья. А этот персонаж мог бы в рекламе сниматься без фотошопа. Хоть в рекламе шампуня, хоть в рекламе лезвий для бритья — удивительно чистое лицо с правильными выразительными чертами. Ни малейших следов щетины, хотя с таким цветом шевелюры и бледной кожей... Стоп. О чём я думаю, когда надо непреклонно продолжать требовать адвоката, ссылаясь на статью... ещё бы вспомнить, какую. Вернусь домой и выучу наизусть уголовный кодекс. А лучше сделаю татуировку с номерами статей, чтобы наверняка.

— Лирта, — укоризненно, увещательно продолжил мент.

— Контрабас.

— Что "контрабас"?!

— А что — "лирта"? Позовите мне... — да что за чёрт! — Защитника. В конце концов, всем обвиняемым положено. Вы хотите сказать, что в нашей стране законы вообще перестали действовать?

— Вы хотите сказать, что в нашей стране есть какой-то другой закон, кроме королевской воли?!

Я подавилась воздухом, настолько серьёзно и искренне произнёс это служитель этого самого закона. Вот ведь сволочь какая, шёл бы на подиум, так нет. И на что позарился? На взятки или на власть?

— Тогда объясните толком, в чём меня обвиняют. Я ничего не сделала!

Черноволосый глубоко вздохнул и закатил глаза.

— В прошлый раз мне казалось, мы пришли к какому-то... взаимопониманию, лирта. И

сегодня вы опять начинаете играть в старую игру. Вам не надоело? Смею напомнить, что за те почти две декады, что вы находитесь здесь, мы с вами прошли все варианты ваших реакций на несколько раз. Имитацию безумия, нервного припадка, тяжёлой сердечной болезни, потерю памяти, предложения сексуального характера, горячие слёзы, рассказы о больной матери, голодных малышах, попытку самоубийства, убийства, угрозы и намёки на божественную просветлённость и тайную миссию, возложенную на вас Единой... Чем вы хотите удивить меня сегодня, лирта? Может быть, для разнообразия — правдой?

Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга, потом я не выдержала, отвела взгляд от его затягивающих болотно-карих радужек с крохотными точками чёрных зрачков и только сейчас обратила внимание на окружающее пространство. Изменился не только пол, изменилось... всё. Вообще всё. И чем больше я смотрела, тем меньше слов оставалось в голове, тем шире хотелось распахнуть рот.

Глава 6.

Камера преобразилась полностью. Гладкие серебристые металлические прутья превратились в шероховатые чёрные, местами поеденные ржавчиной. По углам клетки — трудно было называть ее иначе — свисала густая серая паутина, словно в каком-то низкобюджетном фильме про бабу Ягу или ещё какую лесную ведьму. Сквозь прутья одной из стен торчали костлявые грязные руки какого-то другого врестованного... узника, вероятно, развлекающегося нашей беседой — пафосные слова сами собой приходили на ум. А по полу наискосок камеры-темницы деловито бежала жирная бурой окраски крыса.

Захотелось жалобно взвизгнуть, хотя крыс я не боюсь. Когда они в клетке зоомагазина, например. Или просто на улице — в нашем городе такого добра навалом, у каждого третьего супермаркета или у каждой второй помойки.

Но в одной со мной камере?! Это уже подходит под разряд пыток.

— Вам осталось жить пять дней, лирта, — тихо закончил черноволосый. — Возможно, вы ненавидите страну, в которой родились и выросли. Возможно, вам безразлична судьба других людей. Но ваша собственная жизнь? Вы так молоды, лирта. Ваша жизнь, пусть даже в неволе, могла бы продлиться... дольше.

...господи всемогущий!

Красавчик-мент поворачивается ко мне спиной, тёмно-коричневый длинный плащ мягко шелестит складками. Не тот плащ, который с руками и застёгивается на пуговицы, а тот самый, старинный, накидка с плащом... епанча? Какулус? Крантер? Откуда-то из памяти всплывают эти странные названия, может быть со времен средней школы, когда я увлекалась кроссвордами? Одно ясно — менты так ходить не будут.

— Вы кто? — хрипло спрашиваю я его спину, такую ровную — хоть линейку прикладывай. — Вы кто вообще?

— Упырь в плаще, — мужчина хмыкнул и развернулся, а мне как-то не захотелось смеяться.

— Вы куда?!

— Я, моя дорогая лирта, домой. На сегодня моя служба закончена.

— А я?! — единственное, что я смогла выдавить из себя, хотя хотелось орать: «не имеете права», «в чём меня обвиняют», «меня подставили», «это всё кот», «позовите бабу Валю» и коронное «я ни чём не виновата». Внезапно уши заложило, как при высоком давлении — но через миг звуки вернулись.

— А у вас остаётся пять суток, начиная с сегодняшнего вечера. И если память вам по-

прежнему отказывает, лирта, то напомню — казни в Магре происходят обычно на закате.

— А обход главврача когда?

— Что?

— Ничего... Не оставляйте меня, здесь грязно, здесь крысы бегают! — почти выкрикнула я. Какой смысл убеждать сумасшедших, что они сумасшедшие?

— А вы хотите, чтобы в Винзоре была ещё и уборщица?! — искренне удивился черноволосый. — До таких вершин наше с вами общение ещё не доходило...

Но что касается крысы, то — никаких проблем.

Крыса, мирно догрызавшая в уголке какой-то сухарик, настороженно подняла голову. Мужчина сделал шаг, каким-то нечеловечески быстрым движением наклонился и ухватил заверещавшего зверька за шкурку, поднёс к лицу, втянул носом воздух. Я вдруг отчётливо представила себе, как «упырь в плаще» демонстрирует отросшие клыки в кровожадной ухмылке и одним движением откусывает крысе голову, а потом тщательно, со вкусом пережёвывает — после чего я сразу признаюсь хоть в хранении наркоты, хоть в покушении на «короля», хоть в попытке хищения бабывалиной пенсии.

— Не надо! — пискнула я, а потенциальный упырь дёрнул рукой — и крыса безвольным меховым комком упала на пол, несколько раз дёрнулась и затихла. Голова у неё точно была на месте, но она явно была мертвее камня.

— Доброй ночи, да хранит вас Тирата, лирта, и да развяжет она ваш не в меру бойкий язык, — почти светски произнёс мужчина и всё-таки вышел, а я отползла от крысиного трупика, уселась прямо на омерзительно грязный холодный пол и завывала белугой.

Узник в соседней камере глухо, судорожно закашлялся. Выбирать между чумой и туберкулёзом мне ещё не приходилось, и я прямо на пятой точке поползла подальше от них от всех. Сначала ощутила спиной шершавые прутья, а потом, совершенно неожиданно, на плечо опустилась чья-то рука.

— Эй, лирта, хорош выть.

Я резко обернулась и за решётчатой стеной увидела женщину. Совершенно обычную женщину, лет сорока на вид, в длинной тёмной хламиде, с перепачканным в пыли лицом, не окрашенным, ещё далеко не старым, но очень усталым — вряд ли ей было больше сорока лет. Волосы, неожиданно густые и пышные, были удивительно чистого шоколадного оттенка, вероятно, крашенные, а то и вовсе парик.

— И так тошно, чего ты разоралась? В прошлые дни вроде поспокойнее была...

Я смотрю на неё, ощущая, как остатки здравомыслия, подобия здравомыслия, разбиваются вдребезги.

— В прошлые дни? А сколько я уже здесь?

Женщина тоже надрывно кашляет, но мне вдруг становится как-то всё равно. Раз жить осталось только «половину декады», плевать и на туберкулёз, и на чахотку... или это одно и то же?

— Сколько дней я здесь нахожусь?

— Да я откуда знаю, ты не очень-то разговорчивой была. Декады полторы... со мной что-то тянут, а ты уже здесь была. И каждый честной день на допросы, вот как.

— Сколько дней? — тупо повторяю я. То, что я здоровая, а они все сумасшедшие, понятно. Но нужно поговорить с аборигенкой этого дурдома, потому что у меня закралось смутное подозрение, что в этом их безумном восприятии реальности прослеживается какая-то система, какая-то общность. То есть они все сошли с ума в одну и ту же сторону, и

странной кажусь им я, а друг для друга они уже нормальные. И это настораживает.

Коллективный психоз..?

— Да не считала я, — подозрительно присматриваясь ко мне, пожимает плечами женщина. — Говорю же, декады полторы, сколько дней, сколько дней, дней пятнадцать будет, может, меньше.

— Мужчина, который ко мне заходил, это кто?

— Черепица-то совсем отлетела? — теперь в голосе женщины сквозит жалость с лёгкими оттенками презрения.

— Что?

— С головой раздружилась?

— Возможно. Ответьте, пожалуйста, я ничего... не помню.

— Да следователь ейный, королевской фамилии. Лирт Лигран. Ну, это я слышала так. Ко мне-то попроще приходили, этот, как его, лирт Граен, просто винзорский следователь, у него разговор короткий, виновна и всё, жди своей очереди к Тирате, не того я полёта птица, чтобы ко мне из Маграсты с визитами как к себе домой шастали, да и не только они! — она многозначительно закатила глаза.

— А что вы... гм... сделали такого, что... ну... попали сюда? — осторожно, точно шагая по полузатопленным кочкам в ночном заболоченном лесу, спрашиваю я. — В смысле, почему здесь оказались?

— Муж мой, да примет в дар его грешную душу Тирата, тот ещё стервец был, — неожиданно охотно отвечает сокамерница. — Полюбовницы у него не переводились, прям не пойму, чем он их привлекал, лысина сияла, как Стилос в ночи, а живот такой, что впору звать целительницу-акушерку да доплачивать за срочность... А вот поди ж ты.

— И вы покалечили его любовницу? — спрашиваю я, больше из вежливости и для того, чтобы отвлечься, чем из любопытства, на самом деле, женщина выглядит до комичного безобидно, и мне нет до неё никакого дела. Беспокоит меня неожиданно другое: собственная одежда. Что-то я не припомню, чтобы надевала кофту с длинными рукавами, да и юбок в пол я со школы не носила. И, кажется, у меня должен был маникюр на ногтях, немного пообтрепавшийся, но всё же...

Сейчас у меня короткие обкусанные ногти безо всякого лака, тёмно-серого цвета — не лак, это их подлинный цвет! А кожа белая-белая.

Я чем-то заболела?

Слишком тонкие запястья.

Слишком длинные пальцы.

Не узнаю собственные руки.

— Да какой там, нужны мне эти швары несчастные! — всплёскивает руками женщина, словно мы на базаре и ведём светский разговор о кореньях и приправах, ну и о коварных разлучницах, само собой. — Да и он сам пошёл бы тараксовым полем, но не следовало ему плевать в мой луковый суп! Верно говорят, тот, кто больше всего терпит, потом несётся, как камень с горы...

Даже линии на ладонях — другие. Свои я помню, увлекалась когда-то хиромантией, гаданием по рукам...

Провожу пальцами по волосам, подношу прядь поближе к глазам. Чёрные волосы, как и были, но что-то не то, не так. Какой-то бирюзовый отлив — или мне только кажется? Шелковистость. Длина — были до лопаток, а теперь достают до поясницы. Не мои волосы,

не мои руки, не моя одежда.

Что ещё? Мне нужно зеркало, мне срочно нужно большое зеркало, но здесь его явно нет, можно даже не проверять.

— Так что он плюнул в суп и сказал, не могу поручиться за точность, «я хочу жаркое, хмыра».

— А вы? — автоматически спрашиваю я, тщетно пытаюсь рассмотреть своё отражение в шоколадно-карих глазах сокамерницы.

— А я возьми да и всади ему разделочный нож прямо во-от сюда, — шершавые пальцы ткнулись мне в шею, а я инстинктивно отпрянула. — Вот и всё, лирта. Вам пять дней осталась, я слышала, а мне — только сутки до завтрашнего заката.

Глава 7.

— А жить-то как хочется, лирта. Но — поздно. Говорят, из Винзора мольбы даже до Тираты не доходят, так что...

— Что такое Винзор?

— Совсем плохая? — женщина по-матерински укоризненно качает головой, а я вдруг думаю, что у неё там, на свободе, могут быть дети. Что с ними будет, если мать убила отца, а саму её казнят? Впрочем, дама на удивление спокойна, кажется, смирилась со своей будущей участью. С какой-то стороны, её можно понять: когда ты умираешь, ну, или сходишь с ума, плохо окружающим, тебе-то самому уже всё равно. Неплохо бы поинтересоваться способом казни — если расстрел или инъекция, это ещё куда ни шло, но не дай Бог гильотина или электрический стул, или какая-нибудь средневековая дичь вроде сожжения заживо на центральной площади... Точнее, видимо, надо говорить — не дай Тирата. Спрашивать приговорённую женщину о том, каким способом ей предстоит расстаться с жизнью, показалось мне... неэтичным. Невежливым.

Секундочку. Казнена? У нас в стране нет смертной казни. Да ещё и за убийство в состоянии аффекта, да там даже срок большой не дадут! Не в Штатах же мы и не в каком-нибудь Иране, мы же говорим на русском языке!

Ну да, конечно. И следователей в старомодных плащах-накидках, похожих на элитных моделей с подиума, у нас тоже нет. И камер, напоминающих темницы в подземельях старинного замка, в котором заключённые носят странную сектантскую одежду — тоже. Мы все тут сошли с ума, точнее — это всё плод моего воображения.

Я посмотрела на дохлую крысу на грязном каменном полу, на жутковатые прутья.

— Просто ответьте мне. Прошу вас... лирта.

— Да тюрьма это, самая большая магрская тюрьма, сюда в основном смертников сажают, тех, кого уже без шанса, да и непростых, таких, как ты...

— Магрская?

— Магр — страна наша. Ох, болезная.

— За что меня здесь держат?

— Откуда ж мне знать? — искренне изумилась женщина. — Ты не болтала, а нам не докладывают. Следователя Лиграна, ну и того, самого, — она понизила голос, — я видела, но из разговора ни словечка не слышала, хоть и смертница я, а правила у них строгие. Только сегодня он их вроде как нарушил, когда про пять дней сказал. А больше ничего не знаю.

На мой взгляд, даже понизить голос тот мужик не пытался. Ну ладно, не это главное.

А что сейчас главное?

Так разыграть — это денег нужно, и сумма подбирается по самым скромным подсчётам, к шестизначным цифрам: интерьеры, актёры, аренда машины... А подготовка? Репетиция выступлений? Плюс, по сути это же похищение, а вдруг я разозлюсь всерьёз, подам в суд на них потом, проблем же не оберёшься? Нет, будь у меня в друзьях эксцентричные творческие миллионеры...

Но я-то кому нужна? У меня вообще нет друзей, Людмила, притащившая мерзкую кудрявую хвостатую тварь — не в счёт.

И руки. Одежду можно поменять, но изменить кости..! Нарастить волосы!

Может быть, всё-таки наркотики, галлюцинации?

Слишком дорого, слишком сложно, слишком бессмысленно. Слишком ясной кажется голова, хотя откуда мне знать, как действуют галлюциногены? Приходится признать, что фантазия, лирта, у вас весьма скудная. Нет чтобы на драконе парить над извергающимся вулканом — это было бы хотя бы красиво...

— Здесь Магр, а Россия тогда где?

Женщина посмотрела на меня с тем же безразличным сочувствием, пожала плечами и, что-то бурча себе под нос, ушла вглубь своей камеры, опустилась на каменный пол, предварительно ловким пинком отправив в недалёкое путешествие очередную крысу.

А я исследовала помещение, стараясь не смотреть на почившую хвостатую бедолагу.

Спереди — глухая каменная стена с дверью без ручки. Слева и справа — камеры, в правой на полу скорчился какой-то мужчина, периодически глухо кашляющий. Лица он не поднимал, в разговор вступить не пытался, что, на мой взгляд, с учётом его кашля, было только к лучшему. Надо же, какое гендерное равенство, мужчины и женщины сидят вместе. Причём можно общаться, хоть за руки держаться — просветы меж прутьев позволяют. Обстановка внутри более чем скудная — узкая деревянная скамеечка. За небольшим выступом обнаружился круг в полу, предназначенный, очевидно, для отправления естественных надобностей. Неприятного запаха, однако, не было, никакого, вообще — и это наводило на определённые сомнения. Ещё на полу стоял внушительного вида металлический кувшин с водой и металлический стакан. В кувшин я заглянула не без содрогания, но горлышко было узким, отражение слишком маленьким, и оно ничего не сказало толком по поводу моего лица.

Я покосилась на загадочный запахнувший круг — вряд ли его стали бы тут делать, если бы была бы хотя бы мизерная возможность через него куда-нибудь сбежать. Да и плавать в канализации — я не черепашка ниндзя, я вообще плаваю, как топор. Кстати, местные сплинтеры, надо полагать, оттуда и лезут. Ты присядешь — для отправления естественных надобностей — а они ка-ак вцепятся... прямо туда, боже, ужас какой. Надо на пробу что-нибудь бросить вниз.

Я потёрла мочки ушей, где ещё совсем недавно красовались симпатичные серебряные серёжки в виде скрипичных ключей — их ожидаемо не было. Более того, интенсивное щупанье показало, что у меня и дырок-то в ушах нет. На короткий миг я испытала ни с чем не сравнимый ужас, разом вспомнив какие-то жуткие фильмы, ни один из которых не досмотрела до конца, но сюжет почему-то помнила: те самые, в которых сумасшедшие маньяки-учёные крайне вольно обходятся с человеческими телами — убирают нужное, пришивают лишнее. Может, мне вживили инопланетную ДНК? Может, я вообще уже больше не женщина.

Ой, мамочки.

Я забила за выступ, стараясь не провалиться ни в круг, ни в обморок, и принялась ощупывать себя — сначала по одежде, потом под одеждой. Чужой незнакомой одежде из упругой тянущейся ткани.

Вместо нижнего белья — какое-то боди на крохотных крючках, просто пояс верности, а не боди, замаешься расстёгивать, в туалет лишний раз перетерпишь. Дополнительных органов, к счастью, не нащупалось, пальцы по пять штук на четырех конечностях остались, хотя педикюр так же бесследно исчез, можно было выдохнуть. Но это тело явно было не моим, вернее, не совсем моим. Волос нет нигде, кроме головы — продепелировали, извращуги, кожа слишком светлая, ровная, без проступающих сосудов, синяков и мелких детских шрамов — как они убрали тот самый, на коленке, полученный мной у бабушки в деревне при перелезании через соседский забор. Фигура стройня, но уже не тощая, какая-то более тонкая, ровная, что ли.

Клыков во рту нет, рогов на голове нет, крыльев на спине нет — честно, я проверила, всё ещё немного стыдась. Зато неожиданно появился удалённый пару лет назад зуб и зарос приобретённый в детстве скол на переднем зубе. Бирюзовый отлив в волосах подтвердился. Ну, просто мечта поэта — косметолог, стоматолог, пластический хирург, стилист, вот психотерапевта не хватает, а так я в полном порядке.

Наверное, надо было всё-таки побиться головой в стену и поорать, возможно, симулировать припадок, дабы вызвать местных на сеанс коммуникации и получить хоть какие-то ответы хоть на часть вопросов — но саркастичное замечание черноволосого следователя с пафосным именем или фамилией Лигран — а может, это местное ругательство, типа хмыры или швары — по поводу всех использованных «мною» приёмов как-то отрезвляло, и я просто села на скамейку. Безделье убивало медленнее электрического стула — но почти так же неотвратимо.

Некоторое время спустя принесли еду — всё, как в лучших традициях тюрем, виденных мною в кино: через узкое окошечко в двери почти над самым полом невидимые служители протиснули деревянный поднос. Посуда была какая-то странная, что это за материал, так сразу не определишь: не пластик, не бумага, тонкий и мягкий, но прочный материал. Холодный коричневый напиток с кислым привкусом, похоже, компот, ягодный или фруктовый, не разберёшь, каша в тарелке, ложка с короткой ручкой и неожиданно объемным черпачком.

Возможно, Винзор — это правильная экологическая тюрьма. Они используют продукты вторичной переработки — может быть, остатков от уже казнённых узников, и делают быстро разлагающуюся и совершенно безопасную посуду. А ещё у них тут вегетарианское меню — королевское величество заботится о природе и четвероногих обитателях Магра. И коровы тут священные животные, как в Индии.

А мне захотелось мяса.

Отчаянно захотелось, так, как никогда в жизни — здорового куска, ароматного говяжьего стейка, лучше с низкой степенью прожарки, так, чтобы розоватый насыщенный вкуса жирный сок стекал по губам и подбородку, и... Рот наполнился слюной, живот словно судорогой свело. Мясо я любила, но чтобы такое зверское желание?

Стейк. Или шашлык из свинины. Или... Чёрт. Вот что с людьми стресс делает. Кашу я всё-таки съела, но почти давясь, несмотря на голод.

Несправедливо. Если уж собираются лишиться жизни, могли хотя бы поинтересоваться напоследок, что я хочу на ужин.

Глава 8.

От нечего делать я заглянула к соседке — её поднос с аналогичной кашей стоял не тронутый, а соседка сидела на коленях на полу, водрузив локти на такую же, как и у меня, скамеечку в до боли знакомой молитвенной позе. Упс, а то, что я на ней сидела, можно считать святотатством? Приставать к явно общающемуся с высшим разумом человеку, я не стала — хоть мольбы до неведомой Тираты отсюда и не доходят, но, по большому счёту, молитва представляет собой в первую очередь самоанализ, обращение к себе, к собственному подсознанию.

А вот мужчина-узник ужином не пренебрёг. Я бросила быстрый взгляд на него: он сидел на полу ко мне спиной, накинув на голову капюшон, и быстро, с аппетитом ел что-то... секундочку!

— Эй! — окликнула я. — Эй, как вас там... лирт!

Сосед обернулся, откинул с лица закрывающую его по большей части ткань хламиды, и я искренне удивилась, поняв, что мой сосед по камере отнюдь не дряхлый старик, а вполне себе молодой парень, немногим старше меня на вид, довольно симпатичный, хотя до красавца-следователя по всем статьям не дотягивавший. Самое обычное лицо, тоже бледное, тоже гладковыбритое — может, по местной моде или из соображений гигиены..? На висках у узника были нарисованы или вытатуированы два небольших тёмных ромба, а в остальном ничего не привлекало взгляд. Но к чёрту лицо, а вот поднос! На подносе лежали обворожительные, восхитительные, прекраснейшие кусочки мяса, может быть, даже шашлык! Тонкий дразнящий аромат коснулся ноздрей. Да какого хрена? Из мужской солидарности, что ли?

А может, здесь как в санатории — еду надо заказывать заранее, а вновь прибывшим дают, что осталось? Правда, я уже тут вроде как пятнадцать дней, но провела их в очевидном помрачении рассудка, иначе не предпочла бы кашу шашлыку.

— М-м-м, лирт, извините, что отвлекаю, приятного аппетита и всё такое, а как мясо можно заказать?

Мужчина какое-то время недоумённо смотрел на меня, потом тряхнул головой, словно увидев говорящий стул, и вернулся к трапезе.

— Вы меня слышите? Понимаете?

Внезапно я задумалась о том, что если здесь не Россия-матушка, то почему тогда все говорят на русском? Конечно, на русском, а на каком ещё, если я их понимаю, а никакого другого языка, кроме английского со словарём — огромным таким, увесистым словарём — выучить не удосужилась? Весомый аргумент в сторону дурдома.

Мужчина снова оторвался от своей изумительной пищи, поднялся на ноги вместе с подносом, на котором одиноко лежал последний лакомый кусочек, подошёл вплотную к решётке.

— Вы... хотите мяса? Вы?!

Стало неудобно. Человек, может, тоже последние дни доживает, может, продукты тут любящие и скорбящие родственники оплачивают, а я лезу со своим неуместно раскапризничавшимся желудком и разыгравшимся в сторону чужой еды аппетитом.

— Извините, — повторила я, силясь отвести взгляд от его тарелки, и посмотреть хотя бы в глаза. — Сама не знаю, что со мной происходит в последнее время.

— Но вам не принесли мясо! И раньше тоже не приносили! — не успокаивался проникнувшейся проблемой субъект.

— Нет, но...

— Но вы его хотите.

— Да, но...

— Возьмите, — неожиданно предложил благодетель, протягивая мне через прутья решётки словно бы шкворчащий кусочек двумя палочками, чем-то напоминавшими китайские.

А он, больной и явно заразный, ими уже ел. Надо вежливо отказаться и... Ощущая себя дрессированной собачкой, я потянулась к куску и, вдохнув полной грудью чуть дымный аромат, схватила зубами.

Изумительно.

— Как вас зовут, лирта? И каков ваш донум?

— Ничего не знаю, — с набитым ртом, пытаюсь растянуть удовольствие, мурлыкнула я. — Но спасибо вам огромное. Вы меня практически спасли. Надеюсь, хоть вас-то казнить не планируют?

— Отнюдь, через семь дней отправлюсь на встречу с Единой, — невесело хмыкнул товарищ по несчастью. — Разрешите представиться: лирт Мартен. Можно просто Март, без лишних церемоний.

— Камилла. Можно Милька, можно Камуся, можно хоть Чебурашка, — я наконец-то проглотила кусочек, ощущая нечто вроде гастрономического оргазма, с сожалением покосилась на пустой поднос. — Честно говоря, я уже ни в чём не уверена.

— Ка-мил-ла? Красивое имя. Необычное, — узник присел на пол прямо рядом с решётчатой разделяющей нас стеной, и я, чуть замешкавшись, повторила его движение.

— Март, послушайте... Возможно, это очень странная просьба, но... не могли бы вы со мной немного поговорить? Так, как если бы я была ребёнком. Или иностранкой. Или потеряла бы память.

— Не понимаю, — на его лице появилась настороженность, а я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться.

— Я потеряла память.

— Вижу, что не ребёнок и не иностранка, — он хмыкнул. — Ну, давайте поговорим.

Вопросы сразу выпали из головы. Но мужчина, несмотря ни на что, казался таким... нормальным.

Доброжелательным.

Очередной приступ кашля одолел его, давая мне время подумать.

— Вы так и спите, на голом каменном полу?!

— Под стасидией есть одеяло, — он кивнул на скамейку. — Как у всех.

— Вы больны. Вам не полагается никакая... помощь?

— Какой смысл помогать приговорённому к смерти? Но вообще-то, поговаривают, кашель начинается у многих узников Винзора. Только ни в какую болезнь не развивается.

— Почему? — глупо спросила я.

Март посмотрел на меня со снисходительным сочувствием.

— Не успевают. Люди тут сидят очень и очень недолго.

...Может, заключённых чем-то опаивают? Либо чтобы поверили во все эти бредни про казнь, либо — в том маразматическом случае, если всё это правда — чтобы воспринимали происходящее спокойно.

— Нас и правда собираются казнить? Это в порядке вещей? Тут, в Марге, я имею е

виду?

— В Магре? Не только, но да. Это распространённая практика. У нас строгие законы, — мне показалось, или в его голосе промелькнула гордость? Патриот-камикадзэ, чтоб его.

— А вы какой именно закон нарушили, простите за нескромный вопрос?

— Ну-у, скажем так — некачественно выполнил свою работу. Очень ответственную работу, от которой зависело душевное состояние его высочества Тиверна. Просто-напросто завалил.

— Никого не убили, не ограбили, не устроили заговор? — меня передёрнуло. — Да уж. Жестоко.

— Я знал, на что шёл. В случае успеха мог бы получить прекрасную должность и безбедную жизнь, но...

— Не повезло, — закончила я.

— Именно.

Что ж, понятно, что Март не хотел откровенничать с первой встречной — хотя ему должно быть всё равно.

— Как здесь организуют... казни?

— Откуда ж мне знать? Я буду там первый раз, — он удивился почти так же, как до этого — женщина, всадившая мужу нож в шею за плевков в суп. Какие здесь... нелюбопытные люди. Спокойные и нелюбопытные. А казни, можно сделать вывод, не публичные, и то хорошо. Не хотелось бы выступать на потеху публике.

Хотя хорошего, конечно, ничего нет.

Сосед широко зевнул и снова закашлялся, так, что побледнел ещё больше.

— Прошу прощения, лирта Камилла, продолжим разговор завтра?

— Конечно, — на автомате кивнула я. Неловко поднялась, обернулась — и застыла, глядя на жалко поднявшую лапки кверху слегка уже окоченевшую на вид крысу.

Тут не убирают.

Даже с учётом оставшихся пяти суток скоро подарочек от следователя, его внешний вид и запах доведут меня до психоза лучше любых пыток. Точнее, я-то не эти смирные психи, надеюсь, что черноволосый появится для разговора снова, и я сумею донести до него мысль о своей непричастности к тому, в чём меня обвиняют — что бы это ни было, но...

Как попытаться уснуть по соседству вот... с этим?!

— Что такое, лирта?

— Крыса, — пожаловалась я. — Мёртвая. Вон там.

— Ну и что? — Март вроде бы действительно не понял.

— Страшно. И противно, — буркнула я. Хоть и псих, а мужик до кончиков пальцев. Что поделаешь.

— Выбросите её в уборную.

— Чтобы её выбросить, надо её поднять. А я не могу взять её голыми руками! — зашипела я. — Не могу!

— О, Тирата! — Март прислонился лицом к решётке. — Отойдите в сторону, лирта.

Я послушно шагнула к стене, не понимая, что он задумал, постояла пару минут, разглядывая каменный полоток, испещрённый трещинами, пережила секундный приступ удушливой клаустрофобии, а потом опять посмотрела на безвольно лежащего грызуна.

Грызун дёрнул лапкой, я дёрнулась всеми нервными окончаниями. Померещилось?!

Нет, не померещилось. Безвольное тельце содрогнулось раз, другой, третий, потом с

усилием закачалось, перевернулось на живот и боком, неестественно подергиваясь, поползло в нашу с Мартом сторону.

Я подавила крик и стремительно метнулась в угол, а крыса, не обратив на меня никакого внимания, всё ползла и ползла, стараясь приподняться, и чем ближе она подбиралась к клетке Марта, тем увереннее становились её движения.

Так она была не мёртвая, просто... в обмороке, что ли?

Заклинатели крыс, твою ж дивизию. Один уронил в обморок, другой вывел оттуда, даже не прикасаясь. Не хватает только волшебной флейты.

Тем временем грызун дополз до клетки, с явным трудом и не с первой попытки просунулся между прутьями, Март безо всякого страха или отвращения поднял не сопротивляющуюся крысу за хвост — и та обмякла в его руках.

— Вы...? — "гипнотизёр" — хотела я сказать, но сказать снова не получилось. — Это дрессированная крыса? Ваша личная? Домашняя?

— Что? — рассеянно произнёс Март, небрежно помахивая своим трофеем, словно ребёнок машинкой на верёвочке. — А, нет, конечно. Обычная крыса. Кому надо их дрессировать, а тем более держать дома?! В подвалах, на складах, амбарах такого добра навалом.

— Но... — я отчего-то упорно продолжала безумный диалог, подходя ближе к прутьям. — Она же несколько часов пролежала, как мёртвая! А вы...

— Ну так она и была мёртвая, — Март сунул крысу чуть ли не мне в нос, на грязно-коричневом боку запеклась полоска бурой крови, остекленевшие глаза были совершенно неподвижны, и меня чуть не вырвало.

— Она не могла быть мёртвая, потому что она доползла до вас!

— Лирта Камилла, я, конечно, помню, про потерю памяти, но как-то это уже...

— Да как такое может быть?! — заорала я, испытывая непреодолимое желание выхватить несчастного зверька из рук очередного психа и судорожно ощупать со всех сторон в попытках обнаружить невидимые нити, механизмы, что угодно, что могло бы дать разумный ответ на вопрос о том, как мёртвое может двигаться, словно живое.

— Слышь, болезная, да не вопи ты, — послышался недовольный голос соседки слева. — Некромант он, вот и всё. Слабый и глупый. Только на крыс и горазд.

— Это почему ещё?! — возмутился сосед справа. — Да я почти был принят на должность королевского некроманта!

— Ну да, ну да! А где это видано, чтобы обладатели великого и почётного донума смертовластия сидели в темнице, словно...

— То, что вы, лирта, не давали собственному мужу, и он был вынужден...

— А ну заткнитесь, оба! — я затрясла головой, краем глаза отмечая бирюзовый оттенок собственных прядей. — Что это за дурдом, где я нахожусь?

— Винзор, — дружным хором отозвались сокамерники.

— Лечебница?

— Тюрьма.

— Тюрьма для сошедших с ума?

— Духом болезных? — озабоченно уточнила женщина. — А зачем им отдельная тюрьма?

Я села на пол и принялась хохотать, то и дело вытирая пот со лба, а соседи некоторое время скептически наблюдали за мной, а потом разошлись по своим углам. Истерика

схлынула сама собой.

Выпила воды из металлического кувшина, не особо заботясь о том, чистая она или нет, да что там — отравленная она или нет, вытащила из-под скамеечки со сложным названием свернутое в цилиндр, на удивление мягкое и тёплое одеяло, несколько раз встряхнула, пытаюсь понять, нет ли там дохлых-но-живых крыс или пауков, замоталась в кокон и уснула, всё еще всхлипывая и содрогаясь от недавнего приступа смеха.

Глава 9.

Утро началось с мучительных размышлений о мировой несправедливости. Потому что видение тюрьмы не рассеялось, соседи не перестали играть свой спектакль о приговорённых к смерти узниках королевской тюрьмы, мой завтрак снова представлял собой какие-то невразумительные и пресные варёные злаки, тогда как завтраком безумного соседа стал тот самый сочный стейк из моих безумных гастрономических фантазий. Я, полная решимости вообще не общаться после вчерашнего более чем жестокого и натуралистичного розыгрыша с крысой, сдалась позорно быстро, унюхав аппетитные запахи.

Какое всё-таки свинство! Если у нас тут буквально общие камеры, то хотя бы с едой могли не обделять.

— Почему вам дают мясо? Это связано с тем, что вы мужчина?

— Нет, — Март посмотрел на меня так, словно я у него снова беспардонно выпросила последний кусок, хотя он уже не предлагал. — Это связано с моим донумом. Обладатели донума постоянно нуждаются в мясной пище, тогда как у других людей нет такой необходимости, и они могут есть то, что захотят. Это право закреплено законодательно и признано одним из основных прав жителей Магра.

Ну надо же, смертные казни направо-налево раздают, зато в меню права человека соблюдают. Это даже трогательно. Небось еще прописана толщина и шелковистость верёвок для повешения — или что-то в этом роде.

— Что такое донум?

— Дар, способность, — недоумение и подозрительность потонули в очередном приступе кашля. — У меня, например, способности к некромантии, как вы смогли убедиться. У кого-то — к целительству, у кого-то — к выращиванию растений, у кого-то — к главенству над огненной стихией, у королевской династии фамильная способность взаимодействовать с водой и воздухом. Их, донумов, много. Вы тоже об этом забыли, лирта..?

— В некотором роде, — я выдохнула, набираясь решимости. — Это так, гм, удивительно, так поразительно, что... а могли бы вы продемонстрировать свои, несомненно, выдающиеся способности ещё раз?

— Как, лирта? Труп вчерашней крысы я выкинул в уборной, кто ж знал, что он вам ещё раз понадобится? Я за ним не полезу, и не просите. Если вы поймаете и убьёте ещё одну, тогда без проблем...

М-да, в логике ему не откажешь. Не подкопаешься.

— А у меня, выходит, донума нет?

— Откуда мне знать, лирта? Но, в действительности, то, что вам нравится моя еда, очень странно и скорее говорит в пользу того, что есть. Только люди обычно знают про свой донум. Очень редко дар открывается в зрелом возрасте, чаще всего — в годы отрочества.

Мне всего-то «две декады» лет, а это уже «зрелые годы»! Тьфу ты.

Волосы отрасли, фигура улучшилась, так ещё и магические способности. Впрочем, я

тоже полна талантами. Например, влипать в неприятности из-за неподходящих друзей...

— Вчера ко мне заходил, если не ошибаюсь, следователь. Вы слышали, о чём мы говорили?

— Лирта, — с откровенной жалостью говорит сосед, откидывая с лица темно-каштановые прядки волос. — Ну, подумайте сами, как я могу слышать разговор королевского следователя при исполнении?! Конечно, нет. Мы же не на рынке. Единственное, что я слышал — слова про пять дней, которые вам остались или что-то в этом роде.

— Но... — господи Боже, кажется, это называется газлайтинг? Я стала жертвой социально-психологического эксперимента, меня выбрали как среднестатистическую одинокую девицу, справившую совершеннолетие. А и правда, кто будет меня искать? Мать в другом городе, отец и бабушка на кладбище, тётка в Хорватии, мужа, хотя бы даже гражданского, друзей близких нет. Меня намеренно пытаются свести с ума. Разыгрывают представления, подселили рядом махровых безумцев... Я попаду в психушку, а кто-то защитит диссертацию. Сволочи. — Но он же стоял от вас в двух шагах и говорил в голос!

— Лирт Лигран поставил шумовой порог или какую-то одну из этих штучек, у них полно таких средств в арсенале. Я-то толком не знаю, при моих допросах особых вопросов не возникало, так что... но должны же быть какие-то магические спецсредства, на то это и королевская полиция!

— Магические, — кивнула я. — Конечно, конечно, должны быть, я понимаю, разные средства, штучки, да-да, должны быть. Вы только не нервничайте.

Кстати, неплохой довод в работе с психами. Ссылаешься на магию — и всё, никаких контраргументов быть не может. С волками жить — по-волчьи выть. С некромантией вообще здорово придумано — когда убитый муж дамы слева придёт её забирать, проблем не возникнет — она убила, а некроманты подняли.

— Кстати, Март, а вас-то за что посадили? Извините, если такие вещи спрашивать не принято, я тут в некотором смысле, первый раз. В тюрьме, то есть.

— О, — Март покосился на меня с ноткой недовольства, но всё же снизошёл до ответа. — У его королевского высочества лирта Тиверна был любимый питомец который соизволил крайне не вовремя издохнуть, — при упоминании "питомца" меня передёрнуло. — Ну и...

— Вы должны были его воскресить?

— Что-то вроде того. Разумеется, поднятые умертвия довольно сильно по всем параметрам отличаются от живых существ, это зависит от того, как... ну, неважно. Они уже никогда не будут чувствовать и вести себя как живые, однако ряд функций выполнять могут. Моя задача заключалась в том, чтобы его высочество не заметило пропажи, точнее изменений своего любимца в свой день рождения.

— А он, надо полагать, заметил, — я против воли посочувствовала бедолаге. Для него-то его бред был реальным.

— О, да, ещё как заметил, — горько подтвердил Март. — Весь дворец заметил, весь двор, трудно было не заметить такую подлую тварь. Зверь должен был смиренно спать весь день на своей лежанке, а вместо этого устроил форменный цирк, выл, как кварк в брачный период, расцарапал лицо королеве, отгрыз себе хвост и сбежал.

— Вы потеряли контроль? — ну, а что? Я два месяца педагогическую практику в школе проходила, я с шизоидами разговаривать умею.

Март наклонился к решётке, прижался к ней лицом, и я против воли тоже склонилась к

нему навстречу. Взгляд сам собой зацепился за тёмные ромбы на висках. Это вовсе не была татуировка или рисунок. Ромбы приподнимались над кожей, блестели, точно вплавленные в кожу... камни. Или всё-таки родимые пятна? Я еле сдержалась, чтобы не потрогать их рукой.

— Я не мог потерять контроль, лирта, это просто невысказано! Кто-то его перехватил! Кто-то желающий занять моё место или просто желающий мне зла!

О, а вот и теория заговора подъехала, вкупе с паранойей. Получите, распишитесь.

— Лирта Агнесса-Ренна, — дверь распахнулась, и на пороге возник... нет, вовсе не санитар, точнее, санитар, зачем-то косплеивший тюремного стражника. — Пройдите на допрос.

Я неловко кивнула отчего-то вмиг насупившемуся некроманту, перешагнула через поднос с несъеденной вязкой остывшей кашей и пошла, стараясь не переходить на бег с подпрыгиваниями.

Наконец-то, наконец-то визит к главврачу. Сейчас всё выяснится и меня освободят. Господи, скорее бы, скорее бы на свободу!

Глава 10.

Никаких наручников так и не надели, просто за мной и передо мной угрюмо следовали два здоровенных мужика, каждый выше меня на голову и раза в полтора шире в плечах, в тёмной форме, чем-то смахивающей на военную — синяя плотная ткань типа сукна, стоячие воротнички, металлические пуговицы, какие-то головные уборы, вроде высоких кепок без козырька. Больница-темница оказалась весьма приличных размеров — мы шли и шли по коридорам, испещрённым трещинами дверей, а они всё не заканчивались и не заканчивались, и по дороге нам больше ни одна живая душа не встретила.

...может быть, баба Валя на самом деле работала в молодости на КГБ? Или шпионила на ЦРУ, ФБР, Моссад или что-то в этом роде? Подумав, что на старости лет можно ничего не опасаться, она сбегает в свою родную страну или просто на волю, но именно в этот момент её убийственными секретам заинтересовалась ФСБ. А тут как раз я, такая непростая такая подозрительная, появляюсь в её квартире...

Коридор закончился внезапно. Представшие моим глазам стена и дверь были отделаны тёмно-красным деревом и не лишены некоторого изящества, правда, несколько неуместного среди царящей атмосферы нацистского лагеря, из которой, впрочем, слегка выбивались роскошный ужин Марта и замечательное одеяло, благодаря которому я не околела за ночь на каменном полу. Впрочем, камень был, вероятно, с каким-то подогревом, по идее, должно было быть куда холоднее — этаким современным гуманным нацистским лагерем, трепетно заботящимся о соблюдении прав заключённых перед отправкой в газовую камеру.

Санитары в военной форме встали по обе стороны двери, словно часовые, а потом один из них постучал сухим уверенным стуком: тук, тук-тук, тук. Простенький какой-то пароль, что и говорить. Дверь отошла в сторону, будто у шкафа-купе, я вопросительно посмотрела на вытянувшихся в струнку стражей, пожала плечами и вошла.

На кабинет главврача открывшееся моим глазам помещение не очень-то походило. Впрочем, на генеральский кабинет главы службы безопасности — тоже. Комната оказалась почти пустой, посередине стоял деревянный стол, некрашенный, неприятно шершавый на вид, почему-то пятиугольной формы, к каждой из сторон был приставлен стул. На одной из пустых стен висела белая безголовая шкура, раскинутая во все стороны четыре когтистые лапы.

Я постояла, потом не выдержала и присела на один из стульев. Стул нервно скрипнул, захотелось резко встать, но я сдержалась. Если уж у них тут такие хлипкие стулья, это их проблемы. В конце концов, раз уж не имеет смысла лечить больного перед казнью, то и штрафовать за испорченную мебель однозначно бессмысленно.

— Лирта Агнесса, — услышала я за спиной глубокий голос, такой глубокий и низкий, что ожидала увидеть эдакого медведя, двухметрового гиганта с мощной квадратной челюстью. А увидела всего-навсего обычного мужчину, среднего роста и комплекции, с лицом немолодым, но гладким, без каких-либо морщин и отвисших складок, с тёмными и одновременно очень яркими глазами, лишёнными старческой мутности. В принципе, совершенно обычного человека, если бы не фиолетовое бесформенное одеяние, буквально ниспадавшее с его плеч до пола, и длинные, как у Гэндальфа, волосы. Сиреневые, как... как цветки сирени, чтоб их!

И брови, густые брови тоже были сиреневыми!

Я не смогла удержать нервный смех, представив сиреневые волосатые подмышки и всё такое остальное, гламурненькое и кокетливое.

В шестнадцать лет панк, в двадцать шесть панкреатит, а в шестьдесят шесть хоба — маразм, и ты снова панк...

Что ж, если у них тут напрочь отсутствует дресс-код, почему бы и нет? Трудно на такой работе не поддаваться влиянию окружающих...

Я упорно убеждала себя в том, что всё ещё может получить какое-то нормальное объяснение, но честно говоря... честно говоря, надежды на это у меня почти не осталось.

Да не может быть этого всего, перебор, перебор! Будь это всё розыгрышем или галлюцинацией, или экспериментом, действие уже развивалось бы, но нет — всё слишком затянулось. Было слишком детальным, подробным, осязаемым. Слишком настоящим. И хотя смысла происходящего понять я никак не могла, он наверняка был. Сейчас, сидя за столом, больше подходящим для сеансов экзорцизма, нежели для допросов и всяческих нормальных бесед, я молча смотрела на странного гостя, точнее, хозяина — невозмутимого, ненаигранно спокойного, уверенного в себе до кончиков этих экстравагантных анимешных волос. Если всё это актёрская игра, то фильм тянет на "Оскар".

Что-то царапнулось внутри, почему-то дикий цвет скорее настораживал, чем раздражал или смешил, надо подумать, надо вспомнить, почему...

— Лирта Агнесса? — очень спокойно повторил мужчина, а я с дёрнулась к нему с невероятной надеждой:

— Послушайте, вы ошиблись, меня зовут Камилла, вы перепутали! Я не та, кто вам нужен! Меня зовут Русланова Камилла, я...

— Лирта, присядьте, — на мои слова он ни малейшего внимания не обратил. — Я хочу предложить вам сделку.

— Сделку?

— Именно. Вы понимаете, не можете не понимать, какие огромные возможности у меня есть. И при этом понимаете, что после содеянного в покое вас не оставят. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Но мне ваша смерть не интересна, лично мне она ничего даст. Я даже забуду о лирте Сириш и лично улажу дела с её безутешными родственниками, требующими отмщения. Мне нужен только фелинос. Я могу предоставить вам укрытие и дать возможность новой жизни.

— Новая жизнь — звучит заманчиво, — осторожно сказала я.

— В вашем положении, лирта, слово "жизнь" само по себе должно быть восхитительной музыкой. Вы же не безумны, лирта. Вы молоды. Вы должны хотеть жить.

...вообще-то, предполагалось, что это я буду уверять остальных в собственной нормальности.

— Как я могу к вам обращаться?

Он постучал пальцами по столу.

— Мне говорили, что вы симулируете потерю памяти. Но третий раз за д полторы декады, лирта, помилуйте... Любому терпению придёт конец.

— Пожалуйста, — тихо сказала я, ощущая нестерпимо желание постыдно разрыдаться — и при этом полное отсутствие слёз в глазах. — Я готова сотрудничать, я готова обсудить сделку, но, пожалуйста, расскажите мне, что вы от меня хотите? Так, как будто вы мне поверили. Пожалуйста.

— Лирта Агнесса, я не люблю жестоких методов, но ещё больше я не люблю, когда кто-то пытается во что-то со мной играть. Поэтому вы просто рассказываете мне, где фелинос. Прямо сейчас. Без условий.

— Я не могу рассказать о том, о чём... — начала было я, и тут произошло...

Странное?

Слово «странное» даже близко не отражало суть происходящего.

Глава 11.

Мои руки, сжатые в почти молитвенной позе над столом вдруг ожили, словно две змеи, выросшие из моих же плечей. Тёмные ногти, те самые, без маникюра, неровно обкусанные, оказались вдруг неожиданно острыми и длинными, и этими самыми ногтями правой руки я впиалась в собственную левую, разрезая кожу, как полиэтиленовый пакет.

Ничего, ничего я не могла поделаться. Боль ощущалась в полной мере, но конечности меня не слушались, левая рука, окровавленная, расплосованная висела безвольной плетью, а правая царапалась, будто лапа остервенелого хищника, по чистому недоразумению пришитая к человеческому телу. Я вскочила, роняя стул, чудом удержалась на ногах, впечаталась спиной в стену.

— Где он, лирта?

Рука — не знала, что могу быть настолько сильной — сдавила шею, пальцы медленно переползли на лицо, ноготь, острый, как острие ножа, упёрся в веко.

— Лирта, верните то, что вам не принадлежит. Иначе потеряете даже то, что ваше по праву рождения. Ну же, лирта...

...Да уж, наручники им тут действительно не нужны.

Не знаю, как бы я поступила, если бы на кону стояла бы, скажем, жизнь близкого человека. Просто чья-нибудь жизнь. Если бы мне действительно надо было бы хранить некий важный секрет.

Но вот так погибать, даже не зная, за что?!

Кажется, я орала, визжала и пыталась безуспешно брыкаться, пинаться, бодаться... кажется, я готова была в ногах валяться у этого мультяшного дядечки, рассказать ему всё, всё самое тайное и постыдное, что было в моей короткой жизни. Отсутствие контроля над собой было страшнее замкнутого пространства, страшнее высоты. И при этом тело оставалось моим, я чувствовала боль, напряжение, натяжение каждой мышцы — вот только управлять не могла. Нет уж, лучше любые жуткие монстры из ужастиков, лучше призраки и даже зомбикрысы!

Кажется, дядечка в итоге устал — или успел соскучиться.

В итоге мои руки, окровавленные, трясущиеся от усталости, схватили один из довольно тяжёлых деревянных стульев и подняли его над головой. Да, сознательные импульсы посылала не я, но мышцы-то были мои, точнее, тела, которое на данный момент было моим, так что спустя несколько минут пребывания в этой статичной позе я тряслась, как стиральная машинка на отжиме.

— Что ж, давай поговорим, Агнесса, — неожиданно доброжелательным тоном произнёс мужчина. — Можешь обращаться ко мне «лирт Веритос». Я один из верховных жрецов божества Тираты, единой и неразделимой. Тирата милосердна, премудра и всесильна, но она владеет бесконечными мирадами миров, так что её вмешательство в существование нашего на настоящий момент ограничено рамками случайных неподвластных контролю чудес и событий. Так что в её отсутствие мы должны поддерживать заведённый великой Тиратой порядок во имя мира и благополучия созданных по её образу и подобию разумных существ.

Если бы у меня была бы хоть капелька сил, я бы фыркала уже от смеха. Надо же, нет ничего нового под солнцем. Какой здравомыслящий жрец мне попался. Впрочем, в моей ситуации и не знаешь, что предпочтительнее: фанатик, верящий в то, что божественные силы со всем разберутся сами, или вот такой принципиальный и вполне рациональный тип с ошеломительными способностями к мегагипнозу.

Экстрасенс? Настоящий? Маг? И тот некромант, Март, выходит, тоже?

И что будет, когда мои руки все же не выдержат? Стул рухнет на голову? Это в лучшем случае...

— Не имея возможности постоянно находиться рядом со своими детьми, Тирата оставила наместников, справедливо и благоразумно разделив власть над миром материальным и духовным, наделив тех, кто представляет её в этом мире, особыми донумами. Мы, жрецы, наставляем души и можем управлять телами непослушной, потерявшей в паутине пороков и лжи паствы. Соответственно, те, в ком проснулся соответствующий дар, пополняют наши ряды. Королевская династия так же получила свой особый донум, передающийся по наследству и позволяющий усмирять буйствующую в Триаду ветров и дождей стихию. Поскольку в руках короля и его семьи оказалась огромная власть, в разы превосходящая власть жрецов, Тирата позаботилась о том, чтобы он не мог злоупотреблять этой властью, ибо мы не более чем смертные и слабые дети великой и мудрой богини. Каждый новый наследник трона по достижении семилетнего возраста в праздник Венуты подтверждает своё право на престол с помощью определённой реликвии, о которой знают только представители королевской семьи. И мы. На настоящий момент — я.

Эту реликвию вы украли, лирта. Её нужно вернуть в целостности и сохранности до наступления Венуты, иначе Магр погрузится в междоусобную кровавую войну, неуспокоенные стихии в Триаду разнесут нашу страну, а проклятие Единой падет на наши головы на десятки лет. Вам понятно, лирта?

Я едва успела отклонить голову, стул с грохотом выпал из окоченевших пальцев и упал на пол.

— Подумайте, — великодушно заключил Веритос. — У вас осталось четверо суток. Мне нужен фегинос.

— Вам или всё-таки королю? — язык едва ворочался во рту.

В то же мгновение контроль над телом ко мне вернулся. Руки, ослабевшие, гудящие,

ноющие, казались чуть ли не предателями — глупое чувство, тошнотворное ощущение.

— Скажем так, дорогая Агнесса. Фелинос нужен Магру. Но в ваших интересах сделать так, чтобы сведения о нём оказались у меня раньше, чем у... Мне нет нужды вам мстить. Вы не будете мне опасны, хотя, разумеется, вам придётся уехать и официально умереть для всего остального мира.

— Кто я? Скажите мне, кто я и где я нахожусь!

— Ну, если вы так настаиваете... Сколько время ни тянуть, а четверо суток в декаду не превратятся.

Лирта Агнесса-Ренна, это ваше имя. Вам две декады с лишним лет, незамужняя девица, жившая с матерью в Магристе, столице Магра. Ваша мать содержит лавку различных трав и снадобий от простых хворей и недугов, а вы с малых лет помогали ей. До того, как очутились здесь. Вероятно, посещали какую-то школу, ваше детство меня, признаться, мало интересовало.

— Как могла простая лавочница украсть реликвию государственного значения, о которой практически никто не знает?

— Нам это до конца неизвестно, дорогая лирта. Ваша мать, ваши соседи, постоянные клиенты ничего не знают о том, где и с кем вы встречались за пределами лавки. Вы столь нелюбезно не сообщили нам ни о мотивах, ни о способах осуществления своего коварного замысла. Впрочем, не буду делать акцент на коварстве — не исключено, что вас обманули, запугали, подкупили... Очевидно, у вас имелся сообщник, но кто он, мы так и не выяснили — вы столь благородно не выдавали нам его имя. Возможно, вы его боитесь. Возможно — любите. Но он не боится и не любит вас, лирта. Он оставил вас умирать здесь.

— Может быть, лирта Агнесса вообще не совершала никакой кражи? Её попросту подставили и...

Мужчина постучал по столу кончиками пальцев, потеревил свою гламурно сиреневую прядь волос, взглянул на меня.

— Есть несколько деталей, лирта. Фелинос содержится, точнее, содержался при Центральном храме Единой в Магристе. Десять служителей денно и ночью следят за ним, по двое, сменяя друг друга раз в сутки, один служитель назначается от храма, один выбирается Его Величеством, по понятным для такой умной, хотя и малообразованной лирты мотивам. В ту ночь, когда реликвия исчезла, порядок был тот же.

Он посмотрел на меня с ласковой улыбкой дедушки Мороза, загадывающего великовозрастному оболтусу загадку про "зимой и летом одним цветом". Я сжала под мышками трясущиеся кисти рук и задумалась. В детективных загадках сильна никогда не была, особенно с учётом пережитого стресса, особенно с учётом магической составляющей. Скажу: а как же я туда попала? А он мне: так сквозь стены прошли, милая, есть у необразованных лавочниц такой особый донум — сквозь стены ходить!

— У меня есть донум?

— Донум — дар Единой, лирта. Единая не ставит печать на лбу одарённого её милостью, к моему величайшему прискорбию. У вас его нет, по словам вашей матери и соседей — донум, как правило, проявляется в детском возрасте. Обычно никто не скрывает такое преимущество, им гордятся, особенно когда речь идёт о детях, но случается всякое.

Кажется, жрец расслабился и окончательно перестал пытаться меня запугать, словно разговор начал приносить ему некое извращённое удовольствие. Меня же продолжало трясти мелкой дрожью, хотелось пить, а больше всего — лечь, свернувшись в калачик, но...

пока ему интересно, свой садистский фокус с руками он повторять не будет.

— Как происходит смена караула? — спросила я.

Лирт Веритос довольно улыбнулся.

— В этом заключался наиболее уязвимый момент охраны, лирта, и, разумеется, им вы и воспользовались. Служители короны приезжают к храму извне. Служители Единой в свою очередь постоянно живут в небольшом флигеле при храме. Согласно нашим правилам, совместная жизнь не должна мешать внутреннему сосредоточению и молитвам, и вы умудрились остаться незамеченной.

— Непыльная работёнка, — добавила я. — Сутки через пять, охранять реликвию, на которую долгие годы, вероятно, никто не покушался.

— Долгие годы, — согласился жрец. — Но вы же сами просили подробный рассказ, не перебивайте. Королевский служитель прибыл извне, служительница зашла изнутри, по внутреннему коридору...

— Служительница? — изумилась я. — Женщина?!

— Что вас так удивляет? — жрец в свою очередь посмотрел на меня. — Мужчины и женщины равно служат Единой, как Стилос и Луава равным образом делят небесный свод.

— Но... — я растерялась. — Вы же говорили об охране, и я подумала ...

— Лирта, — жрец поднялся, опёрся руками о край стола, его голос приобрёл обманчиво-вкрадчивую мягкость. — Лирта, вы пробрались во внутренний флигель храма, убили одну из служительниц, сбросили её тело в колодец, переоделись в её одежду, после чего дождались своей очереди служения, проникли в храм, убили второго служителя, точнее, думали, что убили, и передали фелиноса своему сообщнику. Но к вашему несчастью королевский служитель оказался жив, он сумел обезвредить вас и передать в руки закона, то есть королевской полиции. К моему величайшему сожалению.

— Почему к сожалению? — рот словно камнями набили. Боже, я ещё и хладнокровная убийца. Точнее, не я, а та я, чью роль я сейчас вынуждена играть. Не я! Однако зверски допрашивать и казнить-то будут именно меня!

— Потому что попади вы ко мне сразу, фелинос был бы уже здесь! — фиолетовые, в цвет волос, но гораздо более тёмные глаза фанатично вспыхнули. — Вы рассказали бы мне всё сразу, ваш сообщник уже был бы найден! Но эти идиоты на службе мурыжили вас сами полторы декады, никому не сообщая о произошедшем — и в итоге не добились ничего. А теперь... что вы с собой сделали? Кто вас научил так работать с собственной памятью? Добровольно и моментально, а главное, выборочно. Ведь сейчас вы действительно как будто ничего не помните, верно?

Моего ответа не требовалось.

— Что ж, лирта, надеюсь, я заронил в вашей хорошенькой головке какие-то сомнения и мысли. Мне нужен результат, не больше. А вам?

— Хочу мяса, — неожиданно для себя пожаловалась я. — Сил нет есть эту безвкусную траву.

— Вы меня дразните, лирта? Закрылись и знаете, что я могу разрезать вас на лоскуты, но не буду этого делать, пока не получу ответы на свои вопросы, — лирт Веритос опустился на соседний стул, а моё тело вновь оживило, потащило меня вниз, и я распласталась по полу, уткнувшись лбом в носки сапог служителя, сшитые из кусков коричневой кожи, мягкой даже на вид,

— Мяса требует магия, лирта, пробуждающаяся или пробудившаяся внутри вас, а вовсе

не ваше тело. Можете продолжать строить из себя беспамятную или безумную, мне в сущности всё равно. А ваше тело будет требовать исключительно пощады, и, в отличие от мяса, безрезультатно. Думайте до послезавтра, лирта. Сегодня я был предупредителен и вежлив, а через пару дней вы будете есть своё собственное мясо, причём сырым. Всего доброго.

...Март подозрительно косился на меня, но его попытки завязать разговор я проигнорировала. И мясное рагу, принесённое на обед, игнорировала тоже... правда, минут десять, не больше — организм бунтовал и кричал, что неведомой магии в нём по горло, и магия отчаянно хочет жрать, а голодовка ничему не поможет. И в этом был свой резон.

Спустя ещё какое-то время в камере слева послышался шум, и я, стряхнув оцепенение, бросилась к разделяющей нас стене из прутьев, чтобы увидеть, как двое молчаливых стражей в синей форме выводят мою безучастную к происходящему соседку, чьё имя я так и не узнала. Чуть позже новый безликий слуга заменил в её камере одеяло под скамейкой для молитв и металлическую кружку на новые.

Ужинать я не стала.

Глава 12.

На следующий день чуда опять-таки не произошло, соседка не вернулась, и я не вернулась в свой нормальный цивилизованный мир тоже. Март впервые стал проявлять признаки беспокойства — ну, наконец-то хоть что-то человеческое в нём проснулось. А вот меня от настоящих переживаний словно отделяла пелена равнодушия, усталости и острого... недоумения. Что произошло? И что с этим делать?

Прошло уже два дня этой новой жизни, которую, с одной стороны, хотелось... жить. Пытаться выбраться отсюда, разобраться, кто я на самом деле и как здесь очутилась. Наслаждаться вкусом еды, на самом деле очень даже аппетитной. Вымыться и переодеться — хотя волосы вели себя на удивление прилично и в кои-то веки не напоминали жирные сосульки... Впрочем — это же не совсем мои волосы.

Да, нужно хотя бы в зеркало себя увидеть!

А с другой стороны, было тоскливо, страшно и хотелось просто свернуться в комочек, накрыться одеялом, а проснуться дома, в своей привычной, устоявшейся и стабильной реальности. С волосами-сосулками, сколотым передним зубом, шрамами от собачьих укусов на пальцах и всем прочим, без оживших дохлых крыс, жрецов неведомых богов, расцарапывающих друг друга рук... Я потёрла запёкшиеся под длинными рукавами хламиды царапины. Честно говоря, неплохо было бы и подлечить — но, как и непрерывно кашляющему в своём уголке Марту, целителя мне явно не полагалось. Пять дней до казни протяну — и ладно.

А вдруг я тоже что-то такое умею?

Магия.

Волшебство.

Сказка.

Страшноватая сказка, но всё-таки...

Я посмотрела на свои царапины, неловко поводила над раненой рукой здоровой. Зажмурилась, попыталась ощутить тепло или покалывание, представляя здоровую ровную кожу. Подсознание не слушалось и ехидно подсовывало кадры кожи, напротив, шрамами обезображенной — незадолго перед явлением Людки с её чёртовым котом я как раз включила фонем телевизор и прослушала передачу о шрамировании. А вдруг магия

сработает от противного? Да ну нафиг.

Так же безуспешно я попыталась подвигать взглядом, а затем пассами рук скамеечку, поджечь её же, разметать пыль на полу, пройти сквозь стену — Март делал вид, что смотрит в потолок, но у него это плохо удавалось, выдавали несколько квадратные глаза. Попыталась читать его мысли — мысли не читались, или их и вовсе не было в этой безмозглой вихрастой голове, прутья камеры-клетки не плавилась, что там ещё?

Возможно, я просто нуждаюсь в гемоглобине и животном белке для снятия стресса, а донума у меня, родившейся в мире техники, скуки и скепсиса, конечно же, нет.

А жаль.

Я ожидала явления черноволосого красавца — ну, не может же он — и королевская власть, за его спиной стоящая — так просто сдаться. Хотя, похоже, налицо конфликт интересов двух группировок, и утерянную реликвию не просто хотят вернуть, а планируют разыграть между светской и церковной сторонами, как особо ценную карту. Фелинос! Знать бы, что это такое и с чем его едят. Небось, камушек какой-нибудь. Или перстень. Или венец на голову. Или ночной горшок.

Ладно, чего гадать.

Но когда же, когда же придут снова меня допрашивать? И знает ли лирт Лигран о зверских методов допроса жрецов? И может ли повлиять в нужную для меня сторону..? И почему сам их не применяет, неужто и впрямь такая гуманная страна?

Односторонне гуманная.

Раздался тихий скрип двери, прозвучавший ошеломительно громко в общей тишине, лишь изредка прерываемой покашливанием Марта и его шебуршаниями в одеяле — то есть, мне хотелось бы верить, что это шебуршал именно Март, а не очередная крыса или моя развивающаяся шизофрения. Но — как ни странно, дверь открылась не у меня, а как раз-таки у соседа. Я повернула голову на звук и увидела не стражника, не следователя или жреца, а тоненькую фигурку — в длинном тёмном платье простого и одновременно незнакомого покроя, аккуратной высокой причёской и бледным встревоженным лицом. Такая нормальная гражданская девушка — достойная жительница неведомого пока что Магра.

— Март! — она подбежала к молодому человеку, упала перед ним на колени, обнимая и целуя то в лоб, то в макушку. — Мартен!

— Ильяна, ты как... что... откуда... — активно обнимаемому и обцеловываемому соседу не удавалось вставить и слова, наконец, он решительно потрянул посетительницу за плечи, не удивлюсь, если девушка при этом что-нибудь себе прикусила. — Да стой же! Подожди ты! Как ты сюда попала?!

— Март, ты как? — не слушая его, причитала девушка сдавленным шепотом с вкраплениями подступающих рыданий. — Что они с тобой сделали?!

Мда, у меня на родине трепетные девицы приговорённых к высшей мере наказания обычно не получают доступ непосредственно "к телу" в камеру, а тут, если помимо приличной еды еще и родных и близких пускают... реально гуманные условия. Не хватает только уборщицы, кровати и ванны, а так...

— Ты как сюда попала и зачем пришла, ненормальная?! — сердито шипел некромант. — Отвечай немедленно! И уходи! Немедленно уходи!

Глаза девушки, большие и такие же необыкновенно яркие, как и у остальных, воровато забегали из стороны в сторону.

— Я... договорилась.

— С кем ты договорилась?! Какую цену с тебя потребовали? Ты дом продала?! Мебель? Ты... ты что вообще вытворила?

Теперь глаза юной невесты — или уже жены? — наполнились слезами.

— Ты мой единственный брат, — ага, с невестой, а тем более женой я промахнулась, — Мне ничего ради тебя не жаль! Да не продавала я дом, Март, послушай! — она потащила его к стене, подальше от меня, зашептала в ухо, но отдельные обрывки фраз упрямо до меня долетали. Наверное, шептать так, чтобы слышал только адресат — отдельное искусство.

Девушка им не владела.

— Нельзя сдаваться, нельзя, слышишь меня, хороший мой, нельзя опускать руки! Только не ты, только не так! Нам помогут, слышишь, обязательно помогут, лирт... он просил никому не называть его имени, он обещал помочь... что-нибудь придумаю, обязательно, ну и что, что Винзор! И королевскую сокровищницу раз в десять декад кто-нибудь грабит!

"И даже не кто-нибудь, а, например, я!"

— Не ввязывайся в это, Ильяна, будешь по соседству сидеть, а ты молодая, красивая, ты жить должна!

Они немного попрепирались, кто кого сильнее любит и кто больше заслуживает счастья, при этом девушка упорно отказывалась признаться, чем она заплатила в обмен на возможность навестить в тюрьме приговоренного к смерти брата, а Март уверял, что спасти его совершенно не надо, ему и так прекрасно, а что в храме Тираты узников Винзора готовы проводить к богине с первого же дня заключения, отпеть грешную душу, так сказать, — это чистая традиция, не о чем и говорить.

— Послезавтра или через два дня, готовься, — шепнула напоследок темноглазая Ильяна, исчезая за каменной дверью, а Март опустил на пол и судорожно раскашлялся — при сестре он себе этого не позволил. Мне неожиданно стало жаль его гораздо больше, чем себя. Со мной, а точнее, с лиртой Агнессой-Ренной, история мутная, неприятная — если не врут, там и убийство, и ограбление, а вот бедолага, неверно починивший сломанную куклу наследника Тутти...

Я предпочла не задумываться об оживлении мёртвых животных. Может, это фокус такой, гипноз, может, жрец тот тоже знатный гипнотизёр и не больше.

— А вдруг она действительно сможет помочь, — примирительно сказала я, вплотную подходя к решётке. Некромант поднял бледное, чуть блестящее от пота лицо, и уставился на меня.

— Лирта, вы хоть понимаете, как и с помощью чего может добиться желаемого небогатая молодая и незамужняя лирта? И к чему в итоге это её приведёт?! В Винзор попасть, это вам не шутки.

Увы, очень даже хорошо понимала, и посочувствовала заботливому брату вдвойне.

— А ваши родители..?

— Умерли, — отрывисто произнёс он, а потом вскочил, уткнулся лицом в прутья, схватил меня за руки. Против ожидания его кожа была тёплой, рукопожатие крепким, и мне вдруг стало... так хорошо. Спокойно.

Чёрные ромбовидные камни в висках блеснули.

— Она предлагает бежать! Вы же всё слышали, так? Из Винзора, лирта! Отсюда никто еще не сбежал! Глупая сумасбродная девчонка.

Тёплые пальцы, сильные, вдруг погладили мои, мягко, почти ласково, и я, злясь на себя за неуместное смущение, опустила глаза.

Ногти у него, как и у меня, тоже были тёмные.

— Я... я так боюсь за неё, она такая отчаянная и наивная, и...

Март замолчал, коснувшись моих подсыхающих царапин, осторожно оголил предплечье.

— Это что такое, лирта?!

— Прогрессивные методы допроса местной жреческой касты, — хмыкнула я, злясь еще больше. О свободе думать надо, а не о глупом заигрывании на пороге смерти неизвестно с кем!

— Если вдруг... — совершенно другим, сухим и деловым голосом произнёс Мартен. — Если вдруг у Ильяны что-нибудь действительно получится, если... если она успеет, или что-то ещё такое произойдёт, вы... Вы пойдёте с нами, лирта?

— Пойду, — отчего-то я улыбаюсь, хотя на самом деле хочется плакать. — Если сама вдруг придумаю, как сбежать, тоже вас с собой заберу, Март.

Мы будто дети, играющие в дружбу в нацистском лагере на пороге газовой камеры.

Я смотрю в его глаза, безнадежно пытаюсь рассмотреть своё отражение. Но вижу там только тьму — и крохотные блестящие искорки в ней, словно осколки разбитой звезды.

Глава 13.

Мне снится сон. Очень отчетливый, детальный, удивительно яркий сон. Здесь, в Магре, даже сновидения другого качества, будто раскрашенные звонкой детской гуашью, тогда как в моём мире были сплошь черно-белые мятые раскраски.

Героиней сна была, безусловно, я, но ощущение такое, будто одновременно наблюдаю за всем со стороны.

Старенький двухэтажный деревянный домик со светлой черепичной крышей. На втором этаже мы живём, на первом — работаем. Удобно! Мать настаивает на том, чтобы я ходила в школу, учила грамоту, счёт и всё такое, а я бы сутками сидела дома.

Здесь тихо, немного пыльно и чудесно пахнет сушёными травами. Мать, с самым серьёзным видом стоящая над котлом, напоминает лесную драу. Во времена, когда Тирата еще не была повсеместно признана Единой и Единственной, считалось, что в мире есть множество богов и духов. Вот тогда люди верили в драй, крайфов и стиров, но сейчас это всё — детские сказки.

А я уже взрослая. Ну, почти. Растения ценятся в нашем мире, а мы с матушкой точно знаем, какое какую пользу приносит и как его правильно приготовить, умеем об этом рассказать, и наша лавка любима среди тех, чья хворь не так уж опасна, и кому не по карману визит к самодовольным и дорогостоящим магристским целителям.

Но этот высокий молодой человек, кажется, ничем не боится. Его длинные волосы убраны в хвост, тёмные глаза очень серьёзны. Мама говорит, что он студент и много учится, устаёт.

К нам он частенько приходит за травяным чаем, восстанавливающим силы. Я такой уже умею заваривать сама. Иногда, чтобы он не ждал долго и не уставал ещё больше, я делаю так, чтобы вода закипела немножечко быстрее.

Сидя на табурете за небольшим круглым столиком в углу лавки, молодой лирт молча пьёт заваренный мною и поданный мною же чай, а уходя, как-то смущённо и торопливо, тайком оставляет на блюде горсть медовых орешков.

...это очень хороший сон. Жаль, что он так редко мне снится.

* * *

Черноволосый лирт Лигран смотрит на меня, а я смотрю на него. Впрочем, в его глазах я тоже почти не отражаюсь.

— Как поживает ваша память, лирта?

«Её существенно освежили» — хочется мне сказать, сказать, а потом пожаловаться, капризно надуть подрагивающие губы, поднакопить слёз в глазах и молитвенно сложить на груди руки, делая вид жалобный и несчастный, но одновременно благородный и возвышенный, как у девы Марии с картин эпохи Возрождения. Честно сказать, сама я никогда такими уловками не промышляла, но вот злополучная Людка, чтоб её черти в аду поджарили, как следует, а потом слопали — та знала в этом толк.

Судя по всему, Агнесса, убийца и воровка, тоже подобным не брезговала.

— Местами возвращается, но ей требуется помощь, лирт.

Мне показалось, или в его взгляде мелькнуло разочарование?

— Деньги с собой к Тирате не возьмёшь.

— Мне не нужны деньги!

Ну, так-то нужны, конечно. Но сначала свобода. И жизнь. И возвращение назад.

— У вас есть совсем немного времени, лирта, — глаза Лиграна смотрели на меня холодно и устало, словно его, такую важную фигуру, королевского следователя, силой принудили выполнять скучную и неприятную работу, как, например, убирать голыми руками общественные уборные или, скажем, беседовать с приговорёнными к смерти непосредственно перед казнью. Полог тишины и невидимости — искрящаяся прозрачная полусфера — накрывает нас с ним, отрезая от остального мира.

— Лирта, Его величество разгневан кражей фелиноса, но если вы вернёте реликвию в целостности и сохранности, если вы признаетесь в содеянном и верно укажете место её нахождения или назовёте того, кто помогал вам, то сможете ходатайствовать о помиловании и...

Я не слушала его речей, словно оглохла. И просто смотрела на него — очень красивого, неуместно красивого человека, какое же эстетическое удовольствие разглядывать его и ни о чём не думать. Просто картинка.

— Вы меня слышите, лирта? Агнесса?

Чужое имя.

Чужая вина.

Чужой мужчина.

Чужая украденная жизнь, чужая украденная смерть.

— Мне нужно... — хрипло говорю я, с трудом глотая кровавую слюну, скопившуюся во рту. — Нужно...

Я хочу сказать «зеркало» — и не могу. Слово не выговаривается, не произносится, словно натывается на невидимую преграду. Именно это слово! Почему?! Как так?

— Что? — переспрашивает Лигран, его взгляд впивается в меня, как острие, он словно чувствует какой-то подвох, но не может его уловить.

— То, в чём я могу себя увидеть, увидеть то, как я выгляжу. Пожалуйста. Я хочу увидеть себя. Я хочу себя увидеть!

Он смотрит на меня, словно дырку просверлить хочет. Потом медленно кивает и выходит, полог неохотно, с едва слышным хлопком выпускает его. Возвращается быстро, и в руках держит нарисованный красками портрет девушки на белом фоне. На мгновение хочется расхохотаться — может, у них есть галерея смертников? Можно неплохо заработать

и развлечь народ, организовывая выставки и рассказывая историю магрских преступлений.

— Это вы, Агнесса. Смотрите.

И я смотрю.

Сначала недоверчиво, скептически, потом — жадно, вглядываясь в каждую деталь, каждую мелочь — впрочем, на мелочи художник оказался скуп. И всё же портрет вполне узнаваем. И девушка, изображённая на нём, очень на меня похожа.

И всё-таки это не я.

У неё красивое, пожалуй, лицо, чуть более раскосые большие глаза — тёмные, как у всех здесь, а мои были серо-голубыми. Белая кожа, серьезное, с вызовом, выражение на скуластом лице. Волосы — чёрные с бирюзой. Цвета длинных прядей переплетаются так естественно, даже в тёмных аккуратных бровях, густых ресницах мелькают бирюзовые нити. В целом она красивее, сильнее, в ней больше жизни, больше страсти, по сравнению с ней я — никакая, стёртая тень.

...Неужели они не видят, что это не я?

— Лирт Лигран, — я придвигаюсь ближе, сжимаю его предплечья, сильные мускулистые руки, и лицо мужчины словно каменеет. — Это ошибка. Эта женщина — не я! Меня зовут Камилла, я родилась в другом мире, я не знаю, как оказалась здесь, я не убивала ту служительницу храма, которую нашли в колодце, и ничего не крада! Мне не нужен ваш фегинос, я даже не представляю, что это такое, вы же маги, отправьте меня домой, я не она!

— Какая жалость, — проговорил лирт, теперь уже его руки перехватили мои, стальная хватка, не вырваться. — Какая жалость, что смерть заберёт такое прекрасное, молодое и нежное тело, — он толчком притянул меня к себе, поставил перед собой. — Прекрасная юная лирта, которая могла бы прожить долгую, удивительную жизнь, полную простых радостей, служению родным и близким, полную любви. Но вы выбрали другой путь, Агнесса. Какая жалость!

Голос королевского следователя меняется, становится почти ласковым, и от этого у меня волосы встают дыбом.

— Не дёргайся.

Его руки почти требовательно, жадно зарываются мне в волосы, гладят шею, спину, грудь через длинную бесформенную хламиду, спускаются на бёдра, ягодицы, губы скользят по щекам, носу, шее. Я стою, не в силах шевельнуться, хотя магического принуждения почти не ощущаю, точнее — принуждения нет в теле, а вот насчёт всего остального я настолько уверенной быть не могу.

— Знаешь, как происходит казнь в Магре, Агнесса? Разумеется, не знаешь, никто не знает, эти сведения засекречены, и королевская полиция тщательно отслеживает утечку любых правдивых слухов, каждый из непосредственных участников процесса даёт клятву полной секретности. Простых бытовых смертников, таких, как твоя соседка, убивают обычно повышением магического давления крови изнутри — так проще всего. Это болезненная, но быстрая смерть. Иногда у тебя сводит лицо, парализует руку или ногу, иногда боль скрючивает тело в клубок ноющих мышечных волокон на пять минут, иногда — на все пятнадцать. Участь твоего соседа, владеющего донумом, менее завидна — кровь и кости магов используются во многих ритуалах, запрещённых для простых жителей Магра, они необходимы в политических целях, ты же умная девочка, Агнесса, ты понимаешь, о чём речь? А ты... как поступят с тобой? Выпустят кровь, а обескровленное пустое тело сварят в огромном котле, чтобы мясо отошло от костей. А ты всё молчишь или врёшь, ты... Ты ведь

тоже владеешь донумом, верно? И молчала, все эти годы, служила в лавке, хотя могла бы...

Он подносит к губам мою кисть, целует её, ладонь, тыльную сторону, каждый палец по отдельности — и резко подводит мою же руку к моим глазам.

— Смотри.

Я опускаю глаза и вижу свои ногти, уже не просто тёмные — практически чёрные, удлинившиеся, уплотнившиеся, заострившиеся на концах. Не ногти — звериные когти.

Боже.

— У тебя есть донум, но ты же предпочитаешь хранить молчание, Агнесса-Ренна? Храни... Может быть, король отдаст тебя жрецам. Они даже руки пачкать не будут — ты сама перережешь себе горло.

Лицо лирты Лиграна утыкается мне в волосы, он шумно вдыхает, почти касается шеи мягкими, слегка влажными губами и вдруг отстраняется.

— Молчишь? Прощай, Агнесса. Мы в любом случае найдём фелинос, только теперь чуть позже. Мне жаль.

Сначала он выходит, потом хлопает дверь, потом — лопается защитная полусфера. Я бросаюсь к стене, отделяющей меня от соседа.

— Март!

Он подскакивает на месте, подбегает к решетке, хватая меня за руки, лицо искажается — Март тоже смотрит на когти, на наших глазах втягивающиеся, светлеющие.

— Ты тоже...

— Март! — меня колотит от ужаса, и я сжимаю его руки, щипаю кожу до синяков.

— Тише, тише, тише, — успокаивающе шепчет он. — Не отчаивайся, всё ещё может измениться... Ну почему ты не хочешь ничего им рассказать?

— Я хочу, но мне нечего рассказывать, Март, никто мне не верит, никто мне никогда не поверит!

Он снова бормочет что-то бессвязное, бессмысленное, но успокаивающее, и в этот момент снова раздаётся скрип двери, и я вижу изрядно встрёпанную Ильяну.

— Идём, Март, — шепчет сестра некроманта. — Сейчас. Быстрее!

— А она? — он не двигается, кивает на меня.

— Что «она»? Я не могу попасть в её камеру, это слишком сложно, я и к тебе-то еле-еле добралась... Скорее! Нас выпустят но надо поторопиться...

— Не уходи! — вне себя от ужаса я крепче вцепляюсь в руки Марта, через решётку, когти, кажется, снова выступают и впиваются в податливую мякоть его ладони. — Не оставляй меня!

Боже, я больше не могу здесь находиться.

...Что-то взрывается вокруг, маленький разноцветный фейерверк, смерчки воздуха закручиваются под потолком. Словно легкая дымка, расплывчатая, дрожащая, накрывает нас с Мартом, ещё держащихся за руки, сминает, как тёплый пластилин, тянет и тянет куда-то прочь.

Глава 14.

Одуванчики.

Опять?!

Да, именно. Огромные, как круглые дыньки, белые цветочные головки покачиваются на ветру, отчего-то прямо надо мной, и сквозь них просвечивает синее небо, льётся слепящий солнечный свет. Я умерла и попала в рай, я почти что бессмертный белокрылый ангел, мне

так хорошо... Спокойно. Кажется, я лежу прямо в траве, высокой, не меньше метра в длину, изумрудно-бирюзовой, шелковистой, словно её только что вымыли специальным кондиционером для травы и расчесали щёткой. Удивительно, удивительно замечательная трава, мя-агонькая.

Я скосила глаза на собственную руку, сжавшую пучок этого зелёного чуда, и резко села. Пережила пару минут головокружения, выдохнула, подскочила на месте и встала в полный рост. Поле. Бело-зелёное, чуть колышущееся на ветру травяное море мне по пояс. Небо чистое, голубое, летнее, в ажурных оборочках облаков, а источником света действительно оказалось солнце, только пронзительно белое, словно огромный снежок — или одуванчик. Я бездумно хлопнула ладонью с теми самыми тёмными ногтями — ну, чисто демон по нелепой случайности оказавшийся в раю — одуванчик разлетелся ворохом летучек-парашютиков, каждый размером с мой палец. Немного стыдясь самой себя, с силой потянула упругий полый стебель, поднесла пушистый шарик к лицу, набрала в грудь побольше воздуха и с силой дунула. Семена-пушицы разлетелись мягким облаком, часть осела на траву и бурые рукава бесформенной тюремной хламиды, часть — полетела над лазурным травяным заливом.

Вот она, настоящая магия!

Сделала шаг, другой, споткнулась обо что-то живое, большое, мягкое, и с криком улетела в траву, едва успев подставить руки. Земля смягчила удар, но что-то в зарослях зашуршало, зашевелилось, и я вдруг представила жутких местных монстров — каких-нибудь гигантских удавов или ядовитых хищных варанов, а то и кого-нибудь совсем иномирного, инопланетного, скрывающегося в этой благодушной траве — и прямо на четвереньках, на ходу развивая приличную скорость, поползла прочь. Ужас до чего боюсь змей. Ещё больше, чем жрецов или следователей.

Змея ухватила меня за лодыжку вполне себе человеческой рукой. Я взвизгнула, лягнулась несколько раз, вырвала пленённую конечность из захвата — и только потом снова поднялась на ноги, судорожно огляделась. Из травы высунулась лохматая каштановая макушка.

— Лирта? Мы где вообще?!

Нашёл, кого спрашивать!

— Не знаю! — хотелось смеяться в голос, и я сорвала ещё один гигантский одуванчик, пряча за ним по-идиотски растянувшееся в улыбке лицо, дунула прямо на Марта. Парашютики обсыпали его голову, нитями ранней седины застряв в волосах.

— Смотри, как тут красиво...

— Не рви тараксумы!

Он схватил меня за руку и потащил вперёд, ругаясь какими-то непонятными мне словами.

— Лирта, ты совершенно ненормальная! Скрывать такой донум, ну как так можно было? Разрыватели пространства столь редки... Куда ты нас затащила?! Это же окраина Магрисы, поля тараксума, которые мы помяли, о Единая!

Зубы стучали друг об друга от быстрой ходьбы, то и дело переходящей в бег.

— К-как-кая Маг-гри-с-ста, ка-к-кой тра-та-р-рак-ксум, ты о ч-чём?!

Март резко развернулся, уставился мне в глаза.

— Лирта!

— Камилла. Меня зовут Камилла, зови меня по имени!

— Сейчас тут никто не сможет нас подслушать, поэтому, может быть, перестанешь придуриваться? Я знаю, что это не твоё имя. Следовательно обращался к тебе иначе.

Захотелось побиться головой об стену, но стены на ближайšie несколько сотен метров вокруг не наблюдалось, а земля была слишком мягкая.

— Как угодно, зови меня Агнесса, мне вообще без разницы уже. Я не придуриваюсь и никуда никого специально не тащила, я вообще не знала, что так умею. Если тебя что-то не устраивает, я пойду дальше одна. Между прочим, это я тебя спасла, судя по всему... — я споткнулась на полуслове.

Это что же получается, я оттуда телепортировалась? Как там Март сказал, "разорвала пространство"?

Просто нет слов.

— Надо было предупредить, обговорить заранее место переноса! Мы должны были захватить Ильяну, если ты в состоянии ещё и пассажиров прихватывать!

— Не могли, — огрызнулась я. — Можешь не верить, но я и понятия не имела, что я так умею. А вдруг ты ошибаешься, и дело не во мне?

— А в ком?! Я простой некромант, другого донума нет. Это всё ты, Агнесса. Послушай, — он явно пытался успокоиться и взять себя в руки. — Я... я благодарен за спасение, правда. Просто за сестру волнуюсь, да и у нас с тобой проблемы намечаются... ни денег, ни... слушай, а ты можешь перенести нас туда, куда я тебе скажу?

— Откуда мне знать?! — я почти заорала, и, не сдержавшись, схватила парня за плечи и как следует трянула, несколько раз, для надёжности. — Ты что, не понимаешь, что ли? Я тебе говорю, я не знаю, не помню, это вообще не я, что тут не понятного?!

— Да понял я, понял... — забормотал тот, отступая, стараясь, при этом, не сбивать одуванчики. — Всё равно в незнакомое место перенестись не выйдет. Ты не ты... О, Единая, дай мне терпения! Давай с начала. Что ты хотела узнать?

— Что такое Магреста?

— Столица. Столица Магра.

— И вокруг неё такие вот поля?

— Именно. Это тараксум.

Я нервно шлёпнула ладонью очередной пушистый шарик.

— Вообще-то, он ядовитый.

— Да?! — я в ужасе отдернула руку и принялась тереть её о хламиду.

— Нет. Шучу. Но это священный цветок, нельзя его так просто рвать. Сначала он сиреневый, потом становится белым, как сейчас. Источаемые им семена ублажают ветер, который...

— Так, бред пропускаем, — мне снова захотелось встряхнуть его как следует. — Почему плохо, что мы тут?

— Мы здесь слишком заметны. Никто не будет просто так ходить по полю, засеянному тараксумом, и вызывать гнев Единой. А отсюда нам путь только в Магресту, но где там устроиться? Винзор находится на окраине Кристона, до нашего с Ильяной дома там не так уж и далеко, а тут...

— Можно подумать, никто не будет искать тебя в твоём же собственном доме. Всегда думала, что затеряться в большом городе проще — меньше привлечём к себе внимания.

— Да в Магресте стражников, как моркови на грядке! — возмутился Март. — А как только поймут, каким образом мы оттуда удрали, искать нас будут по всей стране! Лишь бы

Ильяна глупостей не наделала...

Мы снова двинулись вперёд и остановились, только когда на краю поля показались очертания невысоких приземистых домов со светлыми черепичными крышами. Так себе столица. Большая деревня да и всё. Впрочем, пока речь шла только об окраине.

— Ты уверен, что я «разорвала пространство»? — я попыталась выговорить более привычное и менее пафосное «телепортировалась», но язык снова меня не послушался. Похоже, межмировой переводчик периодически сбоил на наименовании отсутствовавших в Магре предметов и явлений.

— Предполагаю. Мы держались за руки, и всё произошло так быстро... Я... о таком слышал, — Март осторожным, почти ласкающим жестом коснулся одуванчикового стебля. — Но лично носителей этого донума никогда не видел, ну, и участвовать, разумеется, в подобном перемещении не приходилось. Неужели это действительно твой первый раз?!

Я невольно фыркнула. На моей родине под этим вопросом обычно подразумевается несколько другое...

Родина.

Планета Земля, страна Россия, небольшой подмосковный городок, улица имени советского поэта, серый блочный дом, подъезд, обильно инкрустированный плевками, жевательной резинкой и недопотушенными бычками сигарет, разбросанными вокруг банок из-под дешёвого кофе... Запах старости, поношенных вещей и лекарств. Я попыталась представить это всё максимально отчётливо, упорно прогоняя злость на Людмилу и её кота. Надеюсь, эта кудрявая тварь с голоду не подохнет. За два дня вряд ли. А дальше... Что дальше? Вернётся Людка и выломает в моей квартире дверь..? Или забудет обо мне и хвостом, и искать меня начнут в лучшем случае через пару месяцев. Надо сосредоточиться на мысленном изображении дома, вот сейчас получится, во-от сейчас..! — я напряглась и сжала зубы.

— Ты это, — сквозь отчаянно зажмуренные веки и шум в ушах я услышала несколько сбивчивый голос собрата по побегу. — Если в уборную так сильно хочешь, только скажи, я отвернусь.

Вот ведь... некромант недоделанный! А я ведь почти даже испытала близкое к переносу чувство... Кому я вру. Пусть даже с этой способностью, но без памяти о ней и обо всём остальном я словно за рулём инопланетного корабля — могу только глупо таращить глаза на изуверскую приборную панель и шумно хлопать ресницами. Или эта возможность разрывать пространство имеет территориальные ограничения — перемещение только в рамках одного мира? Тогда как я попала сюда? Это же другой мир. Другой! С ума сойти... Мир, где есть магия, даже у меня — есть, где мёртвые крысы могут бегать, мир, где правит король, где верят в Единую... Тут даже солнце какое-то другое!

— Как оно называется? — я кивнула на белый светящийся круг.

— Луава, — Март снова вздохнул, но, кажется, уже не удивился.

— Тебе что-то известно о других мирах?

— Пару раз допивался до чего-то подобного, но в подробностях не разглядывал. Нам бы поторопиться. И подумать, где взять деньги и всё остальное. Расхаживать в этих тюремных одеждах по столице среди бела дня... Проще выйти на Лиловую площадь и осквернить статую Тираты в самой грубой форме.

Оставив на время мечты о возвращении домой, я прибавила ходу. Мы довольно бойко пошли вперёд, одуванчики-тараксумы приветливо качались нам вслед. Вскоре поле осталось

за спиной, а дома стали приближаться — невысокие каменные дома, совсем не столичного вида. Впрочем, а чего я ожидала — небоскрёбов?

...Камень вспыхнул под лучами выглянувшего из облака дневного светила с дурацким названием — розовый, зеленоватый, голубоватый оттенки. Разукрашенные цветные домики выглядели, словно детские рисунки — умилительно и волшебно. Март протянул мне руку, и я на автомате вложила в неё свою.

— Добро пожаловать в Магристу, лирта! Сожалею об отсутствии полноценной экскурсии, однако с местными достопримечательностями вы, несомненно, познакомитесь когда-нибудь. А вот экскурсия по значным местам нам предстоит весьма увлекательная и притом уникальная... Придётся немного поднапрячь мозги и поднять старые связи.

— Ты уже был в столице?

— Я здесь учился, закончил местную Высшую школу. Ну, то есть, как закончил, почти... Правда, не могу сказать, что оставил о себе хорошие воспоминания, но, надеюсь, найдутся те, кто не откажет мне в небольшой услуге.

— Какой будет план?

— Сейчас я где-нибудь тебя спрячу, а сам навещу... старых знакомых по школьным временам. Попробую добыть приличную одежду и хоть немного денег. Потом придумаем. Надо бы как-то дать знать Ильяне... Встретиться с ней необходимо. А потом ляжем на дно.

— В план желательно включить пункты «помыться» и «поесть». Кстати, не скажешь, а королевский дворец и главный храм Тираты расположены тут же?

— Где же ещё им быть? — искренне удивился Март. — Кстати, не скажешь, за что именно тебя приговорили? А то, может, ты убийца. Или ещё кто похуже.

...Интересно, похуже — это кто? Некромант широко улыбнулся, но глаза смотрели как-то уж слишком серьёзно, настороженно. Мне стало не по себе.

— О, я всего лишь украла реликвию государственного масштаба, но совершенно ничего об этом не помню. Так что тебя-то, может, искать будут постольку-поскольку, а вот меня... Как говорил тот жрец, который меня допрашивал, скоро приближается какое-то важное событие, так что фелинос им позарез понадобится.

— Фелинос?! Ты свистнула фелинос?

— Угу.

«И возможно, кого-то по пути ещё и убила. Но тебе я об этом говорить не буду. Всё равно это была не я».

— Но это же... — Март даже остановился, всплеснул руками. — Это же ни в какие... это же...! Агнесса, ты..! Ну, ты даёшь! Уж лучше на лысину королю плюнуть — не так сумасбродно. Какой хмыры он тебе сдался?! Надо его вернуть, с королём, а тем более, с жрецами Единой шутки плохи...

— Ты знаешь, что это такое и как оно выглядит?

— Откуда?! Лирта, ты совсем без головы, срочно вспоминай, где...

— Молчать, — скомандовала я. — Давай отложим разговор до вечера. Я ничего не помню — тверди себе как молитву, если вдруг я сделаю или скажу что-то не то. И если ты захочешь идти своим путём — я, правда, пойму. Из-за моего малодушия я выдернула тебя из темницы, а так бы сбежал с сестрой и горя бы не знал. Только не рассказывай обо мне никому.

— Куда я теперь от тебя сбегу? — и снова выражение глаз немного не соответствовало

дурашливой улыбке, кажется, он действительно переживал за меня. — Мы же в некотором смысле почти друзья по несчастью. А я друзей в беде никогда не бросаю.

— Нет! — вырвалось у меня. — Не надо! В смысле... Знаешь, с друзьями мне всегда не везло. Давай придумаем другое слово. Напарники, например.

— Давай уже пойдём, пока никто не появился, напарница, — Март снова взял меня за руку, и я ощутила прижавшиеся к коже острые когти. — Накинь капюшон на волосы — очень уж они у тебя приметные, моя беспамятная безумная лирта. Итак, повторюсь — добро пожаловать в Магристу, прекраснейший город Магра и целой Вселенной!

— Ну-ну, — хмыкнула я, и сжала пальцы в ответном рукопожатии.

Глава 15.

— Ты это серьёзно?! Март, посмотри на меня. Посмотри мне в глаза, кому говорю!

— Зачем? — вот ведь сучий порох. Март деловито копается в здоровушем деревянном коробе, очевидно, выбирая нам с ним относительно неприметную одежду свободных и честных горожан Магристы. Точнее, себе одежду свободных и честных, судя по всему, запасную для клиентов, а мне — одежду распутных и раскрепощённых.

Дурацкий мир, зачем нужна такая свалка, ладно, с наличием магии у них нет нужды в электричестве, хотя я бы с этим поспорила, на мой взгляд, одно другому не мешает, но додуматься хотя бы до банальных вешалок или чугунных утюгов они могли!

Увы. Не додумались. И теперь я срывала зло на своём некроманте. Впрочем, мятая одежда, к сожалению, была не единственным поводом для возмущения.

— Ты меня зачем в публичный дом притащил?! Не терпится уже? Засиделся?!

— Чтобы спрятать, разумеется, зачем же ещё, что за глупые вопросы? — на лице Марта большими буквами написано праведное недовольство. — Я же тебе говорил, что мне нужно будет отлучиться, связаться с сестрой, обдумать дальнейшие действия...

— Навестить знакомых путан, — с вдумчивым видом продолжаю я. — Что ж, это даже не требует пояснений. Неуёмные мужские потребности и всё такое. Но мне-то что здесь делать?

— Просто поживёшь пару деньков. Светиться ни перед кем не надо. Жди меня.

— А больше совсем негде, да?

— Здесь — безопасно. Здесь тебя искать не должны. Не обольщайся, лирта. Тебя непременно будут искать. И меня заодно, — Март нервно ежится, запихивает в ящик не приглянувшиеся ему тряпки. Плюхается на кровать, с наслаждением вытягивает вперёд ноги и принимается стягивать с себя стоптанные безразмерные тюремные туфли.

И почему мужчинам всегда проще, вот всегда? Даже в других мирах!

Выбравшись из восхитительного поля иномирных одуванчиков-на-допинге незамеченными, мы довольно долго брели по какой-то окраине, вполне себе скромного деревенского типа — какие-то небольшие постройки, жилые и служебные, причудливо уложенные брёвна и снопы сухой травы. Пару раз я заметила здоровенных массивных животных с трогательно свисающими, длинными, как у ослов, ушами, меланхолично что-то пережевывающих. Однако знакомство с местной фауной пришлось отложить до лучших времён.

Если они настанут когда-нибудь, эти «лучшие времена».

Не знаю как насчёт «прекраснейшего города Вселенной», но здесь было... мило. Воздух свежий, зелень сочная, небо светлое, земля чистая, вообще никакого мусора. Насекомых не наблюдается, что само по себе уже чудо.

Март, вполне пришедший в себя после неожиданного переноса, похоже, был полон оптимизма, который я не разделяла, чувствуя себя маленькой потерявшейся девочкой. Однако виду старалась не подавать, храбрилась, благо, было перед кем. По пути мы натыкались и на людей, казалось, полностью поглощённых своими немудрёными будничными делами — что-то вынести, что-то унести что-то передвинуть. Никто не смотрел на нас, и всё-таки тюремная одежда, практически монашьи рясы, пыльные, тёмные, объемные, могла привлечь к нам ненужное внимание, достаточно всего одного подозрительного и ответственного доносчика. Март обещал уладить вопрос с одеждой в первую очередь, но я и подумать не могла, что он приведёт меня к самому настоящему местному публичному дому, судя по новому забору и задорному блеску свежей бирюзовой краски на стенах, не то что не бедствующему — процветающему. Увидев Марта, невысокий коренастый секьюрити сиречь привратник, стоящий у огромных двустворчатых ворот, приветливо кивнул парню, чем вызвал у меня волну глухого и ничем не обоснованного раздражения. После чего мы обошли забор по периметру и вошли в неприметную калитку, своеобразный «чёрный ход» для "своих". Это было совершенно правильно, но тоже меня разозлило.

Март по-хозяйски запер калитку скрытый крючок и приветливо помахал бойкой на вид невысокой аппетитной блондиночке, безо всякого энтузиазма скребущей по и без того чистому пустому дворику самой что ни на есть обыденной метёлкой, которой не побрезговал бы дворник Радик из моей прошлой жизни. Заметив гостей, блондинка оживилась, отставила метлу и так широко заулыбалась, как будто у неё был десяток лишних зубов и закрыть рот категорически не удавалось. Март и светловолосая лирта — если для местных путан не придумано никакого другого слова — отошли в сторонку и о чём-то увлеченно тихо заговорили, а я мрачно оглядывалась.

Ничего такого. Двор как двор. Несколько разнокалиберных строений, одно из которых деловито испускало пухлый сизый дым из трубы на крыше и, возможно, являлось баней.

Другой мир, другой мир, а сауны с проститутками проходят белой магической нитью сквозь времена и пространства...

— Лирта! — окликнул меня весьма довольный Март. Явно ведь уже договорился на вечерний банно-ублажительный сеанс... упырь.

Мы поднялись на второй этаж ближайшего двухэтажного строения по узкой, тёмной винтовой лестнице, зашли в пустую незапертую комнату, а минут через десять та же смешливая блондинка притащила короб с тряпьем...

— Откуда тебе знать, ты же не королевский следователь. Может, здесь и будут искать в первую очередь, — возразила я, с неудовольствием рассматривая более чем скудную спартанскую окружающую обстановку: узкую и даже на вид жёсткую кровать, несколько деревянных коробов, стоящих на полу, деревянная молитвенная скамеечка — ну а что, очень удобно. Согрешил и тут же покаялся.

С какой-то точки зрения в камере обстановка казалось даже более уютной.

Возможно, комнаты для встреч с клиентами отличаются контрастной пышностью и яркостью, и после своих унылых обиталищ местные дамочки лёгкого поведения идут на работу, как на праздник.

Определившись с выбором, Март бросил на кровать несколько тряпок густо-бирюзового цвета, видимо, под цвет моих волос. Справившись с брезгливостью, я подошла и рассмотрела подношение. Ткань была чистой и на ощупь приятной, мягкой. Длинное в пол, закрытое, как

у монашки, платье со шнуровкой на спине, нечто вроде длинных гольф, трусики... мда. На такое подобие, нет, даже иллюзию белья без слёз не взглянешь, это же три тесёмки, а не трусы, даже мысленно представлять себя одетым вот в такое неудобно. Тюремное бельё, грубое и душное, а ещё ни разу за все эти дни не стиранное, носить я уже не могла, его хотелось попросту сжечь. Надеюсь, предприимчивые путаны не найдут ему другого применения, нет, нет, не буду я об этом думать! Тюремную одежду мы с Мартом сложили в холщовый мешок, надеюсь, его уничтожат как особо предательскую улику.

Но, чёрт возьми, как же неудобно! Хотя, как говорила моя бабушка, пока жива была, «неудобно только зонтик в кармане открывать». Ладно, перебыюсь как-нибудь, то есть — перевяжусь. Или, скорее, подвяжусь. А вот...

Я покосилась на Марта, безо всякого стыда повернувшегося ко мне спиной и лихо облачающегося во что-то коричневое и непритязательное — штаны, рубашка, какой-то жилет. Хотела было изобразить девичью стыдливость, но благое намерение быстро проиграло любопытству. Вот почему у мужчин тут совершенно нормальные трусы, вполне себе земные по крою боксеры, даже нечто ближе к шортам — к сожалению, в видах мужского нижнего белья я разбиралась из рук вон плохо, просто не было повода интересоваться этим вопросом раньше, — а у женщин, пусть даже проституток, такое недоразумение?! И вместо этих ужасных чулок до середины бедра — просто удлинённые гольфики до середины икры? Кстати, ноги у моего спутника вполне себе нормальные. Не спички и не перекаченные, и волос практически никаких не видно. Не люблю я излишне волосатые ноги. На мистера Вселенную не потянет, но...

— Лирта, вы бы одевались, а не дырки на мне взглядом просвечивали, — саркастично посоветовал каким-то образом почувствовавший мой изучающий взгляд гадский некромант.

— Я почти оделась, — чтобы скрыть нахлынувшее-таки смущение, я добавила в голос недовольство. — Но тут застёжки на спине. И кстати. Вы не дали мне...

Вот ведь гадство. Вероятно, слова «лифчик» или «бюстгальтер» в местном языке отсутствовали напрочь!

— Что? — Март обернулся и уставился на меня, а я с максимально независимым видом скрестила руки на груди.

Грудь большая.

А ткань тонкая.

Гадство!

— Так, — руки прикрывают провокационно натянувшую корсаж грудь, спина голая, практически виртуальные трусы — чистый мрак. И, несмотря на то, что на следующие пару суток я собираюсь затаиться, одежда, в которой я буду похожа на местную проститутку, даже живя при монастыре Единой, меня не устраивает.

А вот Март, похоже, проблемы не видит вовсе.

— А мужчины в подобных местах работают? — начинаю издалека.

— Ну-у, да, — недоуменно кивает он. — И такое бывает, есть спрос — есть и товар.

— И их исподнее под стать моему? — чувствую себя просто этим гадским красавчиком-следователем с коварной рожей героя-любовника из ванильной латиноамериканской мелодрамы с его иезуитскими допросами.

— О-о, бывает и похуже! — Март задорно прыскает в ладонь. — Таких изысков понашьют, хоть пропасть, хоть кварку в пасть!

— А ты откуда знаешь?! — вопрос оказался незапланированным, как чих. А и в самом

деле, откуда в мире без телевизора и интернета приличные мужчины могут узнать о таких вещах?

На мгновение в глазах моего спутника мелькает растерянность.

— Мы, некроманты, и не такое видали, — наконец, гордо выдаёт Март. — На вскрытия-то кого только не привозили.

Находчивый. Но соврал.

Почему-то я уверена в этом, с другой стороны, какая мне разница? Если парень, допустим, из любопытства или проспорив, однажды посетил мужской бордель — мне-то что за дело?

— Тогда какого... хмыра у меня такое извращенское бельё? — зашипела я. — Найди мне нормальные трусы, я же не проститутка!

— Ну нет их здесь прямо сейчас! — парень умоляюще вытянул руки. — Мужские — это для клиентов, на всякий случай, а женские свободные только такие есть! Потерпи, пару дней, ну, пожалуйста! А я тебе всё привезу, обещаю!

— Сам в таких ходи! — ненавижу стринги. А это ещё хуже, это даже спереди... стринги. — Найди мне тоже мужские тогда!

— Мужские, лирте?! — фу-ты ну-ну, какие мы нежные!

— Именно.

— Ну, Агнесса, — он заговорил почти заискивающим тоном, как с двухлетней капризной девочкой. — Платье облегающее, мало ли увидит кто, заподозрит чего-нибудь... И вообще, пора мне. К тебе придет Кларисса, пообщаетесь о своём, о женском...

"О трусах", — мысленно закончила я.

— Помоги хоть застегнуть это хмырово платье, — надеюсь, горечь в моем голосе достаточно горькая, чтобы пробудить хоть каплю мук совести в этом каменном сердце.

Может, некроманты все такие?

— Конечно, лирта. К вашим услугам, — он встал за моей спиной, близко-близко, я ощущала это более чем отчётливо.

Прошла секунда, другая, третья — ничего не происходило. Март просто стоял за мной, не прикасался, а... смотрел?

Зачем?

Тишина потихоньку начинала звенеть, и никто из нас, казалось, не был в силах ее нарушить.

А потом я почувствовала мягкое прикосновение рук. Март сдвинул мои волосы в сторону, тёплое дыхание согрело плечи, по предплечьям и вдоль позвоночника побежали мурашки, и я невольно задержала дыхание. Пальцы коснулись поясницы, словно бы случайно задели обнажённую кожу.

Пуговица.

Пуговица.

Пуговица.

Я попыталась сконцентрироваться на счёте, но не смогла. Никто и никогда не одевал меня, да что уж там, будем честны — и не раздевал тоже. И этот контакт через преграду такой тонкой, скользящей ткани оказался слишком волнующим, слишком... интимным. Медленно-медленно поднимающиеся вверх пальцы, преодолевающие, будто ступеньки, неудобные тугие застёжки, словно обещали что-то необыкновенное по завершению своей нелёгкой миссии, хотя казалось бы, наоборот. Разве не логичнее раздевать симпатичную

тебе девушку, а не одевать?

Я слегка наклонила голову, зачем-то подставляя голую шею. Препграда последней пуговицы была преодолена, и мы снова замерли, я — в томительном предвкушении, и он, с мыслями, для моего понимания неподвластными, но резкий стук в дверь заставил меня отшатнуться и прийти в себя.

Глава 16.

Рук с груди я так и не убрала, но как никогда хотелось прижать ладони к пылающим щекам. И пнуть, пнуть что-нибудь, не в силах справиться со смущением, злостью на саму себя и неуместным, беспричинным, но таким болезненно-горьким разочарованием.

— Войдите, — как-то хрипло отозвался Мартен, дверь открылась, и на пороге показалась женщина лет тридцати. Её светлые волосы были уложены в замысловатую причёску, платье такого же, как и у меня, бирюзового цвета словно бы стекало с точёной стройной фигурки.

Против воли, я уставилась на её грудь — может, это тоже какой-нибудь там донум? Или магический силикон? Все ровненько, гладенько, как у куклы Барби.

Надеюсь, что и на ощупь будет пластмасса пластмассой, а то вдвойне обидно.

— Ма-артен! — слегка нараспев произнесла женщина. — Дорогой, ты нас совсем забыл! Но приходить в дом утех и утешений со своей женщиной ещё более неприлично, нежели приходить в пивнушку со своей бутылкой, тебе не кажется?!

...Надеюсь, что у неё там воздушные шарики. Ткнёшь — и лопнут нафиг.

— Прости, Кларисс, но я пришёл и уже убегаю, моё сокровище, — Март заискивающе улыбнулся и слегка отступил, а я мысленно скривилась и плюнула — тоже мысленно. — Есть не самые приятные, но неотложные дела всего на пару дней, а так я был бы весь с потрохами твой. Вот, оставляю вам Агн... эмм, лирту Камиллу! Покормите, покажите, где можно привести себя в порядок, с одеждой у неё какое-то непонимание, она, гм, не из столицы, из глухой провинции, не очень-то разбирается в местной моде. Одним словом, вручаю её в ваши надёжные заботливые руки!

Гад.

Надо полагать, применение "надёжным и заботливым" он находил не раз и более чем виртуозно. "Моё сокровище"! "Был бы весь твой"! Тьфу.

— Нет таких неотложных дел, которые нельзя было бы отложить до вечера, — беззаботно отмахнулась Кларисса, судя по манерам, хозяйка этого небогоугодного... нетиратаугодного местечка. — Как раз сегодня мне крайне понадобятся услуги хорошего некрманта!

— Да ты что?! Попался клиент с особо интересными запросами? Кто-то соскучился по бедняжке Лючии?

— Ах, бедняжка Лючия! — подхватила Кларисса, прижимаясь спиной к стене, отчего ткань её омерзительного непристойного платья ещё больше натянулась, буквально позволяя лицезреть выдающийся бюст во всей красе, а сволочь Март сделал ещё более заинтересованное и сосредоточенное лицо. — Не следовало ей мешать средство для потенции с крестонским ромом, а потом хлебать это пойло в обе глотки, но что уж теперь говорить. Нет, пусть покоится с миром, на её поминках мы получили месячную выручку, так что я не в обиде. Но да, дело в клиенте. Лирт Артлан уже весьма немолод и при том непристойно богат. К его величайшему прискорбию, все деньги Магра и лучшие целители не в силах заставить его ощипанного дохлого петушка снова кукарекать, как он говорит, вся

надежда на моих курочек, но и мы не творим такие чудеса... Может быть, хоть ты сможешь поднять покойного? Мы сорвали бы хороший куш!

— Ох, Клар, ты неподражаема! — расхохотался Март, а мне захотелось достать что-нибудь острое и немедленно проверить свою теорию про воздушные шарики. — Но всё же, прошу тебя, позаботься о Камилле.

— Непременно, дорогой! — проворковала хозяйка местных путан и посмотрела на меня с плотоядной нежностью. — Непременно!

* * *

— Да ладно, — почти упрашивающим голосом пела за дверью Кларисса — надо же, сама пришла, соизволила. — Успокойся, вдохни, выдохни, поставь на пол скамейку, не гневи Единую, открой дверку и выходи, ну же, дорогая...

— Ни за что! — решительно ответила я, поудобнее перехватывая скамейку. — Ещё чего!

— Ужин, я тебе ужин принесла! Мартик сказал, тебе мясо надобно, так вот, у меня как раз очаровательный гуляш!

— Сами его и ешьте, поголодаю пару деньков! — решительно заявила я. — Ещё не хватало, чтобы вы мне какой-нибудь наркоты подсыпали!

Слово "наркота", значит, местный язык очень даже знал... не самое радостное открытие.

— Не глупи, лирта! Что-то ты шуток совсем не понимаешь!

— Вы хотите сказать, что приглашение поработать тут у вас шуткой было? Что тот жирный, страшный и старый мужик не был клиентом?!

— Ну, как бы, если с такой стороны посмотреть, то, клиент, конечно, а ну и что же, ну, понравилась ты ему и его петушку, зачем же скамейкой да по лысине-то, — гипнотически умиротворяющий голос хозяйки столичного борделя журчал, как ручеёк. — Знаешь, Март сказал, проблемы у тебя, деньги-то никогда не лишние, а работа непыльная, разве что, ха-ха, с него пыль посыплется, в его-то годы, но он может отстегнуть неплохую...

— Ааа! — заорала я и в качестве аргумента яростно пнула дверь. — А-а-а!

— Ну, ладно, ладно, не нервничай ты так, лирта! Просто я подумала, и волосы такие у тебя, и вообще всё удачно сошлось...

— А что — волосы? — насторожилась я.

— Так цвет же, редкий цвет у тебя. Бирюза изначально цвет гильдии любовных утех!

— Что-о? Слушай, как тебя там, лирта Кларисса, а можно их покрасить? В чёрный? Есть тут у вас краска для волос?

— Окстись! — искренне изумилась за дверью хозяйка, и я, подумав немного и так и не выпустив из рук скамеечку, всё же рискнула дверь открыть. — Какая ещё краска для волос?! Целиком облик изменить можно, если владеешь донумом наложения иллюзий, но только одни волосы... нет, не думаю.

— И что, мне вот так всегда ходить с волосам цвета... гильдии продажной любви?!

— Гильдии любовных утех. Поверь мне, дорогая, мои девочки — далеко не самое худшее в нашем лучшем из миров!

Фраза оказалась до боли знакомой, и я усмехнулась.

Лучший из миров, как же.

Есть он вообще, этот лучший мир?

* * *

— Как тебя, говоришь, зовут? — округлила глаза пухлощёкая рыжеволосая Катриса. —

Ка-мил-ла? Никогда такого имени не слышала.

Я решительно зачерпнула ещё горстку тёмно-лиловых овальных ягод — надо же, вкусные какие! — и хмыкнула:

— Так называется... в общем, один цветок из моего родного... провинциального города. Беленький с жёлтой серединкой, почти что как тараксум. Мы на нём гадали в детстве, — неожиданно для себя я глупо всхлипнула. Надо же, вот не ожидала, что хоть какое-нибудь воспоминание из детства заставит меня расчувствоваться, да ещё и здесь, в иномирном публичном доме среди иномирных путан.

Правда, девчонки вроде и впрямь ничего. А работа — ну что, работа, всякое бывает, кто я такая, чтобы их судить.

— Гадали на цветах? — изумилась черноволосая путана, которую я мысленно окрестила "грушей" за узкие плечи и тяжеловесные бёдра. — Это как?!

— Ну-у, сейчас покажу, — я икнула и тут же прикрыла рот рукой. — Есть у вас бумага, краска и... ик... клей?!

Следующие полчаса мы увлеченно вырезали и клеили бумажные ромашки, а потом с не меньшим энтузиазмом обрывали им лепестки. Моё состояние было странным и до боли напоминало опьянение — невообразимая лёгкость во всём теле, смех, легко переходящий в слезы и обратно, головокружение, которое казалось даже приятным...

— Повтори ещё раз! — умоляюще шептала "груша", и я послушно в стотысячный раз декламировала детскую считалку:

Любишь,
Не любишь,
Поцелуешь,
Не поцелуешь,
Обнимешь,
Обманешь,
Чужой,
Моим станешь,
К сердцу прижмёшь,
К чёрту пошлёшь...

...

Правда, чёрта пришлось заменить на неведомую "хмыру", но мои внезапные подружки оказались в полном восторге. У каждой из них имелся в наличии сердечный друг, на которого обязательно надо было погадать.

— А ты, лирта Ка-мил-ла?

— А что — я?

— Погадать тебе на того милого лирта, с которым ты с утра пришла? — шутливо спросила Катриса. Как я поняла, она была новенькая и Марта не знала, чем сразу завоевала мою безоговорочную симпатию.

— Д-давайте! — отчаянно выговорила я слово, которое оказалось неожиданно трудным, и осела на мягкую софу в центре гостиной — времени полдень, клиентов нет, девчонки скучают и развлекают себя общением со мной. — Гад-дайте!

— Ты бы не налегала на ягоды черноцвета, — сочувственно произнесла аппетитная блондинка, та самая, что вчера подметала двор. — Из него вино делают, от них голову ой как сносит...

— Да?! — удивилась я. — Понят-ненько... Но если что, на того жирного уродского лирта я всё равно, ик, не согласна!

Катриса подала мне свежесделанную ромашку, и я принялась отрывать лепесток за лепестком, а приговаривали мы все хором:

Любишь...

Не любишь...

...

Лепестков было много, я, пожалуй, раза три повторила ненавистный уже стишок.

К сердцу прижмёшь...

Остался один лепесток, последний.

Сердце заколотилось сильно-сильно, и я, пусть даже опьяневшая от местного ягодного алкоголя, разозлилась на себя за это. Нужен мне этот... дурак.

Пусть посылает хоть к чёрту, хоть к хмыре.

...лишь бы вернулся скорее.

Глава 17.

Кто-то тихонько, почти ласково теребит меня за плечо, гладит по щеке, а я, между прочим, сплю, и мне так неожиданно хорошо, так тепло и уютно.

Ну, кому ещё понадобилось до меня докопаться, а?

— Кларисса, уйди-и, — наугад тяну я, не открывая глаз. — Если ты припасла мне очередного хмырова клиента, то мне и одного вчерашнего достаточно. Дай поспать!

— Интере-е-е-сно, — так же нараспев произносит голос в ответ. Мужской голос. — А можно поподробнее, по поводу клиентов?

Я резко открываю глаза и сажусь, отчего голова начинает моментально звенеть воскресным колоколом. Рядом со мной, точнее, с небольшой софой, накрытой вязаным покрывалом, на которой я и свернулась калачиком под невероятно эффективно усыпляющим пуховым одеялом — никогда под такими не спала! — на корточках сидит изрядно посвежевший Март и смотрит на меня, чуть прищутив тёмные глаза с трогательно длинными ресницами.

На меня, растрёпанную, заспанную, с опухшими глазами, ниточкой слюны из уголка рта и бормочущую что-то там о клиентах!

Тьфу, позорище.

— Вернулся чуть раньше, — всё столь же задумчиво продолжает Март и не спешит подняться. — А тут такое веселье. Моя беспамятная лирта спит посреди гостиной дома любовных утех в таком смутительном виде, и пахнет от неё перебродившими ягодами черноцвета. Старый извращенец Артлан наворачивает круги вокруг сего заведения с просьбами увидеть неприступную чаровницу с локонами цвета морской волны и пожать её за всякое, хотя одновременно намекает, что у него, у него-то! — не хватило средств, такую высокую цену заломила лирта за свои услуги. Девицы говорят, что вы просто очаровательна и просят оставить себе, как домашнюю зверушку. А у центрального гостевого входа красуется неопиcуемый цветочно-эротический шедевр, и все в один голос твердят, что это идея лирты Камиллы. Агнесса, я тебя на сутки только одну оставил!

"Точно, к чёрту пошлёт", — я окончательно проснулась, спустила голые ноги с софы и едва не взвизгнула, поняв, что вчерашнего платья на мне больше нет. Что на мне почти ничего вообще больше нет, кроме той постыдной пародии на трусы и не менее постыдной пародии на лифчик, которую вчера я-таки вытребовала у лирты хозяйки. Я закуталась в

одеяло и строго рывкнула:

— Отвернись немедленно! — платье, к счастью, нашлось поблизости.

— Надо же, сама стеснительность! — Март повинувался с донельзя недовольным видом. — Так а что там насчёт лирта Артлана? После озвученной им цены мне даже в одной комнате с вами находиться не по себе, лирта!

— Я бесценна, конкретные цифры — целиком инициатива вашей ближайшей приятельницы. Старому извращенцу понравились мои волосы, с Клариссой произошло некоторое недопонимание, лирт пришел ко мне прямо в комнату и получил скамейкой по голове, — я пожалала плечами, торопливо натягивая дурацкое платье, вжимаясь голой спиной в спинку софы: уж лучше у девчонок помощи попросить. — Должен был отстать по идее, но он, похоже, тот ещё... страдалец, — слово "мазохист" тут явно тоже не знали.

— Не следовало привлекать к себе излишнее внимание, — укоризненно произнёс мой спутник. — Волосы — слишком явная примета, а мы, вообще-то, скрываемся.

— Не следовало тебе меня сюда приводить! — разозлилась я. — Можно подумать, я специально нарываюсь!

Хотя, конечно, он прав — нечего было мне пытаться в одиночку проникнуть в бордельную сауну, тоже чистюля нашлась. Надо было сидеть и смотреть в окошко, как смиренная Рапунцель.

— Если кража королевской реликвии это "не нарываться"...

— Ничего я не крала! — прошипела я, окончательно рассердившись. — Ты обещал, что поможешь, а я тебе поверила. Уверена, свою сестру ты никогда бы не оставил в борделе! В таких вот трусах!

— Моя сестра не оказалась бы в тюрьме! — прорычал Март, а я поднялась, наплевав на свой полуголый вид, и выскочила из комнаты, стараясь всё же не переходить на бег, а двигаться с достоинством. Сбежала по лестнице вниз — и остолбенела.

Прямо перед домом красовалась огромная, в мой рост, ромашка. Стебель, листья — немного далёкие от реальности, надо сказать, и круглая сердцевина были искусно вырезаны из дерева и раскрашены. Продолговатые лепестки обтянули белой бархатной тканью.

Я подошла ближе. С внутренней стороны лепестков чёрной краской были сделаны надписи, напоминающие арабскую вязь.

— Красиво? — ко мне подошла темноволосая "груша" и, не дожидаясь просьбы, принялась застегивать пуговики на спине. — Лирта Кларисса в восторге. Говорит, хочет назвать дом любовных утех в твою честь. "Приют Камиллы" — что думаешь?!

— Что там написано? — я воздержалась от комментариев, просто впилась отросшими до когтей ноготками в мякоть ладони да и всё.

— А ты что, читать не умеешь?! — простодушно удивилась девушка.

— Видимо, нет, — пробормотала я. Странно. Устную речь я понимала прекрасно, и даже говорила без проблем, не чувствуя никакой чужеродности языка иного мира... Чтение, судя по всему, в базовый комплект навыков не входило.

— Ну, там услуги, которые может выбрать клиент за дополнительную оплату, — хихикнула черноволосая. — Скажем, глубокий поцелуй в...

— Понятно, — перебила я её. — Эм, да. Идея... идея шикарная. Восторг. Точно, восторг. Цветочно-эротический шедевр.

— Эй, — окликнул меня Март с крыльца, а я шумно выдохнула. Мне ещё тут выживать, причём выживать с этим недоразумением некромантским, но потом, потом... — Эй, лирта,

не обижайся, смотри, что я принёс! Как вы и просили, дорогая!

Я обернулась и посмотрела на стоящего у двери Марта. Потом огляделась по сторонам. Помимо "груши", на нас с увлечением таращились Катриса и еще три девушки, из-за угла дома вырुливалась сама хозяйка, и даже секьюрити, чуть поодаль меланхолично натирающий чем-то густым и чёрным высокие сапоги, с любопытством вытянул шею и ухо как-то по-особенному оттопырил.

Улыбаясь от уха до уха, а точнее, от одного чёрного ромба до другого, Март протягивал мне... трусы.

Да-да. Кружевные, прозрачные, как его честный невинный взгляд, однако нормальные, почти земные и даже скромные по фасону трусы.

— Полдня выбирал, лирта, на вас так трудно угодить. Взял сразу десяток, чтобы наверняка. Вот, смотрите! На любой вкус, и с размером, надеюсь, угадал!

Кажется, выражение "язык проглотил" не эвфемизм, а самое что ни на есть точное указание на физиологический феномен. Язык я проглотила, не иначе.

— Но если не нравится, я не настаиваю! Можете вообще не надевать...

— Вот она, любовь, — с придыханием прошептала во внезапно наступившей тишине Катриса, а я стряхнула оторопь, показала Марту кулак и пошла в дом, обойдя стоявшего с ворохом нижнего белья в руках парня по дуге.

Глава 18.

— Кто у вас тут водится? — любопытствовала я, дожёвывая кусок стейка. Прямо с набитым ртом и спросила. — В смысле, какая мерзость, летучая, ползучая, кусачая?

Март округляет глаза, задумчиво поглаживает тёмный ромбик на виске. И мне тоже хочется его потрогать, но я удерживаю свой неуместный любопытственный порыв — пальцы перепачканы в жирном густом соке, хозяин этой небольшой забегаловки попросту забыл принести нам приборы, а терпеть голод я уже не могла.

К хмырам манеры, так даже вкуснее! Но как же сбалансированное питание? Как же избыток холестерина?

Ладно, приговорённые к смерти могут себе позволить роскошь не тревожиться о диете в краткосрочной перспективе. Организм, правда, в восторге, но конкретно мой организм — та ещё вражина, никакого природного чутья "что мне лучше в данный момент" у него нет, его святая цель — сожрать всё вредное, что видно, дадено и не приколочено. Видимо у лирты Агнессы, точнее, у её тела та же история, недаром мы настолько похожи. Или всё дело заключается в сознании?

— Что ты имеешь в виду под "летучим, ползучим" и... что ты там ещё называла?

Я, как могу, пытаюсь наиболее точно описать самых отвратительных — на мой неэкспертный субъективный взгляд — представителей фауны земли. Пауков, тараканов, крыс, комаров, пчёл — я та ещё апифобка — и змей. Всё-таки здесь тепло, а ещё одну из сторон Магристы, оказывается, омывает самое настоящее море.

Судя по взгляду Марта, он ничегошеньки не понимает.

— Агнесса, зачем ты мне всё это рассказываешь? У тебя восхитительная фантазия, это всё очень интересно, но зачем? В смысле, на сегодня у нас никаких дел нет, но время можно потратить с куда большей пользой, есть в Магристе пара восхитительных мест, куда даже нам с тобой можно сходить без особой опаски. Будем говорить о каких-то пугающих тебя несуществующих животных?

— М-м-м, представь себе, что потеряв память, то есть, забыв о том, как оно всё

устроено здесь, я получила память о каком-то другом мире, немного похожем на Магр, немного другом. Там есть различные животные, некоторые очень даже мерзкие и противные, и отравляют самим фактом своего существования жизнь некоторых нервных, трусливых жителей, поэтому я просто тебя спрашиваю, есть ли они тут, что непонятного?!

— Агнесса, — вздыхает Март, прикрывает на миг глаза, и я чувствую себя маленьким приставучим ребенком рядом с донельзя утомлённым родителем. — Разумеется, у нас есть существа, которые опыляют цветы. Но про всё остальное... Так ты уверена, что хочешь именно сейчас об этом поговорить? Обо всяких странных созданиях, которые тебе почудились?

— Я просто хочу понять, та жирная склизкая многолапая крылатая тварь, которая сидит у тебя на голове, мне чудится или нет?

Март нервно дёргается и мгновенно шлёпает рукой себя по макушке.

...Я поразились скорости его реакции, выверенному, звериному движению. Тварь свалилась замертво, к сожалению, прямо на наш с Мартом стол, прямо на наш с Агнессой стейк, начисто отбивая остатки аппетита. Первое увиденное мною иномирное насекомое было похоже на крылатого червяка, плод немыслимой любви мотылька и сороконожки, длиной в мой указательный палец. Бррр.

Лучше бы я не спрашивала. Не только про другого человека, но и про мир не стоит знать всю подноготную.

Отвести взгляд от существа было трудно. Такие проявления инаковости в мире, в целом не отличающимся от моего кардинально, завораживали, даже если они были настолько неприятными на вид. А ещё...

— Ты можешь это поднять?

— Поднять? — Март снова не понял, подцепил существо за крыло, приподнял, а я отшатнулась.

— Не так! Оживить, как тогда с крысой?

— Могу, только зачем?!

— Хочу.

Я отчего-то понизила голос и инстинктивно пододвинулась ближе.

— Хочу. Покажи мне свою магию.

— Ты хочешь увидеть, как я оживляю дохлого тварта?

— Очень хочу. Правда.

— Ну... — Март неуверенно улыбается краешками губ. — Если очень... Какая ты странная, лирта.

На первый взгляд, не происходит ничего особенного. Мурашки не бегут по коже, то есть бегут, конечно, но только от напряжённого ожидания. Март не делает пассы руками, не шепчет жуткин заклинания, волшебную палочку тоже не достаёт. Просто смотрит на существо, а ногти на его руках темнеют и заостряются.

Тварт подскакивает, словно ожил не он, а стол, и стол мечтает немедленно безгловито стряхнуть с себя эту пакость. Подскакивает и поднимается вверх, делает круг вокруг стола, опускается на руку юноше. Я вижу, как из полураздавленного брюшка сочится что-то белое. Насекомое вновь поднимается в воздух, рисует какой-то знак в воздухе.

— Ты этим управляешь?

— Да, но только в плане самых простых команд, существо-то примитивнейшее. Лирта, отчего вы смотрите на меня с таким испуганно-восторженным видом, словно я подарил вам

Стилос?

— На кой мне эта здоровучий мёртвый красный небесный шар? А это... Это магия. Это чудо, Март. Жуткое, но всё-таки чудо.

Крылатая сороконожка падает куда-то под стол, и больше мне нет до неё никакого дела. До неё — нет, а вот до мага, сидящего напротив...

— Да, и что?

— Просто представь себе, что в тех мирах, которые мне привиделись, ну, с несуществующими животными, нет, и никогда не было магии.

Март моргает, один раз, другой, потом решительно поднимается со своего места, бросает на стол пару зеленоватых металлических квадратиков. Местные деньги. Небрежным жестом вытирает руки о новые немятые брюки.

— Прекрасная лирта, позвольте пригласить вас в одно удивительное местечко, — непривычно галантным, серьёзным голосом произносит Март, отбрасывая каштановые пряди с лица. — Если вам так уж хочется посмотреть на магию и страшных существ...

Глава 19.

— Как насчёт визита в одно невероятное милое местечко и небольшого приключения? Ты хочешь увидеть магию и, наверное, хотела бы получше узнать Магристу? Хотела бы увидеть море?

— Свидание, лирт Мартен? — я демонстративно закатила глаза, но в глубине души... В самой глубине...

Да, как не стыдно это признать, чего-то такого хотелось. Очень. Не такой вот задымлённой и закопченной забегаловки в каком-то Тиратой забытом местечке, где готовили вкусно, как выразился Март, "для своих", но было уныло и тускло. Хотелось волшебства, и чем дальше — тем больше. Успеть увидеть то, о чём я столько мечтала в детстве. Напоследок прочувствовать этот странный мирок и — что уж греха таить — одного его вихрастого аборигена. Не особо задумываясь о будущем и его туманных безрадостных перспективах. Потому что никакого будущего здесь, и уж тем более с Мартом, у меня быть не могло. И не только из-за этого идиотского обвинения в преступлении, которое я не совершала.

Просто... Не могло же быть?

В моём мире волшебства нет. Есть смартфоны, универ, тётка в Хорватии, баба Валя, грязный подъезд. И очень скоро кто-то там, наверху, поймёт, что моё попадание сюда было чудовищной ошибкой. И всё вернётся на круги своя. И я снова буду жить нормальной жизнью. И забуду этот мир, как сон.

Наверное.

А сейчас хотелось маленькой таверны, увитой вьюнами с россыпью золотистых ягод, столика с видом на незнакомое безымянное море, живой музыки на неизвестных инструментах, напоминающих струнную паутину на ветвях, пронзительной и немного печальной. Свечей в подсвечниках из зелёного металла. Пузатых бокалов на тончайших ножках, пьянящего вкуса вина, пунцового Стилуса, заглядывающего с чужих небес в лицо... А потом — пустынное побережье, фосфорицирующая морская гладь, прохлада остывающего песка под босыми ногами, ветер, развивающий волосы, неуверенное прикосновение руки к плечу, и...

— Март! Ты. Сошёл. С. Ума! Хмыра некромантская, куда ты меня привёл?!

Мы действительно вышли на побережье — я сняла новые туфли из мягкой, явно

натуральной кожи, и рискнула стянуть с головы капюшон — ни одного человека в обозримом пространстве не наблюдалось. Мы долго шли молча, потом свернули в небольшой пролесок, и, огибая кривые стволы деревьев с сочными мясистыми листьями, неожиданно оказались у странного деревянного сооружения, больше всего напоминающего небольшую лодочную станцию. Какие-то одинаково одетые люди, человек пять, деловито возились то тут, то там. Перед сарайчиком оказался заполненный прозрачной, чуть пенистой водой бассейн, или, возможно, небольшая естественная бухта, диаметром метров в сто, не больше. Между бухтой и морем был узкий пролив, перегороженный чисто символическими деревянными створками.

И в этом озере плавали, нет, вовсе не лодки, как мне показалось сначала — здоровенные бурые мордастые твари, каждая в две меня длиной. Деформированные крокодилы?! Водоплавающие вараны? Перекормленные анаконды с лапками?!

— Март, сволочь, ты решил скормить меня местным... — слово "динозаврам" — не выговорилось, и я захлебнулась своим возмущенным ужасом.

— Скормить? — искренне изумился Март. — Нет, я предлагаю тебе с ними поплавать!

* * *

— Слышь, ты... — начала я, пятясь назад, но Март решительно ухватил меня за плечо, подталкивая вперед.

— Агнесса, ты чего?!

— Меня достали твои шутки дебилские! Сначала ты поселил меня к этим своим девицам крайне лёгкого поведения, потом устроил это шоу нижнего белья, теперь хочешь с какой-то радости спихнуть в пасть к рептилоидным монстрам?!

— Монстры? Агнесса, ты в своём уме вообще? Это же кварки! И, умоляю, не кричи! Ты... привлекаешь к нам слишком много внимания.

— Дай-ка угадаю, — я с огромным трудом взяла себя в руки и понизила голос. — Священные животные?

— Символ добра и мудрости!

Я пересилила себя, отошла от Марта на метр вбок, на всякий случай, и посмотрела на тварей внимательнее.

Огромные неповоротливые на вид туши. Гибрид тюленя и крокодила, не иначе, лапы с перепонками, вытянутые туловища, сужающиеся к хвосту, мягкий гребень вдоль плоской спины...

В этот момент выбравшаяся на край бухты уродина соизволила зевнуть, а я резко развернулась к своему спутнику:

— Ты ещё скажи, что они травоядные!

— Нуу, этого я не говорил...

— И мы снова возвращаемся к вопросу про «скормить». Я не верю, что эти хищные твари настолько разумны, что рядом с ними можно оказаться в полной безопасности, даже если они, — я вспоминаю про специфические земные развлечения, — будут в клетке.

— Клетка для кварков? Тирата упаси... Да ты только посмотри, Агнесса! — Март тычет куда-то пальцем. — Посмотри! Видишь, там лирта в аквагическом костюме? Она владеет специальным донумом, и успокаивает кварков. Полностью их контролирует.

— Ты имеешь в виду... — меня окончательно замутило, — Ты имеешь в виду, что эти кварки ещё и дохлые?! Поднятые умертвия? Это такой специфический некромантский досуг, что ли?

— Агнесса, прекрати истерику и выслушай меня! — Март уже едва ли сам не плакал. — Разумеется, они живые. Эта лирта не некромантка, её донум — подчинение животных. Она занимается кварками почти всю свою жизнь!

— Да? — возмущение немного улеглось, придавленное интересом. — И такое бывает? Ну вот, а я всё детство об этом мечтала... А нельзя мой донум обменять на другой, а?

— Перестань нести чушь. Поплывать с кварками считается в Магре невероятной привилегией и удачей, и я не далее как вчера добился для тебя такого эксклюзивного времяпрепровождения не для того, чтобы ты мне тут ныла и слёзы лила. Ты же хотела магии? А общение с кварками обещает снисхождение и благосклонность Единой, а тебе это ой как надо!

— Стоп, — я заподозрила неладное, но всё ещё не верила в то, что это возможно. — Ты намекаешь, да нет, ты прямо говоришь, что сам плавать не собираешься, да? И что это я погружусь в бассейн с магрскими чудищами, оказавшись в полной зависимости от какой-то магической дрессировщицы, будучи немедленно сожранной в случае, если она отвлечётся?!

— Увы, будучи преследуемым недоброжелателями, будучи одной ногой в Винзоре, я не владею достаточными средствами, чтобы присоединиться... Лирта, я не прошу себе, если вы не испытаете этого удовольствия!

— Хочешь поглазеть, как я буду выглядеть в этой облегающей хламиде, гнусный развратник? Я категорически против, — угрожающе сказала я и покосилась на бассейн. На полтора десятка монстров одна хлипкая девица, то есть лирта — вообще не вариант.

Ни-ког-да!

* * *

— А-а-а! — орала я, когда ближайшая тварюга, подмигнув серо-зелёным глазом, подцепила меня носом под живот и поволокла на середину бухты, а потом через распахнувшиеся створки — в море.

Вероятно, донум заклинательницы чудо-животин позволял контролировать их даже в открытой стихии.

Кожа кварка оказалась упругой, гладкой, холодной, словно влажная резина. Не за что ухватиться, гребень слишком низкий и скользкий. Но зато спина плоская, и я закатилась на эту спину, как на водный матрас, стараясь не задумываться о том, что именно в этот момент лирта-дрессировщица, а точнее, магукротительница беспечно кокетничала со стоящим рядом Мартом, и на меня парочка вообще не смотрела.

Ему что, не хватило дома утех?..

А потом...

В какой-то момент мне стало совершенно безразлично что-то ещё, кроме самого движения, самой фантастической поездки верхом, которую только можно себе вообразить. Я даже оглянуться-то не успела, как оказалась в сотне метров от берега, фигурка Марта на берегу казалась крошечной.

— Умчи меня, олень, в свою страну оленью! — заорала я, прекрасно зная, что никто меня не услышит. Брызги, поднимаемые лаполастами кварка, то и дело попадали на лицо. И, наверное, только сейчас я по-настоящему и поверила, что я — в другом мире.

Глава 20.

Мы сидим на песке.

Март трясёт лохматой головой, вытряхивая песок. Каюсь, в том есть и моя вина. Кажется, первые минут тридцать после возвращения на твёрдую землю я провела в

состоянии аффекта. Не помню, что творила — что-то кричала, размахивала руками и пыталась швыряться в Марта всем, что попадалось под руку. К счастью, ничего особенного не попадалось, а то ведь я за себя не ручаюсь.

И вот я пришла в себя, и теперь нам обоим немного неловко. А может, и много.

Это море отличается от земного запахом. Пахнет иначе, влажной скошенной травой. И самую малость мятой.

— Говорят, на дне, — нарушает затянувшееся молчание Март. — Тоже растут тараксумы. Подводные. Огромные, с дом величиной. Красота....

Я едва ли не хрюкаю от неожиданности, но давлю смешок в кулаке.

А потом, неожиданно для самой себя, осторожно касаюсь пальцем вплавленного в кожу над виском Марта ромбовидного чёрного камня.

— Не больно?

— Нет, — но его лицо каменеет, и я испуганно отдёргиваю руку.

— Расскажешь?

— Что именно ты хочешь знать?

— Что это такое? У вас тут так принято? Как... украшения?

— Нет, — он явно колеблется, и когда я уже открываю рот для того, чтобы сказать, что нисколько не настаиваю на откровенности, неожиданно продолжает, глядя в стену. — Я... мы с Ильяной росли в довольно глухом местечке, далеко от Магристы. Я уже говорил, что наши родители умерли, нас с сестрой воспитывала прабабушка. Бабушка отца. Так получилось.

Мы помолчали ещё.

— Она была уже очень, очень немолодая женщина, со сложившимся взглядом на мир. Знаешь, из тех, кто не приемлет даже культ Тираты, который вошёл в силу всего лишь в последние полвека. Разумеется, до этого в Единую тоже верили, но раньше большое внимание уделяли грозным безымянным тёмным божествам, драям и другим сакралям.

По единственному верному, разумеется, мнению лирты Ласвиры, даруемые Единой донумы развращали и убивали своих носителей. В общем, когда выяснились мои способности к некромантии, она привела меня к своей соседке для того, чтобы их запечатать по древнему обычаю. Конечно, камень мезонтит гасит магию, но на самом деле в Магре его так мало и он так дорог, что все эти целители, лекарки, магички и прочая шушера, обещающая заблокировать нежелаемый донум, не более чем шарлатаны. Но каждый раз, несмотря ни на что, находится множество доверчивых граждан, — Март хмыкает и взъерошивает свои непослушные волосы, улыбается, немного натянуто.

— В общем, мне было шесть, когда наши с Ильяной родители сгорели в лесном пожаре, а бабка нашла меня, рыдающего на пожарище в компании обгоревших, мёртвых, но бодро прыгающих мелких лесных тварей. И лет восемь, когда терпение литры Ласвиры закончилось, и она привела поднимающего безголовых куриц, не в меру жалостливого правнука к своей соседке-магичке, с мнением которой она всегда считалась больше, чем с мнением верховного жреца Тираты. Ну и за одну зарезанную свинью да две кадки с квашеной рипсой маленького Мартена подвергли не самой приятной процедуре. Честно говоря, она имела эффект — это было так жутко, так больно, что пару лет после я действительно ничего магического совершить не мог, так боялся повторения.

— Дикость какая! — не выдержала я. — Но ведь твой донум остался при тебе?

— Это не мезонтит, просто речной камень, — Март пожимает плечами. — Хотя иногда

мне кажется, не случись этого всего, я... Но что было — то было. Мне не мешает.

Он так же осторожно, как и я только что, касается пряди моих чёрно-бирюзовых волос.

— Красивый цвет.

— В том мире, без магии, который мне снился, — я немного запинаясь, но всё же продолжаю, — люди не могут иметь такой цвет от рождения. А в Магре, выходит, могут?

— Цвет волос ни от чего не зависит, — Март уже привычно не удивляется моим странным замечаниям. — Просто какие-то оттенки встречаются реже, какие-то чаще.

— Нет никаких ограничений?

— Никаких.

Внезапно он поднимается на ноги, отряхивает песок с брюк.

— Подожди меня здесь, я сейчас вернусь, — и направляется в сторону кварковой бухты. А я, снова чувствуя эту щемящую нотку внутри, смотрю на медленно поднимающийся над горизонтом розовеющий Стилус.

* * *

— Молоко?!

Момент слишком уж романтичный, до слащавости. Небо такое синее-синее, и море отчаянно бирюзовое, вода пунцово блестит в лучах ночного светила, а пляж совершенно пустынный, ни одного человека не наблюдается, и такой чистый, ни бумажки, ни сигаретного окурка.

Вот сразу понимаешь — другой мир. Солнце белое, луна красная. И чистота, как на фотографиях в отфотошопленных рекламных проспектах.

Песок тёплый, нагретый, обувь я скинула, а Март уходил не просто так — притащил с собой два стеклянных бокала с чем-то холодным и белым.

— Молоко гваны! — заявил он гордо, как будто самолично доил вышеназванную гвану голыми руками.

Подал мне кружку и замер. Смотрит, чуть склонив голову к плечу. Улыбается.

Любуется.

А где-то в глубине глаз прячется тоска, такая неподдельная печаль, будто мы прощаемся прямо сейчас.

Будто он безумно не хочет меня отпускать, но и не отпустить не может.

...чего только не придумается! И я первая отворачиваюсь, собираю мельчайшие камушки, разбросанные по песку, и выкладываю из них его имя.

— Почему молоко, а не вино?

— Агнесса! — Март укоризненно качает головой. — Ещё немного — и я действительно и бесповоротно поверю в полную потерю памяти. В Магре запрещено пить алкогольные напитки под открытым небом.

— Это оскорбляет Тирату?

— Разумеется.

Не видя гвану живьём, довольно трудно решиться пить её молоко, если честно. Мало ли, из какого органа гваны оно добыто и вообще. Где гарантия, что гвана — млекопитающее? Может, "молоко" — это просто название?

— Что это такое? — Март с любопытством указывает пальцем на слово из камней.

А я отхлебываю из стакана большой глоток и некоторое время глухо кашляю. В целом на вкус ничего, сладкое и жирное, как молочный коктейль.

— Твоё имя. На моём языке.

— Ах, на твоём? Агнесса, ну, сколько можно? Зачем?

— Ты думаешь, я смогла бы так просто такое выдумать?

Он некоторое время разглядывает меня, задумчиво.

— А твоё имя как будет?

— Сейчас...

Некоторое время мы собираем камушки, то и дело сталкиваясь пальцами в песке. Я выкладываю "Камилла".

— А вот эти две буквы одинаковые, — почти с детским восторгом говорит Март. — А можно я?!

Розовые в свете Стилуса барашки пены прыгают по водной глади.

— Почему здесь никто не купается? — вдруг спрашиваю я. — Это тоже... оскорбит Тирату и всё такое?

Март смотрит на меня исподлобья.

— Я не издеваюсь, я правда не знаю!

— Агнесса, кто ж просто так полезет в море, не огороженное дикое море? Сожрут же.

— Кто?!

— Полно желающих, хищные рыбы, рачки ядовитые, асгусы не сожрут, но покусают будь здоров.

Романтическое настроение отчего-то развеивается без следа.

Лучше никогда не забывать о том, что вокруг тебя масса невидимых глазу желающих подзакусить.

Или просто укусить, что ненамного лучше.

Глава 21.

Гванами, дающими сладкое молоко, оказались те самые длинноухие массивные создания, которых я заприметила неподалёку от дома утех. Как я поняла, на мясо их не пускали и в качестве ездовых и тягловых животных тоже не использовали. Спрашивать, почему, не стала — по ошеломлённому лицу моего некроманта и так понятно. Интересно, каким образом Тирата давала населению возможность понять, что именно ей не нравится и что её оскорбляет? Плевала с небес в бокалы с вином, например?

Впрочем, может, и плевала.

Кстати, мельком, издалека я видела статую Единой — на одной из площадей, которую Март назвал "лиловой". На первый взгляд, статуя как статуя, женщина как женщина, обнаженная, впрочем, фигового листа на интимных частях тела не исключая — мой взгляд, мазнув по стройной каменной фигуре, неожиданно зацепился за нечто совершенно иное.

Листок из местного бумагоподобного сырья бессовестно трепыхался на фонаре в полтора человеческих роста, изящном, изогнутом, больше всего напоминавшем колокольчик, вырезанный из зеленоватого металла — по виду того самого, из которого здесь делали деньги. Совершенно замечательный фонарь, со стеклянным колпачком-цветком наверху, но дело было всё-таки не в нём, а в приклеенном листке. С моим хмыровым портретом по центру. Похожий показывал мне королевский следователь Лигран.

Я застыла перед трёклятым фонарём, не в силах отвести глаз от искусно нарисованного лица молодой женщины в обрамлении чёрно-бирюзовых волос, понимая умом, что она — это я, но до последнего не принимая этот нехитрый факт.

Она — это я. Меня действительно ищут. Меня могут найти в любой момент!

Я отшатнулась и врезалась в стоящего за спиной Марта, а тот ухватил меня за локоть и

потащил прочь.

— Тише, тише, тише, — вполголоса бормотал он. — Агнесса, не дёргайся так, ты привлекаешь к нам слишком много внимания. И не смотри на меня с таким видом, будто я превратился в кварка. Улыбочку, улыбочку, лирта, и мы спокойно уходим, как ни в чём не бывало, ну же, всё в порядке, моего-то лица там нет, в случае чего мы незнакомы, запомнила?!

Я со всей силы дала ему локтем под рёбра:

— Слушай, ты..!

— Это же была шутка, чтобы тебя отвлечь, — простонал Март, не выпуская меня из рук. — Агнесса!

Мы отходим прочь от площади, и я снова жалею, что не представляю, как обуздать свой донум.

Может, и нет никакого дара? А тот перенос — просто случайность, магический выверт этой странной реальности...

— Что там написано? Под рисунком.

Март приподнимает бровь.

— Есть варианты?

— Конечно, есть, — сердито ответила я. — Хотелось бы узнать, кто из двоих садистов-извращенцев за меня взялся. Ставлю, конечно, на королевскую полицию, но и жрецов не исключаю.

И Март смотрит на меня, пристально, серьёзно, даже, пожалуй, слишком серьёзно для такого дурачка. И вдруг притягивает к себе ближе, обхватывает ладонями лицо, утыкается лбом в лоб.

— Ты чего?

— Мне кажется, на нас смотрят. Сделаем вид, что увлечены друг другом.

А мне кажется, кто-то врёт и не краснеет.

— Кто именно из жрецов тебя допрашивал?

— Лирт Веритос, если я не путаю имя. По виду главный. Длинные сиреневые волосы и взгляд уверенный.

Не то что бы в близости наших лиц было что-то особенное. И я была уверена, что Март не будет пытаться меня поцеловать, у него даже в мыслях такого нет, и всё же чужое тёплое дыхание касалось кожи, мысли пугались.

— Почему ты назвала их садистами?

— Ну, насколько я понимаю, жреческий донум заключается в определенном... подчинении воли, — а может, Март — тоже жрец? Иначе как можно объяснить то, что я не чувствую в себе сил сопротивляться? — Им нет нужды запугивать или угрожать. Один только взгляд — и ты сам себя задушишь собственными руками. Непередаваемые ощущения, — от одних только воспоминаний мурашки бегут по телу.

— А следовательно? — Март не задаёт вопросов и не выказывает никакого удивления, из чего напрашивается вывод, что с методами и талантами жрецов он знаком.

Интересно, откуда.

— А тот попросту пытался запугать и полапать, — хмыкнула я, и руки моего случайного спутника, ставшего вдруг таким важным и почти уже родным, больно сжались на плечах.

— Даже так?

Пожимаю плечами, пытаюсь вернуться к прежнему хладнокровию.

— А кто бы ему помешал? Ещё надо сказать спасибо, что только полапал. Никогда ни в каком из миров не было закона над законом.

— Это королевская полиция! — цедит Март сквозь зубы. — Это...

Его слепая наивность и вера в благородство властей даже умиляют.

— Всё ещё смотрят? — говорю я вместо поддержания бессмысленного разговора. Почти с сожалением Март размыкает руки.

— Нет. Можем идти.

* * *

В соответствии с озвученным Мартом планом, сегодня нам следовало перекантоваться в Магристе, завтра днём сюда приезжала благополучно выбравшаяся из Винзора сестрица, а завтрашней ночью мы встречаемся с человеком, который должен доставить поддельные документы торговой гильдии, по которым мы могли бы покинуть Магристу и уехать в забытый Тиратой автономный округ Маграта, переезд куда крайне поощрялся властями ввиду необходимости развивать сей отсталый и малолюдный регион.

План мне не нравился.

Не нравилось находиться в столице, где на каждом третьем фонаре сияла моя физиономия, а поскольку бумажные объявления и афиши здесь распространены не были, прохожие с удовольствием разглядывали эту такую диковинку.

Одновременно — не нравилась идея покинуть Магристу, не сделав и попытки разобраться хоть в чем-нибудь. В мои личные планы не входило пожизненное поднятие иномирной целины, в пассивном ожидании чуда, особенно в том месте, куда активно зазываемый народ переезжать не спешил. Очень даже вероятно, что выехать оттуда будет намного сложнее, чем попасть, а жить так и вовсе невозможно.

Отчего-то не нравилось то, как едва ощутимо напрягался у Марта голос, когда он говорил про сестру, да и Ильяна эта не понравилась совсем, если честно. На мой взгляд, при любом раскладе тащить её за собой не было ни малейшей необходимости.

— Агнесса, — вздохнул Март, едва мы оказались за дверью комнаты в небольшой унылой гостинице, где нам предстояло пережить ночь — злоупотреблять гостеприимством Клариссы и её девочек он почему-то не пожелал. — Я понимаю твоё желание разобраться в произошедшем, но... Сказать по правде, мне трудно понять всю эту абсурдную историю. Не знаю, какие у тебя могли быть мотивы, но фегинос — это очень серьёзно. Он должен быть возвращён в храм. Навлекать гнев Единой на целую страну, это не шутки.

— Понять или поверить мне? — я оглядываюсь, оценивая перспективы ночёвки. Кровать низкая, очень широкая, одна штука. Прямо на полу валяются тёплые и явно пыльные одеяла.

— Всё это очень странно. Ты утверждаешь, что ничего не помнишь, но такого просто не может быть. Память — не заколка, чтобы её потерять!

— Ты мне не веришь, а я не вру. Меня действительно зовут Камилла. Они все ошиблись, они поймали не ту девушку. Фегинос украла, возможно, какая-то Агнесса, а я тут совершенно не при чём!

Поворачиваюсь к Марту, одновременно гневно встряхивая пыльное одеяло, и сама же оглушительно чихаю.

— Тогда кто ты? — о, этот участливо-насторожённый взгляд, как на психбольную. — Ты якобы потеряла память, но настолько уверена в том, что говоришь?

— Я не теряла память, — выдыхаю я. Возможно, объяснять всё следовало с самого

начала, а теперь я понимаю, что любое придуманное объяснение будет звучать не столь абсурдно, как правда. — Я Камилла, родилась в другом мире, в котором у людей нет никаких магических донумов, у нас не верят в Тирату, нет кварков. И даже королей нет, правителя выбирает народ, ну, думает, что выбирает... не важно. Я не крала фелинос, я вообще не хочу находиться тут с вами всеми, честно говоря. Ну, у вас же тут магия, не может быть, чтобы вы о таком не слышали, что мне делать?!

— Тише, тише, — снова успокаивающе приговаривает Март, протягивая ко мне руку с таким видом, словно я взбесившаяся морская свинка. Вроде и смеху больше, чем страху, а тяпнуть за палец тоже может так, что мало не покажется. — Тише, Агнесса, Камилла, как хочешь, так и буду звать, делов-то. Агн... Камилла, знаешь, всякое бывает, миры там разные, донумы, кварки, ты главное не нервничай. Попробуй успокоиться, ложись спать, а вдруг тебе во сне сегодня приснится, где находится фелинос? Все наши проблемы бы решились мигом. Такое, знаешь ли, тоже бывает. Люди говорят...

Не верит.

— Не хочу тише, не хочу успокоиться, я уже не могу больше, — зло рычу я, хватаю подушку с кровати и запускаю в стену. Неожиданно тяжелая, словно набитая не пухом, а крупной подушка уверенно летит через всю комнату и... исчезает, словно воздух всасывает её в себя.

Глава 22.

Из сна меня выбрасывает, как стеклянную бутылку с посланием из морских глубин на песчаный берег.

В комнате полумрак. Приятная тяжесть одеяла позволяет смириться с утренней прохладой. Сквозь небольшую щель в плотных, суровых занавесках, почти что глухо закрывающих единственное окно самого экономного номера этой гостиницы, ладно, мотеля, подворья, на худой конец постоянного двора, робко пробиваются белые лучи Луавы.

Март спит, положив мягкую гладкую щёку на мою ладонь. Каштановые вихры волос прикрывают глаза. И я на пару секундочек замираю, глядя на эту умирительную сцену.

Никогда я ещё ни с кем в одной кровати не просыпалась. Любопытно, имелся ли такого рода опыт у лирты Агнессы. Пока что её жизнь для меня загадка.

Руку надо бы осторожно вытащить, вылезти из кровати, отправиться совершать необходимые утренние процедуры в тазу с водой, вероятно, ставшей под утро просто ледяной, а потом возвращаться к обдумыванию всё тех же животрепещущих вопросов, кто виноват и что делать, но я малодушно позволяю себе ещё немного полюбоваться умиротворяющей картинкой спящего рядом молодого мужчины.

Вчерашний вечер никак не предвещал такого мирного уютного утра.

Могу авторитетно заявить: стремительно исчезающие в воздухе подушки отрезвляют куда вернее, нежели пощечина, стакан холодной воды, хватание за руки и выкрики "Успокойся! Возьми себя в руки! Что ты творишь!".

Разом успокоившись, я опустилась на кровать, а Март неуверенно подошёл ко мне и присел рядом. Взлохматил волосы.

— Не знаю, что и делать, — неожиданно сказал он. — Единственное, в чём я могу быть уверен, это в том, что мы вместе были в Винзоре. Но дальше... Кто ты? Что произошло в действительности? И чем нам это грозит? Всё было бы гораздо проще, если бы я был один, но Ильяна...

— Ты не обязан со мной возиться, — тихо ответила я, чувствуя, как внутри ворочается

холодный и тяжелый каменный змей. — Ничем не обязан.

— Ты мне жизнь спасла... И теперь мы вроде как не чужие друг другу люди. А вообще, надо держаться вместе. Просто... — Март заглядывает мне в лицо. — Прошу тебя, не надо ничего выдумывать. Не обманывай меня. Пожалуйста. Всё сложно и без этого.

— Если бы я сама хоть что-то понимала! — пожаловалась я, откидываясь на спину на кровать. — Даже с донумом своим разобраться не могу. Теперь вот без подушки осталась. Интересно, куда она делась. Небось свалилась кому-нибудь на голову. Хорошо бы, лирту Веритосу. Хотя... не сможет ли он так нас выследить?!

Озадаченная этой мыслью, я резко села снова.

— Никто не отследит. Подушку можешь забрать мою. Угомонись, Агнес... — Март споткнулся на полуслове. — Так как тебя всё-таки называть?

— Можешь чередовать, — мрачно ответила я. — Чтобы не забывать ни то, кем я была, ни то, кем я стала.

Мы переоделись во второй комплект добытой Мартом одежды. Спустились поужинать — полная угрюмая хозяйка оставила нам две порции картофельной запеканки с мясом. Наконец, Март задул свечу в стеклянном фонаре с толстыми стенками. Зашебуршал рядом, заворачиваясь в своё одеяло.

— Я не вру тебе, — тихонько сказала я темноте. — Просто правда такая... странная. Даже в этом более чем странном мире.

— Расскажи мне тогда о своём мире, — ответила темнота голосом Марта. — В нём у людей нет донумов? И магии? А как тогда..?

— Магии нет...

Я говорила и говорила, рассказывая обо всём, что приходило в голову, а потом перевела дух — и услышала ровное мерное дыхание крепко спящего человека рядом.

И отчего-то вместо облегчения почувствовала разочарование.

* * *

Ильяна косится на нас хмуро и недовольно. И в принципе недовольство своё она аргументирует вполне конкретно: раз уж на меня идёт облава, надо сидеть тихо и не высовываться, а не шляться по всяческим питейным заведениям в компании её безмозглого бедового брата. Конечно, по сравнению со мной, Мартен просто агнец божий, то есть, простите, Тиратин. Хоть и был приговорён к смерти, но это же исключительно из-за строгости магрских законов, а вовсе не из-за тяжести содеянного. В отличие от меня Март реликвию государственного масштаба не крал, полиции и жрецам на хвост не наступал и не строил из себя бедного-несчастливого, потерявшего память и половину мозга, а также совесть и весь комплект моральных качеств в придачу...

Всё это Ильяна упорно бубнила себе под нос, но обязательно так, чтобы я её слышала, а брат нет. И в своём раздражении и неприятии меня она была настолько искренней, что несколько раз я всерьёз подумывала, что она-то как раз и сдаст меня властям, наплевав даже на обожаемого единокровного родственника: слишком уж неприязнь велика.

Краска для волос, которую достал-таки Март, оказалась, разумеется, вовсе не краской для волос, коих — и бордельные девочки в этом были совершенно правы — в этом мире не водилось, а просто какими-то особо стойкими чернилами растительного происхождения. Поскольку опыта покраски я не имела никакого, а мои руки росли явно не из того места, из которого они растут у всяких там парикмахеров, стилистов, художников, портных и прочих одарённых людей, пришлось обращаться за помощью к Марту. В результате мы оба

оказались по уши в мелких чёрных пятнах, как щенки далматина, но предательский бирюзовый оттенок с волос и бровей всё-таки спрятали.

Вот для чего нужна магия, если в простейших вещах обычным людям приходится испытывать такие трудности?

«Сходить куда-нибудь развеяться напоследок» предложил Март, чьё философско-задумчивое настроение с появлением сестрицы испарилось без следа — не ворчать же вдвоём, для баланса кто-то должен и смеяться. Не я! Но Ильяне было на это искренне наплевать, и сейчас она буравила мою спину гневным негодующим острым взглядом. От этого я не могла спокойно усидеть на одном месте, буквально подсакивала и подпрыгивала, и как-то упустила тот момент, когда Март подсунул мне на удивление знакомо пахнущий фиолетовый напиток.

— Это что? — мрачно осведомилась я. — Неужели тоже чернила?

— Гораздо лучше! Напиток из черноцвета — помнишь, такие ягодки? Кларисса говорит, ты их тогда ела — только шум стоял! — глаза моего персонального некроманта смотрели на меня чуть ли не с нежностью, и я спряталась за стаканом, потому что...

Потому что на самом деле, всё очень и очень плохо. Я нахожусь неизвестно где, в каком-то сумасшедшем мире со священными кварками и тараксумами, за мной охотятся король и верховный жрец, какая-то до безумия похожая на меня идиотка по имени Агнесса убила человека и украла чёртов фелинос, да что там говорить: в мою честь назван публичный дом!

А я как ни в чём не бывало сижу в какой-то местной пивнушке и смотрю в дурашливые и одновременно серьёзные глаза парня, которого и мужчиной-то не назвать.

Сплошное недоразумение.

— Ты — сплошное недоразумение! — сообщила я и залпом выпила предложенный бокал. В висках разом зашумело, и мне стало куда спокойнее.

Ну, охотятся и охотятся. Ну, другой мир — и что с того.

— Почему? — обиделся Март.

— Ну а что ты вообще такое? — невнятно спросила я, и схватила второй бокал, Март только успел открыть рот, а всё, поздно. Я что ли виновата, что оно так легко пьётся, а у меня так много поводов напиться? — Вот некромантство это твоё. Да ты же ничего не умеешь, ни на что не способен. Крысу дохлую поднял, червяка какого-то — и всё! Ни тебя, ни меня это не спасёт. Не донум, а так. Ни о чём!

— Да что ты понимаешь!

— Уж побольше тебя, я книг про некромантов знаешь сколько прочитала?! Другой бы на твоём месте сейчас бы войско из скелетов поднял, захватил бы трон и спас девушку, но нет! Даже из тюрьмы нас с тобой спасла я и мой донум!

— Эй, давай-ка про тюрьму потише! — зашипел Март.

— Эй, лирта, это мой бокал! — возмутился какой-то незнакомый дядечка с окладистой бородой!

— Простите, лирта не в себе из-за несчастной любви! — Март кинул на стол несколько зеленоватых монет. — Лирте нужно на воздух!

— Сам ты не в себе! — слабо сопротивлялась я, пока он тащил меня на открытую и удивительно безлюдную, тихую террасу: очаровательно-уютную, с маленькими деревянными столиками в виде больших грибов с плоскими шляпками. На каждом из столиков в причудливых глиняных подсвечниках слабо горели довольно кривобокие

восковые свечи. — Сам ты иди на воздух!

Мы остановились, Март почти силой усадил меня на небольшой стульчик без спинки, наклонился, глядя в лицо пугающе бездонными чёрными глазами.

— Я не настолько безнадёжен, Агнесса. То, что я умею и знаю, уникально. Если бы только не этот дурацкий случайный прокол тогда... Но они все ещё узнают, кого и что потеряли. Пальцы себе до локтей сгрызут.

— Эй, — я, кажется, даже слегка протрезвела. Стало холодно, как-то неправильно холодно. И тихо. — Прости. Не то наговорила.

Впрочем, возможно, мне просто показалось — про холод.

— Я тебе докажу, — голос Мартена звучал так приглушённо. Так незнакомо. Он наклонился, и извлёк из голенища сапога маленький узкий кинжал — лезвие блеснуло в свете свечи.

* * *

— Ты сошёл с ума, — сказала я, и в этот момент была точно, на все сто процентов лишним уверена: да, он сошёл с ума.

А что? Что я в сущности, о нём знаю? Да, Март парень забавный, и в целом хороший, и не хотел бросить меня тогда, в тюрьме, и вообще... Но вот с другой стороны, привёл в дом утех, к кваркам этим кинул — будет так нормальный человек себя вести? Да и к тому же, донумы, кто их знает, как они влияют на сознание. Особенно то, что связано с некромантией, хотя даже сейчас Март не увязывался у меня с представлением о некромантах.

Некроманты должны быть такие страшные, жуткие, но красивые, властные, угнетающе-харизматичные, чтобы сама госпожа Смерть слюнями капала и руку для поцелуя протягивала. Такие как...

...следователь Лигран.

Точно.

Вот он — вылитый некромант. Или вампир. Нарисуй и на обложку. А Марту подошла бы роль молодого лешего. Лохматый и весь какой-то... некузявый.

Словечко, пришедшее на ум, едва ли не заставило улыбнуться — но нерождённая улыбка так и застыла на губах при взгляде на лицо Марта, на кинжал, зажатый в его руке.

А ведь на маньяков-то часто никто и не думает, что они маньяки. Ходят по земле такие милые обычные люди, работают, семьи содержат, кошек с собачками, возятся с незнакомыми девицами, а по пятницам душат ни в чём не повинных жертв колготками в тёмном переходе, потому что соседка тётя Люся сорок лет назад в детстве этими колготками по попе шлёпнула...

— Я тебе докажу, — повторил Март с какой-то печалью в голосе и неожиданно схватил меня за запястье, потянул к себе. Я хотела заорать, но крик буквально застрял в горле.

Нельзя шуметь.

Нельзя привлекать к нам излишнее внимание!

— Не бойся, — сказал Март. — Не бойся, это не больно. И недолго.

Ненавижу, когда так говорят! Хуже этого только «успокойся» и «не переживай».

Мы стояли теперь близко-близко, и я чувствовала исходящий от Марта сладковатый, даже приторный ягодный запах.

Наверное, он тоже пьян, и даже гораздо больше, чем я. Я знала, что так бывает, когда человека не сразу выдают шатающиеся движения или спутанная речь, а только эта острая,

отчаянная сумасшедшинка в глазах, эта улыбка...

Где я уже могла видеть подобное?

Отец, вот где. Отец, когда я была ещё совсем-совсем маленькой, три года, или четыре, или пять... Он приходил с работы, очень поздно, обычно я уже спала, но иногда мы всё же пересекались в коридоре или комнате, и тогда он опускался передо мной на корточки, и я замирала, как суслик перед удавом, глядя в его зелёные, в задорную коричневую крапинку глаза.

Вот и сейчас замерла.

Я чувствовала злой колючий холод и давление металла на своих предплечьях, чувствовала кровь, тёплую, влажную, но не могла пошевелиться, сопротивляться — тоже не могла. Единственное, на что меня хватило — опустить вниз глаза и увидеть вспухшие крестообразные надрезы на моих руках — и его. Наша кровь, показавшаяся мне чёрной в сгущающейся ночной тьме, вытекала из ран, смешивалась — но не капала на деревянный дощатый пол, а будто таяла с лёгким серебристым дымком.

Март обнял меня одной рукой, той, что без кинжала, за спину, я чувствовала ледяное прикосновение его губ к шее, слышала, как он шепчет какие-то непонятные слова, в которых было слишком много шипящих и слишком мало гласных, и меня трясло так, словно земля вот-вот должна была разверзнуться и навсегда поглотить нас обоих и весь этот проклятый мир заодно.

Глава 23.

Назад я иду, шатаюсь, а Март придерживает меня за локоть. От предчувствия беды, осознания того, что он сделал со мной что-то неправильное, что-то противоестественное и нечто фатально-непоправимое, кружится голова и всё, недавно выпитое и съеденное, просится наружу, настойчиво требует выхода из организма. Язык онемел, и если бы я ни была уверена в том, что головой не ударялась, запросто поставила бы себе диагноз "сотрясение головного мозга".

Сотрясение здравого смысла...

Несколько шагов от террасы до питейного заведения кажутся невообразимо долгими, земля качается под ногами, я открываю рот, чтобы спросить, бывают ли на Магре землетрясения — и не произношу ни слова. Отвращение, которое я, буквально получасом ранее чуть ли не влюбленная по уши, чувствую в данное мгновение к своему спутнику, так велико, что, вероятно, именно оно, а вовсе не мистический обряд, вызывает эту сводящую желудок дурноту.

— Что ты со мной сделал, — наконец выдавливаю я из себя. В этот же самый момент где-то над нашими головами со скрипом распаивается окно, а в следующее мгновение на нас выплёскивается поток холодной и отвратительно пахнущей воды.

— Маг хмыров... — у меня зубы начинают стучать, дурацкий рефлекс, привязавшийся с детства — нижняя челюсть подрагивает, как у скелета в низкопробном ужастике. — Даже от ведра с помоями девушку защитить не можешь...

— Стихией воды владеют только представители королевской династии, — кажется, прежний Март возвращается, вот только — слишком поздно. — Агнесса, ты, это...

— Что ты со мной сделал?

— Да... да ничего я с тобой не делал! — как-то нервно огрызается Март и тревожно оглядывается по сторонам, встряхивая мокрой головой, словно вылезшая из реки собака. — На самом деле... ну... да, я знаю об одном редком и сложном заклятии, но, если честно, ты

права. Некромант из меня никудышный, на практике я его не применял ни разу, и не уверен, что сейчас получилось что-либо путное. Так что... не обращай внимания. Вообще-то, пьянящие напитки плохо на меня действуют. Не сердись, ладно? Я не хотел ничего... такого. И вот за это... — он берёт меня за запястья и касается подушечками больших пальцев почти затянувшихся крестообразных надразов. — Не знаю, что на меня нашло. Гордость мужская выиграла, что ли, ну и алкоголь... Ну, тебе тоже не следовало такое говорить, и вообще...

Я отдёргиваю руки. Его прикосновения сейчас неприятны.

— Надеюсь, ты, со своими привычками к посещению домов любовных утех, как женских, так и мужских, не заразил меня через кровь никакой болезнью, интимного свойства. Я, знаешь ли, не для этого из тюрьмы сбегала.

— Да не кричи ты про тюрьму, тут же люди кругом! — умоляюще зашептал Март. — И нет у меня никаких привычек, всё только по работе... то есть по учёбе... то есть по чистой случайности! И болезней тоже никаких нет, здоров, как гвана!

Я решительно распахнула тяжёлую деревянную дверь, разом обрывая всё его жалкое оправдательное бляение.

Ильяна так и сидела за столом, где мы её оставили, нервно сжимая руки. Бокал с чем-то ярко-красным стоял перед ней нетронутым. Впрочем, не исключая, что это, например, седьмая порция за вечер — судя по мрачному, почти похоронно-трагичному выражению её хорошенького личика, Ильяна была как раз не против как следует надраться и забыться.

Может, и надо было бы. Вдруг подберет и поймёт, что мы в одной лодке. Точнее, на одном кварке.

...раз начинаю глупо шутить, значит, уже прихожу в себя. Недавняя мутная хмарь отступала, и мой спутник уже не казался мне inferнальным безумцем. Ну, подумаешь, порезал чуточку, так с меня и не ubyло, что там несколько капелек. И вообще, он был нетрезв, я была нетрезва, да ещё и наговорила лишнего, ткнула в самое неприкосновенное интимное мужское место — самолюбие. Кто ж так делает!

Мы опустились за стол, и сестра Марта смерила нас по очереди подозрительными взглядами, как будто она была матерью-настоятельница строгого католического монастыря, а мы с некрмантом — озорными послушницами, застуканными ею в полночь при попытке вылезти из окна кельи во фривольных мини-юбках.

— Закажи чего-нибудь поесть, — прервал неловкую паузу Март, словно не замечая недовольства сестры. — Я хочу мяса. Много мяса и...

Входная дверь местного паба с грохотом распахнулась, как уже происходило не раз и не два за этот бесконечный вечер. И я, конечно же, не обратила бы внимание на очередное вторжение, если бы не моментально наступившая тишина. Обслуживающие гостей девицы, сами гости, пухлый и весь какой-то квадратный лысоватый хозяин, даже экзотически розовые птицы в просторной клетке, покачивающейся надо внушительным клавишным инструментом, напоминающим сильно мутировавший рояль, жертву музыкальной радиационной катастрофы — всё на мгновение замерло, как в кино, поставленном на паузу.

"Сейчас кто-нибудь скажет "стоп, снято!", и этот кошмар закончится" — мелькнула у меня мысль, обжигающе-сладкая надежда.

И голос в тишине действительно прозвучал:

— Никому не двигаться. Именем короля!

Глава 24.

Тревожная, болезненно натянутая тишина звенела ещё несколько бесконечных

мельчайших мгновений, а потом в противоположной от нас стороне местной таверны раздаётся пронзительный женский визг, звук оплеухи и пьяная ругань. Стражники — человек десять, не меньше, точно киборги, как по команде синхронно и бесшумно развернулись на звук. Сделали шаг.

Чёрт.

Я всё ещё надеялась на что-то, надеялась, потому что этого же просто быть не может! Совпадение, ошибка, розыгрыш, происки конкурентов хозяина, наконец! Да, конечно, в городе я видела те самые развешенные объявления о себе-сбежавшей, крайне опасной преступнице, убийце и воровке, блаблабла, но я же столько времени провела совершенно спокойно, проходила мимо молчаливых стражей без малейшего трепета, наблюдала праздно шатающихся горожан и прочее, нет-нет-нет, не может быть никакой облавы, никакой охоты на меня, в таком мирном, спокойном городе в такой мирный, спокойный вечер это попросту невозможно! И если меня сейчас схватят, если вернут обратно в ту тюрьму и будут допрашивать о непонятном чёртовом фелиносе, грозить близкой и жуткой смертью, гипнотизировать, как тот жрец... нет, увольте. Больше не хочу! И не могу.

Наверняка появление королевских стражей — всё те же синие костюмы и металлические пуговицы — никак не связано со мной. Ха, да что я вообще о себе возомнила, можно подумать, вселенная только вокруг меня и вращается. Может быть, кто-то тут задолжал карточный долг, или толкает порошок из черноцвета по завышенным ценам, не делясь с крышующими, или...

Март схватил меня за руку и резко дёрнул вниз, под стол. Скатерть из плотной, шершавой на ощупь ткани — наверное, чтобы посуда меньше скользила — удачно достаёт до самого пола. Я стучаюсь лбом о ножку стола, но даже не замечаю этого. Там, снаружи, раздаются какие-то выкрики, шумы, звонко бьётся посуда, падает мебель, повторяется крик незнакомой мне женщины — а может, она нам жизнь сегодня спасла, это замечательная истеричка, чьего имени я никогда не узнаю?

Пытаюсь сесть поудобнее, но чуть не вываливаюсь из нашего, скажем прямо, сомнительного убежища. Стол не такой уж большой, и чтобы поместиться вдвоём и не выдать себя судорожным колыханием ткани, приходится замереть в самой причудливой позе. Март осторожно тянет меня на себя, и сопротивляться сейчас нет никакой возможности, его отвратительные магическо-некромантские эксперименты временно отходят на второй план. Губы почти касаются кожи, горячее дыхание согревает шею и ухо.

— Нужно уходить.

Гениально.

— Пожалуйста, постарайся им не попасться.

Против воли, несмотря на злость от этих его бессмысленных и очевидных до зубовного скрежета слов, я чувствую неприятный холодок внутри.

— Мы вместе постараемся, — чуть разворачиваюсь, насколько это возможно, но до его уха не дотягиваюсь, приходится говорить почти рот в рот. — Ты, вроде как, тоже был к смерти приговорён.

— Я им не нужен. Не сейчас, когда до Венуты осталось совсем немного.

— Зато ты нужен мне.

Плотная ткань с неохотой пропускает и без того неяркое освещение таверны. Но всё же я вижу очертание лица Мартена, чёрные ромбики на висках, тёмные живые глаза. Более чем неуместно объясняться в чём-либо прямо сейчас, но когда Март легонько скользит губами

по моему виску, я едва удерживаюсь от того, чтобы не вскарабкаться к нему на колени, обхватить руками и ногами.

Прижаться хочется безумно.

— Лирта, — плохо понимаю, о чём он говорит. — Ты можешь переместиться отсюда, прямо сейчас? Попробуй, у тебя же получилось в тот раз, ну же, давай... Я не хочу снова им попадаться, в Винзоре мясо не прожаренное и специи не те.

— Мне так вообще мяса не давали.

— Изверги, что и говорить.

...да мы же созданы друг для друга!

Я отпускаю всё, что суетливо, бестолково мечется в голове, кладу руку ему на затылок. У меня должно получиться, конечно, всенепременно, хотя я понятия не имею, как этим управлять, и совершенно не помню, что предшествовало первому и пока единственному перемещению. Очень, очень хочется его просто поцеловать, может быть, мы больше не увидимся, но я позволяю себе слегка прижаться губами только к слегка колючему подбородку.

Возможно, я так никого уже и не поцелую за всю свою короткую и бестолковую, хотя уже и не сказать, чтобы скучную жизнь. То, что было в четырнадцать лет с Пашкой... чёрт, как там его фамилия? — за настоящий поцелуй не считается, правда?

— Если что — просто беги. Беги и помни: я им не нужен. Агнесса... Камилла.

В первое мгновение мне кажется, что у меня действительно получилось, что магия, донум действительно существуют, потому что в глаза ударяет ослепляюще яркий после темноты свет, а земля и небо меняются местами. И только потом до меня доходит: наше укрытие, прямоугольный деревянный стол, резко переворачивается, снова ударив неудачливую иномирную лирту по её бедовой романтической голове ножкой. Впрочем, есть в этом и плюс — романтическое настроение вылетает в трубу, сознание проясняется, и я вижу прямо над собой с десятков перекошенных рож, потом Март вскакивает и врезается в ближайшую кулаком.

Кажется, получает в ответ.

Кто-то — Ильяна?! — хватывает меня за рукав, и тянет прочь, как ни странно, но нам удается добраться до открытой двери.

— Беги! — рычит сестра Марта. — Беги, и оставь его в покое, хмыра драная!

И я бегу.

Бегу.

И бегу.

...метра два, наверное, пробежала. Не больше.

Глава 25.

Чья-то рука хватает меня за плечо, а вторая зажимает рот — вот теперь я поняла выражение «стальные клещи», а раньше-то это казалось сплошным преувеличением. Нет, натуральные стальные клещи с когтями на кончиках, и они без особых усилий тащат меня, будто я мешок, набитый ватой, едва ли не отрывая от земли, в сторону, в тень той самой уличной террасы с грибами-столиками, где буквально полчаса назад — впрочем, со временем могу и ошибиться — Март смешивал нашу кровь. При мысли об этой, даже при отблеске мысли об этом по коже пробежались ледяные мурашки. Впрочем, что было, то было, а вот сейчас...

— Лирта, не делайте глупостей и не кричите, это не в ваших интересах. Сейчас я уберу

руку, и мы поговорим. Если вы будете вести себя адекватно, наш разговор будет на двоих.

Отчаянно киваю головой. Какие там глупости, у меня, кажется, рука сейчас отвалится! Следователь Лигран небрежно присаживается на столик, чёрные длинные волосы слегка мерцают в темноте, а я машинально подскакиваю.

— Что?

— Там свеча стоит, плащ не подпалите?

— Лирта, в камере вы симулировали безумие куда удачнее.

— Я не... Ладно, проехали. О чём вы хотите поговорить?

Как это не странно, он не вызывает у меня панического страха, даже сердцебиение постепенно приходит в норму. Странно, потому что — попалась ты, Камилла. Добегалась. И какая тебе разница, кто проводит тебя в могилу, красавчик с обложки или дедок-фанатик? Но, видимо, разница была.

А ещё — какая-то смутная надежда. Раз уж он говорил о разговоре "на двоих". Жаль только, мне совершенно нечего ему сказать.

— Вы думаете, что-то изменилось с прошлого раза? Время идёт. До Венуты осталось десять дней, моя прекрасная лирта. Приказ о вашей казни подписан и просрочен, а просроченные приказы плохо пахнут и вызывают головную боль Его Величества — он невесело хмыкнул. — Кстати, как вам удалось? Винзор до этого считался непокоряемым, надеюсь, вы не болтали о произошедшем направо и налево? Это здорово испортило бы его репутацию...

— Ну, что вы, — вежливо говорю я. — Напротив, я распускала о Винзоре только самые ужасающие слухи. Кормят отвратно, пытаются на допросах, ловят невиновных. И главное — ни слова лжи.

— Фелинос не найден. А вы гуляете по столице, как беспечная провинциальная гостья, — он недовольно качает головой. — Агнесса, я разочарован.

— Ну, извините, — я опустила обратно на деревянный стул. — Вы мне не верите, а с прошлого раза действительно ничего не изменилось. Я всё так же не знаю, о чём идёт речь и ничего не помню.

— Я только не могу понять, — всё так же задумчиво и почти спокойно произносит Лигран. — Зачем вам было это надо? Вас кто-то нанял? В таком случае фелинос был бы уничтожен, а вы должны были получить плату и исчезнуть. Но вы здесь.

Как и в случае с Мартом, он кажется мне сейчас совершенно другим. Незнакомым — не таким, как раньше, и странно знакомым одновременно. Может быть..?

— Мы не встречались с вами раньше? — вдруг глупо спрашиваю я и чуть ли сама себе не затыкаю кулаком рот. А я-то ещё злилась на героинь романов, любящих некстати выяснять отношения на пороге смерти! Но сейчас мне отчего-то показалось очень и очень важным выяснить этот вопрос.

Лигран смотрит на меня. У него длинные тёмные ресницы, прямой нос, а волосы такие шелковистые на вид, что мне, кинестетику до мозга костей, безумно захотелось провести по ним рукой. Впрочем, по его же словам, попытки соблазнения с моей стороны уже были — и не привели к успеху.

— Агнесса, у меня была слишком непростая юность, — негромко говорит он. — И слишком сложная служба в более зрелом возрасте, чтобы я мог забыть чудесную улыбчивую малышку, наливавшую мне бесплатно чай от головной хвори, так вкусно пахнувший травами. Вам было лет... десять, двенадцать? — когда я снял комнатку напротив лавки со

снадобьями, принадлежавшую вашей матери. Год за годом, я шёл на службу мимо ещё затворённых ставень, загадывая про себя — если увижу мордашку прелестной девчушки с необыкновенным цветом волос, день будет удачным, и вы знаете, в этом прогнозе я ни разу не ошибался. Иногда по вечерам, если не было сверхурочной работы, я позволял себе заглянуть к вам в лавку и взять что-нибудь совершенно мне ненужное, в качестве предлога и символической платы за возможность видеть вашу искреннюю и такую светлую улыбку. Сперва вы угощали меня леденцами с травами, потом наливали тот самый чай, потом, смущаясь, просто здоровались... Иногда я думаю, что тем, кто состоит на службе в полиции, стоит за пределами службы носить на глазах чёрную повязку. Знаете ли, я никогда ещё не был настолько... разочарован.

Я сидела, ошеломлённая, а следователь Лигран поднялся.

— Спасибо хотя бы за то, что вы, в попытках меня разжалобить или подкупить, никогда не вспоминали об этом. А может быть, вы действительно меня не вспомнили? Впрочем, на самом деле, неважно. Я вынужден повториться, лирта Агнесса. Осталось десять дней.

— Но... облава... — мысли никак не хотели складываться в слова.

— Облава — это только фикция, — Лигран поморщился. — Должен же я отчитываться о проведённой работе по вашим поискам... Верните фелинос, Агнесса. Сами. Я клянусь вам что сделаю всё для вашей защиты.

— Я не...

Он поднимается и поворачивается ко мне спиной.

Уходит?

Просто уходит?!

Он действительно просто уходит!

И я тоже встаю, словно во сне, открываю рот, чтобы что-то сказать, потому что я обязана, просто обязана найти подходящие слова, чтобы он мне поверил, понял уже свою ошибку, чудовищную ошибку, которую я никак не могу исправить... И вдруг понимаю, что сказать ничего не могу. Двинуться — не могу. Такие омерзительные, такие знакомые ощущения.

Фигура жреца вырастает перед Лиграном, словно из-под земли.

— Вынужден возразить, лирт следователь, — голос его спокоен, тих и даже благодушен. — Я настаиваю, чтобы вы выполнили свой долг и немедленно арестовали эту девушку. Я настаиваю, чтобы справедливость была восстановлена, а королевский приговор приведён в исполнение. Я лично прослежу за этим.

— Звёздной ночи, лирт Веритос, — Лигран слегка опускает голову. — Вы, кажется, неправильно меня поняли. Именно это я и собирался сделать.

Глава 26.

Единственное утешение — Март, кажется, не попался. По крайней мере, как мне показалось, нашу маленькую скорбную процессию сопровождало ровно то же самое количество киборгообразных по степени вышколенности стражей, что и ворвалось в таверну, и никаких «пленных» не наблюдалось.

Надеюсь, он жив, здоров и свободен. Сбежал вместе со своей злобной, неуместно ревнивой сестрицей, которая ему так дорога. Ну, или хотя бы его побили несильно, исключительно в профилактических целях.

Вероятно, "ориентировка" была только на меня.

Вот и хорошо. Как бы не напугал меня Март со своими инфернальными попытками

доказать, что он некромант экстра-класса, зла ему я не желала. Верила, что ничего такого уж особенно плохого он в жизни не сделал, не такой человек. Накосячить мог запросто, а намеренно навредить — нет.

Я шла за лиртом Лиграном и не боялась ничего, абсолютно. Наверное, где-то в глубине души так и не могла поверить, что это всё, то есть моя жизнь, скоро окончится. Один ведь раз уже удалось сбежать?

Весь этот фарс, это безумное, жуткое и в чём-то прекрасное приключение могло закончиться, а моя жизнь — нет. Такая детская вера в собственное бессмертие...

Лилововолосый лирт Веритос сопровождать меня до Винзора не стал. То ли компания Лиграна ему не нравилась, то ли были какие-то неотложные дела, фегинос-то разыскивать надо, пока главная подозреваемая упрямо косит под дурочку, то ли просто не по рангу ходить в охранниках. Однако и отпустить меня со следователем, столь явно и крамольно высказавшим возможность моего ухода, верховный жрец явно не мог. Гипнотический контроль над руками и языком спал, хотя неприятные ощущения от вынужденного наложенного безволия сохранялись ещё долго — язык покалывало, а руки дрожали.

Буквально по щелчку невесть откуда возникли ещё две фигуры в жреческих одеяниях. Наголо бритые, лишённые каких-либо эмоций, словно каменные изваяния, служители Тираты более низкого ранга казались бесполыми и ненастоящими. Однако и такое сопровождение очевидно показалось жрецу недостаточным, поэтому после короткого совещания с моим сопровождающим я обзавелась довольно тяжёлым браслетом на плече, словно повязкой "народный дружинник" из советских времён. Никаких изменений не почувствовала, но матовый чёрный камень, плотно обхвативший руку, до боли напоминал вплавленные в кожу Марта ромбики.

Мезонтит? Или как там его... Магический камень, блокирующий магию. То есть в моём случае, возможность телепортации, стихийной или целенаправленной.

Что ж, это логично. Негоже будет, если птичка снова улетит из заботливо приготовленной клетки, выставив своих тюремщиков идиотами. Если верить Марту, камень дорогой и редкий. Интересно, с такой игрушкой становлюсь ли я неуязвимой и к магическому воздействию извне, или блокируется непосредственно только магия самого носителя?

М-да, бесполезный мне какой-то донум достался, бесполезный в силу своей неуправляемости. Вот становиться бы невидимой, или действительно через стены ходить, или хотя бы быть магом огня и спалить весь этот хмыров гадюшник, и храм, и дворец! Впрочем, революционные мысли в данный момент несколько неуместны.

Времени на размышления в условном наклонении оставалось немного. Мы прошествовали пешком минут пятнадцать, при этом немногочисленные прохожие жадно рассматривали нас с ног до головы, как дети — азиатскую вислобрюхую свинью в зоопарке. Я смиренно стояла под бдительным присмотром и стражников, и жрецов, красавчик-следователь куда-то отлучился и вернулся на редкость мрачный и даже злой, а зря — с моей поимкой у него есть хотя бы шансы на премию. Вопрос про Марта так и вертелся на языке, хотелось зажать рот кулаком.

Вместо этого я едва ли не до крови прикусила щеку и сосредоточилась на изучении транспортного средства — улицы Магристы, по которым я до этого ходила, были исключительно пешеходными, и я не видела, на чем тут ездят на дальние расстояния.

К сожалению, порталов в Магре никаких не было, передвигались здесь весьма

традиционным, веками опробованном в моём мире способом: на повозках, запряженных животными. Животные, правда, были ожидаемо экзотичными, больше всего напоминая подправленных генетиками гепардов: рослые, большелопатые, мускулистые, гладкошёрстные, с короткими ушами и хвостом. Звери, чьё название сообщить мне никто не удосужился, выглядели не живыми существами, а чистым функционалом. Вытянутый в длину экипаж из какого-то тёмного дерева походил на элегантный вип-саркофаг и располагался не позади зверей, а между ними. Хитроумные крепления-сбруи опутывали мощную грудь транспортных кошек, удерживая длинный металлический шест, за который и цеплялся местный аналог гроба на колёсиках. Зверюги смотрели на меня миндалевидными золотыми глазами. Вряд ли травоядные, ох, вряд ли...

Земной вариант, кажется, удобнее и проще. И дороги нет нужды делать такими широкими. Впрочем, какое мне дело? Мозг упорно цепляется за вещи, не имеющие никакого значения, чтобы не думать о другом, важном.

В «саркофаге» было на удивление комфортно. В моей прошлой жизни пару раз доводилось ездить в машинах премиум-класса, очень схожие ощущения: в меру мягко, в меру тепло, почти не трясёт, и воздух внутри прохладный, свежий.

Правда, довольно трудно наслаждаться комфортом, когда тебя фактически везут на казнь.

Лигран яростно смял какую-то бумагу в кулаке и высыпал на дорожку серый пепел. Сел со мной в саркофаг, и без возражений подождал, пока рядом заберётся один из жреческих соглядатаев.

Ехали мы долго, по моим ощущениям — часов восемь. Раза два останавливались по физиологическим надобностям, один раз Лигран подал мне флягу с водой. Бритый сидел неподвижно, уставившись в одну точку, выходил только со мной и терпеливо ждал поблизости, по своим делам не отлучался и воды не просил.

Возможно, у жрецов есть местный аналог шаолиня, где они славят Единую ("встретишь Тирату — убей Тирату"*), развивают донум сногсшибательного гипноза и заодно тренируют мочевого пузыря. А покидающим его монахам на всякий случай отрезают языки, чтобы не болтали почём зря.

Эх, Камилла, тебя скоро на голову укоротят, а ты всё ехидничаешь и разговариваешь сама с собой!

Потенциально безязыкий жрец молчал, Лигран молчал — то ли ждал моих признаний, то ли, что более вероятно, не хотел общаться при таком свидетеле. И то, и другое понять я могла. Вот только признаний никаких не будет, и сбежать мне уже вряд ли удастся.

Откровения Лиграна о том, что с Агнессой он, оказывается, был ранее знаком, шокировали только поначалу. Чего-то подобного следовало ожидать с учётом его ненормально гуманного отношения. Однако и довериться желания не возникло — во-первых, не поверит, во-вторых, странный какой-то товарищ, и поведение его меняется, словно у женщины с ПМС — то лапает, то угрожает, то вот... чуть ли не в любви признался.

Меняет тактику в надежде, что хоть одна сработает? Похоже на то.

Бояться его я по-прежнему не боялась. А вот какого-то определённого отношения не выработала. Да и толку-то? Вон, жрец пришёл, и добрый, якобы, порыв отпустить меня на все четыре стороны пропал втуне, на бескорыстного влюблённого героя черноволосый лирт, увы, не тянет. А может быть, они со жрецом и вовсе в сговоре и на двоих разыграли этот милый спектакль. Добрый полицейский, злой полицейский, на юной перепуганной воровке-

лавочнице Агнессе могло и сработать.

На подготовленной фильмами и детективами скептической землянке Камилле — вряд ли.

Вот только бессмертной землянка не является. И боль чувствует. И где-то на дне души всё-таки надеется на спасение.

Я скосила глаза на сидящего рядом мужчину. Волосы густые, чёрные, брови тоже, но в лице ничего восточного. Веки плотно сомкнуты, пушистые ресницы так и хочется завистливо погладить пальцем, светлая, очень чистая кожа. Разглядывать можно бесконечно, удивительное сочетание мужественности и какой-то ювелирной отточенности каждой черты.

Хорош. Но странный.

Соврал про давнее знакомство? Вряд ли. Совпадение? Лавочниц явно много, а у красавчика чин, похоже, действительно высокий. И вот он занимается деликатным и в то же время эксклюзивным делом, главная и единственная подозреваемая в котором наливала ему чай несколько лет назад. Душевно, сентиментально, романтично, подозрительно. Если я правильно поняла, когда Лигран был студентом... ну, предположим, как и земному студенту, ему было около семнадцати лет, мне было лет одиннадцать. Сейчас двадцать.

Возможно, всё дело в этом? Кто-то, кому позарез нужна государственная реликвия, находит девушку, десять лет назад... ну, ладно, лет пять назад — если чай наливался на протяжении всех лет учёбы, допустим, пяти лет — невинно улыбающуюся будущему следователю, молодому покупателю, одному из десятков других.

И что? Да с такой внешностью девушки должны были брать эту крепость штурмом, платоническая симпатия к ребёнку из целительской лавки романтическому напору воздыхательниц препятствовать никак не могла. К тому же у красавчика на лбу написано, что он тот ещё Штирлиц, в смысле неподкупный, как Робеспьер, и за родину свою порвёт последнюю рубаху. Кроме того, какой был бы смысл во всех этих допросах, если бы Агнесса попыталась воспользоваться фактом знакомства до кражи? Вот после, видимо, пыталась, но безуспешно. Не настолько сильная симпатия оказалась у Штирлица, не пал морально — и это вполне понятно. Чай чаем, а служба службой.

Не вижу я логики, в упор не вижу. Возможно, действительно совпадение. Возможно, нет. Если до праздника проклятой Венуты, что бы это ни было, еще десять дней, они у меня есть, эти дни. Есть ещё время что-то придумать, как-то спастись. Например, притвориться, что вспоминаю подробности, отправиться в тот самый храм, а там, глядишь, плечевой браслет удастся снять, и донум наконец-то себя покажет...

Вдруг для перемещения нужны ну очень сильные эмоции? Непосредственная угроза жизни? Скоро всё это у меня будет, увы.

Саркофаг потрясывало совсем чуть-чуть, но в итоге меня начало укачивать, голова то и дело стучалась подбородком о грудь. Промелькнувшую хулиганскую мысль положить голову жрецу на колени я не без сожаления отмела — а вдруг отомстит своим адским гипнозом, никто же не гарантирует, что он им не владеет. А вот на Лиграна страхи не распространялись, и я тихонько устроила к нему на плечо гудящую от тревог и долгой дороги голову.

Если за это его обвинят в сговоре со мной, пусть сам выкручивается. А я буду спать. Может быть, в этом мире тоже знают, что крепкий сон — признак чистой совести?

Как ни странно, но подкреплённый однообразными движениями саркофага сон

оказался глубоким и крепким. Следовательно моему вторжению в личное пространство, кажется, не сопротивлялся.

* * *

* по аналогии с "встретишь Будду — убей Будду", одним из парадоксальных афоризмов дзен-буддизма.

Глава 27.

Мы приехали к намеченному пункту назначения, где бы это ни было, в несусветную рань. Я видела белую сонную Луаву, выползающую на небо, словно гигантский осьминог, с одной стороны небосклона, и зелёное сияние тающего Стилуса в облаках с другой стороны.

Это было бы даже красиво, если бы не огромное сооружение из чёрного камня, угрожающе возвышающееся впереди. Толстая стена из черного, серого и белого кирпича казалась просто насмешкой — такого исполина защищать ни к чему, и так не найдётся безумцев на него нападать. Сооружение, которое, надо полагать, и было Винзором, вид извне, Винзором, откуда и сбежать якобы невозможно, и Тирате мольбы не доходят, и где крысы вольготно бегают туда-сюда. Вот только весёлого, авантюрного и по-своему надёжного Марта в соседней камере уже не окажется.

...И хорошо, что не окажется. Если он останется на свободе, если он не наделает никаких глупостей, начнёт новую жизнь — всё это при любом раскладе будет не напрасно.

Жрец куда-то удалился, и каменное лицо Лиграна слегка расслабилось. Однако он не остановился и каменныантиматический браслет с меня не снял.

От кирпичного забора до непосредственно здания — метров пятнадцать совершенно пустого пространства, земля посыпана чем-то вроде битого серого щебня. Ни тебе тараксумов, ни иной иномирной флоры с порхающими над нею откормленными твартами. Да и зачем? Смертникам прогулки не положены, к чему утруждаться с садовым ландшафтом... Несколько стражников патрулируют территорию — обыденное, даже мирное зрелище. Оружия не наблюдается, сторожевые кварки на поводках у ног не сидят. Однако и желания рвануть сайгаком в сторону не возникает: мало ли какой донум у парней в синих костюмах. Магический плевок в спину с электроразрядом, например.

Мы с лиртом идём рядом, словно я не преступница, а коллега, стажёр на полставки. У дверей в святая святых Лигран останавливается и пропускает меня вперёд. Вряд ли это джентльменство, скорее — элементарная осторожность и желание иметь приговорённую к смертной казни преступницу перед глазами, а не за спиной, но жест получается естественным и настолько элегантным, что мне почти жаль обстоятельств нашего знакомства — в других декорациях, например в элитном ресторане или в Большом театре, лирт Штирлиц смотрелся бы бесподобно.

Лигран кивает одному из подошедших "синих", отдаёт какое-то распоряжение — голос слишком тих, а у меня в ушах начинает нарастать невнятный шум, так что слова разобрать невозможно. Да и не нужно, всё понятно и так: четыре стражника, два спереди, два сзади недвусмысленно намекают на то, что пора возвращаться к истокам. Эскорт удвоился, а результата ноль. Впрочем, на волю сбегала, чужой мир посмотрела, на кварке покаталась... Будет о чём вспомнить.

Было бы только когда вспоминать.

Однако ведут меня не в камеру, а совсем в другое место. Совершенно ни на что, ранее увиденное, не похожее. Просторный пустой зал без окон, прохладный, словно где-то там, за стенкой работает мощный, но бесшумный кондиционер. Может, так оно и есть? Одна из

стен задрапирована тёмно-синими, едва заметно кольшующимися шторами, единственным украшением интерьера. Пол каменный, покрытый хаотичными расплывчатыми розоватыми пятнами, словно нерадивая уборщица пыталась помыть пол неразбавленной кровью.

Тоже мне, профессиональные запугиватели.

Я стою посреди зала, стражники застыли у дверей, а меня начинает покалывать неприятное, тянущее предчувствие. Браслет из мезонита немного нагревается — или мне так только кажется?

Лигран возвращается не один, а в компании того же жреца и — ещё одного более чем загадочного персонажа в плаще. В плаще, надетом задом наперёд — капюшон накинут на лицо, в то время как чуть выющаяся пегая макушка остаётся открытой. На секунду глаза следователя вспыхивают, но взгляд он отводит быстрее, чем я успеваю уловить моментальную яркую эмоцию. Маска равнодушия снова оказывается на его лице.

Жрец подходит ближе, накладывает руки на браслет — и тот легко соскальзывает вниз. Хочется потереть освобождённое зудящее плечо — но руки сами собой прижимаются к бёдрам. Открываю рот — но наружу оттуда выплёскивается только стывшая немота. Ноги прирастают к полу.

Опять?!

— Мне очень жаль, Агнесса, — тихо произносит Лигран. — Мне, правда, очень жаль.

Переливающегося купола, означающего, что наш разговор сокрыт от окружающих, нет, но мне всё равно на мгновение кажется, что кроме нас двоих здесь никого нет. Лигран выдыхает и продолжает с трудом. Но что мне за дело до его терзаний?

— Я ничего не могу поделать, я столько раз просил вас о сотрудничестве и предлагал помощь, но... Закон есть закон, король в ярости и отказал в какой-либо отсрочке. И сейчас... лирта, если хотя бы сейчас... я понимаю, что сказать вы ничего не можете, но, может быть, вы напишете?

На небольшом, но высоком, мне по грудь, неприметном столике в углу лежит лист бумаги.

Я смотрю на тонкий прочный стебель, что-то вроде полый бамбуковой трубочки, наполненной чернилами — отличная альтернатива ручкам и перьям. Вот только, во-первых, руки меня тоже не слушаются. А во-вторых, — следователь не может об этом знать, просто неоткуда — я же не владею местным письмом. Тогда, на пляже, мы с Мартом начинали учить друг друга, но единственное, что я смогу воспроизвести по памяти — это его имя. Совсем не то, что нужно. Вот я балда, могла бы научиться писать "помогите, я из другого мира", например...

Поздно.

Жрец и стражники отходят к противоположной стене, странный человек с закрытым лицом стоит у стены со шторами. Даже если бы гипноз не имел надо мной никакой власти, от парализующего ужаса я всё равно не смогла бы пошевелиться.

Это что же, уже... всё? Вот прямо здесь, сейчас, вот так?! До Венуты ещё десять дней!

По логике сюжета, сейчас я должна спастись. Это не так уж невозможно, на самом деле. Март меня спасёт, и впрямь оказавшись крутым магом, поднимет скелеты мёртвых кварков и, помолвившись Тирате, возьмёт Винзор с боем. Или Лигран, судорожно сжимающий руки с проступившими когтями, закусивший идеальной формы губу, поддастся своим романтическим воспоминаниям, или начнётся мировая, нет, даже межмировая война, и всем станет не до меня...

Наклоняюсь и беру зубами местный аналог ручки, несколько секунд примериваюсь, параллельно пытаюсь придумать, что бы такое нарисовать, понятное, раз уж грамоте не обучена. Но рисовать я тоже не умею, тем более подобным образом, так что...

Лигран молча рассматривает получившуюся на листке ромашку, а потом так же молча, стремительно выходит из зала.

Мужчина у стены со шторами откидывает капюшон с лица — на глазах чёрная широкая повязка. Вытягивает руку вперед. На кончиках пальцев проступают звериные черные когти.

Маг-исполнитель приговора..?

Март не приходит, умертвия не атакуют Винзор.

Война или любой другой глобальный катаклизм не начинается.

Я едва замечаю краем глаза скользящую ко мне серебристую молнию, очень похожую на змею. А потом я чувствую резкую боль между рёбер, и эта боль не похожа ни на какую другую, ранее мною испытанную. Она расплзается по телу, по нервным окончаниям, словно сотня крошечных паучков, таща за собой тончайшие паутинные нити онемения. Не в силах ни кричать, ни даже просто скорчиться, сжаться в комочек, я могу только мысленно отслеживать, как она, миллиметр за миллиметром, завоёвывает моё податливое слабое тело.

Она такая настоящая, эта боль.

Я слепну, я гложу, я сгораю, захлёбываюсь жидким пламенем.

Нет, всё это лишнее, всё не то.

Я умираю.

Последним онемение добирается до кончиков пальцев на ногах и руках. И когда боль заканчивается — в реальном мире, вероятно, прошло не больше пары секунд, моя персональная вечность в персональном аду — я с огромным облегчением понимаю, что умерла.

Боли больше нет.

Как хорошо.

Финал.

Глава 28.

«Сложней всего, когда ты умер

И успокоился уже,

А доктор как шарахнет током

И на работу к девяти» (с)

Ха.

У меня же лето. В универе каникулы. Мне к девяти не надо.

А куда мне вообще надо и надо ли хоть куда-нибудь..?

Ничего не помню.

Если лето, то почему так холодно?

Темно и очень, очень холодно, хотя мне трудно сказать каким таким местом я чувствую температуру окружающего пространства. Я есть, я мыслю и, следовательно, существую, весь вопрос в том, есть ли у меня тело, которое я не чувствую, которое последние дни было даже не совсем моим.

Память обо всём произошедшем возвращается толчками, рождается в мучительных схватках сознания, пытающегося найти собственные границы.

Вечер в таверне.

Март, надрезающий кожу на моих предплечьях.

Облава.

Разговор со следователем.

Появление жреца.

Возвращение в Винзор.

Лигран, нервно сжимающий руки, Лигран, сбежавший из жуткого пустого зала.

И... казнь?

Что-то пошло не так, что-то явно пошло не так, и казнить меня передумали. Или я всё-таки умерла и сейчас мне предстоит аудиенция со странным местным божеством? Как её там, Единой? Тиратой, точно.

Мне есть, что ей сказать. Преимущественно, нецензурно.

Но почему так холодно-то?

Уверена, местный рай мне не грозит. Впрочем, я слишком мало здесь пробыла, так что и понятия не имею, какой должна быть по магрским суевериям загробная жизнь.

Если я всё ещё в Магре, а не вернулась обратно, разумеется.

Чувствительность в тело возвращается постепенно, с кончиков пальцев ног — ими даже слегка получается пошевелить. Ну что ж, ноги есть, уже хорошо, не пропадём. Опа, руки есть тоже. И голова. И живот. И грудь. Обе. Насчёт спины не уверена — но на чём-то же я лежу.

А вот одежды точно нет, совсем никакой. Упс. Зато позаботились, простыночкой прикрыли.

Совсем прикрыли, с головой. И свет никакой через тонкую ткань не просачивается, только холод. И голосов никаких не слышно.

Хм.

Ассоциации какие-то нехорошие рождаются, честно говоря. Я снова пошевелила большими пальцами ног, нет ли там бирочки картонной.

Бирочки нет, впрочем, это ещё ни о чём не говорит. Тканевую накидку не сбрасываю, а осторожно стягиваю с лица. Тишина, темнота, никого, ничего — на первый взгляд. И на второй. После третьего взгляда медленно сажусь, спускаю голые ноги с того, на чём лежала — что-то вроде деревянной скамьи, накрытой ещё одним куском ткани. Встаю — ледяная гладкая поверхность пола чуть ли не обжигает и без того замёрзшие ступни ног.

Боли не было, совсем, но тело ещё хранило воспоминание о ней, предательски сжималось, уверяя, что это был не сон, не галлюцинация, самая настоящая реальность.

Чёрт. Где я. И почему они меня всё-таки не убили? Решили снова допрашивать про свою чёртову реликвию, чтоб её черти разорвали? Честное слово, хочется найти эту самую штуку и препятать так, чтобы никто никогда не нашёл. И пусть они тут захлебнутся своими войнами и природными катаклизмами, уроды хмыровы.

Заворачиваюсь в простыню, которой была укрыта, на манер римской тоги, делаю шаг, неуверенно придерживаясь за скамью. Ещё шаг. Единственный условный источник света — какой-то шар на подставке в углу, испускающий матово-синее слабое сияние и ничуть не способствующий изучению окружающего пространства. Наконец, глаза привыкают к темноте, выхватывают очертания других аналогичных моей скамеек. Трёх-четырёх, вроде бы. Бесформенные холмики, накрытые тканью.

"Уходи отсюда"

Точно, надо уходить. Знать бы ещё — откуда "отсюда" и куда идти.

"Ничего не трогай, ни к чему не прикасайся"

Здравая мысль. Вот только я в упор не вижу, где здесь выход, дверь или окно. Пока я тут,

возможно, надолго. И неизвестность пугает куда больше.

Если я очнулась, остальные... остальные тоже вскоре придут в себя?

"Не смотри"

Но ждать, пока начнёт медленно шевелиться ткань, накрывающая неподвижные тела — или то, что я принимаю за неподвижные тела — нет никакой возможности.

Ненавижу ужастики, ненавижу триллеры, даже в кинотеатрах их никогда не смотрела. Подхожу к ближайшему, протягиваю руку, готовая отдернуть её — и в глубине души обречённо уверенная в том, что в случае чего однозначно отскочить не успею.

"Не надо, лучше исследуй стены, ищи дверь, ищи выход"

А я-то смеялась над дураками-героями, по предательской воле дурака-сценариста идущими в тёмный подвал заброшенной в лесу психиатрической клиники под тревожную музыку... То, что заставляет мою руку сжать ткань, не похоже на внешнее принуждение, скорее, это какой-то внутренний инстинкт, из тех, что на краю пропасти искушает спрыгнуть вниз.

"Ну, не надо!"

В последний момент резко отдергиваю руку, но вовсе не потому, что здравый смысл победил неуместное стремление рухнуть в пропасть. Просто за спиной раздался тихий и в то же время отчётливый скрип.

Я резко развернулась на звук — и увидела приоткрывшуюся буквально сантиметров на десять дверь, узкую полосу света. Секунда, другая, третья — никто не заходил и не выходил. Дверь словно открылась сама собой, но такого же быть не могло... Или могло?

Магия, что б её.

Какой-то движение снизу, мягкое прикосновение к голени... я отскочила с резким выдохом, едва не сбив скамью с предполагаемым телом, мёртвым или пребывающим в анабиозе.

— Мррр.

Я опустила глаза и увидела сидящего прямо на световой дорожке кота.

Чертовски, чертовски знакомого черного кота.

* * *

Кошки — зверюги странные. Непостижимые, загадочные существа. Вот смотришь и видишь невооружённым глазом, что сволота первостатейная, просто пнуть бы от души или макнуть носом в канализационное отверстие, но почему-то ничего этого не делаешь, а только с беспомощным гневным возмущением глядишь, как эта невозмутимая бесчувственная скотина как ни в чём не бывало прыгает прямо на предполагаемый труп и неторопливо укладывается, поджимая лапы.

Буханка буханкой.

И всё-таки парадоксальным образом из-за присутствия кота мне разом стало легче. Будто рядом живая и почти что даже знакомая душа. Знать бы только наверняка, в каком из двух миров мы сейчас находимся...

— Ксамурр, кс-кс-кс, — шёпотом позвала я.

Кот недовольно дернул чёрным бархатным ухом, но это могла быть реакция просто на свистящий звук, а вовсе не на дурацкое имя, придуманное балбеской Людкой. Но я отчего-то на все сто процентов была уверена: кот тот самый, людкин.

— Где мы? Что нам теперь делать, а? Это ты во всем виноват, между прочим. Какой хмыры ты полез на тот балкон? Как сюда попал?

Полный игнор. Ноль реакции.

— Ну, смотри, — непонятно кому или чему угрожая, я подошла к накрытому тканью холмику, решительно откинула тонкую ткань.

И сдавленно, приглушенно взвыла, закусив пальцы.

Потому что это действительно был труп. Глаза, два чёрных провала — один полуприкрытый, другой широко открытый — слепо смотрели в потолок. Холодная и твердая на вид, как кусок говядины из морозилки, кожа казалась в полумраке тёмно-синей.

— Ы-ы-ы, — простонала я, опуская ткань на неподвижную лысую макушку, изборожденную ветвистым червеобразным шрамом — не таким, как от вскрытия в кино показывают, а самым обычным, давно зажившим.

Кот продолжал невозмутимо лежать на трупьем животе. А если разбудит?!

— Брысь, — зашипела я, — Слезь немедленно, хмыра хвостатая!

Ноль реакции. Бедность ругательного местного словаря угнетала. Зато очевидно доказывала, что мы с котом по-прежнему пребываем в Магре.

Отчего-то сам факт нахождения кота на мёртвом теле нервировал меня куда больше самого мёртвого тела. Наконец поняв, что реагировать на устные просьбы кот не будет, я решительно подошла и схватила почти невесомое тельце.

И в ту же секунду разжала мигом ослабевшие пальцы.

Кот мягко, бесшумно шмякнулся на пол и поднял на меня блеснувшие лаймовой зеленью круглые глаза.

Не убегал.

Не нападал.

Смотрел.

Очень медленно я протянула к нему дрожащую руку, сдвинула в сторону чёрную шерсть на боку. Несколько секунд смотрела на белые кости, самые обычные, не прикрытые никакой кожей ребра, изогнутый тонкий позвоночник. Внутренних органов за ними не было, пусто. Каким образом на костях крепилась кучерявая шерсть, даже более пышная, чем тогда, когда кот находился у меня в квартире, было неочевидно, похоже, она парила вокруг кота в воздухе.

Иллюзия.

— Мррр? — вопросительно подал голос кот.

Мол, что-то не так разве?

Глава 29.

— Дыши, Камилла, Камуся, Миля, дыши, моя ты чебурашка, мозгами на всю голову чебурахнутая, — я глубоко вдохнула, выдохнула. Ну, трупы вокруг. Ну, кости. Ну, мёртвый кот. Во-первых, это может быть всё-таки совершенно другой кот, мало ли чёрных и кудрявых котов! Тот, живой, остался в насквозь немагической России, а этот, мёртвый, шарашится по местным моргам. Здесь — и это «во-вторых» — магический мир, как-никак. Если Март оживил крысу, почему бы кому-нибудь не оживить и кота? Вероятно, в морге возлежал его мёртвый хозяин, может, даже как раз тот, со шрамом, с чьего живота я так невежливо стянула котофеича.

Нет, стоп. Мужчина — явно свежий мертвец, а кот уже в состоянии скелета. Сколько нужно времени, чтобы мёртвое тело стало скелетом? Ну, явно не день и даже не месяц. Если память меня не подводит, в зависимости от внешних условий — несколько лет.

Хотя кто их тут знает...

Ладно хоть некрокот не агрессивный — скинула я его на пол, так он на полу и сидит, обернув иллюзорно кучерявившийся, а на самом деле тонкий и белёсый, словно червь, хвост вокруг лап. Наблюдает за мной.

Я снова глубоко вздохнула, с тоской подумала про туалет с привычным унитазом, ванную, жареное мясо, нормальную одежду, удобное бельё и тёплую обувь — и принялась наконец исследовать окружающую обстановку, зябко кутаясь в тонкую простыню. Не стоит ждать милостей от природы, Тираты идохлых иномирных котов, как-то так. Чтобы не было так страшно, время от времени я обращалась к коту с различными предложениями.

Чего уж там, болтала без умолку.

— Не знаю точно, та ли ты хвостатая сволочь, из-за которой я вообще сюда попала, но уж очень похож, просто один в один, если тебя не щупать, так что с твоего позволения, буду называть тебя Ксамурр Второй. Не возражаешь? Ну и отлично. Итак, что тут у нас? У нас тут явно морг, целых четыре мертвеца, не считая нас с тобой. Трое мужчин, одна женщина. Хотя тебя-то как раз можно было бы и посчитать, потому что судя по всему, ты уже совсем дохленький, как у нас там в детстве говорили: кошка сдохла, хвост облез, кто слово скажет... Так вот, четыре мертвеца, синенькие, как аватары, голые, твёрдые и холодные, да, я их даже потрогала, не веришь? Тебя потрогала, их потрогала, и ничего. Сама себе не верю, у меня стальные нервы или вовсе нервов нет. Всё чудесатее и чудесатее, как говорил классик. Вопрос, знаешь ли, в том, как и почему я оказалась в их милой компании и почему я не умерла. Вероятно, иномирное происхождение имеет-таки свои плюсы. Интересно, а ты понимаешь, что мёртвый, или нет? А разговаривать ты не умеешь? Нет? Жаль, так было бы интереснее. И совсем как в сказке.

Кот выгнулся дугой, зевнул и снова сверкнул зеленью глаза.

— Спрашиваешь, что я ещё тут делаю? Решаю этическую проблему, — зубы начинали слегка постукивать друг от друга, но нижнечелюстная чечётка была скорее вызвана нервами, нежели холодом. — Найти одежду или обнажить тела покойных и соорудить тогу из этих вот накидок. Вот ведь воспитание, понимаешь ли, предпочитаю попасться в лапы своих безумных преследователей, но одетой, чем сбежать, но голой. Жаль, не умею, как ты.

Я истерично захихикала, представив себя покрытую чёрной кучерявой шерстью, как Ксамурр Второй. А что. И вопросов ко мне стало бы меньше на порядок, и следовательно не приставал бы со своей хмыровой романтикой, от которой нет никакого толку — в лавку к Агнессе, значит, заходил, чай попивал, улыбки получал, а как явился жрец, так в кусты.

Скотина малодушная.

— Знаешь, Ксамурр, сказать по правде, я вообще ничего не умею, кроме как ошибаться в людях и попадать в неприятности. Донум у меня вроде как есть, а какой в нём смысл, если я им не управляю? Так, что тут у нас? Баночки, скляночки... лекарства? А какой Тираты мёртвым лекарства? Может, это какие-то бальзамирующие средства или... О-о-о, какое богатство!

«Богатством» оказалась одежда и тапочки, найденные в неприметном деревянном шкафчике, обнаружившемся в углу. Мягкие тапочки, немного маловаты по размеру, но это пустяки, и скромное серое платье, которое пришлось надевать на голое тело.

Не везёт мне с бельём в этом чёртовом мире. Вернусь к себе — буду по две пары трусов надевать сразу, чтобы как-то компенсировать...

Если вернусь, конечно.

«Вернусь, — пообещала я себе. — Конечно, здесь красиво. И интересно. И волшебнo. И

где-то здесь есть Март, дурашливый и немного чокнутый парень, который мне немножечко очень нравится. Но тут меня постоянно собираются убить, и это напрягает. И ему, Марту, так лучше, проблемы идут за мной по пятам, а "угораздило" — моё второе имя...».

Словно подтверждая мои мысли, дверь вдруг широко распахнулась, белый ослепляющий свет залил комнату, а люди — мужчина и женщина в серых костюмах — изумлённо уставились на меня. Синхронно перевели взгляд на опустевшую скамью, где ещё недавно возлежало моё бездыханное тело.

И так же синхронно, слаженно, словно полжизни пели в одном хоре, заорали во весь голос. Я метнулась назад, врезалась в какой-то шкаф, на сей раз стеклянный, услышала звон стекла и стук обрушивающихся на пол и разбивающихся склянок и банок, обреченно закрыла глаза, уже не в силах куда-то бежать.

И в этот самый момент уже знакомая мягкая и тёплая дымка телепортации окутывает меня с головы до ног.

* * *

Голова мутная-мутная, тело тяжелое, но под плотно сомкнутыми веками проносятся картинки, отчётливые, как чёрно-белые фотографии.

Трудно сказать, было ли это на самом деле — или только в моём воображении?

"Камилла, не мучай кошку!"

Совершенно не хочу никого мучить, но не далее как вчера мы с бабушкой ходили в цирк, и там был номер с дрессированными собачками. Ни гимнасты, ни мотоциклисты меня не интересуют, клоуны и вовсе напугали до тихой икоты, фокусникам я не верю. Всё это люди, а люди — в свои шесть лет я уже хорошо это знаю — врут.

Но животные... животные врать не могут. И в том, как слаженно действовали вчера худощавый, гибкий, словно каучуковый, дрессировщик и его мохнатые четырёхлапые питомцы, в том, как они чувствовали друг друга, словно общаясь ментально, мне чудится самая настоящая магия.

Дома мне хочется почувствовать волшебником и себя тоже. Потому что если я смогу, если у меня получится, если волшебство в самом деле существует, то я смогу изменить очень, очень многое.

Сделать так, чтобы родители не ссорились и не кричали про развод.

Сделать так, чтобы Танька Матицкая на меня не ябедничала в садике, а лучше — чтобы я пошла в школу, прямо завтра, потому что я умею читать лучше всех в нашей группе, и примеры решаю быстрее всех, а Танька так вообще путает дни недели и времена года.

Сделать так, чтобы бабушка не болела, да и вообще переехала к нам домой жить, потому что с ней всегда так спокойно и интересно.

Сделать так, чтобы папа не "злоупотреблял".

Это мама говорит.

На самом деле папа, когда не работает, пьёт гадко пахнущую водку, и от него потом тоже плохо пахнет.

Но полосатый вальяжный кот Матвей никаких чудес не хочет, ему и на кресле неплохо ложится. Не хочет он становится дрессированным сказочным котом, поэтому у меня исцарапаны все руки до локтей.

Царапины я мажу тайком папиным одеколоном и прячу от мамы, потому что если она их увидит, нам с Матвеем попадёт.

"Оставь кота в покое!"

Со вздохом, я отхожу от неслучившейся цирковой звезды и смотрю в окно. Мне очень сильно хочется верить в то, что чудеса возможны.

Но с каждым днём от моей веры будто бы отщипывается маленький кусочек, и её становится всё меньше и меньше.

Глава 30.

— Мррр?

Одуванчикам-тараксумам я уже не удивляюсь. Ничему уже не удивляюсь, пожалуй.

Разве что... заглядывающему в лицо чёрному кудрявому коту. Удивительно то, что иллюзорная шерсть даже на ощупь кажется самой обычной; если не всматриваться пристально, не знать, что хочешь увидеть, тоже всё нормально. Однако я — знаю, и сквозь черноту кучерявой шубки проступают белые кости, маленькая безухая голова с пустыми глазницами, узкий змеиный хвост. Протягиваю руку и касаюсь упругих бархатных ушей.

Чертовски убедительная иллюзия.

Не есть ли вся наша жизнь такая же иллюзия, зримая и ощутимая, но по сути, лишь маскирующая неотвратимую, непобедимую смерть?

Так, нашла время впадать в философствование!

— Откуда ты взялся, уродец? — ласково шепнула я. — Я же тебя не трогала...

Вероятно, котам, особенно мёртвым, для телепортации соприкосновение не требовалось.

Одуванчики были первыми, за что зацепился взгляд, и от этого я почему-то решила, что снова очутилась на том же самом поле, где и в первый раз с Мартом — а что, было бы логично. Однако мгновение спустя стало ясно: никакого бескрайнего поля вокруг нет, передо мной просто круглая каменная клумба, и находились мы с ней внутри какого-то тёмного, пустого, незнакомого помещения. Надо мной был очень высокий, сужающийся кверху конусом потолок. Никакого искусственного освещения не наблюдалось, но белые лучи Луавы, дневного светила, пронзали пространство, как паутина, проникали сквозь невидимые глазу отверстия в крыше. Казалось, я вижу медленный танец серебристых пылинок в воздухе, слышу их тихий стеклянный перезвон.

Понятия не имею, где я, но здесь так хорошо. Даже с котом этим, словно бы сбежавшим из преисподней, хорошо. Топчется лапками-косточками по груди, а мне и не страшно.

— Лирта, вы бы вставали, скоро служба начнётся.

От звуков негромкого, почти ласкового голоса я подскакиваю, как пружина, резко оглядываюсь и метрах в двух от себя вижу стоящую на коленях женщину с тряпкой в руке. Она на меня не смотрит, деловито протирает низенькие молитвенные скамеечки. На ней накидка насыщенно-фиолетового цвета, на голову наброшен капюшон, и я не могу толком разглядеть ни её лица, ни фигуры.

— Я где?

— В храме Единой, — ничуть не удивляясь и не прерывая своего занятия, отвечает женщина. Голос у неё приятный, мелодичный. — Храм Единой открыт для всех страждущих помощи и совета или же покоя и уединения, но скоро начнётся служба, в храм придут люди, так что прошу меня простить за вмешательство, вам бы подняться с пола, лирта.

Она поворачивается ко мне лицом, и я отмечаю, что, как и у сопровождавших меня в Винзор служителей, её голова наголо обрита. В этом нет ничего сверхъестественного или чересчур отталкивающего, но всё равно почему-то смотреть на неё тяжело. Неприятно.

Кусочки-пазлы медленно складываются в моей голове. Картина пока ещё не цельная,

далеко не цельная, но всё же...

Я медленно встала, огляделась. Храм большой, пустой и каменный, однако странным образом я не чувствую обычную для таких мест прохладу. Источников света действительно нет, кроме пропускающих лучи отверстий в крыше и пятиугольных витражных сине-голубых окон. По контрасту с тёмным камнем стен кажется, что они светятся.

Внутреннее убранство храма кроме клумбы, заключается в скамеечках для молитв, опять забыла, как же они называются, нескольких обычных скамьях для сидения, скромно расположившихся вдоль стен, и огромной, метра четыре в высоту, статуи у дальней стены.

Вероятно, статуи самой Тираты.

— Спасибо за приют, лирта.

Кажется, моё эпичное возникновение из ниоткуда на пару с мёртвым кошкой осталось незамеченным, и женщина думает, что я просто зашла в храм и прилегла отдохнуть. Что ж, такой невозмутимый, даже философский подход мне нравится. Лежит себе незнакомый человек на полу, значит, по делу лежит.

— Не за что, — женщина опустила тряпку в небольшое жестяное ведро, прополоскала. — Храм открыт для всех и каждого. Всегда.

Сказала бы она так, если бы знала, что перед ней государственная преступница, да ещё и убийца в придачу?

Не было ощущения, что разговор тяготит её или раздражает, всё-таки я отвлекала служительницу от работы, но и интереса она не проявляла.

— Лирта, — я немного осмелела. — Подскажите, почему у кого-то из служителей Тираты... — я делаю неопределённый жест вокруг головы, — а у кого-то волосы вполне себе длинные и, гм, фиолетовые?

— Цвет единства, — она опять же, не проявила любопытства, а просто ответила. — Красный символизирует мужскую силу, синий — женскую мудрость, фиолетовый означает их слияние воедино. В начале нашего служения мы стараемся отстраниться и от того, и от другого, но для тех, кто долгое время верно служит Единой, допустимо отпустить длинные волосы. Как напоминание о наших грехах и заслугах.

...ей бы учителем работать. К такой не страшно обратиться за советом, стыдить и унижать не будет. Чистая информация без оценки — как непосредственно произносимого, так и умственных способностей спрашивающего. Однако парадоксальным образом расспрашивать не хотелось. Я подошла к статуе, наслаждаясь временной передышкой и непередаваемым ощущением покоя, которое само собой снисходило на меня в этом тихом спокойном месте.

Кот сверкнул светло-зелёным глазом из-под скамьи. А у нас считается, что нечистая сила и церковь — понятия несовместимые, однако маленькое чудище чувствует себя здесь не менее комфортно, чем я.

Произведение искусства потрясло масштабами и проработанностью мельчайших деталей. И чем больше я смотрела на Единую, чьё имя упоминалось по каждому поводу и вовсе без таковых, тем больше отвисала челюсть и подозрительно выкатывались из орбит глаза. Тогда, на площади, я видела её мельком, но сейчас была возможность рассмотреть со всех сторон.

Статуя представляла собой обнажённую человеческую фигуру, тем самым навеяв представления скорее о язычестве, нежели о монотеистических столпах, на которых держался институт церкви в моём мире. На стройные узкие ступни набегали каменные, но

от этого не менее живые волны, руки тоже были изящные, с тонкими запястьями, каждый палец, вероятно, стоил скульптору года жизни — впрочем, не исключая наличие некоего специального донума, позволявшего художнику проще и быстрее воплощать в жизнь задуманное. Итак, тонкие пальцы левой руки осторожно сжимали пальцы правой, которые — и я пару раз моргнула, пытаюсь присмотреться — были раза в полтора толще. Длинные волосы словно развивались на ветру, а лицо, прекрасное, немного печальное, цепляло внимание какой-то едва уловимой неправильностью, дисгармоничностью. Только опустив взгляд ниже, я поняла, в чём было дело, и едва удержалась от того, чтобы перекреститься, сматериться или покраснеть.

Идея неведомого скульптора была предельно проста — в богине Тирате, не зря прозванной Единой, сплетались, сливались воедино мужские и женские черты. Лицо симметрично делилось на две половины, очень похожие и в то же время отличные, как у разнополых двойняшек. Небольшая, но очевидно женская грудь, впалый мускулистый живот, а вот ниже... ниже полный мужской набор. Округлые бёдра и стройный ноги — скорее женские.

Брр.

На мой взгляд, единство мужского и женского начал можно было изобразить как-то менее прямолинейно и более... метафорично. Особенно почему-то напрягали эти разнокалиберные руки — словно скульптуру начал один человек, а закончил другой, и эти двое никак не могли договориться.

Если из Винзора молитвы до Тираты не доходят, то в соответствии с местной логикой, из храма должны не то что доходить — долетать экспрессом.

— Эм, уважаемая, — тихонько сказала я, стыдясь и злясь на себя же за это. Кто меня услышит, кроме разве что кота, который сам по себе — одно сплошное недоразумение? — Уважаемая Тирата, вы тут вроде как главная... главное... главный... неважно! Мне очень, очень, очень сильно понравился ваш мир, здесь тепло, красиво, а флора и фауна так и вовсе выше всяких похвал. И люди тут местами чудесные, особенно некоторые, но, видите ли, я здесь чужая. Верните меня, пожалуйста, обратно. У меня в моём мире...

Я споткнулась. У меня в моём мире... что?

Горстка воспоминаний. Не самых радостных по большей части.

Кучка людей, которые вряд ли забудут тревогу о моей пропаже раньше, чем через неделю-другую.

Никаких талантов. Никаких особенных перспектив.

Зато спокойно, привычно, безопасно. Это же хорошо, верно?

— Верните меня, пожалуйста, обратно или хотя бы сделайте так, чтобы все здесь поняли свою ошибку и не обвиняли меня в том, что я не совершала. Ну и заодно Мартена тоже. Потому что, несмотря ни на что, он хороший.

Аминь.

С трудом оторвавшись от созерцания Тираты, я перевела взгляд на безволосую служительницу, которая как ни в чём ни бывало любовно и неспешно поливала клумбу со священным тараксумом из стеклянного кувшина.

— Мррр? — напомнил о себе кот.

Что ж, расслаживаться некогда. Скоро, если верить словам женщины, начнётся служба, а где служба — там и народ. А народ мне сейчас не нужен.

Нужно найти Марта — это как минимум. Найти знакомых Агнессы — может быть,

удастся разобраться, для чего она похитила фелинос и куда его дела, или, может быть, родня предоставит приют на какое-то время, ну и заодно трусами снабдят нормальными? Лучше сразу годовым запасом, на всякий случай. Лигран же не разобрался, что я, то есть, она — уже не совсем она, вот и они, вероятно, разберутся не сразу...

Я попрощалась с женщиной — она безмятежно кивнула. Спросила, где выход, и в каком городе. Выход оказался за небольшой тканевой ширмой, а город — всё той же Магристой, что одновременно являлось и дополнительной сложностью, и подспорьем, потому что подразумевало наличие всех остальных действующих лиц. Двинулась к выходу — кот потрусил за мной, словно верный пёс. Ну и пусть идёт, пока не мешает и есть не просит. С какой стороны не посмотри — удобный питомец. На еду тратиться не приходится и не скончается во цвете лет, когда я уже успею к нему привязаться...

Выходя из храма Единой, я крепко зацепилась плечом за какую-то подло торчащую из стены щепку и мысленно чертыхнулась, снова напомнив себе про необходимость пополнить словарный запас местными ругательствами. Осторожнее надо быть, аккуратнее, а то загнусь от столбняка или испачкаю единственное платье кровью, а когда ещё смогу переодеться — неизвестно...

Недовольно покосилась на разорванный рукав — ладно, грязное платье, но заражение крови получить было бы и вовсе некстати. Провела рукой по разрезу — сухо. А ведь чувствовала, как острие прошлось по коже, впиваясь в плоть.

...острие чувствовала, а боль — нет. Ни тогда, ни сейчас.

— Мррр? — снова подал голос кот, и я, вздохнув, прибавила шаг.

Глава 31.

Сказать, что я вдруг занервничала — не сказать ничего. Надо было выходить из храма сразу же, как пришла в себя, а не тратить время на беседы с лысыми женщинами и каменными статуями.

Район Магристы, в который находился храм, куда меня перенёс своевольный донум, оказался мне незнаком, мы с Мартом по нему не гуляли. Это явно была не самая окраина, но и не центр, люди, в основном, шли сосредоточенно и целеустремлённо, а не праздно, дома выглядели попроще, чем на центральном проспекте, лавок было гораздо меньше. Понятно — аналог нашего спального района.

Храм с улицы казался величественным, готичным и мрачным — контрастно тёмный камень, высокий, по сравнению с приземистыми домиками, шпиль — этажа до пятого дойдёт, если переводить в земные мерки. При этом Март вроде бы упоминал о каком-то «главном храме», находящемся неподалёку от Лиловой площади. Тот это или не тот? И каких размеров тогда должен был «тот»?

Неважно.

Кот послушно трусил за мной, не нуждаясь ни в поводке, ни в окликах. Поднимающаяся по небосклону и безмятежно сияющая Луава, снующие туда-сюда люди, экипажи с гепардами, парочка невозмутимых гван, встретившихся нам по дороге, несколько его не смущали. Наверное, потому, что нечистой силой в полном смысле этого слова животина, то есть, мертвечина всё-таки не являлась. Никаких аналогов «чёрта» или «дьявола», насколько я понимала, в Магре не знали, так что некрокот был очень даже чистым продуктом чьего-то донума, а раз донумы — дар Тираты, то и кот...

А вдруг Ксамурра Второго подослал Март? Каким-то чудесным образом. Оживил и подослал, как проводника, охранника, подарок, ну, я не знаю.

— Ксамурр!

Кот обернулся и посмотрел на меня, равнодушным пустым взглядом. В лучах восходящего дневного светила кости проступали сквозь шерсть особенно отчётливо. Но люди, деловито шагающие пешком или проезжающие в экипажах, не обращали никакого внимания на моего кудрявого четырёхлапного провожатого.

Может быть, они просто не присматривались. Кот и кот.

А может быть, у них тут это дело обычное.

На всякий случай, я во все глаза уставилась на очередную гвану, величественного и мускулистого ушастика, которого вёл за собой мрачный рослый мужик с громадными кулаками. Скелета не видно, обычный необычный иномирный зверь, который, поймав мой пристальный взгляд, вдруг свернул с намеченного пути и чуть ли не ткнулся в меня широким лбом с трогательной белой звёздочкой, да так, что мужие был вынужден глухо выругаться и изо всех сил натянуть поводья, чтобы не сойти с намеченного пути.

Сложно сказать, сколько времени прошло после имитации моей казни — или неудачной её попытки — но меньше десяти дней. Праздник Венуты, после которого, по словам следователя, мир по моей вине должен был неуклонно приступить к падению в смуту и апокалипсис, явно ещё не прошёл — город активно украшали.

Деловитые, очень слаженно работающие люди в тёмно-зелёных аккуратных камзолах, удивительно тихие и неприметные, как муравьи, копошились то тут, то там. Трудились они бесшумно и ненавязчиво, в отличие от тех их коллег по цеху, которых мне доводилось видеть в родном городе — те, как правило, ходили веселой гурьбой, больше сидели, курили, ели и болтали, разбросав вокруг метёлки и лопаты, пока не приходила какая-нибудь грозная дама из ЖЭКа и не начинала, эмоционально жестикулируя, раздавать какие-то ценные указания.

Магрские «дворники» в указаниях со стороны не нуждались — они энергично что-то красили, мыли, подстригали, чинили, поправляли, увешивали изящные колокольчиковые фонари некими очевидно несвященными ярко-алыми лианами... Впрочем, будь у нас в стране смертная казнь за некачественно выполненную работу, может, и у нас бы жужжали, как пчёлки.

Один из зелёных подошёл к ближайшему фонарю, уже оснащённому шапкой цветущей лианы — искусственной, что ли? Или раньше праздника она не засохнет? — и аккуратно, насквозь знакомыми жестами намазал предварительно обмакнутой в небольшое ведёрко кисточкой какой-то листок, приклеил его на фонарную ножку.

У нас работники городских служб их обычно срывали... Впрочем, может, это приглашение граждан на городской праздник.

Дождавшись, пока мужчина отойдёт в сторону, я подошла поближе — и с каким-то обречённым облегчением снова увидела собственный портрет.

Да, вот так я и подумала — собственный. Не лирты Агнессы-Ренны, дочери лавочницы, а мой. Чёрно-бирюзовые пряди окаймляли улыбающееся лицо. Под рисунком шёл текст всё той же незнакомой мне магрской вязью. Надо срочно обучаться грамоте, а то мало ли что. Вдруг тут написано, что эту преступницу уже казнили, а потому, если вы встретите на улице очень похожую на неё девушку, то ни в коем случае не следует беспокоиться, это просто досадное совпадение, проходите мимо, уважаемые лирты?

Ага, как же.

Итак, надо найти какую-то отправную точку. С одной стороны, ситуация почти безвыходная: у меня нет денег и нет влиятельных друзей, и это не считая влиятельных

врагов. Впрочем, возможно, как минимум один друг есть: единственное разумное объяснение, которое пришло мне в голову, заключалось в том, что исполнителя приговора попросту подкупили, и вместо смертельного заклятия он наложил на меня сонное. Но даже если я права, это так себе друг, и никакую помощь до конца он не доводит. А с другой... Безвыходных ситуаций не бывает, просто есть выходы, которые нам не нравятся. Или — ещё одна мудрость от моего собрата по миру: выход обычно там же, где был вход. В тюрьму я, конечно, обратно не пойду... А с чего начался для меня вход в Магристу?

Я решительно подошла к подходящему по типуaju потенциальному сластолюбцу, копошащемуся в складках накинутаго на плечи плаща и карманах брюк и жилетки: прилично одетому полноватому мужчине средних лет, с капризными яркими и пухловатыми губами и не отягощённому печатью интеллекта лицом.

— Простите, лирт...

Лирт посмотрел на меня недоумённо и как-то даже брезгливо, словно я собиралась просить подаяние, и уже начала лобызать его руки своим невымытым ртом.

— Вы не подскажете, как мне найти дорогу к публичному дому?

(Взгляд, полный немого изумления)

— Ну, к самому приличному! — чёрт, не то, не так. — К дому любовных утех! Мне очень надо, правда!

(Взгляд, полный разбухающего праведного негодования)

— Э-э-э, не там, где мужчины, а там, где женщины! — чёрт, чёрт, чёрт, снова звучит как-то двусмысленно...

(Взгляд, полный искренней чистой ярости, рот уже приоткрывается, видимо, для морализаторской отповеди)

— Там, где цветочек такой рядом со входом, деревянный, — жалобно мяукаю я, делая шаг назад. — Ладно, извинит...

— Что такое, дорогой?! — дородная дама с волосами густо-бордового цвета возникает рядом, оглядывает меня с головы до ног взглядом коррумпированной директрисы элитной гимназии. — Что хочет от тебя эта юная лирта?!

— Лирта хочет вступить на путь порока и разврата, — пафосно выдаёт мнимый сластолюбец, на поверку оказавшийся достойным и верным супругом — ну, или просто я выбрала неудачный момент, не учтя находящуюся рядом строгую супружницу. — Ищет дом любовных утех, ты можешь только себе вообразить, Адринация?! Молодёжь совсем распустилась, а на вид приличная юная... Да ещё и спрашивает у меня — у меня! — дорогу! Ужасно! Как будто я могу знать такие вещи! — возмущённо махнув рукой, мужчина гневно удаляется и скрывается за дверью двухэтажного домика.

— Дом утех?!

— Женский, — буркаю я, пытаюсь отыскать взглядом Ксамурра Второго. — "Приют Камиллы". Простите за беспокойство, ваш лирт тут совершенно не при...

— Дом утех лирты Клариссы находится в двух тысячах шагов к закату Луавы от Лиловой площади, — неожиданно мирно, даже с лёгким озорством выдаёт почтенная дама. — А Лиловую площадь найти нетрудно, направление указывают фонари!

— Не знала, — только и смогла произнести я. — Ну... эээ... Спасибо...

— Удачи, юная лирта!

Мой сегодняшний ангел, неожиданно легко для столь корпулентной комплекции развернувшийся на сто восемьдесят градусов, полетел вслед за муженьком. А я изучила

кончик изогнутого фонаря, где всё ещё висел мой портрет с непонятной надписью под ним. И пошла.

Некроксамурр догнал меня через пару минут.

Глава 32.

Девушки в "Приюте Камиллы" встретили меня, как родную. Угостили жареным, пахнущим дымом и незнакомыми мне специями мясом — интересно, где только нашли, со вздохами пожаловались на лирта Артлана, который не может меня забыть и до сих пор вспоминает "дивную лирту с волосами цвета киртанов" — местных колокольчиков. Дали платье, со смехом посетовав на то, что это уже входит в традицию, дружно похихикали над моей предсказуемой реакцией на магрское бордельное нижнее бельё, один из пыточных инструментов инквизиции, не иначе — но, к сожалению, другого у них не нашлось. Оказалось, мясо требуют иногда «даровитые» клиенты, им же я была обязана постоянным наличием запасного гардероба: в пылу страсти или злости многие клиенты портили одежду жриц продажной любви.

— Спасибо! — искренне сказала я, стоя на пороге душа и мысленно благодаря Единую и прочие высшие силы, что я оказалась в мире с относительно развитой канализацией, и для того, чтобы помыться, есть отдельная комнатка с подобием душа, а не ведёрко с ледяной водой во дворе или пахнущая тиной мутная речка с десятком любителей деревенского стриптиза в ближайших кустах.

Света в ванной комнате было мало, небольшое окошко под потолком и всё. Мочалка, напоминающая спутанный клубок пушистых упругих трав — интересно, как это она не гниёт? Магия, не иначе. Вместо шампуня — кусок твёрдого мыла неопределённой формы, на ощупь более мягкий, мылкий и липкий, нежели земной магазинный аналог, пряно пахнущий травами и отчего-то мёдом.

Я медленно, тщательно намыливала волосы — интересно, а можно, чтобы при возвращении назад волосы остались бы такими, как сейчас? В целом, люди здесь красивее, чем там, на земле. Март, помнится, говорил о том, что у обладающих донумами сохранилась часть их «звериной» природы: когти, длинные и густые волосы, иногда — повышенная скорость реакции, отличное зрение, физическая сила...

Когти и когти. Ну и пусть, не мешают. Не хвост — и то хорошо.

Рука с проступившим магическим атаклизмом, сжимала влажную пенящуюся губку, скользила по гладкой коже, щекотка от острых кончиков когтей оказалась даже приятна. Красивое тело, это и без зеркала очевидно. Почти совершенное, хотя изменения, отличия от моего настоящего были едва заметны — чуть более пропорциональное, чуть более вытянутое. Словно заслуженный скульптор взял в руки творение менее опытного коллеги и парой уверенных движений натруженных рук довёл его задумку до нужной кондиции.

Такой я и ощущаю себя сейчас — доведённой до изначального божественного замысла. Правильной.

Жаль будет это потерять, если... когда я вернусь. Даже с учётом всех опасностей, всех угроз, не знаю, как я смогу существовать дальше, навсегда оставив в прошлом мир с пушистыми одуванчиками-гигантами, уродливыми кварками, котами-скелетами, мир, пахнущий травами... Оказалось, что без интернета, мобильной связи и прочей техники вполне можно обходиться. Волшебный мир, где я, ходячее недоразумение, за двадцать лет не встретившая своего мужчину и не нашедшая своё призвание, почувствовала себя живой.

Когти-ногти зацепились за что-то на плече. Словно к коже прилипла какая-то плёнка.

Я, всё ещё пребывая в ностальгической задумчивости, потянула за неё — и не смогла оторвать. Больно не было, но кожа натянулась, словно то самое, мешающее, приклеили к ней суперклеем.

Что за ерунда?

Я покрутилась, пытаюсь разглядеть, что именно там такое, наконец, разозлившись, смыла с себя пену, завернулась в большой кусок ткани, напоминающей на ощупь классическое хлопчатобумажное кухонное полотенце, выбралась в предоставленную мне щедрой Клариссой комнатёнку, точную копию той, в которой жила в первый свой визит сюда. Отыскала в шкафу зеркальную пластинку — недешёвое удовольствие, но всё-таки жрицам любовных утех надо было следить за внешностью, и лирта Кларисса пошла на такие траты. Изогнулась, пытаюсь разглядеть заднюю поверхность плеча — вместо когтей лучше бы голова на двести семьдесят градусов поворачивалась, как у совы...

Нет, лучше бы я бы просто ослепла, потому что увиденное повергло меня в шок.

Царапина, полученная при выходе из храма Единой, не кровоточила, ни тогда, ни сейчас, и я совершенно о ней забыла, подумав, что дело ограничилось порванным платьем.

А оно не ограничилось.

Порез, тонкий, глубокий и почему-то чёрный, не затянулся, змеился вдоль по плечу сантиметров на пятнадцать вниз. Кожа, слегка потемневшая на краях, лохматилась лоскутами, как будто это не моё живое плечо, а поверхность какого-то... дивана!

Или кожаной куклы.

Ни корочки-коросты. Ни запекшейся крови. Ни боли, ни воспалённой припухлости. Ничего. Только тёмный разрез и бахрома эпидермиса по краям.

Меня замутило, и я прислонилась ко лбу холодную зеркальную пластину.

Так, стоп. Это всё как-то можно объяснить, разумно, рационально объяснить.

...ну да, конечно. Точно так же, как и ожившую дохлую крысу, и прыжки сквозь пространство, и всё прочее.

Что со мной?

Полотенце упало на пол, я выдохнула и принялась осматривать собственное тело, еще несколько мгновений назад казавшееся совершенством. Сейчас оно пугало до тошноты, словно из незажившей и не болевшей раны могли вот-вот полезть наружу жоркие белые личинки.

На задней стороне голени, ближе к коленям, обнаружили два почти идентичных чёрно-фиолетовых пятна. Я осторожно надавила на пятна по очереди — никаких болезненных ощущений. Пятна посветлели, почти пропали, но через несколько мгновений кожа снова налилась лиловой темнотой.

Что со мной?

Попробовала нащупать пульс — где он должен нащупываться, на запястье, на шее? Надо было внимательнее слушать... когда оно там в школе объяснялось, если вообще объяснялось? Или в универе? Пульса не было, но это ни о чём не говорило, возможно, я выбрала не то место, где нужно, или слишком перенервничала.

Так, спокойнее. Ничего страшного, у меня ничего не болит, нормально себя чувствую, просто отлично, я жива, просто...

Просто.

Просто я пришла в себя в морге среди бесповоротно мёртвых тел после казни.

Просто чёрный кудрявый кот-скелет в привычной позе буханки лежит на узкой кровати

и смотрит на меня немигающими зелёными глазами.

Просто на нервах прямо сейчас я вдавила отросший ноготь в мякоть ладони. Продавила кожу. И из маленькой тёмной дырочки не вылилось ни капельки крови.

— Март, скотина, — я, как была, голая, опустилась на пол. — Март, скотина хмырова, что ты со мной сделал?

Глава 33.

— Лирта Кларисса, — я подношу к губам чашечку с чем-то очень горячим и терпким. Неожиданно знакомый аромат... Мята? Более мягкий запах, более нейтральный. Руки трясутся, все силы уходят на то, чтобы сохранить спокойное выражение на лице, на удержание рук их уже не остаётся. Когда-то я терпеть не могла горячие напитки — моментально отслаивалась слизистая во рту. Но сейчас я, кажется, способна проглотить всё залпом. Никакой боли, никакого дискомфорта, красота, что тут скажешь. — Лирта Кларисса, мне срочно нужно найти Марта. Он должен... ещё может быть в столице. Если не у вас, где он может остановиться? Что вы вообще о нём знаете?

Нет, чашку я в руках не удержу, придётся поставить на стол. Ещё, неровен час, разобью.

— Но... — хозяйка борделя округляет глаза. — Откуда мне, собственно, знать? Мы с лиртом Мартеном не виделись несколько лет, я имею в виду, до того, как он появился сейчас, с вами... Нашим частым посетителем он был в годы учебы в магристской Высшей школе, потом, насколько мне известно, вернулся в свой родной город, и только сейчас... Мы не лезем в личную жизнь клиентов, вы же понимаете, хотя они сами зачастую очень разговорчивы, очень... Но не лирт Мартен.

Несмотря ни на что, услышать, что Март действительно являлся завсегдатаем этого злачного местечка, пусть даже и несколько лет назад, мне, мягко говоря... неприятно.

Развратный, аморальный тип! Что хорошего от такого можно ждать?!

Ксамурр Второй под столом тычется костляво-меховым лбом мне в ноги, и почти на автомате я опускаю руку и поглаживаю голову, бархатные уши, которых на самом деле нет, но они так похожи на реальные.

Иллюзия.

Весь этот чёртов мир — не более, чем иллюзия! А вдруг здесь вообще все мёртвые, просто хорошо это скрывают?

Ладно, до всех мне дела нет. А вот я сама!.. Вот-вот моя гниющая мёртвая плоть начнёт кусками отваливаться от костей, и скоро мы с Ксамурром станем идеальной парочкой. Будем жить где-нибудь на кладбище, два забытых Тиратой скелетика...

Тьфу, тьфу, тьфу!

— Где находится эта Высшая школа? Она в Магристе одна?

— Для наделённых донумом — одна. Пойдёте туда? Я вам сейчас план нарисую, как туда добраться.

— Только не подписывайте, — я снова хватаюсь за чашку, пусть разливается к чёрту. — Я читать не умею.

— А я вам картинками, — на лице Клариссы ни один мускул не дрогнул, железной выдержки женщина. А как же иначе, страшно даже предположить, с какими идеями и фантазиями к ней клиенты заглядывают.

Одни только петушки и курочки чего стоят.

И Март, между прочим, заглядывал. Что он, среди обычных лирт не мог... своего петушка выгулять, сволочь?! Теперь-то я почти уверена, и с мужским борделем он явно не

только опосредованно был знаком!

Бойцовский такой петушок, чтоб его.

— Благодарю. Эм, лирта...

— Да, дорогая?

— А почему вы Марту помогли? То есть, простите, я не хотела вас обидеть, но...

Неожиданно Кларисса широко, белозубо и очень молодо улыбается.

— Нет, лирта Камилла, вовсе не из-за его выдающихся постельных заслуг, отнюдь! Но и не совсем по доброте душевной, это верно. Однажды наш с вами замечательный общий друг сделал одно доброе дело, а долг-то, как известно, платежом красен!

«Надо же, и поговорки схожие. Миры разные, а народная мудрость — общая».

— Что же именно он сделал, если не секрет?

— Разумеется, секрет, дорогая, но вам я могу его поведать... в обмен на ответную откровенность. Что вы такое натворили?

— Не я, а женщина, очень на меня похожая, — мрачно говорю я, чувствуя, как дрожь в руках потихоньку отступает. Интересно, а мне вообще можно есть и пить? Не отказали ли пищеварительная и выделительная системы? А вдруг попавшая внутрь желудка еда начнёт попросту гнить? А вдруг там уже что-то гниёт? Правда, не ела я довольно давно, кусок в горло не лез просто, но... Предательски зачесался порез на плече, словно расплодившиеся внутри личинки и могильные черви уже бодро полезли наружу, прогрызая себе дорогу...

Трындец, звездац, нет, нет, не надо об этом думать!

— Конечно, не вы, разумеется! — понимающе, как опытный психиатр, принимающий очередного Наполеона, закивала Кларисса. — И что сделала эта... лирта?

— Украла кое-что из храма Тираты. И сбежала. А поймали меня. И потом мы с Мартом сбежали из Винзора.

— Сбежали из Винзора?! Да вы что! Невероятно! — лирта восхищенно качает головой. — Что ж, Мартен всегда был, как бы это сказать, авантюристичен. Однажды один наш довольно пожилой, очень знатный и весьма ненасытный клиент соизволил крайне не вовремя отправиться к Тирате, прямо посреди процесса ублажения его немощных телес... Подобное, к сожалению, случается не столь редко, и всегда — с весьма неприятными последствиями для принимающей стороны, хотя не можем же мы отказывать страждущим, верно? Понимать возможные последствия они должны сами!

— Вы обратились к Марту, из-за его... донума?

— Верно. Лирт ушёл от нас своими ногами, вернулся в собственный дом, где его и нашли утром, безо всякой связи с моим домом и моими девочками.

— Он такой сильный некромант?

— Не могу сказать, я не специалист в данном вопросе, дорогая. Вот любовник прекрасный, умелый, внимательный, вы однозначно не прогадали!

Трындец, звездац и всё прочее!

Я гневно поставила чашку с невыпитым травяным отваром на стол, скорее мечтая не то что бы разлить её содержимое, а запустить этой чашкой Клариссе в лоб.

Отвар не расплескался. Я опустила глаза и увидела, что в ароматная, ещё пару минут назад дымящаяся горячая жидкость в кружке покрылась корочкой льда.

* * *

Лирта Кларисса бескорыстно одолжила мне одежду, помогла заплести волосы в сложную причёску — я в своей земной жизни подобными вопросами никогда не

заморачивалась, волосы мои отрастали максимум до середины спины и чувствовали себя прекрасно в виде хвостика или будучи распущенными и взъерошенными, как вороньи перья. Но теперь их нужно было скрывать.

— Неужели я с таким цветом родилась? — спросила я, чувствуя себя кошкой, растёкшейся на солнышке под рукой любимого хозяина.

— А вы разве не знаете? — Кларисса, мастерски и вдохновенно укладывавшая густые пряди, на секунду остановилась. — Март говорил, что у вас с головой беда, но чтобы так... А как может быть иначе, лирта?

— Ну... — я растерялась. — Цвет такой... странный. Ненатуральный.

— Почему?! Редкий цвет, конечно, но что в нём особенного?

Разговор без возможности сослаться на обычаи моего мира зашёл в тупик.

— Не важно, — вздохнула я. — Но волосы приметные, как-то бы их скрыть.

Насколько я уже могла убедиться, с косметической промышленностью в Магре было проблематично. Вероятно, в этом попросту не было особой необходимости: в отличие от моих соотечественников, измученных бытом, работой, тревогой о завтрашнем дне и последствиями детских психотравм так, что их лица походили на плохо пропечённые блины, лица жителей Магра отличались яркостью красок и радовали глаз свежестью кожи и здоровым румянцем. Качественная еда, море, свежий воздух и несколько иная физиология, а может быть, что-то ещё.

Вон, Луава — это солнце, а Стилус — луна, или всё-таки нет? С одной стороны, похожи. С другой, луавый... луавский... луавовый свет Луавы гораздо белее и пронзительнее. Но вдруг для здоровья полезнее?

Смешно, конечно, говорить о здоровье в моём положении. Лично мне уже, видимо, никакие хвори в принципе не грозят.

Внезапно дверь распахнулась, и в комнату ввалился молодой, в дюпель пьяный мужчина в обнимку с одной из девиц, той, кого я за глаза называла «грушей». Парочка рухнула на пол, девушка с визгом, а парень — охая и крича. От неожиданности Кларисса дёрнулась, а потом, не сказав ни слова, ткнула пальцем в сторону двери.

— Да я вам просто платок повяжу на голову, никто и не увидит ничего, — Кларисса хлопала меня по плечу. — Хорошая ты девушка, Камилла. Заходи в гости, если выпутаешься.

— А если не выпутаюсь? — я подняла и украдкой поправила впившиеся в кожу верёвочки чудовищных трусов.

— А не выпутаетесь, так хоть увидите Тирату, — почти радостно заявила эта жизнеутверждающая женщина.

...Мне бы её оптимизм и уверенность. Вот только, кажется, Тирата даже после смерти совершенно не желает со мной общаться.

Глава 34.

Нарисованная Клариссой карта с картинками была крайне толковой, хотя без устных предварительных объяснений всё равно пришлось бы тяжело. Графическая символика двух миров в чём-то совпадала, в чём-то различалась, но понять, почему храм обозначался кружком, Высшая школа — двумя переплетёнными треугольниками, целительские лавки, те, о которых вспомнила хозяйка борделя — перевёрнутой каплей со вписанной внутрь спиралью, а таверны и пивнушки знаком, до боли похожим на логотип фольксвагена — увольте, дешифровщик из меня фиговый. Надеюсь, смогу добраться.

Магриста в изображении хозяйки дома любовных утех представляла собой этакую паутину, концентрические круги улиц, разрезанные радиусами широких проспектов. Высшая школа для счастливых, одарённых донумами, обреталась на юго-востоке, не так уж далеко от обозначенного ромашкой «Приюта Камиллы». В центре этого геометриско-картаграфического шедевра находились королевский дворец, севернее — если мерить земными мерками — Центральный храм Тираты с комплексом различных хозяйственно-служебных пристроек, из которого одна предприимчивая лавочница по имени Агнесса и выкрала ту самую злосчастную реликвию.

Почему её? Почему она? Зачем ей это вообще могло быть нужно? Или не ей, а кто-то её нанял? Почему именно её? Что могло отличать эту девушку от других?

Имеет ли смысл разбираться в этом?

Имеет, потому что сейчас я здесь, и я — это она, но всё по порядку. Сначала разобраться с тем некромантским заклятием, на которое я, кажется, подбила Марта — "на слабо" взяла, просто убиться, как удачно. Если я, конечно, права, и дело действительно в этом, а не в моей иномирной душе или ошибке исполнителя приговора, заговоре следователя или жреца. Версий тьма, но надо что-то делать, срочно, срочно надо что-то делать!

Я присела на узкую неудобную скамейку, какую-то неуместно деревенскую по виду — гладкое бревно между двух рогатин, вытянула вперёд ладони. Прокол когтем, который я случайно поставила себе сама, так и не затянулся до конца. На бледной коже пальцев проступали слабые синеватые пятна в форме овалов с расплывающимся контуром. Преодолевая брезгливость, я поднесла к носу продырявленную руку и втянула носом запах — чуть сладковатый, хотя и не тот омерзительный трупный запах, с которым имела несчастье познакомиться ещё лет шесть назад, когда наш старенький одинокий сосед по лестничной клетке вдруг перестал выходить из квартиры, но всё же совершенно специфический, не очень приятный аромат.

Процесс идёт, не так быстро, как шёл бы у обычного трупа, и по своей особой схеме, всё-таки я двигаюсь, что-то чувствую, и обмен веществ, вероятно, идёт, но одновременно моё тело умирает заживо. Нет, не так. Законы биологии, анатомии, физиологии, чего-то там ещё отказывают. Нет боли, нет минимальной регенерации, кровь не течёт из ранок, на более глубокие выводы у меня не хватает времени, моральных сил и банально знаний. Что там должно происходить с реакцией зрачков на свет? Где этот хмыров пульс? Пробовать ли задерживать дыхание?

Не стоит медлить, вставай, Камилла!

Разумеется, по Магристе я уже бродила, но всё-таки не одна, а разница, между прочим, колоссальная. Отсутствие «страховки» в виде моего местного проводника кружило голову. Пропитанная адреналином, я казалась себе каким-то крадущимся в джунглях зверем — вон и когти имеются. Впрочем, в полном смысле одной я и сейчас не была — кот продолжал следовать за мной. Иногда немного отставая, иногда обгоняя, но довольно быстро возвращаясь обратно. Может быть, он просто ждёт, когда я умру окончательно, чтобы сожрать меня и на десерт забрать иномирную душу?

Какие-то улицы уже были знакомыми, но сейчас я посматривала на всё жадно-настороженным новым взглядом. Как было бы прекрасно очутиться здесь при других обстоятельствах! Воздух казался более колючим, прохладным и влажным, море, полное неведомых кусачих гадов, поблёскивало издалека.

Что там жрец говорил про Триаду ветров и дождей, про стихию, которую якобы

усмиряет исключительно королевская семья и для которой нужно утверждение наследника в правах на престол? Это получается, что если через девять дней, оставшихся до злополучного праздника, таинственная реликвия не найдётся, мы ещё и с природными катаклизмами столкнёмся?

Тирата, мне надо отсюда выбраться и срочно! Март обещал что-то разузнать о моём донуме перемещений, надежда только на него, что он сработает так, как надо. Вот только если Март думает, что я мертва, если он уже покинул столицу и растворился на просторах этого безумного мира... Если с ним что-то случилось, его всё-таки арестовали, покалечили или...

Не думать, идти, двигаться!

Я определилась с направлением и пошла, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания. За полтора часа пешего хода собственное изображение, приклеенное к фонарям, встретилось мне дважды. Один раз я украдкой его сорвала, потому что улица была совершенно пустынна, но во второй людей было немало, и скучающий стражник порядка, задумчиво поглядывал на информативный фонарь, поэтому я опустила взгляд и поспешила пройти шумный перекрёсток.

Столица оказалась куда больше, чем показалась мне вначале.

В островках пересечений «параллелей» и «меридианов», как для себя назвала я улицы и проспекты, было особенно оживлённо, теснились друг к другу торговые лавки, похожие на небольшие яркие цирковые шатры. С момента своего пробуждения в морге я не чувствовала ни голода, ни жажды, хотя воду всё же пила, без особого на то желания. При виде всякой уличной снеди: небольших шашлычков на деревянных палочках, завернутых в тканевые кулёчки орехов, бесформенной пышной выпечки что-то внутри жалобно ёкало, всё-таки не зря люди заедают стресс, еда успокаивает больше, чем что-либо другое. Но страх начать гнить изнутри оказался сильнее, и я разжала кулак, просунутый в неприметный кармашек на платье. В кулаке были те самые квадратные металлические монеты, чуть зеленоватые, как окислившаяся медь, которые я обозвала про себя «магриками».

Нет, не буду я ничего есть, не буду тратить драгоценное время и одолженные у Клариссы магрики на перекусы, не буду глазеть по сторонам. Разве что...

Я заходила во все целительские лавки, встреченные на своём пути, сама не зная, на что особо надеясь, заглядывала, буквально на пару секунд, мысленно благодаря хозяйку за краткий экскурс в магрскую символику: я бы не догадалась связать капли со спиральями с целительством. Лавки существенно отличались по интерьеру, по ценам, по духу, если можно так выразиться, и ни в одной из них не было ничего особенного для меня. После пятой я строго сказала себе, что это напрасная трата времени.

На очередном перекрёстке я остановилась немного перевести дух и поймала на себе задумчивый взгляд скучающего стражника. Взгляд, который мне совершенно не понравился. И я свернула с главной дороги в глубину, стала петлять между жилыми домами, пока внезапно меня словно током не ударило, и я притормозила перед небольшим стареньким двухэтажным особнячком. Впрочем, особняк — слишком громко сказано. Домиком, который я, разумеется, никогда не могла видеть, потому что я никогда здесь не была.

Никогда не была — я. И всё же он, не отмеченный на самодельной карте, самый что ни на есть обычный дом отличался от остальных и притягивал меня, как магнит иголку.

Я сделала несколько неуверенных шагов, ощущая себя в настоящий момент даже более ненормальной, чем когда пришла в себя в Винзоре, чем когда в первый раз увидела

проявление магии. Тогда я думала, что это мир сошёл с ума, но сейчас засомневалась именно в себе. Надо было идти дальше, надо искать Высшую школу, Марта, излечения...

Кажется, мне когда-то снился именно этот дом, но я помнила не только его изображение. Помнила пряный травяной запах, въевшийся в деревянные потрескавшиеся от времени доски. Помнила ощущение от прикосновения к шершавой облупившейся двери. Знала, точно знала, что за дверью на полу лежит вышитый мной круглый зелёный коврик...

Не мной, конечно. Агнессой. Это её мир, её коврик, её сны.

И её дом.

Глава 35.

Я огляделась — вокруг было тихо. Несколько похожих кособоких домишек без садовых огородов и прочих прилегающих территорий притулилось по соседству, но их хозяева то ли смиренно сидели внутри, то ли уже отбыли на службу. Даже странно увидеть такой старый обособленный уголок после новых и свежих домищ на центральных улицах, да ещё и пёстро украшенных к наступающей Венуте. Я подошла ближе, то и дело ожидая гневного оклика, недоумённых вопросов, рук, хватающих за плечо, но ничего не нарушало абсолютную тишину, топкую, поглощающую все сторонние звуки.

На входной двери висела какая-то табличка с непонятной мне по причине письменно-языкового барьера надписью. Я подёрнула лоснящуюся от времени металлическую ручку — заперто. Постучала несколько раз — безрезультатно. Похоже, лавка — если это действительно была лавка, значка капли не наблюдалось — была закрыта и пуста. И закрыли её явно не сегодня утром. Повинуясь какому-то наитию или нечаянному чужому воспоминанию, нагнулась, пошарила под ступенькой — пусто.

Я обошла дом по периметру, попыталась заглянуть в окна — слишком высоко над землёй, а залезать в незнакомый дом — тем более, если не совсем незнакомый — излишнее привлечение внимания, ненужная авантюра.

Как же здесь безлюдно, безмолвно, мёртво. Неужели в таком месте вообще могла идти хоть какая-то торговля? И это буквально в пяти минутах пешком от оживлённого проспекта!

Спустя минут десять я осмелела. Дверь заперта на замок, окна высоко, но если притащить во-он то полешко и попытаться приоткрыть ставни, деревянные, украшенные изрядно стёршимся от времени узором, представляющим собой переплетение стеблей, листьев и цветов различных оттенков мятного и тёмно-зелёного, то...

У бабушки в деревенском доме было что-то похожее.

Я подтащила неожиданно тяжелое, отсыревшее полено, к вящему возмущению копошившихся под ним страхолюдных мелких тварей, больше похожих на ожившие детские рисунки, чем на реальных существ, встала на него, просунула руку между разохшимися, неплотно прилегающими друг к другу ставнями, и нащупала внутренний крючок. Ну точно, совсем как у бабушки.

Невероятное ощущение дежавю.

Или это из-за Агнессы, которая прожила здесь почти двадцать лет своей жизни?

Ксамурр Второй, крутящийся под моими ногами, беспокойно муркнул и одним прыжком вскочил на карниз. Глянул на меня, как мне показалось, несколько презрительно — и спрыгнул внутрь.

— А я так не могу, — невесть зачем сообщила окну. — Мог бы и помочь, между прочим, спутник.

Недоумённо посмотрела на почти сантиметровую щепку, вонзившуюся в руку.

Инеродный предмет ощущался, но боли однозначно не было. Вытащила, даже не поморщившись, обозрела очередную незатянувшуюся и не кровоточившую дырку в собственной шкурке.

А что, даже удобно. Никакого столбняка, по крайней мере, не грозит.

Другое дело, когда трупные пятна будут не только на руках и ногах, а перейдут на лицо. Или когда я вся разлохмачусь в лоскуты, буду в мелких дырках, точно сито, а то и ещё чего похуже.

Не думать, не думать, не думать!

Ставни распахнулись с тихим скрипом, стекла за ними не оказалось — просто тёмная комната. Надо же, как легко.

Может быть, в Магре вообще не воруют? Хотя, с такими-то суровыми порядками, зубодробительными допросами, смертной казнью буквально без суда и следствия я бы тоже не рискнула воровать.

...хотя я-то как раз и рискнула. То есть, лирта Агнесса-Ренна, бестолковая тупая авантюристичная девица, из-за которой я сейчас пытаюсь залезть в чужой дом, из-за которой я вообще умерла! Руки бы ей оторвать...

Подтянулась на руках, проталкивая тело внутрь, и в этот момент кто-то со всей силы шлёпнул меня по незащитной и постыдно оттопыренной наружу пятой точке. Я наугад лягнула нападавшего, замешкалась, не зная, куда лучше бежать: попытаться-таки забраться в дом или, наоборот, дать задний ход, но чьи-то руки уже вцепились в моё платье и с силой потянули назад.

Я тяжело упала прямо на злосчастное полено, подскочила мячиком и увидела прямо перед собой невысокую, сморщенную, как печёное яблоко, старушку с перекошенным от гнева лицом и вытаращенными глазами. В одной руке у неё была мокрая грязная тряпка, очевидно, орудие того самого шлепка, а другой она бодро ухватила валявшиеся на земле ржавые грабли. Божий одуванчик агрессивно щерился граблями, вращал глазищами и тяжело дышал от высшей степени возмущения.

То есть, божий тараксум.

Тиратин тараксум.

Тьфу!

— Явилась, хмыра драева! Вовремя!

Судя по взгляду старушки, возвращаться мне ни в коем случае не следовало. По крайней мере, живой (для стороннего наблюдателя) и невредимой.

— Доброго дня, э-э-э... — я откашлялась и сделала шаг назад. Одно дело — шлепок полотенцем, а вот грабли — это уже куда серьезнее. Один удар — четырнадцать дырок. Незаживающих дырок. А это тело следует беречь, мне с ним ещё много чего предстоит сделать. — Здравствуйте, лирта...

— Доброго? — подавилась слюной женщина. — Вот когда ты сдохнешь в муках, тогда он и будет добрым!

Можно сказать, ничего я и не напутала. Но как же мне везет — нарвалась на знакомую, и сразу столько эмоций. Что я ей сделала, интересно, тоже чего-нибудь стянула? И в курсе ли старая лирта, что поспособствовать пожеланию можно очень и очень просто — добежав минут за десять до ближайшего стража и указав ему на мой след?

А бабуся продолжала бесноваться, гневно помахивая довольно тяжёлыми на вид граблями. Хоть и морщинистая, и вся скрюченная какая-то, а силы-то немерено, вон как

меня из окна вытащила, остаётся только позавидовать.

— Что ты натворила, иссайдка, мать в могилу свела, а сама шляешься, как ни в чём ни бывала, чтоб тебя драи слопали!

...ну вот. Я же хотела местных ругательств, пожалуйста, получила, жаль только, записать нечем, да и некуда. Но надо уже как-то отреагировать. Кажется, в данном случае рассказ про потерю памяти явно не пройдёт.

— Свела мать в могилу? — голосом, полным почти что искреннего ужаса, пробормотала я и на всякий случай сделала ещё шаг назад.

И вдруг незнакомка уронила орудие сельскохозяйственного труда на землю, опустилась рядом на колени, уткнулась лицом в тряпку и глухо, протяжно завывала.

Божечки.

Глава 36.

Я затопталась рядом, не зная, то ли пуститься бежать, то ли наоборот, попытаться утешить искренне, похоже, страдающую женщину, возможный источник очень ценной информации о прошлом Агнессы — или возможный источник утечки очень ценной информации о настоящем Камиллы к стражникам.

Моя бабушка, добрейшей, кстати, души человек, в жизни никогда ни на кого не замахнувшаяся граблями, помнится, очень любила делиться с участковым мнением о соседях, посторонних гостях и подозрительных событиях... Да и потом, нельзя сказать, что Агнесса и её жизнь уже полностью мне чужие. Злясь на себя за неуместно проявленную сентиментальность, я осторожно приблизилась к разоружённой старухе, наклонилась и неуверенно погладила по костлявой спине.

Рыдания утихли куда быстрее, чем я ожидала. Бабуся поднялась неожиданно бодро, схватила меня за рукав своими терминаторскими ладонями и потащила, к счастью, вроде бы не к стражникам, а к дому.

Не отпуская мой рукав, огляделась по сторонам, словно заправский шпион из американского фильма, ловко нагнулась и извлекла запрятанный под ступенькой ключ — не под той, где я искала, под другой, ниже, открыла дверь. Впихнула меня в дом и закрыла за собой дверь. На ключ.

— Ну?!

— Что — «ну»?

— Где ты была?

— В тюрьме! — огрызнулась я. — А теперь в бегах. И здесь мне оставаться надолго нельзя. Придут и... — я задумалась, стоит ли так явно блефовать. — Спалют тут всё к... Не важно. Просто спалют. Вместе с соседями.

— Всю жизнь, Агнеска, ты тихоней была, но я-то знала — не жди от тебя добра, покажешь ты ещё своё истинное прогнившее нутро, — с какой-то тоской произнесла старуха и прошла из прихожей в комнату, шаркая растоптанными туфлями по пыльному полу, а я двинулась за ней. Голова кружилась от запаха незнакомых — и в то же время будоражащих воспоминания трав или специй, от всплывавших в моей-чужой памяти картинок. Пустое пространство по центру, уставленные баночками, корзинками и коробками простые деревянные, кажется, полки вдоль стен. Пучки сухих трав, свисающие по углам. Вон там должен быть стол со стульями для редких посетителей, желавших выпить заказанное снадобье прямо здесь, а вон там — подобие керосинки, на которой уныло стоял давно остывший пузатый котелок.

— Нагуляла тебя Антина, так и не призналась, от кого, иссайка, хмырова дочь, — продолжала сокрушаться женщина. — А я как в колыбельку заглянула, так сразу поняла — лежишь смиренно, не плачешь, гулишь, как нормальный младенец, а волосья-то у тебя — чисто киртан, цветок гулящих девок, и глаза распутные.

— Прямо уже в колыбели распутные были? — уточнила я, подходя ближе к столику, на котором одиноко стояла пустая треснутая чашка с присохшими травинками. Именно здесь сидел серьёзный молодой человек, снившийся Агнессе. Казалось, вот-вот, и я вспомню всё остальное... Хотя бы его лицо, даже во сне остававшееся в тени. Лигран? Почему-то я до сих пор сомневалась в правдивости его слов, хотя всё совпадало — и в то же время не имело никакого смысла.

Нет, чтобы увидеть сон про похищение и дальнейшую судьбу чёртова фелиноса! Кажется, я была готова согласиться со старушкой насчёт некоторой распутности Агнессы — в её снах был исключительно мужчина.

— А ты не язви мне тут, не язви! Две декады лет сидела, понимаешь, смиренно, носу наружу не высывала, а потом пошла вразнос — по ночам куда бегала, думала, мы с матерью не видим?! А теперь явилась и — «дом спалют»?! А про мать и не вспомнила, то "мамочка, мамочка", а то... — кажется, она снова собралась то ли удариться в истерику, то ли ринуться меня колотить, и я торопливо проговорила:

— Что случилось с матерью? У меня мало времени.

Старуха помолчала, потом легко, почти без усилий придвинула к себе тяжёлый деревянный стул и села.

— Когда ты пропала, Антина себе места не находила. Ну, день-два, она так и подумала, что у мужика ты осталась, всё-таки дурная у тебя кровь, драина!

— Ну, так мать тоже... — возмутилась я, хотя разумнее было бы промолчать. Старуха живо подскочила, ухватила валяющийся на полу половник и треснула меня по голове так лихо, что я даже не успела увернуться.

— Молчи! Ещё про мать вякать будешь, тварь, да мать твоя святая, можно подумать, она виновата, — эти слова несколько расходились с предыдущим утверждением про «нагуляла» и «хмырову дочь», но я благоразумно прикусила язык, потирая звенящую голову — не хватало только очередной дырки или вмятины. — Мать твоя чистая душой, что ей делать было, такому, как папаша твой, не отказывают, но ты! Ты! Два дня она тебя ждала, вся как на шипах пириги сидела, а ты же знала, что нельзя ей волноваться, да и работать нельзя, то всё «мамочка, мамочка», сама забота, а то — бросила больную мать, усвистала, задрав подол, иссайка, иначе и не назовёшь. А потом, — старуха вдруг понизила голос. — Эти пришли.

— Эти?

— Сначала из полиции, набежали, как голодные кварки на кровь, крутились тут, выпрашивали, где, что, как да с кем. Один раз пришли, второй, третий. Антина совсем перепугалась, виданное ли дело. Выспрашивают, вынюхивают, сами ни словечка не скажут. А я сразу поняла, что натворила ты чего-то из ряда вон, у-у-у, надо было ещё в детстве подушкой тебя придушить и в колодец!

...если эта лирта родственница Агнессы, то определённая кровожадность явно у них в роду, как и идея с колодцем. Не удивлюсь, если несчастная пострадавшая служительница, как там её звали, не помню, что-то на «С» пострадала именно потому, что Агнесса с детства слушала подобные угрозы в свой адрес.

— А потом другие явились... — и без того вытарашенные глаза, казалось, вот-вот

выпадут на пол к вящей радости притаившегося где-то Ксамурра. — Тихие, взгляды в пол, а голос продирает до самого нутра. Где Агнесса, куда могла пойти, что делала, кого видела, когда приходила последний раз. Я-то пыталась им объяснить, что нельзя Антину трогать лишней раз, болеет она! Но куда там. Этим не отказывают... И главный их, с волосьями длинными, страшный, как бездомный сакраль. Лично приходил. Антина совсем после его визита сдала.

Нехорошая мысль зародилась в моей голове. А что, если мамаша нагуляла Агнессу не от кого-то там, а от самого верховного жреца? И...

И что? Тот решил избавиться от порочащей его дочери столь абсурдным навороченным образом? Лично заявившись к женщине, с которой имел порочащую связь, оставив в живых свидетельницу этого визита? Слишком сложно, слишком глупо.

Или Агнесса решила таким образом отомстить?

Ещё сложнее, ещё глупее.

Впрочем, кто говорил, что она простая и умная? Я по-прежнему ничего о ней не знаю.

Анимешно-цветные волосы, пожалуй, говорили в пользу мыльно-оперной версии. Только вот что мне с того? Ну-у, если, например, жреческая каста должна держать целибат под страхом смертной казни или лишения сана — очень даже большая польза, можно попробовать пошантажировать предполагаемого папашу. Помнится, лирт Веритос как раз говорил, что в жрецы идут по призванию, а не по наследованию, в отличие от королевской династии.

Ага. Я буду пытаться шантажировать второе лицо в стране, после короля — а то и вообще первое. А потенциальный папаша, явно лишённый как отцовских чувств, так и моральных ограничений и щедро наделенный Тиратой способностью к гипнозу, попытается с удвоенным пылом меня прикончить. Заповедь "не убий" Тирата, очевидно, не продвигала в широкие массы.

— Не знаю я, о чём они там говорили, — закончила старушка. — Но только после этих бесед матери твоей совсем плохо стало. Два дня бредила, а потом в беспамятство впала и вот позавчера... — она снова завывала, на этот раз тихо, горько, не показушно, а я тоже опустила на стул по соседству.

Чёрт.

Глава 37.

— Чаю? — неуверенно сказала я, ожидая нового всплеска бурных эмоций, яростных криков и ударов по голове и прочим выступающим частям тела, но старуха неожиданно отняла заплаканное лицо от сморщенных ладоней, соскочила со стула и развила бурную деятельность — куда-то сбегала, налила воды в котелок, разожгла небольшой очаг, насобираала трав по углам, засунула их в какой-то полупрозрачный мешочек — а руки предварительно не помыла, между прочим — и сунула в воду. Некрокот сверкнул зелёным глазом из дальнего угла, беззвучно чихнул — с иллюзорных ушей и несуществующих усов свисали полупрозрачные скомканые серые нити паутины — если в Магре водятся пауки. Впрочем, крысы же тут есть, отчего бы и не водиться.

Завершив подготовку к грядущей чайной церемонии, бабуся тяжело вздохнула и устала на огонь, на который, если верить мудрецам из моего мира, смотреть можно бесконечно. Жаль только, в мою бедовую головушку мудрости, похоже, нисколько не перепало, и сейчас я просто молча сижу в старом чужом доме, глядя на язычки пламени рядом со старой чужой женщиной. И в то же время не чувствую себя лишней. И огонь так

спокойно, умиротворяюще подпрыгивает, потрескивает под котелком.

Мать Агнессы умерла всего два дня назад. А ведь она могла что-то знать, непременно знала! И если бы я не прохлаждалась вместе с Мартом, а сразу бы отправилась её искать... Хотя где бы я её нашла? На эту лавку я набрела совершенно случайно.

Не слишком ли много случайностей?

— Где была хоть? — угрюмо, но уже без прежней истеричной ярости бормочет старая женщина. — Что натворила? Говори, как есть, я не мать тебе, мне сказать можно.

— Говорю же, в тюрьме была. Там жрецы допрашивали, голова теперь ничего не соображает, что-то помню, что-то нет. Но меня обвиняют в том, чего я не делала, нашли крайнюю. Уходить мне надо, меня в городе ищут. Чаю выпью и уйду, больше не увидите. Хотела убедиться, что у вас тут... нормально.

— Убедилась? — горько отозвалась женщина, снимая котелок с огня, вместо прихватки используя края замусоленной юбки. — Видела бы Антина, что единственная дочь ни слезинки после её смерти не пролила, она бы...

— Говорю же, с головой у меня сейчас плохо. Наплачусь ещё вволю, не переживайте.

— А у тебя всегда с нею плохо было! Другие лирты — что? Бегают с подружками, болтают, играют, глаза горят. А ты чего? Просидела всю жизнь тут, в четырёх стенах под крышей, а потом, когда порядочные лирты суженого находят и идут к Тирате за благословением, как с цепи сорвалась. Иду я как-то к Антине, глянь — что за хмыра из окна вылезает? А это племянница моя ненаглядная, единственная, та, что отрадой матери стать должна была! Стилус покраснел от стыда, а с этой девки как с кварка вода — всё ни по чём. Ну, я в дом, а Антина мне: спит Агнессушка, утомилась за день, работает в лавке, мне помогает, радость моя! Спит! Радость! — и она гневно пнула ногой стоящий под лавкой деревянный ящик так, что тот перевернулся, а Ксамурр в своём углу вздыбил спину коромыслом.

Племянница, надо же. Я-то думала, в лучшем случае внучка.

— Куда я могла ходить? — внезапно я поняла, что лицо дамы вовсе даже и не такое старое, как мне показалось, просто очень измождённое, осунувшееся и оплывшее, как бывает у наркоманов или тяжело больных.

— Мне-то откуда знать? По рукам пошла, не иначе.

— Если я постоянно сидела здесь, где я могла найти эти самые руки?

— Так природа твоя такая, гуляющая. Может, тебе и не надо было знакомых-то отыскивать, и незнакомцы сгодятся. У-у-у, надо было Антине вытравить тебя из утробы...

— Видишь? — я сунула нежданной тётке под нос руку с трупными пятнами, а та отшатнулась. — Скоро справедливость восторжествует, и я отправлюсь вслед за матерью. Помолчи уже, а? Приспичило бы — вытравила бы небось, а не стала, значит, хотела этого ребёнка. Может, и не желала отказывать моему отцу. Не нам её судить. Особенно теперь.

Я попробовала представить лирты Веритоса в молодости — но всё равно видела только жестокого, амбициозного, холодного мужчину, который если и закрутил роман с какой-то бедной девушкой в лучших традициях мексиканских мыльных опер начала 90-х годов — и где только они могли пересечься?! — то исключительно от скуки, сохраняя полное здравомыслие, явно не пренебрегая вопросами контрацепции. Нет, всё-таки это бредовая идея, не мог лилововолосый жрец так... опростоволоситься.

Тётушка цапнула меня за руку и принялась разглядывать со всех сторон подслеповато сощуренными глазами, крутя то так, то этак, надавливая на кожу, обнюхивая и чуть ли не

лизнув.

— Эх как заговорила, и не узнать тебя. Изменилась, считай, за три-четыре декады, как совсем другой человек стала, дерзишь, в глаза смотришь... Где смерть подхватила? Кто тебя благословил этим проклятием?

"Благословил проклятием" — красиво звучит.

— Что это такое? Как вылечить?

— Откуда мне знать? Я первый раз такое вижу, слышала давно что-то да и всё, но чтобы так вот, вблизи — никогда... Надо спрашивать у того, кто благословил.

— Или проклял, — на автомате произнесла я, утыкаясь носом в горячую кружку с горьким напитком.

— Или проклял, — кивнула тётка.

— Кто мой отец? Как мать могла с ним познакомиться? Ну же, я уже взрослая. И плодом меня не вытравили, и в колодец не кинули. Мать бы не хотела, чтобы я...

— Молчи уж, исскайка, — теперь в голосе тётки звучала усталость. — Не знаю я, кто твой отец, знаю, что кто-то важный, кому не отказывают — и всё. Думаешь, поможет? Две декады лет не помогал, а теперь — поможет? Зря. Никакой им веры нет, этим.

— Как она с ним познакомилась?

Женщина отпустила мою руку, встала, пошебуршала чем-то в углу, а потом сунула подобие получившейся самокрутки во всё ещё попыхивающий огнём маленький очаг, затянулась и выдохнула едва заметное облачко дыма с резким терпким запахом.

— А, ты, наверное, и не знала. Дед твой, наш с Антиной отец, рано умер, но в молодости был большим человеком. В главный храм Тираты был вхож, делал травяные смеси для служб, ну и любимицу свою таскал, хотел ей доходное дело передать. А там, на службах-то, какие-то только люди не появляются... Потом Антина дома осела, когда тебя-то ждала, а отец наш к Тирате отправился, лично выговорить ей хотел за любимую дочку, не иначе. И уж, конечно, не до того матери твоей тогда уже было, а свято место пусто не бывает, — она снова забормотала что-то ругательно-обвинительное, но я уже не вслушивалась. В несколько глотков допила горький отвар, представляя, как омерзительно лекарственная на вкус жидкость проваливается внутрь по мёртвому пищеводу в мёртвый желудок и уныло плещется там, внутри.

"Эй, желудок, а куда мне дальше?!"

"Не знаю, я здесь больше не работаю!"

Впрочем, дискомфорта я не чувствую, так что — плевать.

Тихий стук в дверь заставил меня подскочить на месте. Я испуганно глянула на тётку, но та и бровью не повела, дёрнула меня за рукав, кивнула в сторону одиноко стоящего в углу стола для посетителей, накрытого куском чистой и даже относительно светлой, но пыльной ткани. Я метнулась туда и залезла под стол, опять испытывая острейшее дежавю — совсем недавно мы с Мартом так же прятались от королевских стражников под столом.

Прислушалась к раздающимся снаружи голосам, кажется, это был не очередной налёт, а всего лишь соседка или покупательница, незнакомый голос был женским, спокойным, тихим.

Всё равно рисковать не стоит...

— Мррр? — Ксамурр залез ко мне, прыгнул на сидение стула так, что оказался прямо напротив лица. Заглянул в глаза своими космически бездонными кошачьими иллюзорными глазищами.

— Тссс, — шепнула я.

Картинки-воспоминания замелькали перед глазами, мерцали, путались, словно кто-то в моей голове тасовал их, как колоду карт.

Запах жареного мяса, перегара, лицо Марта, его тихий голос на фоне визгов и криков стражников и посетителей таверны — свежие, яркие, мои воспоминания. И совсем другие, размытые, неявные, нечёткие.

Я сижу под столом. Под этим самым столом, и скатерть, кажется, та же самая. Её край поднимается вверх, и какой-то юноша склоняется ко мне:

— Прячешься?

— Тссс, — шепчу я ему, как только что — коту. — Лирта Айя меня ищет, ругается.

— Что случилось? — он смотрит серьёзно, но по-доброму, и я не могу смолчать.

— Отвар велела сварить для лирты Риссы, а разве я виновата, что вода не закипает никак? Я...

— Идёт! — он резко опускает край скатерти, а я вжимаю голову в плечи.

...что за чушь?

Страхивая морок чужого прошлого, я с трудом концентрируюсь на происходящем снаружи.

— Лирта Айя, ну, пожалуйста, — жалобно говорит невидимая женщина, — Сами ж знаете, нет у меня денег, а у вас товар пропадает! А я через декаду-другую верну, а?

— А то ты не знаешь, что запрет на торговлю у меня, и знак торговый сняли, не видела что ли, хмыра? — ворчит тётка, и мне неожиданно становится легче от понимания, что она такая не только со мной.

Воспоминания Агнессы не желают отставать. Я сижу тихо, как киртан в поле, но сильная рука ухватывает меня за лодыжку и вытаскивает, словно тушканчика из норы.

...в Магре нет тушканчиков. Ведь нет же?

Кто я? Чьи это мысли?

— Ай! — взвизгиваю, но тихонько, чтобы не напугать пару покупателей, забредших в лавку.

— Ах ты, драя хмырова, почему вода в котелке холодная?! — тётка дёргает меня за ухо. — Я тебе когда говорила её туда поставить?

— Я ста-а-а-вила!

— Не ври! — она шлёпает меня по лицу мокрым полотенцем.

— Айя! Подойди! — это голос матери, куда более слабый и тихий, но мы с тёткой на миг замираем, а потом она грозит мне кулаком и торопливо бежит к сестре.

Оглядываюсь: юноша всё ещё тут. Подходит к стоящему на огне котлу, касается рукой.

— Действительно, холодный.

Я пожимаю плечами, стараясь втянуть слёзы обратно в глаза — за одиннадцать лет жизни я почти научилась этому нехитрому фокусу — не доказывать же каждому встречному и поперечному, что я действительно уже хмырову кучу времени назад поставила котелок на огонь!

— Вообще-то я хотел бы сделать заказ, — юноша не смотрит мне в лицо, и от этого немного легче. — Но никак не могу отыскать хоть кого-нибудь, кто бы его принял...

— Мама... больна, сегодня ей хуже, а лирта Айя не успевает одна, — торопливо говорю я, украдкой вытирая рукавом влажный нос. — Подождите немного, пожалуйста.

— Может быть, вы мне поможете?

Растерянно хлопаю глазами — никто из взрослых никогда так со мной не говорил. Так... уважительно, словно я настоящий нормальный человек. Тётка лупила, не очень больно, но обидно, мать смотрела то с какой-то остервенелой любовью, то с жалостью, словно это у меня многолетняя неизлечимая с нашими небольшими доходами лёгочная хворь, а не у неё. Правда, юный лирт не мог ещё считаться взрослым в полной мере, но всё-таки он был гораздо старше меня. Беру из его рук лист со списком нужных трав, пробегаюсь взглядом по извилистым строчкам, к удивлению себя-настоящей, теперешней, прекрасно понимая написанное.

Я знаю, где лежат нужные травы, знаю, сколько они стоят и как отмерить нужное количество, но брать их без спросу страшно. А ну как напутаю, клиент останется недоволен и меня накажут?

— Лучше чуток подождите взрослых, лирт.

— Я тороплюсь, — с сожалением говорит он. — Уверен, вы всё здесь знаете, лирта...

— Агнесса, — говорю я почти шёпотом, ожидая, когда он назовёт своё имя.

Мы обе, она — Агнесса из прошлого, и я — Камилла из настоящего, мы обе ждём, когда он назовёт своё имя, почему-то это кажется очень важным.

Глава 38.

Денег или каких-то вещей мне в дорогу добрая тётушка Айя не предложила, а я и не просила — в конце концов, кто я такая? Граблями вслед по затылку не треснула — и то хорошо.

Кто я?

Вопрос на миллион, если честно.

Кто такая я, если помимо тела мне достались, похоже, и чужие умения, воспоминания, а теперь вот ещё и родственники?

Впрочем, это как раз можно как-то понять, но что делать с неуместными отголосками чужих чувств: острой болезненной горечью, связанной со смертью матери Агнессы, привычным и таким неискоренимо детским страхом перед вспыльчивой родственницей, скорой на расправу и обладающей тяжёлой рукой? И какая-то робкая, всепоглощающая нежность по отношению к высокому худощавому пареньку из агнессиных снов и видений. Я понимала умом, что это и есть такой картинно красивый следователь Лигран, кто же ещё, он же сам мне всё рассказал! Понимать-то понимала, но поверить никак не могла — не увязывались воедино у меня эти два персонажа, вот никак, не сводились и всё тут.

Отчего-то очень хотелось попросить лирту Айю сводить меня к могиле матери, хотя это только отняло бы драгоценное время. Я вовремя остановилась — кто знает, как здесь проводятся обряды погребения, выдам себя своими странными вопросами, а тётка подумает, подумает — да и поскачет к страже... Возможно, тут и вовсе нет никаких кладбищ и захоронений, а тела умерших по благословению Тираты скармливаются кваркам, что символизирует перерождение и максимально быстрый телепорт почившего в божественную обитель. А возможно, на похороны приглашается штатный некромант, и покойный самолично прощается с родными и близкими, оглашает последнюю волю и бодро топает в сторону свежевыкопанной могилы с криком в сторону этих самых родных и близких: "Ребят, продолжайте отмечать, не провожайте, сам дойду!"

Так что навещать последний приют ближайшей родственницы я не стала, тем более, что она и родственницей-то была не мне. Мысленно ещё раз проглядела любезно подсунутые памятью картинки: любимая мать, худая и бледная, улыбающаяся мне, как обычно, немного

виновато и испуганно, если не сказать, затравленно, гневливая Айя, от души стегающая меня по спине венником, старенький лирт-сосед, старинный друг дедушки, которого я никогда не видела, учивший меня читать и писать, школа, где мне страшно и неудобно от неумолкаемого детского гвалта и обилия новых слов, и постоянно хочется домой. Паренёк-студент, забегающий за травами для крепкого сна и концентрации внимания, обращающийся со мной так, словно я принцесса. Вот ещё бы чуть дальше пролистать и увидеть, как эта тихая скромная девочка идёт к кому-то ночью на встречу, а затем направляется в храм, убивает служительницу, скидывает мёртвое тело в колодец и уносит королевскую реликвию, чтобы...

Чтобы что?

Вот я и посетила свой-не свой дом, но не узнала ничего нового и важного, кроме того, что Лигран, похоже, не соврал, и девочку Агнессу он, похоже, действительно знал. И что? Никаких зацепок.

А если я украла фелинос для него? У парня, близкого к королевской семье, и, вероятно, вхожего во дворец по роду своей службы, могли быть весьма честолюбивые планы по собственному продвижению вверх по карьерной лестнице.

Я даже остановилась, а кот от неожиданности ткнулся в голень костлявым лбом. Агнесса — не будем придирааться, почему именно она — могла украсть реликвию для своего сердечного дружка, украсть и спрятать, пока всё не утрясётся, а Лигран изображает бурные поиски, даже поимку с допросами, чтобы отвести от себя подозрения. Но в тело Агнессы попадаю я. Лигран понимает, что что-то не так, однако уверен, что его попросту дурят: подельница решила доигрывать партию соло. Поэтому он с одной стороны, суров, а с другой — всячески даёт понять, что на моей стороне. Но при этом он не исключает ответной игры, допустим, лирта Веритоса, как и предательства Агнессы, поэтому говорит максимально уклончиво, и в итоге избавляется от неверной любовницы, отправляя её на казнь... Я поморщилась.

А что? Несмотря на некоторые белые пятна, история относительно логична.

Нет, она чертовски логично, да я просто Агата Кристи! Примем её за рабочую версию номер два, но она мне нравится больше, чем та, что с папашей-жрецом. Всё же Лигран в качестве возможного антагониста пугает меньше.

Вот только что это даёт? А ничего. Потому что может быть и третий вариант: Лигран и жрец заодно. Предположим, они иностранные шпионы. В таком случае, фелинос может быть уже за границей, но заговорщики до поры до времени изображают патриотов, дабы его Величество не заподозрил неладное раньше времени.

Придумать можно множество вариантов, но не следует забивать голову лишними фантазиями. Нужно спешить.

Для начала — найти Марта! В конце концов, это его мир, ему должно быть видней, что да как. А я должна выжить. Если бы только вернуться обратно, в свой мир! Пусть тело иссайки драевой Агнессы постепенно превращается в ходячий скелет, пусть Март скрывается до конца своих дней... Они сами во всём виноваты.

Я зло и решительно зашагала вперёд, Ксамурр с энтузиазмом метнулся вперёд, и я споткнулась, со всей дури шлёпнулась на колени, в усыпанную сероватыми камнями дорогу. Кое-как поднялась, огляделась — никого! — задрала юбку и оглядела колени, словно бы натёртые на крупной тёрке. Кровь, разумеется, не текла. Прислушалась к себе.

Боли не было. Усталости не было. Нигде не икалось и не чесалось. Даже в туалет вот

уже почти целые сутки не хотелось (интересно, куда всё же денется выпитый у тётки отвар). Никакого дискомфорта, но внезапно оказалось, что дискомфорт, боль, неудобства — тоже неотъемлемая и очень важная часть бытия.

— Мррр? — вопросительно муркнул отбежавший на пару метров вперёд кот, и я не удержалась, подошла, коснулась чёрного лба. Иллюзия живого животного поддерживалась даже на тактильном уровне, но не долго — если задержать прикосновение, шерсть словно начинала расползаться под пальцами, отчётливо прощупывались кости.

— Тебя я не брошу.

Если я и кривила душой, то самую малость.

* * *

Высшая Магрская школа для очастливленных Тиратой донумами студентов располагалась в тихом укромном местечке и выглядела на первый взгляд вполне гостеприимно. Никакой устрашающей ограды, как в Винзоре, кругом растения и цветы самых разных оттенков. Живых тараксумов, разумеется, не было, зато маленькое здание, удивительным образом напомнившее мне храм Тираты, куда я перенеслась после винзорского морга, в миниатюре, было умело расписано контурами рук, сжимавших стебельки со знакомыми пушистыми головками.

То тут, то там были небольшие статуи, созданные не очень умелым, но старательным и весьма вдохновлённым скульптором — диковинные животные, то ли ещё мной не увиденные, то ли являющиеся плодом воспалённого воображения неведомого творца. Невольно заинтересовавшись, я прошла вглубь неухоженного, но пышного сада. Помимо существ, наводящих на мысли о неверно собранных пазлах с изображениями земного зверья, тут были и явно магические существа: люди со странными наростами на обнажённых телах, дети, завёрнутые в тонкие кожистые крылья...

По сравнению с садом непосредственное здание Школы казалось простым, незатейливым и даже неинтересным.

Зелёный Стилус стремительно выкатывался на потемневший небосклон, разнокалиберные окна угрюмо и слепо глядели на меня чёрными прямоугольниками и квадратами. Входные двери, которые я обнаружила, оказались закрыты. Я мрачно подёрнула металлические ручки, любовалась на два перекрещенных треугольника над входом в обитель мудрости, и снова вернулась в пустой сад. В зелёном полумраке и лучах Стилуса технические огрехи статуй казались незаметными, несущественными, изваяния, казалось, посматривали на меня с высоты своих щербатых постаментов.

— Мррр? — Ксамурр потёрся о мою голень, а потом неожиданно насторожился, забавно выгнув гибкий костяной позвоночник. Я давно заметила, что когда кот обращал внимание на что-то, происходящее в мире живых, иллюзия его нормального внешнего вида словно бы слабела, таяла, очертания белых костей явственней проступали сквозь чёрную кудрявую шерсть.

Кот сделал пару шагов вперёд, а я за ним.

Бред чистой воды, но я ощущала с ним какую-то странную связь. Впрочем, неудивительно, если вспомнить о том, что мы оба мертвы.

Мы с котом прошли совсем недолго, прежде чем я услышала приглушённые многочисленные голоса, что-то бормотавшие нараспев. В пышных густых кустах с малиново-бурой листвой мелькали отблески света.

Глава 39.

— Знаешь, любопытство не порок, но большое... гванство, — одними губами сказала я коту. — Пойдём-ка отсюда. Надо найти укромное местечко, чтобы переночевать, а потом...

Круглые иллюзорные глаза сверкнули пронзительной зеленью, и кот исчез в кустах, а я помянула хмыру и сделала ещё шаг вперёд.

...Я-то сделала только шаг, но пространство внезапно исказилось и потащило меня за собой, втянуло в себя — и тут же выплюнуло. Я обалдело тряхнула головой и зажмурилась, потому что вокруг, разрезая ночную мглу, плясали высокие язычки пламени.

Голоса, на мгновение ставшие куда более громкими, разом стихли, и я обречённо открыла глаза.

Несчастливая иномирная лирта стояла в центре горящего по контуру треугольника, точнее, двух перекрещенных треугольников. За пределами композиции, достойной звания небольшого файер-шоу, замер с отвисшими челюстями и выпученными глазами добрый десяток молодых людей, держащихся за руки, словно они водили вокруг меня хоровод и готовились проорать "Каравай, каравай, кого хочешь — выбирай!"

Каравай, каравай, потерпи, не умирай...

Ксамурр прижался к туфлям.

На лбах явно ошеломлённых мальчишек — на вид им было лет по шестнадцать-семнадцать — были нарисованы чёрные закорючки, то ли пародия на эльфийские руны, то ли японская азбука.

— Мёртвая драя... — сдавленный голос одного из присутствующих сорвался на фальцет.

— Хмыра тебя отымей, Апратус! — высказался ближайший ко мне светловолосый парнишка. — У тебя получилось!

Все уставились на худенького паренька с трогательным ёжиком тёмных волос на голове. Тот как-то затравленно оглядел товарищей, а потом уставился на меня, не отпуская рук соседей по хороводу, затем медленно опустился на колени и произнёс с завывающими интонациями плохого актёра из дешёвого фильма ужасов:

— Прекрасная ночная драя Маграстена, благодарим, что явилась на наш зов! Взываем к тебе, мёртвой и непогрешимой, благослови наш послезавтрашний экзамен по истории богоборческих движений пятого тысячелетия, дай нам памяти кристальной, разума сияющего, прилежания, отврати от трактиров и напитков искусительных, от домов утех любовных и сонной одури!

...Ничего себе у них соблазны, а видок такой, что отвращать надо максимум от парков аттракционов и мороженого.

— Взываем! — подхватили остальные, синхронно опускаясь вслед за первым выступающим.

...Тирата или кто там есть ещё, ты надо мной издеваешься, да?

* * *

Парни замерли, как каменные изваяния, ожидание и страх, написанные на лицах ещё отчётливее, чем руны, вызывали больше желание расхохотаться, нежели оторопь.

Впрочем, кто бы говорил, я и сама один раз спала с зачёткой под подушкой и два, чёрт возьми, два! раза орала ночью в форточку "Халява, приди!". Студенты такие студенты. Но то, что ребятки вызывали "мёртвую драю", а явилась я, весьма символично и наводит на нехорошие мысли.

Хотя, собственно, откуда другим-то взяться?

— Эй, Апрутус, — тихо подал голос высокий долговязый юноша с таким бледным и худым лицом, что его срочно хотелось начать усиленно кормить. — А дальше-то что? Драя нас услышала? Исполнит?! Как её это, того... обратно потом?!

Судя по выражению глаз несчастного ритуалиста, он и понятия не имел, что нужно делать дальше в подобных случаях. И мне неожиданно стало совсем весело.

— Учиться! — низко провыла я и подняла к небу скрюченные пальцы с проступившими когтями. — Вам всем надо было усердно учиться, а теперь поздно! Теперь я останусь с вами! — и сделала шаг через догорающую огненную границу, стараясь не поджечь платье.

Эффект превзошёл все ожидания. Сногсшибательный, надо сказать, эффект: парни рванули прочь, но так как рук они на нервах так и не расцепили, хоровод повалился, словно стоящие друг за дружкой фишки домино, а дальше несчастные халявщики поползли прочь на коленях. Я прикинула, не добить ли бедолаг зловещим хохотом, но подумала, что слишком мало знаю о физиологии и психологии местных жителей: а ну как скопытятся с перепугу, или впадут в кому, или наоборот, начнут огнём плевать? И это обладатели донумов, маги, можно сказать. Стыдоба!

Мальчишки разбежались, как вспугнутые тараканы, все, за исключением того самого, Апрутуса. Парень смотрел на меня с обреченным тихим ужасом, но бежать не пытался — то ли действительно собирался откинуть коньки, то ли понимал, что к нему, как к главному организатору торжественного мероприятия, злополучная драя придёт в первую очередь.

— Не убегаешь? — полюбопытствовала я.

— Так всё равно не убежишь, — тоскливо сказал парнишка.

— И то верно, — кивнула я. — Ну, пошли, что ли.

— Куда?! — мальчик поднял стриженую голову. Вообще-то, он всего на пару-тройку лет меня младше, но худоба и это жалобное выражение на лице вызывали желание назвать его максимум подростком.

— К тебе! До утра останусь! — сурово припечатала я, но тут же устыдилась. Судя по зеленому отсвету на щеках — явно не от Стилуса, а от внутренней дурноты — Апрутус решил, что отрабатывать за вызов ему придётся натурой, а он, хоть и был среди прочих, просящих отвадить от Дома утех, к числу некрофилов явно не относился.

Подумав так, я тут же вспомнила слова Клариссы о постоянном посещении её заведения моим некромантом в годы студенчества.

Да что ж такое-то? Может, им там чудовищные скидки делают — по будням с часу до трёх, например?!

— Успокойся, — я вздохнула. — Мне нужна крыша над головой на одну ночь и всё. Чтобы... ну... Стилус не светил и всё такое, мы, мёртвые, не любим его... эээ... света.

— Знаю, — безнадёжно мотнул головой Апрутус, словно я произнесла очевиднейшую вещь, но потом с робкой надеждой уточнил. — Просто крыша и всё?!

— Посмотрим на твоё поведение. А приятели твои — трусы. Прокляну, завалят экзамен, непременно завалят, так им и передай.

— А я?! — встрепенулся паренёк.

— Ты что думаешь, мёртвым больше делать нечего, всяким лодырям помогать? — почти искренне возмутилась я. — Учил — сдашь, не учил — нет. Повтори завтра всё как следует, других вариантов нет. Вот если бы голову кому-нибудь оторвать надо было...

— Нет, голову не надо, — грустно отозвался студент. — Денег бы. Королевская стипендия положена лишь тем, кто сдаст все дисциплины в отведённый срок.

— Деньги никому не помешают, вот только когда меня убивали, о посылке на тот свет не позаботились, — пробормотала я, поражаясь тому, как много всё-таки общего между двумя нашими мирами. Точнее, миры разные, а проблемы все те же. — Ты далеко живёшь-то, лирт Апратус?

— Тысячи полторы шагов.

— Один?

Мальчишка отчего-то смутился.

— С однокурсником на пару, так дешевле, — и торопливо добавил. — Но его сегодня на ритуале не было, не надо его проклинать, пожалуйста!

— Так и быть, — милостиво согласилась я. — В обмен на ответную услугу: не говори ему, что я мёртвая.

— Буду молчать, как кварк, лирта Магрестина!

— Камилла, — поправила я. — Для конспирации.

* * *

Почему-то я думала, что Апратус приведёт меня в студенческое общежитие, которое, как положено всем студенческим общежитиям в любых мирах, будет унылым, безликим и полным пьяных грызунов науки и ползающих твартов, паутинников и прочей мерзопакостной мелюзги. Но, как оказалось, никаких общежитий Высшая Школа не предоставляла, так что приедем — а их было не так уж и мало — приходилось выкручиваться самостоятельно. Как и многие его иномирные собратья по несчастью, мой горе-экзорцист решил вопрос, отыскав пожилую лирту, большую часть года проводящую за пределами столицы и сдающую свой домик юным магам, в обмен на присмотр за недвижимостью, полив многочисленных цветов — в Магре вообще очень любили цветы — и тугой мешочек магриков. И если с поливом и присмотром аккуратный и ответственный, — на этих словах студентик особенно выразительно шмыгнул носом, видимо, давя на совесть привязавшейся упырихе — справлялись неплохо, то с магриками выходило туго. Стипендии на всё не хватало, работу ему никто особо не предлагал, а родители не баловали дотациями, искренне полагая научно-магические устремления сына юношеской блажью.

К своему удивлению, я поняла, что в Магре обладатели донумов отнюдь не считаются высшей привилегированной кастой. Судите сами: кормить нужно не самым дешёвым мясом, а в детстве плохо управляющие магией детки поджигают дома, портят урожай и вещи и всеми доступными способами отравляют окружающим жизнь и настроение. Потом их надо отправлять в специальную школу, которых в Магре только две, оплачивать жильё и прочее, а достойную работу найти им не легче, чем прочим, неударённым.

Ну, натуральные маглы!

Наконец мы остановились у небольшого и очень уютного домика, окружённого пышной растительностью. Апратус затоптался на пороге, поглядывая на меня, как юная невинная девица на матёрого ловеласа: с любопытством и подозрением одновременно.

— А вы правда мёртвая?!

— Мертвее не бывает, — заверила я и продемонстрировала незажившую и незатянувшуюся продырявленную ладонь с проступающими фиолетовыми пятнами. Кажется, у меня стальные нервы, а вот у парня нет, он даже зашатался, впечатлённый моей конечностью. — А какой у тебя донум?

Парнишка как-то неохотно пожал плечами, словно я спросила сущую ерунду, потом огляделся по сторонам и поднял с земли небольшой белёсый камень, сжал его в руках,

закатив глаза с таким мучительно напряжённым видом, словно собирался выдавливать из него нектар и амброзию. Я подошла ближе, присматриваясь. Камень менялся, становился гораздо темнее на вид и приобретал пористую структуру.

— Он меняется на самом деле или это только иллюзия?

— Иллюзия, — вздохнул Апратус. — Пока что я могу довольно мало, и мне необходим тактильный контракт с предметом. Себя могу немного подправить, а других живых существ ещё мало пробовал, никто особо не даёт, ну, кроме своих же однокурсников, но они требуют ответную услугу за услугу, а быть подопытным — то ещё удовольствие...

— А почему такой кислый вид? — искренне удивилась я. — По-моему, отличный донум.

— Так-то оно так, — Апратус завозился у двери. — А с другой стороны... Жизнь — это не дешёвые фокусы.

— Верно, — с умным видом поддакнула я, проходя в тёмное помещение. — Жизнь — это дорогие фокусы.

— Дорогим нужно очень долго учиться, — Апратус горестно стал стягивать с себя туфли. — Иллюзии — не самый редкий донум. Конечно, гениальный, уникальный специалист будет более чем востребован, вот только как таким стать? И на что жить, пока оттачиваешь умения и мастерство, без каких-либо гарантий в финале?

Я уважительно посмотрела на юного знатока жизни. Что ж, он прав, так оно и есть, и...

— Это кто, Ап?

В коридор вышел ещё один парнишка, на вид покрепче и повыше первого, может быть, даже третьекурсник. Этакая кровь с молоком, юный деревенский бычок. Такой может и не поверить в бред про «мёртвую драю», но...

— Вы кто? — повторил недоверчивый молодчик-сосед, а я широко улыбнулась:

— Репетитор.

— Кто-о-о?

— За небольшую услугу по наложению иллюзии буду тренировать твоего соседа по... э-э-э... грядущему экзамену. Но это всё завтра, завтра. Можно я спать уже пойду?

— Гостевая спальня на втором этаже вас устроит? — подобострастно спросил Апратус. Я подавила желание сыронизировать насчет ночной консультации в непосредственно в спальне юного лирта — хватит уже так глупо ехидничать, Камилла! — и кивнула. Поднялась по лестнице наверх, снова наступила на горло песне, отказавшись от еды — а ведь можно было попросить человеческих мозгов или хотя бы чьей-нибудь мёртвой плоти — упала на какую-то скамью, не приглядываясь к интерьеру, и провалилась то ли в сон, то ли в беспамятство.

Надеюсь, доживу до утра. Досуществую. До... А завтра с утра отыщу того, кто что-нибудь знает о Марте, отыщу самого Марта, стотыщ раз скажу ему, что он самый гениальнейший некромант на свете, только пусть снимет с меня своё заклятие.

А потом... Додумать я не успела. Видимо, даже мёртвые, лишённые вечного сна, нуждаются в нескольких часах ничегонеделанья, ничегонедуманья, ничегонечувствования.

Замечательные часы.

Глава 40.

Какая-то я неправильная нежить, раз проспала всю ночь и встала на рассвете. Наверное, Март всё же так себе некромант и что-то напутал... Впрочем, трупные пятна стали темнее и обнаружили не только на голенях и предплечьях, но и бёдрах, и животе — то есть там,

куда я смогла дотянуться и посмотреть. Ногти почернели окончательно, а кожа всё больше казалась онемевшей, и я напрасно тыкала в неё когтем — боли не было, да и вообще ощущения притупились. На коленях весело шершавилась бахрома ободранного эпидермиса. Обнаруженный стакан с водой был мною выпит, но чувства голода не было. Ксамурр, очевидно, продрыхший на моей пояснице, шурился и потягивался, как самый обычный кот — если забыть о том, что завтрак не требовал.

Сколько же полезных ништяков можно было бы позаимствовать с Магра! Кот, которого не надо кормить, смерть, как радикальное средство для похудения...

Я торопливо натянула платье, жалея, что с зеркалами тут такая проблема — лицо увидеть страшно, но нужно, с учётом того, что мне предстоит выход "в люди". Вот чем могли бы легально подрабатывать дома утех — зеркальные пластины в аренду сдавать! На всякий случай повязала покрепче платок вокруг головы — жаль, что здесь паранджу не носят — и ощупала языком зубы. Зубы были на месте, но это ещё ни о чём не говорило: все виденные мною когда-либо скелеты были с зубами.

После робкого стука в дверь на пороге возник мальчишка, как его, Апратус?

— Лирта Маграстена, я это... того... ухожу, и Свартус тоже уходит, в общем... на занятия...

— Я с вами, — я спрыгнула с кровати, радуясь тому, что одета. Жаль, помыться никто не предложил, но времени уже нет.

— Куда?! — отшатнулся парень. — Вы же обещали! Только одну ночь! Ночь прошла!

— Ну, должна же я проследить, что ты дойдёшь до Школы и не сорвешься по дороге к напиткам искусительным, домам утех и прочему. И вообще, может, с преподавателем вашим надо беседу провести, почему его экзамен вызывает у студентов желание гневить Тирату общением с... — какое там слово называл Март? — С сакралями, вот.

Бедолага Апратус готов был, кажется, разрыдаться и рухнуть на колени. Было очевидно, что такого результата своих экзорцистских экспериментов он явно не ожидал и сейчас в красках представлял, как занудная и настырная «мёртвая драя» вместо чудесным образом вложенных в пустую черепушку знаний старательно выговаривает обалдевшему преподу, что он не так преподаёт, выразительно тыкая пальцем в стоящего рядом виновника своего появления.

— Не надо, ну, пожалуйста, не надо! — заскулил парень, и глаза его подозрительно сверкнули теми самыми подступающими рыданиями. — Что вы хотите?!

— На самом деле, есть кое-что, — я бросила кривляться. — Проведи меня в Школу. Ты мне и даром не нужен, но есть другой любитель... мёртвых драй, вот к нему у меня разговор серьёзный, можно сказать, с фатальными последствиями. Он уже закончил обучение, мне нужно узнать о нём кое-что. Кто у вас там такими сведениями обладает? Отведи меня к этому человеку, и я от тебя отстану. С условием, конечно, что ты хотя бы сегодня перед экзаменом как следует позанимаешься.

Апратус пришёл в себя не сразу. Посмотрел с подозрением: видимо, по его мнению, переход в другой мир автоматически означал неограниченный доступ к любой информации. Но спорить не стал, вытер слёзы и кивнул — такая сделка его явно устраивала больше, чем грядущие проблемы со строгим преподавателем.

По дороге он уныло, но покорно рассказывал мне всё, что помнил по истории богоборческих движений пятого тысячелетия, а когда запас информации иссяк — случилось это, надо сказать, довольно быстро, я перевела разговор на праздник Венуты.

— Город украшают...

— Да, — доселе молчавший сосед Свартус, действительно третьекурсник, наклонился к ближайшей багровой лиане и ласково погладил листики, а те потянулись к нему живым кошачьим движением. Видимо, его донум был связан с растениями. — Венута грядёт.

Как оказалось, в жизни моих случайных знакомых это была первая Венута. Праздник устраивается на семилетие наследника престола, которым неоригинально считается первенец королевской четы. Для граждан Магра это лишь повод повеселиться и отдохнуть за королевский счет, но вообще-то у данного мероприятия есть весьма важный, просто-таки жизненно важный смысл — подтверждение сакрального статуса наследника, религиозная и одновременно светско-политическая процедура. Никаких подробностей студенты не знали, церемония была закрытая и информация о ней в широкие массы, как ни странно, не утекала. Насколько я понимала, прецедентов "неподтверждения" в памяти народной не осталось, всё всегда проходило без сучка, без задоринки.

— А если что-то пойдёт не так? — настаивала я. — Если церемония по каким-то причинам сорвётся? Если Тирата, гм, не одобрит наследника?

Студенты уставились на меня с таким видом, словно я спросила, каковы кварки в постели и почему нельзя целиком заменить на них женщин.

— Ну-у, — протянул Свартус. — Это... Плохо будет. Нехорошо.

— Ну, а как вообще об этом узнают? — озарило меня. — Если на церемонии кроме королевской семьи и верховного жреца никого нет? А если они просто никому не скажут?

— Лирта, — студенты посмотрели на меня с легкой тревожной печалью, как на душевнобольную. — Тирата всё видит. Если на троне окажется неугодный Единой правитель, море выйдет из берегов и затопит Магр, поднимутся ужасные ураганы, которые сравняют города с землёй и только белые тараксумы будут парить над уничтоженным проклятым миром...

"Красиво как", — едва не лягнула я. Вроде ничего нового парни и не сказали, но мне стало не по себе. Никогда я не обращала внимания на всякие там апокалиптические предсказания на земле, ванги-джуны, календари майя — всё это казалось мне полнейшей чепухой, да я даже гороскопы никогда не читала. Но в мире, где существует магия, трудно не поверить в божественную волю. Хотя, возможно, Тирата вместе со своей волей — не более чем детская сказка, а донумы имеют вполне научное объяснение. Ну, параллельный мир. Ну, особые способности жителей — может, у них ДНК какая-то не такая или в мозгу лишняя извилина! Но богиня, уничтожающая собственноручно созданный мир из-за того, что ей не по нраву семилетний мальчик, любящий кошек?! Лирт Тиверн, если не ошибаюсь. Вон, на наших правителей посмотри — кровь из глаз, и ничего, никто с небес кулаком не грозит.

"Нет, не так. Уничтожающая мир потому, что кое-кто спёр кое-что". И что, богиня настолько слаба, что совсем не в курсе ситуации?! Я — не виновата! Тиверн — не виноват! Мир, в конце концов, вообще не виноват!

Но всё не так просто, и, как и многие другие боги, Тирата отнюдь не всесильна и не всеведуща, особенно, если вспомнить рассказ жреца о том, что это не единственный сотворенный ею мир...

Хочу ли я проверять верность пророчества? Разумеется, не хочу. Надо валить отсюда, надо...

Посмотрела на насупленных мальчишек, шагающих по бокам от меня. Я так мало нахожусь в этом мире. Так мало знаю. Но нити-паутинки привязанностей уже потянулись

от моего глупого сердца к его непутёвым жителям и даже цветам и животным: пушистым тараксумам, неповоротливым гванам, бирюзовым киртанам и даже покатавшим меня кваркам. Может, в этом весь смысл моего появления здесь? Спасти этот мир — и только потом вернуться обратно?

"А не слишком ли много ты на себя берёшь, лирта Камилла?"

Я очнулась от мыслей о собственной великой миссии на стадии придумывания супергеройского имени: Суперлирта? Женщина-ромашка? Чёрный тараксум?! — уже перед открытыми дверями Школы. Никакой охраны по-прежнему не наблюдалось.

— Если вам нужно получить сведения о студентах прошлых лет, вам того... в учебный отдел надо, — робко сказал Апратус. — Но, честно говоря, я не знаю, захотят ли там с вами того... разговаривать. Лирт Юртун, он такой... от настроения зависит. Он там вообще-то один, занят чем-то постоянно.

— Ничего, — оптимистично мотнула я головой. — Лирт Юртун, говоришь? Доведи до него и, считай, свободен. Учись, студент.

"Даже если, возможно, до конца света остаётся всего восемь дней".

Глава 41.

Высшая Магрская Школа изнутри оказалась какой-то... бестолковой. Несуразное довольно большое помещение, словно строенное-перестроенной целой толпой мягко говоря нетрезвых и совершенно не договорившихся между собой строителей, удивительным образом соответствовало в моём представлении Марту. Представить своего нечаянного приятеля-напарника в этих стенах было просто, естественно, хотя — и эту мысль я прогнала, как ненужную и несвоевременную — по сути, я совсем ничего о нём не знала. Сколько ему лет? Когда закончил Школу? Как, в конце концов, его фамилия, если тут, в Магре, у жителей вообще есть фамилии...

Каждый этаж Школы был выкрашен разной краской. Лабиринты пустых испещрённых дверями коридоров, то с низкими, то с высокими потолками, освещались какими-то немислимыми способами — где-то прямо сквозь мутные пластины местного стекла, устроенные отчего-то непосредственно в стенах, прорывались белые лучи Луавы, где-то в стеклянных пузатых ёмкостях, напоминавших исполинские кофейники, таились огненные сгустки — то ли магической природы, то ли обычное пламя, только слишком яркое.

Пришли мы рано — появление "мёртвой драи", судя по всему, является отличной мотивацией для нерадивых студентов, чтобы встать ни свет ни заря и отправиться навстречу знаниям. Коридоры постепенно наполнялись разношёрстными галдящими без умолку адептами обоим полов, на меня, к счастью, не обращавшими никакого внимания. Юноши и девушки в возрасте примерно от шестнадцати до двадцати были одеты кто во что горазд, в основном, в тёмных приглушённых тонах, несколько раз мне встретились довольно эксцентричные цвета волос, но с учётом того, что красок для волос здесь не имелось и это были природные оттенки, можно было сказать, что выглядели магрские студенты более чем скромно, по земным меркам, как ученики церковно-приходского училища.

Впрочем, кто их тут знает, может, пару раз отправили кого на свидание с Тиратой за пирсинг в носу, вот ребята и скромничают в плане внешнего вида. В любом случае возможность затеряться в толпе была мне на руку.

Ксамурр беззастенчиво путался под ногами, и я всерьёз опасалась, как бы кот не привлёк внимания жадных до всяких диковинок студентов, не гнушающихся помощью мертвецов. А ну как разберут кошака на косточки-амулеты, особенно перед экзаменом?

Конечно, Ксамурр свой истинный облик скрывал, и до этого момента весьма умело, но до этого момента мы и не попадали в столь изобилующее магами-донумоносителями место.

— Тебе лучше подождать меня в саду, — я подняла кота на уровень лица и уставилась в его зелёные глаза, надеясь на силу визуального контакта. — Тебе тут опасно. Ты странный.

Кот смотрел скептически, обвиснув у меня в руках, как тряпочка. Мол, кто бы говорил.

— За тебя, скотина, беспокоюсь. А ну как понравиться ты тут кому? Как начнут тебя недоучки-некроманты исследовать? А вдруг ты магическая аномалия, а? Давай не будем рисковать.

Кот ожидаемо не ответил, но, поставленный на четыре лапы на твердую землю, ни в какой сад не пошёл. Вот ведь... навязался на мою голову. Что ж, если что — ему же хуже. В конце концов, с чего я взяла, что несу ответственность за это бродячее кошачье тело? Вот не брала бы — и вообще бы осталась дома. Так что кот — сам по себе, а я — сама по себе.

Лирт Юртун, как оказалось, на рабочем месте раньше полудня не появляется — юный Апратус таких тонкостей расписания администрации, вероятно, не знал — или, мечтая от меня избавиться, деликатно о них умолчал. От нечего делать я послонялась по коридорам, даже забрела, никем не замеченная, на какую-то историческую лекцию и едва на ней не уснула — пожилой и весь какой-то потасканный лирт бубнил себе под нос даты, фамилии, и события, творимые в эти даты обладателями этих фамилий, совсем как наши преподы. Надо полагать, если поменять их местами, и они, и сонные студенты заметят подмену в лучшем случае к сессии... а то ведь ещё и сдадут и вообще не заметят.

С лекции я выбралась злая и уставшая, торопливо убралась прочь от аудиторий — чтобы потоком на какую-нибудь практическую магию не занесло, не приведи Тирата, — и поднялась, безуспешно пытаюсь запомнить дорогу, на этаж выше.

Там было на удивление тихо. Хорошо — с одной стороны. С другой, появишься тут кто, и на вопрос "а что это вы тут делаете" надо будет давать какой-то приемлемый ответ. "Сами виноваты, двери надо закрывать" — явно не прокатит...

На пустынном этаже, четвертом, если я не ошиблась со счётом, не просто отсутствовали звуки — было темно, глухо, прохладно и вполне себе жутковато. Где-то тут наверняка водятся призраки замученных студентов и умерших на рабочем месте ответственных преподавателей, плоды неудачных выпускных работ некромантов, ну или просто трехголовые Пушки... И зачем, спрашивается, я туда иду? Я же умная, и знаю, что как только в тёмном коридоре раздаётся зловещая музыка, одинокой героине нужно немедленно давать дёру!

Чья-то тяжелая ладонь с размаху припечатала моё плечо, и я не заорала только потому, что прокусила от ужаса щёку. Кровь, естественно, не потекла.

...а мыслишка-то проскочила: может быть, я и есть то самое страшное, чем можно пугать первокурсников в Высшей Школе?!

— Ну, наконец-то! — голос за спиной, низкий, глубокий, не просто проговорил — прогрохотал. — Наконец-то!

Кот вжался в голень костлявым боком, а я досчитала до трёх и медленно обернулась.

Глава 42.

Я ожидала увидеть перед собой кого угодно.

Харизматичного злодея, обитающего на четвёртом этаже, в качестве местного пугала-приведения, охранника жутких секретных секретов Высшей Школы. Обаятельного загадочного ректора, отчего-то упрямо напоминающего в моих фантазиях проклятущего

следователя по особо преступным преступлениям Лиграна. Пугающего монстра. Злобного двухметрового завхоза, тоже с кошкой, но вредной и испытывающей любовь к доносам...

А увидела всего-навсего невысокого, неравномерно плешивого мужичка, ниже меня сантиметров на десять, неопределённого, но всё же довольно пожилого возраста, с лицом заспанно-припухшим, но не похмельным и не злым. Голос настолько не соответствовал мирной тщедушной внешности, что я подозрительно отступила на шаг, снова запнулась о кота, и только злость на его вездесущее присутствие позволила мне удержаться на ногах.

— Наконец-то! — гулко повторил, наверное, раз уже в четвёртый или в пятый, бодрый дедок, глядя на меня, как говорящий терьер на упавший со стола шашлык.

— Что? — невнятно ответила я.

— Наконец-то хотя бы одно живое существо, пусть и не являющееся пока что студенткой Магристской Высшей Школы, заинтересовалось её богатой и удивительной историей! Пройдёмте, юная любознательная лирта! Как ваше имя?

— Камилла, — светски тряхнула я плечами, стараясь замаскировать этим движением запынывание кота под юбку. — Но на самом деле я вовсе не...

— Меня зовут Асверус, очаровательная лирта с не менее очаровательным именем! — мужичок довольно безапелляционно прихватил меня за предплечье. — Вашей преданности науке можно только позавидовать, не сомневайтесь, на следующий год я несомненно буду за вас ходатайствовать! Не смотрите, что я уже декаду лет как на пенсионном обеспечении, моё влияние на жизнь Школы всё ещё велико, да-да! Идёмте, лирта, а то скоро закончится лекция, и эти безрукие, по недомыслию Единой наделённые её благословенными дарами, непременно что-нибудь испортят или напортачат, а я — чини! Вот вчера, представляете, изуродовали сад, выжгли знак триангулуса прямо на земле! Даже жаль, что у таких лентяев просто не может получиться нормальный вызов закрайних сакралей, и некому оторвать их пустые безмозглые головы!

Продолжая сокрушаться и распекать нерадивых студентов на все лады, лирт Асверус тащил меня дальше по коридору, и в итоге мы очутились в какой-то портретной галерее, где уныло-благообразные физиономии учёных мужей и — что не могло не радовать — дам радовали глаз разнообразием расцветок их причёсок, голубыми, красными и даже зелёными оттенками густых шевелюр.

— Вообще-то мне нужен лирт Юрт...

— Лирта, прелестная моя, неужели вы думаете, что он посвятит вас во все нюансы истории Школы лучше, чем я?! — дедок возмутился так драматично, что я подумала, а не заведовал ли он в своё время школьным театром. — Нет, нет и ещё раз нет! Вот, кстати, посмотрите направо: в овальной раме лирт Вертиль, прямой потомок самого основателя Школы, лирта Самраэля. Мы были с ним непосредственно знакомы, я имею в виду, потомка, а не предка, разумеется, когда лирт Юртун ещё под брюхом гваны пешком проходил, головы не нагибая!

Я позорно сдалась и минут пятнадцать покорно слушала воспоминания не в меру соскучившегося по благодатно внимающей аудитории бывшего преподавателя — или кем он там мог быть? — про былые времена, воспоминания, перемежаемые более или менее подробными историческими экскурсами.

— Да будет вам известно, прекрасная лирта, что лирт Самраэль, живший с третьей по девятуу декаду пятого тысячелетия...

— В период богоборческих движений? — спросила я, вспомнив непосредственный

источник страданий своего юного проводника.

— Именно, многознающая лирта, именно! Так вот, он обладал редким донумом управления стихией металлов...

— А такая тоже есть? — неосторожно брякнула я и получила пространную лекцию по поводу стихии металлов. Оказывается, донум этот был воистину редок даже в те далёкие времена, а в настоящее время обладатели подобным практически не встречаются. Конечно, благородный основатель Школы занимался не строительными работами, а являлся чем-то вроде первого и единственного магрского артефактора, превращая достаточно редкий на Магре в целом металл в обладающие определёнными магическими свойствами камни. За что, кстати, и был казнён, а затем предан анафеме на целые две сотни лет — дело было давнее, Тирату ещё не практически нигде не чтили, а восхваляли различных сакралей, кто во что горазд, что было очень и очень удобно, потому что многочисленные магические существа придерживались порой диаметрально противоположных взглядов на добро и зло, что позволяло властям при необходимости оправдать абсолютно любую точку зрения.

По прошествии двух сотен лет талантливый артефактор был извлечён — метафорически — из небытия, полностью оправдан и вознесён на пьедестал, а его чудо-камни стали активно разыскиваться по всей стране и крайне дорого продаваться, в том числе и в другие страны, пока не были объявлены государственной ценностью номер один и по максимуму собраны под крышей королевского дворца за редким исключением фамильных сокровищниц и коллекций.

— И мезонит? — с умным видом ввернула я столь кстати вспомнившееся название, упомянутое Мартом в контексте его грустной семейной истории.

Старичок всплеснул руками с проступившими когтями — выглядело это, надо сказать, довольно странно, несколько диссонируя с безобидным гномьим обликом школьного экскурсовода.

— Лирта знает про мезонит, ну надо же, а ведь это такая редкость! Идите сюда, дорогая, обычно я никому просто так не показываю эту комнату, но вам... Вот тут собран маленький музей образцов, редкость невероятная. Смотрите!

И лирт Асверус, бодро пронёсшийся по коридорам — не отпуская моего предплечья из цепкого захвата — наконец-то остановился у одной из множества самых неприметных дверей. Повозившись с хитрым замком — не ключом, а наложением когтистых рук — отворил её и гордо поманил меня пальцем.

— Смотрите же, лирта!

Глава 43.

Возможно, неискушённой юной жительнице Магра, предположительно приезжей лирте музей древних артефактов — "камuletов", возникших хитрым, почти алхимическим путём превращения редких металлов в камень, мог показаться чем-то невероятным и даже волшебным, но человеку с земли, благодаря интернету и телевизору повидавшему чудеса прошлого и будущего целой планеты, а также всякую разную фантастику охоть и ахоть было бы... несолидно.

Но на самом деле, охнуть хотелось, и вовсе не от спецэффектов, отсутствовавших, впрочем, напрочь.

Импровизированный музей представлял собой довольно просторный зал, очевидно, уставленный какими-то хаотичными, как и всё здесь, стеллажами различной высоты и ширины, полностью задрапированными какой-то тёмной струящейся тканью. Прямо на этой

ткани, без каких-либо подставок или подложек располагались камни, самые простые на первый взгляд, неопределённой грубой формы и разного размера булыжники — серые, черные, грязно-белые... Потолок, выше которого находилось только небо, казалось, был испещрён трещинами, через которые в сумрачный, ничем не освещённый зал проникали светлые жадные лучи, падая в точности на камни. И больше — ничего. Ткань, камни, свет, танцующие в лучах пылинки и буквально физически ощутимое предчувствие волшебства. Кончики пальцев зачесались, требовательно заныли.

Парадоксальным образом стало ещё тише.

Я прошла внутрь, посмотрела на ближайший камень, изо всех сил борясь с желанием укусить себя за загребущую ладонь, чтобы удержаться и не схватить его. Камень был чёрный, гладкий, совершенно обычная овальная речная галька.

— Мезонтит? — повторила я, не то что бы стора от любопытства, скорее, просто желая разрушить магию очарования этого странного места. Слова застыли в воздухе, казалось, их можно коснуться рукой, как пылинок, потрогать, стряхнуть, отогнать прочь.

— О, нет, — с самым довольным видом улыбнулся лирт Асверус. — Лазвертус — камулет с диаметрально противоположным, надо сказать, эффектом — он не гасит, а усиливает донум своего обладателя, правда, не без побочных эффектов, довольно-таки неприятных, да... Внешнее разнообразие камулетов действительно невелико, но свойства... Точно так же выглядит и славрит, позволяющий длительно удерживать наложенные иллюзии, и гравстур, снимающий сонливость, хотя у гравстура, мечты студентов, есть обычно незначительные кроваво-бурые вкрапления...

Старик рассказывал и рассказывал, пока моя голова не начала дымиться от незнакомых названий. Я бродила между чудо-камушками, и отчего-то не уставала их разглядывать.

Вот ведь — магия. А на земле я в музее последний раз года три назад была, и то, кто-то вытащил, сама бы ни за что не пошла.

— М-м-м, подскажите, лирт, а нет ли у вас чего-то... такого... чтобы... — я замялась, пытаюсь поделикатнее сформулировать свою проблему, а "гном" понимающе подмигнул, так, словно ему в глаз кто-то внезапно плюнул:

— А! Догадываюсь, догадываюсь, лирта! Неужели даже такой красавице приходят в голову глупые мысли о любовном привороте?!

— Вовсе нет, — разозлилась я. — Мне вообще не это нужно. Просто интересно. Вот если, предположим, кто-то умер... ну, не совсем, а в целом... некоторой частью, то нет ли каких-то камулетов, которые бы ему позволили, ну, ожить обратно и всё такое?

— Большой частью, — хрюкнул, засмеявшись, пожилой лирт.

— Нет, целиком!

— Лирта, за оживлением, весьма условным, надо заметить, лучше к толковому некроманту обращаться, хотя, как вы, конечно же, помните, без королевского разрешения манипуляции с людьми некроманты проводить не имеют права. Ожить, скажете тоже! Никакие камушки тут не помогут. Да и силу их частенько преувеличивают. Магические вещицы не заменяют донумы. Как правило, они просто усиливают или ослабляют то, что есть. Взять вон хотя бы ту же, гм, любовь, ну, ладно, симпатию. Есть киртанит, он может слегка повысить доброе положительное чувство, которое к вам испытывают, но только чуть-чуть и в том случае, если оно в принципе есть, понимаете?

Я вздохнула, параллельно стараясь строгим выражением глаз донести до высунувшегося из-за какого-то угла Ксамурра, что нужно немедленно засунуться обратно.

— Ну, не хмурьтесь! — по-своему оценил моё кислое выражение Асверус. — Ну-ка, признавайтесь, моя кварочка, — от сомнительного комплимента я подавилась воздухом, а кот беззвучно несколько раз чихнул. — Зачем вы здесь, а? Не только же из любви к истории подлинной науки?

— На самом деле, не только, — осторожно начала я, — Вы так проницательны... Есть один лирт, который... одним словом, мне очень, очень нужно его найти. Но я знаю о нем лишь то, что он несколько лет назад закончил Высшую школу. Он некромант.

— Надеюсь, этот ваш некромант не уклоняется от священных уз брака, бросив юную лирту на пороге, гм, благословенного Тиратой материнства? — посуровел дедок.

— Нет-нет! — торопливо возразила я. — Но если я его не найду, подозреваю, ни этот порог, ни узы мне в принципе не грозят... — последнее я проговорила почти что себе под нос.

— Пока еще не знаю, о ком речь, но заранее уверен, что этот обормот вас не достоин. Как его имя?

— Мартен, — против воли голос у меня дрогнул. А если Март мне попросту соврал, и эта единственная ниточка сейчас оборвется? Что мне тогда делать?

— Мартен? — нараспев произнёс "гном", вращая глазами и интенсивно хмурия брови. — Некромант Март? Этот хмыров сын?! Неужели он еще на свободе?!

Эм. Так Март не только развратник, но еще и уголовник со стажем?

— Ну-у, — заблелась я. — Нельзя, конечно, сказать, чтобы прямо свободен, но как бы и не в темнице в данный момент, надеюсь на это...

— При чем тут темница, лирта? Я имел в виду, что с его-то любовью к женскому обществу и с любовью женского общества к нему, избежать обряда и остаться свободным до сих пор... ну, хитрый хмарь!

— Хмарь, — мрачно кивнула я. — Это вы верно подметили. Но мне всё равно нужно его найти.

— К сожалению, то, что за пределами Высшей Школы, мне практически не известно, — вздохнул дедок. — Вот рассказать вам о том, как он учился, если это можно назвать учёбой, конечно... Но вы подумайте, как следует, лирта! В этих стенах вкушало млеко науки множество гораздо более достойных юношей. Взять вот хотя бы...

Я перестала вслушиваться в словесные потоки лирта Асверуса и украдкой погрозила кулаком Ксамурру. А тот, хмарь дохлый, вдруг прыгнул на одну из полок и принялся беззастенчиво обнюхивать какой-то из камней.

— Кыш! — одними губами сказала я, а потом с невольным любопытством уставилась туда же, куда и кот.

Единственный по-настоящему красивый здесь камулет был, как специально, густо-бирюзового цвета, с чёрными прожилками. Я согнала-таки кота, дождалась, пока навязавшийся на мою голову экскурсовод пройдёт чуть вперёд, и торопливо коснулась шершавой, пористой, чуть тёплой поверхности. Не знаю, что это за артефакт, но может, отколупнуть хотя бы немножечко? В принципе, я не настаивала на этой экскурсии, даже наоборот — сопротивлялась, так что ответственность за возможные последствия должен нести исключительно болтливый лирт!

Коготь на указательном пальце левой руки, которой я тихонько поглаживала бирюзовый камулет, отрос, словно бы сам собой. Неожиданно настырный кот снова прыгнул на камень, словно тот был облит магической валерьянкой. Прыгнул неаккуратно, потянул ткань, и

ничем не защищённый артефакт начал падать. Рефлекторно я схватила его, и демонов коготь вошёл в плотную массу, как нож в хлеб. В панике отдернула руку, а хмыров камушек так и сидел, насаженный на магический атавизм. Да что за чёрт?! Бросила испуганный взгляд на всё ещё стоящего ко мне спиной лирта Асверуса, гневный взгляд на кота — то место, где ещё секунду назад сидел паскудный кот, точнее, — и спрятала руку с камнем в складках юбки.

— Кто здесь?! — входная дверь вдруг распахнулась, и на пороге возник довольно-таки грозный, не чета говорливому дедку, мужик с крупным носом и сурово сведёнными у переносицы бровями. — Это что ещё такое, Асверус?! Залётная хмыра сожрала твои последние мозги? У тебя в придачу к старческому слабоумию еще и беспамятство? Ты забыл, что тебе строго-настрого...

— Лирта хотела посмотреть, Юртун! — возмущённо забулькал подлый дед — наглая ложь, между прочим, а я открыла было рот для оправданий, а суровый мужик, в два шага преодолел расстояние между нами, ухватил меня за плечо, явно намереваясь вытолкать прочь, но внезапно замер, крепкие пальцы разжали железную хватку, впрочем, не отпуская меня окончательно.

— Простите, лирта, — совершенно другим, каким-то вкрадчивым голосом заговорил тот-самый-Юртун — надеюсь, тот самый. — Просто в действительности посещение этой комнаты без личного разрешения лирта директора запрещено.

Выразительный суровый взгляд в сторону недовольно насупившегося "гнома".

— Но не подумайте, что кто-то в обиде именно на вас, моя милая, к вам, разумеется, никаких претензий! Комнатку, правда, придётся покинуть, вы уж простите, лирт директор — такая гвана в этих вопросах! Но, может быть, я смогу вам чем-то помочь? Моё имя Юртун, лирт Юртун, я занимаюсь вопросами учебного характера, студентами... Что-то не припомню вас на церемонии зачисления.

Второй престарелый потрёпанный ловелас на мою голову за какой-то час — это уже явный перебор, вот только в данном случае всё было более чем кстати. Я выдавила жалкую улыбку, мысленно помянув недобрым словом иссайку Людку — вот кто умел флиртовать, а я так, погулять вышла...

Вышла погулять и загулялась — в другом-то мире. Но флиртующее настроение носатого очень, очень в тему.

— Я...

Что — я? Мёртвая дряя, которую призвал ваш, между прочим, студент. Плохо вы ими занимаетесь, а ну как реально бы вызвали какую-нибудь зверскую нежить? Или сад сожгли бы.

Камень, в который намертво вошёл коготь, словно затвердел и отказывался незаметно слезать, пришлось выходить из музейного зала вместе с ним. Я ожидала рёва магической сигнализации или крика «Где он?!», но — ничего. Странно, что с такими-то порядками и такими-то сотрудниками ценные артефакты предприимчивые студенты ещё не растащили по домам. А может, и растащили, предварительно заменив на аналогичные с ближайшей кучи.

— Идёмте, идёмте, — масляно улыбаясь, приговаривал лирт Юртун, идя по коридору, спускаясь по лестнице, открывая дверь в свой кабинет, пододвигая ко мне скамью и пристраиваясь рядом. — Вот так, присаживайтесь. Чем могу быть полезен?

Руку мою из своей он так и не выпустил.

Глава 44.

Лирт Юртун нежно сжимает мою руку и преданно смотрит в глаза.

И очень хорошо, что в глаза, потому что лиловые пятна на руке могли бы навести его на лишние ненужные мысли. Впрочем, столь пристальное разглядывание лица мне тоже не нравится: в конце концов, моя физиономия с каждого второго фонаря красуется, и хотя приметные волосы я вроде как спрятала, кто их знает, местных жителей, может, они вполне себе неплохие физиогномисты?

И я приступаю сразу к делу:

— Глубокоуважаемый, прошу прощения, лирт Асверус несколько ошибся...

— Конечно! — воодушевлённо подхватывает носастый завуч, не отрывая от своей добычи ни взгляда, ни конечности.

— На самом деле, я пришла к вам...

— Конечно-конечно! — градус воодушевления и энтузиазма растёт буквально в геометрической прогрессии. Что это с ним, а? Кругом вон сколько студенток бродит, наверняка, и симпатичные встречаются. Или у них тут со студентками тоже строго, чуть что — и в Винзор, а затем — в морг. Ладно, дело не моё.

— Очень, очень рассчитываю на вашу помощь. Всё дело в том, что мне нужно найти одного вашего выпускника. Некроманта Мартена. Точнее, его разыскивает моя сестра.

— Небось уклонялся от священных уз и оставил бедную лирту в одиночестве на пороге благословенного Тиратой материнства? — мигом посуровел лирт Юртун, но ни руки, ни взгляда не отвёл, а у меня уже от его близкого присутствия начиналась нервная почесуха.

— Именно так! — горестно прикрыла я глаза. — Время не терпит, глубокоуважаемый лирт.

— Конечно, конечно, только смогу ли я вам помочь? Лирт Мартен, да разорвут кварки его грешную душу, учился здесь лет шесть назад... более в стенах Школы не появлялся, да и к тому же... позвольте...

Он с огромной неохотой поднялся, и мне пришлось подниматься вслед за ним, потому что отрываться от меня мужчина, видимо, ни то что не хотел — уже попросту был не в состоянии. Но возмущаться в полушаге от ценной и долгожданной информации было как-то неправильно. Так, держась за руки, словно первоклашки, мы подошли к стене, уставленной огромными толстенными фолиантами, на поверку оказавшимися кожаными папками, в которые были вложены листки с личными делами учащихся. Очевидно, лирт завуч и в самом деле неплохо знал своё дело, потому что довольно быстро вытащил нужную и вместе со мной вернулся на скамью, покопался в листках, испещрённых магрской вязью, а затем, наконец, торжествуя помахал стопочкой слегка пожелтевших листков над головой.

Я узнала имя своего некроманта, запомнила ещё с той поры, когда Март учил меня его писать и выкладывать из камушков, тогда, на побережье. Плотнее сжала руку с проклятым камулетом, не желавшим сниматься добровольно. Постаралась не выдать своего волнения, но, сказать по правде, хотелось по-кошачьи в нетерпении скрести когтями по столешнице.

— Мррр? — подал голос Ксамурр откуда-то снизу.

Скотина хвостатая.

— Так, так, — шелестел листиком лирт Юртун. — Господин Мартен поступил к нам... двенадцать лет назад. Отучился пять положенных лет, минимальный срок обучения, и на этом всё. Весьма был... шумный молодой человек, лирта, шумный и, гм, любвеобильный, двадцать восемь выговоров, надо же, и все из-за недоразумений с лиртами, зря ваша сестра...

— Как мне его найти? — перебила я сокрушенно качающего головой завуча. — Есть ли хоть какая-то информация?

Плохо всё-таки без мобильных и электронных адресов. Вот так понадобится человека найти — и что? На фонарях призывы вывешивать? "Кто видел этого юношу, дайте ему в бубен, как следует, а потом скажите, что его ищет проклятая им лирта"?

— Ну-у, дорогая, откуда же мне знать?!

— А нет ли здесь его прежнего адреса? — чувствуя, как сухое бесслёзное отчаяние подступает к глазам, спросила я. — Где он жил до поступления? Где жил во время учёбы? Насколько я помню, лирт Мартен не из Магристы.

Юртун посмотрел на меня без особого энтузиазма.

— Очень прошу вас! Кроме вас мне некому помочь!

— Ну-ну, сейчас, сейчас, — неловко забормотал, так и не выпуская моей руки, носатый завуч, и снова углубился в листы. Наступило молчание, а потом неожиданно пожилой ловелас буквально просиял лицом.

— Лирта, а ведь я, кажется, смогу вам помочь!

В дверь властно и настойчиво постучали, и я едва не прокляла всё на свете. Умоляюще сжала пальцы правой руки на пальцах лирта Юртена.

— Скажите мне! Не откладываете, сейчас нас обязательно прервут или помешают, или... ну, пожалуйста!

Приставучий Юртун ничего не успел ответить, а в дверях уже возникли двое — молодой светловолосый холёный мужчина с капризно изогнутыми губами, за спиной которого маячил, точнее, подпрыгивал, пытаясь рассмотреть происходящее, уже знакомый мне Асверус.

— Лирт директор?!

О, Единая, этого мне только не хватало!

К счастью, на меня ворвавшееся вихрем начальство внимания не обратило.

— Юртун, как вы объясните следы незапланированного ритуала в саду? — с ходу проревел директор. Кхм. Не видела и, надеюсь, никогда не увижу Его Величество, но пока что отмечается общая тенденция назначения на высокие должности молодых и симпатичных.

— Ну-у... — протянул мой без пяти минут спаситель и благодетель, но блондин договорить ему не дал.

— Идите со мной! Немедленно!

— Да, лирт директор! — так и не выпуская моей руки, завуч потянул меня за собой.

— Девушку брать с собой не надо, Юртун.

— Что?

— Что? Девушку, говорю, отпустите. Насколько я вижу, она не из студенток. Почему вы решаете личные вопросы в рабочее время?

— Идите, идите! — вмешался старичок Асверус, едва ли не силой отрывая пальцы какого-то растерянного Юртуна от моего рукава. — Идите, ну, я сам провожу лирту, давайте, давайте, лирт директор ждёт!

Блондин и постоянно оглядывающийся на меня завуч, имевший такой вид, словно его огрели пыльным мешком по голове, вышли из кабинета, а я была готова запустить стулом в стену.

Да как так-то!

— Эх, лирта, лирта! — как-то укоризненно пробормотал Асверус, отчего-то поглаживая меня по голове. — А камушек-то отдайте!

Несколько мгновений я вообще не понимала, о чём он говорит, а потом вспомнила и покаянно вытянула вперёд левую руку со злополучным камулетом.

— Я не специально, простите меня, пожалуйста...

Асверус крикнул, схватил какую-то лежащую на столе вышитую салфетку и буквально вытянул репку, то есть, ценный артефакт с когтя. Перестал, наконец-то, гладить мою черепушку и громко весело фыркнул.

— Киртанит! Ох, а как нашего завуча-то скрючило, вот ведь, лет на десять всего меня младше, а туда же, а!

— Вы о чём?

— Так камулет, милая. Кажется, я о нём даже вам рассказывал... Вызывает неконтролируемую симпатию к своему носителю, правда, в отличие от других, в основном при соприкосновении. Простите, великодушно, но отдать вам его не могу — раритет, как-никак. Собственность школы. Но такая красавица и умница и сама сможет любого лирта в себя влюбить!

— Мне не надо, Тирата упаси! — замотала я головой. — Это чистая случайность! Я...

Встрёпанный и взмокший после начальственной взбучки лирт Юртен рысью промчался обратно, торопливо начеркал что-то на обрывке бумаги и сунул мне. Попыток ухватиться за руки больше не делал, и это было прекрасно.

— Вот то, что вы просили, лирта. К сожалению, у нас у всех тут дела! Лирт директор полторы декады изволили отдыхать, а теперь вернулись и гневаются! Удачи вашей сестре и всё такое, надеюсь, с такими, как лирт Мартен она связываться больше не будет...

— Спасибо! — я вскочила, испытывая огромное желание расцеловать пожилых. — Только я это, читать не умею... Можете мне нарисовать, как идти?

— Не умеете читать?! — хором возмутились оба школьных служаки, но тут из коридора вновь донёсся возмущённый рёв директора, и лирт Юртун торопливо склонился над столом с очередным листком.

— Ваш Мартен рано осиротел, — скороговоркой проговорил завуч. — Его родители, а затем и другие родственники отправились к Тирате. Поскольку на момент поступления в Высшую Школу он ещё не достиг возраста самостоятельности, для таких, как он, сирот у Его Величества есть специальный королевский приют, где молодым людям предоставляется проживание, питание, материальная и духовная помощь, наставники... Я могу ошибаться, но такие связи обычно бывают крепкими. Сходите туда.

— Ю-у-у-уртун! — директорский гневный глас усилился, а я-таки приподнялась на цыпочках и чмокнула обоих старичков в щёки по очереди, выбежала в коридор и помчалась к выходу, сжимая в руке вожделенный листок. Уже на улице отдышалась, развернула новую рисованную карту и принялась её изучать.

— Мррр? — Ксамурр потёрся об ноги. Не отстал, не потерялся. Может, я случайно прихватила ещё какой-нибудь артефакт, делающий меня весьма привлекательной для мёртвых кошек?

— Идём, — привычно спрятала руки с изрядно посеревшей кожей в складках юбки. — Квест продолжается, но у нас теперь есть новая зацепка. Надеюсь, мы близки к цели.

— Мррр, — с готовностью отозвался кот.

Глава 45.

Я шла и думала, что если забыть о том, что я немножечко умерла, по большей части последнее время мне везёт. И с отзывчивой Клариссой, и с Высшей школой, и с камулетом, и

с доброжелательными лиртами, и вообще в том, что я беспрепятственно хожу по Магристе уже вторые сутки, и никто меня не узнал и не арестовал. И дней остается почти целых восемь.

Почти.

Ладно.

Семь с половиной.

Ладно.

Неизвестно, сколько у меня остаётся дней, поэтому за точку невозврата принята эта самая Венута.

Интересно, как люди здесь ориентируются во времени? Никакого подобия часов я не заметила. Впрочем, лучи Луавы с утра пронзительно-белоснежные, а сейчас, когда день неуклонно стремится к закату, их цвет стал насыщеннее и темнее, как топлёное молоко. А может быть, местные жители чувствуют время интуитивно, и это общий врождённый донум такой.

Сколько же я всего ещё не знаю!

Интересно, а могла бы я поступить учиться в Высшую школу? Так, чисто теоретически. Если всё-таки решу ключевые вопросы с собственной жизнью, свободой и прочим... Научусь читать и писать. Возможно, это было бы даже весело, ну, не изучение истории богоборческих движений пятого тысячелетия, конечно, а в целом. Уж всяко веселее экономики, теории управления, политики и права и всего того, что я изучала без какого-либо интереса и планов применять узнанное в жизни. А здесь я могла бы развивать свой дар, заниматься магией... да даже и принять участие в каком-нибудь безумном обряде, по другую сторону баррикад, разумеется, тоже бы не отказалась. Это весело!

"А после учёбы, — коварно вставила фантазия свои пять копеек, — Март бы тебя встречал и вы бы..."

Стоп-стоп-стоп. Даже если — если! — с меня сняли бы все обвинения в убийстве и краже и оставили бы в покое, на кой мне нужен этот похотливый хмарь, двадцать восемь раз за пять лет пойманный с какими-то хмырами в неудачный момент? Да и вообще, где и на что я стала бы жить, если вон даже на весь организм местный мальчишка Апрагус только и мечтает о деньгах?

"Жить будешь на кладбище, — разошлась фантазия. — Питаться тебе не надо, одежду не надо, какие у ходячего скелета траты? Учись, дорогое умертвие, нельзя сказать, что на здоровье, просто трать свою вечность!"

— А жить можно, например, здесь! — негромко проговорила я вслух, чтобы фантазия, наконец, заткнулась или хотя бы переключилась с грустных старых тем на грустные новые.

То ли люди в Магре с детства учатся толково рисовать карты, то ли под воздействием острой необходимости кто-то стал соображать быстрее, но я, похоже, не заблудилась. Вот только в отличие от открытой всему и всем Магрской школы, территория предполагаемого Королевского сиротского приюта оказалась обнесена массивным деревянным забором с угрожающе острыми кольями наверху. Тёмный дом с чёрными — представьте себе — стёклами — угрюмо стоял в отдалении, и над ним кружили, то поднимаясь в воздух, то опускаясь на плоскую крышу, какие-то чёрно-белые крылатые твари, то ли крупные птицы, то ли исполинские летучие мыши.

Ничего себе.

* * *

Ну, это я так думаю, что деревянным забором. Металлы здесь, вроде как, редки и их вряд ли стали бы тратить в таких количествах, всё-таки это не Винзор. А что тогда? Приют для трудных подростков с криминальными наклонностями? Я с невольным уважением коснулась гладкой поверхности ограждения. Прочный материал.

Обошла забор по периметру — территория была не особо большой, но всё же приличной. Тишина.

Здание казалось совершенно необитаемым и очень, очень мрачным. Фонари — к счастью или не к счастью — остались где-то позади, на геометрически правильных проспектах Магристы, скоро начнёт темнеть, и станет по-настоящему страшно. Неужели Мартен реально жил здесь? Да уж, будешь тут травмированным психически и морально, сначала родители погибли, потом бабка издевалась, потом вот такой вот... пансиончик, хоть сейчас фильм ужасов снимай. А он ничего, держится.

Может, он в дом утех и вообще по лиртам ходил, только чтобы тут не оставаться!

Впрочем, не исключено, что за прошедшие семь или около того лет с окончания Мартом школы, тут всё поменялось. Вообще закрылось, судя по всему.

Рано я подумала о везении, ох, рано.

— Ну, и что будем делать? — обратилась я к Ксамурру, с интересом наблюдавшему за каким-то ползущим по земле синим жуком.

Ксамурр поднял мордочку, зажмурил зелёные глаза. Потянулся. Сел.

— Вот забор, — сказала я, чувствуя себя, по меньшей мере, идиоткой. — Вот ворота, они заперты, я их уже дёргала. Мне надо туда, — махнула рукой на дом, кот проигнорировал жест, посмотрел на меня с укором, мол, мне-то какое до этого всего дело? — Конечно, у меня есть донум, но что нужно сделать, чтобы им воспользоваться, я не знаю. А лезть по гладким острым кольям, между которыми пролезает только ладонь, я не смогу.

Кот оторвал от земли тощую заднюю часть, подошёл к забору — возможно, он понял мою короткую, но эмоциональную речь, но, гораздо вероятнее, просто заинтересовался, почему его спутница нервно постукивает кулаком по этим загадочным палкам. Понюхал ограду и одним гибким движением, словно Терминатор из одноимённого фильма, просочился на другую сторону. Посмотрел на меня.

— Да, именно это мне и нужно, — я уткнулась в щель лицом. — Но я несколько шире и так не могу.

Кот чихнул.

— Ты бесполезен, — пожаловалась я. — Ты бесполезен, мой дар бесполезен, я зашла в тупик. Я умру и разложусь, Тирата разгневется и уничтожит весь мир к хмыре. Помогите мне, а?

Интересно, как учат управлять даром в этой самой Высшей школе? Медитации, самопогружение, все дела? Я закрыла глаза, уткнувшись лбом в частокол, попробовала визуализировать собственный переход с этой стороны на ту. К Ксамурру. К Марту.

Но тут всё закрыто!

Попыталась мысленно воспроизвести уже знакомые по трём переносам ощущения. Тепло. Вибрацию пространства. Пугающий миг потери контроля над собственным телом, как перед падением с верхней ступеньки высокой лестницы. Тело сопротивлялось, не хотело падать. Боялось. Неизвестности, полёта, боли, пустоты.

— Мррр? — поторопил кот.

Отчего-то мне представилось вдруг высокое дерево, из которого был сделан забор,

мощный, но ещё живой голый ствол без веток, пышная шапка листвы где-то под самым небом. Тёплая Луава, белый свет её лучей, проникающий сквозь листья. Дождь, падающий с неба, питающий дерево. Мельчайшие капельки воды в крохотных трещинках древесины.

Мой страх, моё неверие сковывали тело, сковывали дождевые брызги, буквально, превращая их в крошечные льдинки. Многочисленным льдинкам, увеличившимся по сравнению с каплями в размерах, было тесно, и непробиваемое дерево отступило, паутина трещин побежала по идеально гладкой, на первый взгляд, поверхности. Не открывая глаз, я ударила кулаком по кольям — и почувствовала, как они разлетаются облаком трухи, пыли, опилок и мельчайших частичек инея.

Глава 46.

Да я реально... реально... реально крута! Ух, что я могу!

Я просто Халк, крушащий ладонью деревянные прутья, на ощупь более похожие на стальные. А с учётом того, что кожа постепенно меняет цвет, скоро наше сходство будет ещё и внешним.

Вот только Халку-то всё нипочем, как шаолиньскому монаху, а я ещё минут пять вытаскивала мелкие занозы и рассматривала-обнюхивала багровые дырочки в потемневшей коже. Я скоро стану похожа на дуршлаг.

Не смешно, между прочим, а нервное бульканье на губах — это так, пережиток магического перенапряжения и стресса в целом.

Но что ж я раньше-то об этом не знала, а? И смогу ли повторить при необходимости?

Отряхнувшись, я пролезла в образовавшуюся дыру в ограждении. Это только в первый раз закон и правила нарушать страшно. Там, на земле, я даже бумажку мимо урны бросить не могла, а тут надо же — из тюрьмы сбежала, забор поломала... Про воровство и убийство вообще молчу. Стремительно иду по наклонной.

Душой иду по наклонной, а тело, каким-то чудом ещё не окоченевшее, движется к дому с чёрными стёклами. Между тем Луава уже почти совсем коричневая, вполне себе некромантский закат.

Надо поторопиться. В мире, где есть магия, от жутких заброшенных домов тёмной ночью не следует ожидать ничего хорошего. Но ждать утра я не могу. На утро дней останется только семь.

В чёрном-чёрном Магре, под чёрным-чёрным небом стоит чёрный-чёрный дом. Там, за чёрной-чёрной дверью есть чёрная-чёрная комната с чёрным-чёрным столом. На столе стоит чёрный-чёрный гроб. К этому гробу подходит глупая-глупая девушка с чёрным-чёрным котом. А в гробу лежит Март с чёрными-чёрными ромбиками вплавленных в кожу висков камней, живой и невредимый, и в ус не дует, что он мне так чертовски нужен...

Я подошла к чёрной — действительно! — двери. Мрачно посмотрела на массивное металлическое кольцо дверной ручки, не деревянное, настоящий металл. Подняла и отпустила, стукнув по дверной поверхности. Один раз, другой, третий.

Может, и дверь распылить к Тирате... Или что я там с ней проделала? Или попробовать разбить окно, или...

Дверь вдруг открылась, и я зажмурилась от яркого, тёплого света, хлынувшего на тёмную сырую улицу изнутри.

* * *

Глаза привыкали к свету несколько бесконечно долгих мгновений, которые я не могла рассмотреть невысокий грузный силуэт человека, открывшего мне дверь. Инстинктивно

сделала шаг вперёд, к теплу и свету, казавшимся такими безопасными и желанными.

Дверь глухо захлопнулась за спиной.

А потом в меня летит сноп огня, словно в безумном цирке со спятившим фокусником. Я отступаю назад, запинаясь за вездесущего Ксамурра и падаю, только тем и спасаясь, реакция-то у меня никакая. Не хватало ещё только обгореть, спаси, Единая! — эта мысль придаёт мне нечеловеческую прыткость, и прямо на четвереньках я, как огромный паук, торопливо куда-то ползу зигзагами, то и дело натываясь на какую-то стоящую на полу мебель. Спиной чувствую очередной огненный всполох, несущийся вслед, и, кажется, выпадаю-таки из пространства, то исчезая, то появляясь снова, мечусь по холлу.

Нет, не паук — таракан! Дёрнула же какая-то хмыра меня туда сунуться... Вот сейчас как поджарят, и буду первым в Магре живым шашлыком.

В какой-то момент я ударяюсь плечом в дверь и практически вываливаюсь из холла, к сожалению, не на улицу, на свободу, а в какую-то другую комнату. Колобком прокатываюсь в самый её центр по мягкому ковру с густым ворсом, с ужасом думая о свежеполученных синяках, которые, возможно, никогда не заживут и о вероятной ссадине на щеке — результате плотного соприкосновения с чем-то острым и твёрдым...

Нашла о чём волноваться, когда вот-вот вовсе поджарят ни за что, ни про что!

Я инстинктивно заслонила лицо растопыренными пальцами с отросшими когтями, испытывая острое желание зашипеть, зарычать, оскалиться, как загнанный в угол зверь.

И увидела пар семь изумлённо распахнутых глаз.

Тряхнула головой, пытаюсь сфокусироваться на окружающем пространстве.

Гостиная, просторная, метров шестьдесят будет, не меньше, с высокими, метра четыре, потолками, залитая мягким золотым пламенем из торшеров, высоких, изогнутых, как уличные фонари. Вероятно, чёрные стёкла были установлены не просто так: они не пропускали свет наружу, вот дом и казался необитаемым. На полу — ковёр, сшитый, судя по всему, из гигантских шкур, так и не разберёшь, если сидишь на нём, ожидая удара со всех сторон.

А со всех сторон — мягкие уютные диваны, на которых праздно расположились, по-домашнему поджав ноги и скинув обувь, какие-то люди.

С бокалами в руках. И тарелками.

В проёме застыла коренастая фигура неопределённого пола, возраста, даже не факт, что человеческая, чисто леший или кикимора из земных сказок... Волосы, спутанные и какие-то бурые, редкость для этого богатого на краски мира, свисали до пояса, закрывая лицо. Однако острый нос, торчащий из нечёсанных неопрятных патл, выдавал-таки принадлежность его обладателя к роду человеческому.

Одна из сидевших на диванах девиц тихонечко ойкнула.

— Ты чего вытворяешь, Милко! Спать тут всё хочешь к хмыре?

— Шпионка, вражина, зачем пришла, кто такая, чего надо?! — скороговоркой ворчливо отозвалось существо, продемонстрировав и разумность, и владение человеческой речью. — Пришла, глазами зыркает...

— Само ты вражина! — огрызнулась я, мимоходом отобразив невозмутимого Ксамурра, выглянувшего на мгновение из-за коротких ног существа. Осмотрела украдкой многострадальные руки — от бешеных скачек на четвереньках лучше, они, конечно, не стали, но и сквозных дыр хотя бы не наблюдалось. Лицо трогать не стала — что толку, если всё равно не исправишь.

— Как ты сюда попала? — кипятилось существо, несколько огненных искр упало на пол в опасной близости от пушистого ковра. Девушка, нет, пожалуй, уже молодая женщина, милостивая, с лицом сердечком и пышными волосами облачком, поднялась с дивана и ухватила искрящегося, как испорченная проводка, привратника под локоть. — Ворота же закрыты! Проверено, на два раза проверено!

— Иди, иди, Милко, отдыхай, мы сейчас с лиртой сами поговорим, и всё выясним, нас тут много, а она одна, не переживай, всё в порядке будет, — мягко, почти ласково, как с душевнобольным, защебетала девушка, одновременно подталкивая странное создание ближе к дверям. — Иди, всё хорошо, всё в порядке, ну же, давай-давай...

Двустворчатые двери закрылись, и мы все, кажется, перевели дух с облегчением. Я присмотрелась к аудитории — вдруг, пока девица выпроваживала слишком нервного огненного, кто-то ещё собрался со мной расправиться?!

Но нет. Прочие присутствующие казались — на первый взгляд — вполне безобидными. Я не ошиблась, их действительно было семь. Пять девушек, два юноши, но каких-то невнятно-женственных, с мягкими чертами лица и этими традиционными магрскими пышными шевелюрами.

Я что, опять в доме утех, что ли?

Частном. Законом не крышуемом закрытом клубе для взрослых. Судя по количеству народа, одновременно присутствующего в комнате, и по этим многообещающим диванам, подозрения появляются самые нехорошие.

Только иномирной оргии не хватало. Мне здесь точно делать нечего, пора нам с котом тикать отсюда, они, эти мягколицые, могут оказаться теми ещё маньячинами, так что...

— Лирта... — вполне любезно начала была ещё одна из девушек, залпом допила содержимое своего бокала и закашлялась. Я нацепила на лицо максимально доброжелательную и невинную улыбку.

— Лирта ошиблась домом, прошу прощения, лирта уже уходит.

Двери распахнулись снова, и сноп ворвавшегося в комнату пламени заставил меня снова упасть на четвереньки.

— Вражина разломала забор! У неё явно есть сообщники, не могла же она сама..!

На этот раз двери захлопнулись сами, вероятно, телекинетически — или у кого-то из здесь присутствующих был донум власти над дверями.

— Разломала забор? — с каким-то манерным удивлением высказался один из юношей. — Неужто, лирта?

— По чистой случайности, уважаемые, совершенно, совершенно! — я поднялась, отряхнула платье, снова улыбнулась, не кому-то конкретно, а в пустоту, и попятилась к двери, не решаясь повернуться спиной к присутствующим: вот такие мирные, интеллигентные и тихие пугают больше, чем агрессивные.

— Лирта, ну, куда же вы в ночь? — тихо, бесцветно проговорил второй юноша. — Оставайтесь. Хотя бы до рассвета.

Ага, щас. От заката до рассвета. А в полночь они превратятся в упырей, и, хотя жрать мертвечину явно не захотят, но в душе-то я — та ещё трусливая девчонка. И, если дверь сейчас не откроется, кажется, начну позорно орать.

— Присаживайтесь! — душевно сказала ещё одна девушка, а я почувствовала за спиной дуновение воздуха и на автомате подалась назад, подспудно ожидая ожога, удара или просто толчка, но вместо этого — врежаясь лопатками во что-то твёрдое, неустойчивое.

Моментально раздался звон бьющегося стекла, а мои голые щиколотки обдало колючим, чуть влажным вихрем острых игольчатых брызг.

Я опустила глаза и увидела под ногами осколки стекла и кровавую лужу.

...не кровавую, конечно. Просто алую. Вино, это, видимо, вино было в стеклянной бутылке, разбившейся вдребезги от моего столкновения с...

Кто-то ухватил меня за плечи со спины, встряхнул, сжал и развернул к себе.

— Агнесса...

Мне так глупо хочется разрыдаться, но в этом теле слёз нет, и сейчас это ощущается особо остро, как недостаток, ущербность.

— Агнесса, ты...

Этот голос, это имя слились для меня воедино. Одно не существовало без другого.

— Агнесса, ты такая...

Я разомкнула ресницы, наконец, и уставилась в его глаза, тёмные, долгожданные, о Тирата, какие же долгожданные. Не выдержала, всхлипнула, уткнулась в грудь щекой, вдохнула запах, обхватила руками. Стыдоба, но как же я счастлива, что его нашла, несмотря ни на что, несмотря ни на что...

— ...холодная. Почему ты такая холодная?!

Глава 47.

Первые несколько мгновений я счастлива. Я действительно счастлива, безоговорочно. Так иногда сунешь ногу в кипяток — и не сразу понимаешь, что что-то не то.

Вот и я обзираю окружающее пространство, не сразу, постепенно осознавая увиденное.

Я стою в странной гостиной чёрного дома среди каких-то странных, крайне подозрительных людей. В открытых дверях замер Март, самый настоящий, такой, каким я его и видела незадолго до ареста и своей смерти, умирающим от тоски и тревоги за меня он не выглядит. И, сжав сильные пальцы на моих плечах, почти требовательно вглядываясь в моё лицо, счастливым от нашей встречи он тоже не выглядит. Скорее... недоумённым. И даже немного сердитым.

На меня? Что пришла? Подвергаю его жизнь опасности, заставляю решать собственные проблемы? Отвлекаю от отдыха и развлечений?

Лохматые каштановые волосы, тёмные глаза, черные ромбики камней — такие же, как и раньше. А вот всё остальное... я отступаю для лучшего обзора.

Ха. Умирающий от тоски и тревоги за меня?!

Март одет в какой-то фривольный бордовый бархатный халат, на ногах тоже какие-то домашние туфли, мягкие и уютные. То, что разбилось вдребезги несколькими секундами ранее, было, очевидно, бутылку вина и тарелкой с какими-то фруктами на подносе: всё это разлетелось по полу. А из-за спины Марта выглядывает его проклятущая сестрица, и вид у неё такой, словно я без предупреждения пришла к ним домой пожить за бесплатно пару месяцев с двенадцатью чемоданами и шумным чихуахуа.

Развлекаются? Отмечают избавление от тюрьмы? Ну да, власти, разыскивая самую опасную преступницу, как-то удачно позабыли о её спутнике. А ведь могут и вспомнить, и найти. Я же нашла, а он тут... с вином и дамами. Даже смешно.

Двадцать восемь замечаний о распутстве за пять лет, Камилла! И вот ты появляешься перед ним, после предполагаемой казни, и первое, что он тебе говорит: почему ты такая холодная!

Ну, это ты зря. Могу быть ещё какой горячей, и сейчас ты это узнаешь.

Я хватаю его за ворот, сжимая когти на мягкой ткани, толкаю вперёд. Рывок — и нас выхватывает из тёплой светлой гостиной, выбрасывает в тьму, на что-то твёрдое и шершавое. Ночной ветер набрасывается на нас, треплет за волосы. Март лежит, кажется на некоем подобии черепичной крыши, обалдело трясёт головой, а я сижу на нём, по-прежнему вцепившись в ворот когтистой, посеревшей, с тёмными овальными пятнами рукой. Пальцы соскальзывает на голую шею.

— Агнесса, ты чего? Ты как вообще? — бормочет Март, почти забавно скосив глаза на мои когти в опасной близости от пульсирующей жилки. — Где ты была? Я так волновался...

Когти сжимаются чуть сильнее.

— Я. Тебя. Искала! — не специально, но слова чеканятся по одному. — Ходила по этому хмырову городу, общалась с девицами из борделя, со студентами, что одно и то же, искала тебя, меня почти что поджарили, а ты! Тут!!! Думал, что меня казнили, и отмечал избавление от лишней проблемы?

Толчок — я даже не успела вдохнуть или моргнуть, как Март резко приподнялся, откатываясь от края крыши. Теперь уже я лежала на спине, а он прижимал мои руки к плоской черепичной крыше, нависал надо мной, так низко, что его волосы почти касались моего лица.

— Почему ты осталась здесь? Почему не сбежала, не спряталась? Разумеется, я знал, что тебя не казнили, по всему городу объявления о том, что тебя ищут! Я оставил твои документы и деньги в той таверне, думал, у тебя хватит ума прийти туда...

— Пока ты отмечаешь освобождение? — взывала я, безуспешно пытаюсь высвободиться. Терпеть не могу, когда кто-то удерживает меня силой, сразу паника накрывает с головой. В детстве у отца это был лучший аргумент против моего баловства: прижать, не дать двигаться. Кроме того, злость на Марта и на саму себя затуманила голову. А и правда, почему я не вернулась в таверну, где была облава? Это было бы логично, но мне такая мысль в голову не пришла. И теперь я уже сама не понимала, что говорю. — Отпусти меня! Куда я могла пойти, в отличие от тебя, я в питейных заведениях не ориентируюсь, да я ни адрес, ни название той пивнушки не помню! Я... была у себя дома, Март. Мать умерла, тётке я дома не нужна, у меня никого здесь нет, кроме тебя, а ты!

— Мать? — переспросил он, отпуская мои руки, чем я не преминула воспользоваться, резким толчком возвращаясь в первоначальную, более комфортную позицию: он снизу, я сверху. — Твоя мать умерла?

— Мать. Её допрашивали жрецы. Не надо меня сейчас жалеть, я же говорила тебе, что многого не помню, и её сейчас тоже не помню. Может быть, потом...

— Агнесса, ну, не сердись! Я тебя искал, правда. Но город такой большой, и я думал, что ты... Я, правда, о тебе очень волновался, но... с учётом твоего донума... надеялся, что ты сможешь...

А что — я? Ярость, такая бессмысленная и неразумная, на мгновение отступившая, нахлынула с новой силой. Ладно, он был не обязан мне особо ничем, ведь даже из тюрьмы я его вытащила случайно. Мы снова резко поменялись местами, ветер торжествующе бросил мои растрепавшиеся чёрно-бирюзовые пряди Марту в лицо.

— Не ври, не о чем тебе было волноваться! Ты здесь всё знаешь, а я...

Он снова легко, почти не напрягаясь, перекатился, накрывая меня собой, утыкаясь лбом в лоб и полностью блокируя мои суматошные движения. Внезапно моя клаустрофобия

отступила, и я прикрыла глаза, ощущая его тяжесть на руках и бёдрах, дыхание на лице.

Оно было тёплым.

Наверное.

Я вдруг поняла, что ветер, всё так же беснующийся здесь, на крыше, должен быть холодным, а тело прижимающегося ко мне Марта — контрастно горячим. Но разницы температур не ощущала, совсем.

Кожа словно онемела.

— Агнесса, прошло всего три дня! Я...

Всего три дня? Всего?! Да целая вечность прошла!

— А как же конец света? — ехидно говорю я. — Ладно я, я тебе никто, сумасшедшая чужачка, но собственная жизнь и жизнь твоей дорогой сестры? Тебя это тоже не волнует? А как же все эти разговоры о фелиносе?

— Агнесса, перестань! Как я должен был тебя искать? Бегать по улицам Магристы, выкрикивая твоё имя, которое на каждом фонаре написано? Разумеется, Венута меня пугает, но я, что именно я могу сделать?! Жрецы молятся Тирате о снисхождении ежедневно, по всему Магру, это я знаю доподлинно. Если кто-то может предотвратить бедствия, то только ты! В конце концов, надеюсь, Единая пощадит этот мир...

— Значит, я во всём виновата? Руки от меня убери, хмарь, драев сын! Руки убери!

Руки он убрал, приподнялся, освобождая меня, и, против всякой логики, мне стало ещё более тошно и как-то пусто.

Чёрт.

Веду себя как девица из женского журнала или мужских анекдотов. Пора заканчивать с истерикой.

Я стала осторожно выбираться, но тут Март снова ухватил меня за плечо, провёл рукой по лбу, щеке — и от этой неожиданной ласки, даже не похожей на ласку, я застыла, ненавидя себя за эту слабость. Только бы он не заметил.

— Что?

— Что с тобой, Агнесса? — тихо спрашивает Март, серьёзно, совсем не так, как только что оправдывался. — У тебя кожа ледяная, и щека порезана, но...

Значит, не показалось — со щекой. Жаль. Впрочем, это такие мелочи по сравнению с остальным.

— А это я тебя хочу спросить, — как и он, понижая голос, говорю я. — Что со мной? Что за заклинание ты тогда, перед облавой, на мне опробовал? Что мне вот с этим делать? — я стягиваю рукава платья до локтей, обнажая руки, еще более страшные в зеленоватом сиянии Стилуса. — Что это, Март?! Они ведь убили меня тогда, Лигран отвёл меня на казнь, а потом я пришла в себя в морге, среди мёртвых тел, голая!

Стилус на миг отражается в его глазах, и они вспыхивают жутковатым зелёным блеском, сходство с лешим становится просто невероятным. Он скользит пальцами по коже предплечий, сжимает, надавливает кожу, подносит к глазам продырявленные щепками ладони, снова касается щеки... Онемение ощущается ещё явственнее.

— Что со мной, Март? — повторяю я. — Верни всё обратно, я так не хочу!

— Но, — совершенно потерянно говорит он, садится, обхватывает руками голову, взбивает волосы. — Но я не понимаю... Это как?! Я... не знаю.

Нет, Единая, только не это, пожалуйста!

А Март продолжает твердить, как заведённый:

— Такого не должно было быть! Не должно! Я не знаю... не знаю, что с этим делать...

Глава 48.

Март ходит вокруг меня кругами, как кот вокруг миски со сметаной, как художник вокруг такой долгожданной натурщицы, как акула вокруг соблазнительно окровавленной, но запертой в клетке жертвы. Рассматривает с умным видом.

Настоящий кот, точнее, Ксамурр, по своему обыкновению, куда-то попрятался. Зато остальное научное сообщество в полном составе восседает с умными, слегка озабоченными лицами вокруг. Озабоченными проблемой моей неокончательной смерти, а вовсе не в том смысле, в котором вы подумали. Сестрица Марта сидит тут же, не знаю, откуда во мне к ней столько стихийной антипатии, причем, кажется, это взаимно. Ну, вредная девчонка, стервозная, вон нос какой острый, верный признак, но ведь плохого-то мне Ильяна ничего не сделала. И она немного похожа на Марта, что в общем-то, естественно, те же каштановые волосы и тёмные глаза, но у меня внутри всё протестует при одном только взгляде на неё. Лучше вон на Милко посмотреть, счастливого обладателя — или обладательницу? Так и не поняла — такого сильного природного огненного донума, обузданного безо всяких дипломов и образовательных учреждений. Милко недовольно бурчит в углу, но тоже сидит, не уходит, любопытствует — какую диковинку приволокли на спонтанный научный консилиум.

Диковинка — это я.

Трудно поверить, что вся эта честная компания когда-то закончила Высшую школу. И собираются здесь отнюдь не для оргий, а по ежегодной неукоснительной традиции выпускников сиротского приюта, когда-то действительно существовавшего в данном доме, а потом закрытого по указанию властей "из-за низкой востребованности и недостатка финансирования", точнее, не закрытого, а перенесенного в другое, вероятно, менее пафосное и дорогое для содержания место. Что ж, дело обычное. На мой вопрос, как вообще здесь могли додуматься сделать приют, был получен ответ, что когда-то на данном месте находился частная, организованная одним знатным лиртом со специфическим донумом лечебница для душевно беспокойных, то есть для тех, чей дух застрял в междумирье — от Магра оторвался, а до Тираты не дошёл. Проще говоря, частная психушка. Которая тоже была прикрыта суровой королевской властью после того, как выяснилось, что никаким донумом её владелец не владел, а просто собирал деньги с родных и близких, и вёл с болезными беседы, по уровню безумства превосходящие самое смелое воображение, так что довольно скоро из главврача превратился в главпациента. Психушка-то закрылась, а вот ресурсов в виде закупленного питания, постельного белья и прочего осталось много, вот и решили — не пропадать же добру, сделаем что-нибудь в том же духе!

Ну да какая мне разница?

Главное то, что сейчас научное собрание в лице восьми выпускников Высшей школы и двух левых, якобы сочувствующих лиц — Милко и Ильяны — с пристальным вниманием рассматривает моё несчастное тело, местами серо-зелёное, местами покрытое фиолетовыми пятнами, незажившими и некроотоочащими царапинами, почти полностью потерявшее чувствительность. Раздеться догола я отказалась категорически, поэтому "исключительно в научных целях" мне выделили какую-то рубашку, доходящую до середины бедра, водрузили на стол, вытященный на середине комнаты, потрогали, понюхали, поизмеряли невесть откуда взявшейся линейкой, потыкали ножиком, правда, протыкать Март не разрешил, да и чужим загребушим рукам тоже воли не давал, в общем, поводили вокруг хороводы, спасибо,

что хоть стишок рассказать не заставили.

И никто, ни одна хмырова морда, не знает, что это может быть такое!

На "обычное" умертвие, поднятое после смерти, я не походила совершенно, как авторитетно заявил один из манерных молодых людей, некто лирт Тонри, как выяснилось, тоже некромант, правда, в своей постшкольной жизни практически никак свой донум не использующий. Спросила "почему не похожа", минут через десять пожалела, лучше бы не спрашивала, потому что подробное и желудковыворачивательное описание тех процессов, которые должны были происходить в моём неподготовленном к правильному зомбированию организме по всем некромантским правилам, разумеется, на третьи сутки в ускоренном и оттого несколько смягченном варианте, но тем не менее, было не для слабонервных, а главное, нет никакой гарантии, что они всё-таки не начнут происходить, просто замедленно. Но пока что я — научный некропарадокс. С одной стороны, сохранила ясность сознания, и опорно-двигательная система меня вроде бы слушается. С другой стороны, остальные системы как будто бы в стазисе, с некоторыми оговорками. Есть версия, что процессов гниения внутри меня как таковых и нет, просто заклинание вложило в тело некоторую программу, мастерски имитирующую определенные признаки смерти — так мастерски, что тело верит ей безоговорочно. "Разрезать бы и проверить", — почти мечтательно произнёс этот магрский недоманьяк, но дальше вслух высказанных фантазий не пошёл.

По двадцать пятому разу Март отчитывался о том, где и как узнал то самое заклинание, причём за это время сменил версий пять, не меньше. Устав от публичного стриптиза, хоть и с научной подоплёкой, я слезла со стола и почти с печалью оглядела роскошный, не сразу замеченный стол — фрукты, мясо, алкоголь. У меня аппетита так и не появилось, да и страшно было в своё разлагающееся тело запикивать что-то ещё... разлагающееся. Интересно, кстати, куда делась выпитая вода? Выделительная система пребывала в стазисе тоже.

По мнению того же лирта Тонри, перспективы у меня были незавидные. Постепенно стазис будет спадать и процессы в моём мёртвом теле пойдут такие же, как и в других телах. Окоchenение, гниение, вздутие, мерзостный запах, про прочее умолчу.

Утомила я не только от импровизированного, в целом безрезультатного симпозиума, но и от совершенно бесполезных расспросов одного безмозглого некроманта-двоечника и его внезапных, таких эксклюзивных познаний, источник которых, как мне вдруг с маниакальной подозрительностью стало казаться, сводился к тому, что кто-то залез в постель к выжившей из ума преподавательнице, решившей потряхнуть стариной и похвастать перед юным студентиком своей глубокой и обширной, кхм, эрудицией.

Но, возможно, я реально уже параноик.

— А нет ли у вас некромантов посильнее? — наконец, не выдержав, спросила я. — Кого-то очень сильного, опытного некроманта, эксперта, так сказать?

Горе-учёные потупились. Во-первых, любому некроманту запрещено совершать какие-либо манипуляции с людьми без соответственной бумажки, получить которую довольно непросто (на этом этапе обсуждения Март независимо отвернулся и принялся насвистывать что-то незатейливое). Во-вторых, маловероятно, что удастся найти эксперта, некромантия и так редкий донум, а уж тех, кто занимается ею всерьёз — и вовсе по пальцам перечесть, в силу довольно малой востребованности за пределами королевского дворца.

Вот главный королевский некромант — фигура явно знающая и квалифицированная, но как до него достучаться? У него даже имя не разглашается, во избежание попыток давления

на ход следствия, полное инкогнито. Есть такой мегамаг, за семью замками в королевском замке. И Март, как выяснилось, несколько приврал — он пытался получить должность только его главного помощника, да и на том бесславно погорел — однокурсники, как оказалось, были не в курсе этой истории и пришли от неё в неопиcуемый восторг — по их мнению, на такие амбициозные безумства тот Март, которого они знали по школьным годам, был не способен, а он взял да и удивил. Не человек — сюрприз в шоколадной глазури.

"...а ведь Лигран наверняка знает, что это за тип и как к нему подобраться", — отчего-то мелькнувшая ненароком мысль была не очень приятной. Знает и знает. Но даже думать о якобы сочувствующем, а на деле приведшим меня на казнь красавчике-следователе я себе запретила. Привёл один раз — приведёт и второй. Как бы ни был велик соблазн...

Наконец, честная компания разошлась: у всех бывших жителей приюта уже были семьи и какая-то своя налаженная жизнь. Остались местный привратник, охранник и почти что домовый в одном лице Милко, который... которая... так и жило тут, скрываясь от внимания властей и надеясь, что готическое по духу здание ещё долго никому не понадобится, Март, Ильяна, то и дело недовольно зыркавшая на меня глазами, и я. На втором и третьем этажах были комнаты, по которым мы, под угрюмым предводительством Милко и разошлись. Как оказалось, он же — пусть будет "он", в самом-то деле! — и снабдил Марта халатом и туфлями, оставшимися от прежних обитателей. Мне тоже, правда с некоторым скрипом, как не-выпускнице приюта и даже не родственнице, был выдан комплект домашней одежды, без нормального нижнего белья, о том и мечтать уже перестала, но всё-таки. Пропустив вперёд Марта, Милко вдруг прижал меня к стене.

— Как ты сломала забор? — прошептало — или прошипело — существо. — Починить сможешь?!

— Выбила рукой! — тем же шепотом ответила я. — Донум у меня такой: заборы крушить. Ну, или приставучие физиономии. Починю, когда оживу. Раньше никак, прости.

И существо, аналог домового, как-то разум отстало. Удобно. Придумай себе донум позакавыристее, желательно такой, чтобы проверять никому не захотелось, а потом вообще умри — и вуаля. Жаль, не со всеми сработает, но тем не менее...

А Март какой продуманный, однако. Не имеет своего дома, а знает, где переночевать на халяву — то в доме утех, то в бывшем дурдоме. Самое оно.

Тело в отдыхе не нуждалось, как мне кажется, зато явно нуждался мозг. Надо бы поспать, хотя бы эта функция в организме ещё работает. Количество суток до апокалипсиса неумолимо сокращается, но утро вечера мудренее и всё такое... Я села на кровать — возможно, пора начинать коллекционировать экзотические места ночевок в этом мире. Из-под кровати, муркнув, высунулся Ксамурр, дружелюбно потыкался в ноги лбом.

— Также перемещаешься в пространстве? Или у тебя дар предвидения, и ты знал, что меня отправят именно в эту комнату? — я почесала кота по костлявому лбу. Мёртвый, а ласку любит и ждёт.

...кому, как не мне, его понять.

Стук в дверь прервал мои попытки устроить гудящую голову на подушке, а устроившийся было на пояснице буханкой некрокот — совсем как на трупе тогда, в морге — метнулся опять под кровать. Кто это может быть? Снова Милко — решил потребовать восстановления забора, или Ильяна — решила потребовать, чтобы я не мешала её брату жить, или...

На пороге стоял донельзя смущённый Март, вертел в руках полную чего-то золотистого

бутылку. На этот раз в ней было явно не молоко.

Или — молоко кварков. Откуда мне знать.

— Прости! — начал он с порога. — Прости меня, я... я не знал, что так получится, я не хотел! Я даже и не верил, что такое может получиться, просто на пьяную душу хотел произвести... впечатление. Ну, прости, я... я что-нибудь обязательно придумаю!

— Да ладно! — махнула я рукой, испытывая острое желание завернуться в одеяло с головой. — В конце концов, если бы не это, я бы уже умерла, а так... остался хоть какой-то шанс. Так что, по сути, ты меня даже спас.

"И ты не виноват, что совсем не супергерой из сказок моего мира, тот, который спасает Вселенную и прекрасную принцессу в гордом одиночестве одной левой. Или это я — недостаточно прекрасная принцесса? Особенно теперь, с таким-то телом, ага, как же"

Повисает неловкое молчание, хотя Марту, кажется, становится несколько легче. Дурацкий барский халат он всё-таки сменил на что-то более скромное, а вид имеет более чем пристыженный — любоваться бы, да что толку, если нам с ним всё равно ничего не светит, кроме издевательски зелёного Стилуса?

— Я, наверное, посплю, пока спится. И ты отдыхай, — тихо сказала я, а парень вдруг мотнул головой.

— Лучше бы тебе не спать, если можешь. Подозреваю, что во сне процессы разложения... ускоряются. Пойдём на крышу? Посидим, подумаем.

И глаза отвёл.

— Самое романтичное приглашение, которое только можно сделать девушке! — нарочито бодро произношу я. — Посидим, чтобы не разлагаться. А Тирата не будет гневаться?

— Это просто сок кастаруса.

«А вино — просто сок винограда, ага»

— От сока процессы не ускорятся?

— Тебе пить необязательно.

— Всё романтичнее и романтичнее... — я хотела добавить что-нибудь вроде "о, мой горе-некромант", но осеклась — мало ли, на что ещё нарвусь, один раз уже обожглась на обострённом мужском самолюбии. Выбралась из одеяльного кокона, немного злясь на себя за слабохарактерность. А я-то ещё злилась на маму, всю жизнь посвятившую алкоголику. Отец её хотя бы в живой труп не превратил, да и не сказать, чтобы много гулял по левым бабам. — Пойдём, Агнесса. Обсудим перспективы и только, правда, я же ничего такого..!

То самое чувство, когда самый распущенный некромант королевства не делал попыток поприставать к тебе даже до твоей смерти, не то что после.

Ничего нам с ним не светит, ничегошеньки.

...разве что — Стилус. Если посидеть ночью на крыше.

Глава 49.

Ветер на крыше беснуется всё так же, однако теперь в нём отчетливо ощущаются солёные морские нотки.

— В какой стороне море? — спрашиваю я, безуспешно пытаюсь пригладить бунтующие волосы. Сажусь где-то в метре от края. Крыша почти плоская, да и черепица шершавая, не соскользнёшь, но раньше даже высота даже метров десять-двенадцать меня бы уже заставила распластаться лягушкой и верещать от ужаса.

А теперь я смотрю вниз совершенно спокойно. Может быть, опыт последних дней

сделал меня смелее. А может быть, потому, что где-то в глубине... в самой-самой глубине души я до сих пор не могу окончательно поверить в то, что всё это — волшебный мир, моя смерть, сидящий рядом Март — всё это происходит на самом деле.

И то, что мы сейчас сидим так близко, только подчёркивает нереальность происходящего.

В ответ на мой вопрос Март делает неопределённый взмах рукой куда-то вдаль, а я почему-то смотрю на его руку, а не туда, куда он показывает.

На кончиках его пальцев заострились когти. Нервничает? Волнуется? Действительно чувствует себя виноватым?

— Почему они, ну, жрецы или полиция, сразу меня не убили? — спрашиваю я. — Убили бы, а потом допросили мёртвое тело.

Март хмыкает.

— Возможности некромантов сильно преувеличены, знаешь ли. Если человек при жизни хранил какой-то секрет и считал его очень важным, вряд ли после смерти он начнёт его всем выбалтывать. Мертвеца можно сподвигнуть на определённые действия, но здесь есть множество условий и ограничений. В частности, речь. Письмо требует слишком тонко развитой моторики и сохранённых функций мозга. Вероятнее всего, ты направилась бы к себе домой и занялась какими-то привычными делами.

— Как тот пожилой лирт, которого ты отправил домой из дома утех?

— Оу, какая информированность о моих былых свершениях, впечатлён, — Март делает глоток из бутылки и складывает ладони в замок. — Да, как-то так. Не надо думать о королевской полиции слишком плохо, там работают не убийцы, даже в таких исключительных случаях крайние меры неприменимы. Неважно. Послушай... Ребята говорили про королевского некроманта. На самом деле, я думаю, это единственный вариант сейчас. Единственный шанс. Больше никто не возьмётся, да и никто не справится.

— А как же инкогнито, недоступность и всё такое? — скептически приподнимаю я брови. — Денег и связей у меня нет. А у тебя?

— Денег тоже нет. Связи... связи быть могут, не просто же я метил в помощники. Не такие, чтобы требовать помощи, но добиться аудиенции...

— А что толку в аудиенции, это, — вытягиваю руки вперёд, подставляя их зеленоватому свечению ночного светила, — на расстоянии вряд ли излечимо. Какой тогда смысл? Я-то во дворец сама не пойду. К тому же, во-первых и в-главных, мне нечего предложить взамен. Или королевские маги бескорыстны? Не верится, уж прости.

Март поворачивается ко мне медленно-медленно, его глаза — два тёмных провала на бледной коже.

— Есть, Агнесса. У тебя очень даже есть, что ему предложить.

Несколько секунд я не понимаю, что он хочет сказать, и даже собираюсь поиронизировать на тему постели, мол, инкогнито такое полное, что даже девушку иначе как мёртвую в постель не затащить, что «главный некромант» не означает «главный некрофил». Но Март продолжает, тихо, настойчиво:

— Фелинос. Сейчас, за несколько дней до Венуты ты можешь обменять его на всё, что угодно, Агнесса. Например, на свою жизнь.

* * *

Я непроизвольно дёргаюсь, точнее, тело дёргается, как иногда случается перед падением в сон.

— У меня его нет, я не знаю, как оно выглядит и что это такое, сколько раз тебе говорить!

— Агнесса...

— Март, я ничего не помню. Я тебе не вру. Мне не нужна эта реликвия, да я плевать на неё хотела!

— Зачем?!

— Что — зачем?

— Зачем ты хотела на неё плевать?!

Мы глупо смотрим друг на друга, а потом меня разбирает смех.

— Это просто выражение. Означает, что мне эта штука совершенно безразлична, не нужна. Произошла чудовищная ошибка.

Марту смеяться сегодня явно не хочется.

— Агнесса... — он берёт меня за руку, не так, как в гостиной, когда рассматривал кожу, дырочки на ней, пятна и производил научный осмотр. Иначе. По-настоящему. — Агнесса, ты совершенно меня запутала. То говоришь, что всё это ошибка, то — что не помнишь. Расскажи мне. Расскажи, что случилось на самом деле. Я помочь тебе хочу, что бы там ни было в действительности. Ты... ты уже не чужой мне человек, хотя мы знакомы так мало, и...

Его пальцы легко пробегают по моей руке, от ладони к локтю и обратно, а Март повторяет, тихо-тихо, едва различимо сквозь ветер:

— Совсем не чужой.

Несмотря на онемение кожи, я чувствую это ласковое прикосновение, такое многообещающее, такое отличное от тех, что были раньше. Только и я теперь — отличаюсь. И хотя я отчаянно, просто невероятно нуждаюсь сейчас и в поддержке, и в ласке, осторожно высвобождаю руку, стараясь не присматриваться к тому, какая она сейчас страшная. Неприятная. Неестественная.

Человека с такой кожей, мёртвого изнутри, застывшего на пороге смерти и разложения, нельзя любить. Нельзя хотеть. Прикасаться с нежностью. Это ненормально, неправильно.

Но в то же время...

— Когда лирт Веритос допрашивал меня, там, в Винзоре, — говорю я, уставившись в сторону предполагаемого местонахождения моря, выбрав в темноте какую-то светящуюся точку. — Он говорил, что Тирата создала множество миров. Магр не единственный мир, Март. Я не Агнесса, меня зовут Камилла, просто по какой-то причине я здесь, в её теле, очень похожем на моё, но всё-таки в её, и я знать не знаю, где этот хмыров фелинос!

— Я ни в чём тебя не обвиняю, правда! — Март растерянно моргает, и его лицо на миг становится детским и незащитным. — Ни в чём, не нужно всего этого, лирта...

Вырываю бутылку из его рук и делаю большой глоток. Сладкий, даже приторный напиток, к сожалению, вроде бы действительно без алкоголя, глотаться не желает, золотистая жидкость стекает по подбородку и шее.

— Попробуй вспомнить, — рука Марта снова ложится на мою, поднимается к плечам, а я закрываю глаза, не в силах сопротивляться, пока он тихонечко привлекает, притягивает меня к себе. — Попробуй. Мне без разницы, как ты хочешь себя называть. Но если есть хоть какой-то шанс что-то сейчас исправить, попробуй вспомнить, пожалуйста....

Делаю над собой усилие, отрываю взгляд от несуществующей точки, поворачиваю голову — и вижу его лицо близко-близко.

— Вспомни, Агнесса, — говорит Март, глядя мне глаза в глаза. — Ну, пожалуйста. Я хочу, чтобы ты жила. Чтобы мы оба выжили вместе с нашим миром. Пожалуйста. Вспомни, девочка. Давай...

Словно загипнотизированная его тихим голосом — или зачарованная? — его близостью, я действительно пытаюсь вспомнить.

Храм Тираты. Убитая лирта Сириш. Фелинос.

Действительно пытаюсь, но у меня ничего не выходит. Но ведь раньше я видела воспоминания Агнессы, правда мельком и довольно размытые, но... Дом. Мать, тётка.

И молодой человек с длинными чёрными волосами, серьезными глазами, с чашкой травяного чая в руках.

Это так глупо, когда тебя обнимает один, тот, кто нравится тебе по-настоящему, вспоминать о другом, никогда бы не подумала, что я на это способна, и тем не менее... Март прижимал меня к себе, ветер смешивался с его дыханием, губы касались уха, шеи, а перед моими глазами проносились образы из прошлого, не имеющие никакого отношения к тому самому, жизненно важному.

Агнесса сидит под столом, а юноша пьёт чай — не столько пьёт, сколько вдыхает аромат и греет руки. Расплачивается и уходит на свою загадочную службу, и я, ой, нет, Агнесса, убедившись, что тётка не смотрит, выбираюсь из дома и бегу за ним. Молодой человек останавливается, оборачивается удивлённо, а я сую ему в руки пакетик с травами и торопливо убегаю обратно, так, словно украла у него что-то, а не сделала подарок. Сердце колотится быстро-быстро.

Но это всё происходило не со мной, а с ней! Я трясую головой и снова упрямо пытаюсь вообразить храм, реликвию, мёртвую служительницу. Зачем я — она! — это сделала? Каким образом?

...Агнесса ждёт лекаря для матери. Лекаря местного, лирта Рамтуса, бестолкового, суетливого человека со слабым донумом. Он ничего нового не сделает и не скажет, но мать хотя бы уснёт, на пару часов перестанет кашлять кровью и чувствовать боль в груди. Мне — нет, Агнессе! — так тревожно, так страшно, и я мечусь туда-сюда перед крыльцом. Черноволосый молодой лирт подходит ко мне, а я, опуская глаза в пол, говорю, что сегодня лавка не работает. Он протягивает руку и первый и последний раз в жизни гладит меня по щеке, приподнимает голову за подбородок, чтобы заглянуть в глаза, и в этот момент тётка гневно что-то кричит из дома, и я снова от него убегаю.

— Агнесса? — Март зовёт меня из настоящего, возвращаться обратно так трудно, словно подниматься со дна озера, преодолевая сопротивление, чудовищное давление водной толщи.

— Не помню, — говорю я. — Ничего не помню, не помню, не помню!

— Тише, тише...

Он утешает меня, прижимает к себе, касается губами век, щёк, словно осушая слёзы, которым неоткуда взяться. А потом так естественно, словно это что-то само собой разумеющееся, накрывает мои губы своими и целует. Под солёным ночным ветром и изумрудным сиянием Стилуса.

В первое мгновение я отвечаю ему, приоткрываю свои губы, сухие, обветрившиеся, словно пью его влагу, его дыхание, его жизнь, наконец-то полностью стряхнув картинку чужой, позаимствованной, украденной памяти. Волшебное долгожданное мгновение. Запускаю руки Марту в волосы, провожу пальцами по густым каштановым прядям, гладким

каменным ромбикам.

Всего одно мгновение или два.

А потом краем глаза замечаю свою же уродливую руку, ползущий зелёный блик, который вдруг кажется то ли мухой, то ли червяком, выбравшимся наружу из гниющей плоти. Секундное замешательство, ужас, рвущийся криком, я уже поняла собственную ошибку, и всё же, всё же...

Нет, я так не могу. Не могу!

Я отталкиваю Марта, и, преодолевая внезапное головокружение, вскакиваю на ноги.

— Что случилось? — он испуганно смотрит снизу вверх.

— Я мёртвая, а ты живой, — истерично смеюсь, подставляя руки ветру, как крылья, борясь с желанием броситься с крыши, делаю шаг к прямоугольному люку. — Знаешь, давай повторим потом. Когда... если я всё-таки стану прежней.

— Когда, — Март не делает попыток меня удержать, смотрит, чуть наклонив голову. — "Когда", Агнесса.

Глава 50.

— Ох... ох... охмыреть! — язык, как обычно, споткнулся об иномирное ругательство.

— Что? — Март повернулся ко мне, ещё раз придирчиво осмотрел с ног до головы, словно художник своё главное творение перед выставкой. Стряхнул какую-то пылинку с плеча, заправил под платок предательски выбившуюся бирюзовую прядь. — Готова? Идём?

Я не была готова. В том смысле, что, несмотря на проявленную мною и полностью поддержанную Мартеном инициативу посетить Главный храм и стимулировать коварно ускользающие воспоминания, никакого конкретного плана действий я не имела. Оставалось уповать только на сохранившиеся обрывки памяти лирты Агнессы, которые не подстёгивала ни смерть, ни поцелуи. Может быть, интерьер окажет целебное чудесное воздействие?

И вот главный храм Магристы был перед нами. Идти до него от приюта пришлось бы долго, но Март заказал экипаж, и мы поехали, щурясь от лучей Луавы, бесцеремонно проскальзывающих в салон. Целовать себя я не разрешила, потому что сказки и мечты, если уж и должны сбываться, то целиком и полностью, а не так, отражённые в кривом зеркале действительности этого жуткого магического мира. Само желание Марта прикоснуться к этому телу пугало — если уж ему и такое нравится... А ему, похоже, было наплевать, мёртвая я или живая. Нахально положил мне голову на колени, и всю дорогу я тихонько перебирала его шелковистые, густые, слегка волнистые волосы, замирая от этой незатейливой ласки, даримой другому, даже больше, чем если бы кто-то гладил и нежил меня саму.

Где-то справа оставался Королевский дворец, я успела рассмотреть его мельком, но всё-таки там Агнесса не могла быть, так что и особого смысла любопытничать не было. А потом экипаж остановился, мы вышли, гепардоподобные твари смерили нас холодным равнодушным взглядом. Март расплатился, небрежно и немного красуясь, горстью квадратных «магриков», а я отвернулась, пряча улыбку, вызванную его нелепым мальчишеством, и вдруг увидела этот самый храм.

Почему-то у меня всего за несколько дней пребывания в Магре сложилось стойкое впечатление, что Магриста — достаточно маленький и малолюдный город. Никаких конкретных сведений о численности населения мира и города Март мне дать не смог, на расспросы лишь покосился подозрительно и недоверчиво, видимо, такие вопросы тут задавать было не принято. Как человек, родившийся в городе многочасовых пробок и

постоянных человекопотоков, я несколько высокомерно сравнила Магристу с западным периферийным городком на побережье, в который по какой-то причине нет пути туристам. Ориентируясь на полузабытые фильмы и прочитанные некогда книги, ждала строгой и простой "средневековой" архитектуры в этом лишённом техники мире. И в целом, то, что я ранее видела, вписывалось в нарисованный безграмотным и стереотипным сознанием городской пейзаж "обычного фэнтезийного городка", хотя какого-то единого стиля у зданий Магристы, очевидно, не было. И тюрьма Винзор, и Высшая Школа, и тот храм, где я очутилась после морга, и Королевский приют, — всё было таким разнородным, разномастным, и не создавало цельной картины.

Но увидеть такой Главный храм я не ожидала никак. Он был вполне достоин любого земного мегаполиса.

Огромное здание из благородного серого камня горделиво тянулось к самому небу, и я задалась вопросом, почему не замечала его раньше. Вероятно, дело заключалось в том, что большую часть своих прогулок по Магристе я совершала, опустив глаза к земле, дабы лишней раз не отсвечивать лицом. Или я действительно просчиталась в размерах города, а Кларисса преуменьшила масштаб на карте, или причиной были пышные кусты и деревья, прикрывающие возможность полноценного обзора... Как бы то ни было, среди двух-трёхэтажных жилых домов внушительное сооружение с двумя устремлёнными к небу остроконечными башнями казалось исполином, вполне достойным земного города-миллионника. Март себя объяснениями не утруждал, но нетрудно было догадаться, что эти треугольные башни, сливающиеся в основании, означали дуалистическое единство божества, соединяющего в себе мужское и женское начала. При всей величественности здания, высотой не меньше двенадцатиэтажного дома, оно не давило, не казалось массивным и перегруженным архитектурными элементами, напротив — постройка отличалась ажурностью и воздушностью. Уже ожидаемые переплетения каменных стебельков священных тараксумов, пушистых круглых шапочек и летящих пушинок, покрашенные в серебристо-сиреневый цвет, выглядели почти невесомыми, и я восхитилась работой неведомого творца. Интересно, архитектура — тоже продукт особого донума? И относятся ли к донумам «простые», немагические таланты? Скульпторы и художники, а также певцы, поэты, актёры?..

Лицо моё еще оставалось относительно чистым, хотя кожа существенно потемнела, а вот шею, руки и прочее, то, что ниже шеи, продемонстрировать простому народу было уже нельзя, и я задрапировалась, как могла: перчатками, платком, шалью... Жаль, что здесь не носят чадру или паранджу, было бы куда проще. Но в целом в глаза мой вид вроде бы не бросался. Подобно всем прочим мирам, магрские храмы были полны больных и убогих, жаждущих быстрого и бесплатного божественного решения всех жизненных проблем, в том числе здоровья духа и тела. Обладатели сильного донума целительства встречались редко и, как правило, быстро пристраивались к кому-то платёжеспособному: королевскому двору или частным домам, а все остальные, менее обеспеченные магрцы выкручивались, как умели — или не выкручивались, что я могла наблюдать на примере несчастной матери Агнессы. Так что болезненный вид одной из множества прихожанок не должен был вызвать подозрений и вопросов.

— Сфера целительства явно нуждается в экстренной государственной реформе, — буркнула я. — Медицина должна быть всеобщей и бесплатной!

Март снова бросил на меня какой-то странный взгляд, словно размышляя, не планирую

ли я всерьёз государственный переворот, но промолчал.

Ксамурра я обманом заперла в спальне, успев захлопнуть дверь до того, как он за мной увяжется, и от этого почему-то чувствовала себя не в своей тарелке, а ещё — виноватой, что уж вовсе ни в какие рамки здравого смысла не лезло. Всего четыре дня назад мы встретились с этим inferнальным существом — если не считать нескольких не самых приятных часов с его alter ego на земле — и вдруг выяснилось, что я привыкла к постоянному ненавязчивому сопровождению, тихому мурканью по поводу и без, прикосновениям костлявого лба к ноге, поглаживаниям по иллюзорной кучерявой шубке... Марту я так и не сказала про своего нового особенного друга. Вдруг такие существа здесь запрещены? Или их необходимо немедленно упокаивать? Возвращать прежним владельцам? Да и кот как будто старался никому не показываться. А вот мне доверял. И не бросил бы, наверное.

Мне было стыдно, но это только на один день и ради его же и моей безопасности!

Глупое сердце, вечно привязывается к тем, к кому не надо, безо всякой логики и перспектив! На земле у меня остались друзья и родственники, а я думаю только о странном безответственном парне с мутным прошлым и мёртвом коте. Дура, как есть дура!

Королевский дворец, кстати, значительно уступал Главному храму в масштабах, богатстве и изысканности отделки, никаких башен до Луавы и одуванчиковых барельефов. На мой очередной глупый вопрос, почему такая несправедливость, Март снова вытаращил глаза и предпочёл воздержаться от комментариев.

Внутренней вертикальной стеной храм, по словам моего в целом несловоохотливого сегодня друга, делился на две части: открытую, для посещений и молитв жителей, а также проведения служб (с частотой несколько раз в декаду дней по специальному расписанию), и закрытую, в которой проводились особые церемонии, наподобие той самой, подтверждающей божественное право наследника на престол и где, собственно, хранился фелинос — хранился десятилетиями до той поры, пока не появилась я. "Храмовый комплекс", включавший в себя жилища постоянно проживающих служителей и хозяйственные помещения и территории, располагался позади закрытой части.

По-хорошему, надо было попасть именно туда, вот только как, я ещё не придумала. Хотя Агнесса, простая небогатая лавочница, как-то же попала.

Был ушлый сообщник? Или она всё же наловчилась управлять своим донумом, утаив его ото всех? Впрочем, как могли не знать о таком родственники, та же тётка, как минимум есть-то Агнесса должна была мясо, а не то же, что все остальные!

А как лучше поступить мне?

Перед огромными арочными воротами, более подходящими для всегда готовой к осаде крепости, столпилась небольшая очередь, наводящая на мысли о металлоискателях и проверке посетителей бравыми секьюрити на предмет возможной террористической угрозы. Но всё было вполне благопристойно и мирно: охраны не оказалось вовсе, а входящие в храм просто тщательно очищали руки и лица холодной, кристально чистой водой из большого каменного резервуара-колодца, зачерпывая её внушительным деревянным черпаком. Люди продвигались неторопливо, умывались с чувством, но раздражения или суеты не ощущалось, было видно, что всё происходящее в порядке вещей, привычно и понятно. Заходишь в храм — очисти руки и промой глаза.

Когда дело дошло до меня, я торопливо склонилась над каменным краем колодца, стремясь укрыть в тени свою страшную, холодную и какую-то сизо-голубиную на вид кожу. Если я не разлагаюсь, то, возможно... мумифицируюсь?

А-а-а-а!

Сначала я вообще не хотела мочить руки и заморачиваться со стягиванием перчаток. Но какая-то коварная мыслишка не давала покоя: а вдруг в этом мире магии и мистики так можно всё решить волшебным магическо-мистическим способом? Искренней молитвой, например. Ну, вдруг. В богов я, конечно, не верю. Но на всякий случай не стоит злить Единую своими нечистыми ладонями и щеками, верно?

Вступив в храм, я застыла с полуоткрытым ртом, как папуас в метрополитене, и если бы не настойчиво подталкивавший меня в спину Март, так бы и стояла на пологе, глупо любуясь переплетениями высоких и тонких, как стебли, колонн, витражными, по большей части светло-сиреневыми и густо-фиолетовыми окнами различных размеров и форм, тёплым зеленоватым светом, струящимся, точнее, нисходящим с вершины одной из башен и холодным белым — с вершины другой. Статуи самой богини почему-то не наблюдалось, молитвенные скамеечки-стасидии скромно ютились у стен, а черный каменный пол матово мерцал, напоминая впавления в висках Марта или камни из артефакторного музея Высшей школы.

А вдруг весь этот храм — один огромный артефакт?!

То ли я просто нафантазировала себе, то ли действительно почувствовала что-то такое... особенное, сверхъестественное, но внутри храма всё воспринималось... иначе. Голова прояснилась и закружилась одновременно, меня крутануло в эйфорическом водовороте, глаза защипало, как в предчувствии слёз, а губы сами собой растянулись в идиотской истерической улыбке, похожей на оскал, словно после глотка высокоградусного алкоголя на пустой желудок.

— Здесь всегда так много народу? — прошептала я Марту, просто чтобы хоть что-то сказать.

— Сегодня служба, вероятно, последняя перед Венутой, — так же негромко ответил он. — Я редко сюда заходил, но предполагаю, что в обычные дни людей меньше.

Преодолевая накативший головокружительный дурман, я прошла вглубь. Пространство перед стеной, скрывающей от меня и прочих прихожан внутреннее убранство храма, было огорожено простой узкой бордовой лентой, которую бережно огибали проходящие мимо люди. «Жители здесь вообще в целом довольно миролюбивые, дисциплинированные и уважающие правила», — подумала было я, а потом приглушенные разговоры посетителей вдруг разом стихли, и в наступившей тишине я услышала протяжный и какой-то многоголосый скрип. Резко обернулась и увидела, как прихожане почти синхронными движениями стягивают к центру храмовой залы молитвенные скамьи, а потом опускаются на колени. Март дёрнул меня за рукав, видимо, не в первый раз — надо же, как зависла. Нельзя привлекать внимание, надо делать то же, что и все! Отмерев, наконец, я последовала за ним, механически ухватила одну из свободных стасидий, пристроилась в уголке и присела рядом, только потом подняв глаза на импровизированную пустую сцену.

Нет, уже не пустую.

На огороженном лентой островке пространства, расслабленно, непринужденно и одновременно очень уверенно стоял мужчина в свободной фиолетовой хламиде до пола.

Его длинные, как у Гэндальфа, волосы отливали сиреневым.

Глава 51.

Да нет, не может такого быть!

Я бросаю взгляд на лицо Мартена и в первый момент не узнаю его. Он смотрит на

верховного жреца с таким напряжением, как герои фильмов в закрытом пространстве — на бомбу с часовым механизмом. Десять, девять, восемь... Очевидно, что о возможном появлении лирта Веритоса он и понятия не имел, и даже не предполагал, и такой сюрприз моего некроманта явно не порадовал.

Интересно, какой у нашего фильма жанр? Драма или комедия? Есть ли у героев шанс?

В храме тихо, очень тихо, прихожане замерли у своих скамеечек, нечего и думать, чтобы двинуться сейчас к выходу. Как же мне так повезло-то?

А вот не надо было надеяться на Марта и на авось. Логично, что если храм — Центральный, Главный, то и службы тут будет проводить самый главный. Возможно, меня сбили с толку обычаи нашего мира, где так просто на службу к патриарху не попасть. А в Магре законы иные. Вон он, патриарх, и никаких покушений не боится, и стоит себе запросто, безо всяких "ролексов" и золотой парчи, даже возвышение не предусмотрено. Надо сказать, в чём-то мне мог бы и понравиться этот мир. Идеи у них тут в целом правильные, а вот человеческий фактор, как всегда, подкачал. Ну не приглянулся мне этот... лиловый, хоть тресни. И хотя ничего критичного он в принципе со мной не сотворил, а мог бы, наверное, забыть и простить жуткое ощущение беспомощности, когда твоё тело тебе не принадлежит, я так и не могла.

Странный закон человеческих привязанностей. Вот теперь моё тело мне принадлежит, а радости — ноль, но на виновника своих смертоносных злоключений я не злюсь и не боюсь его, а следовало бы.

Жрец всё говорил, говорил негромко, без пафоса, и напряжения в его позе и голосе не чувствовалось. Говорил о том, что вскоре великий праздник Венуты, и для кого-то из присутствующих он первый, для кого-то — последний, и о том, как разумно устроено мироздание, что божественная сила неравнодушна к смертным детям своим, не контролируя каждый мелкий шаг, она всё же не забывает проследить, достоин ли короны тот, кто станет следующим правителем Магра.

О возможных грядущих катастрофах, катаклизмах и собственно фелиносе не было сказано ни слова. Информация не для всех — зачем забивать умы простых жителей странными и страшными словами?

А вот Март, хоть его и не видел, знает. Возможно, об этом рассказывают определённой магической элите мира — обладателям донумов. Откуда же узнала Агнесса?

Я. Сейчас Агнесса — это я, раз уж я сюда пришла, надо попробовать в это поверить. Откуда я об этом узнала?

Неосознанно кивая размеренным, каким-то гладким словам жреца, я думала о том, что, судя по всему, о подтверждении божественного статуса юного Тиверна никто особенно и не беспокоится. Речь идёт только о факте наличия реликвии, а это наводит на мысли, что вся церемония, по сути, не более чем фикция, алмазные подвески французской королевы, не гарантирующие её верность мужу, но демонстрирующие факт соблюдения приличий.

Почему мне тогда так не по себе из-за этого праздника? Из-за всей этой ситуации?

Может быть, действительно, если я всё исправлю, то смогу вернуться обратно? В свою привычную реальность, в своё привычное тело?

Речь жреца журчала, как вода, вводя меня, смиренно опустившую лицо, в лёгкий транс, мысли кружились, подобно осенним листьям, падали в эту тихую воду. Мне казалось, что белый и зелёный свет, льющийся вниз с верхушек башен, сливается над чёрным каменным полом в единый световой поток, закручивается спиралями вокруг подола одеяния жреца. Я

всё ещё продолжала слышать его голос, но слова зазвучали другие, те, что он говорил мне в Винзоре:

"Фелинос содержится, точнее, содержался при Центральном храме Единой в Магристе. Десять служителей денно и нощно следят за ним, по двое, сменяя друг друга раз в сутки, один служитель назначается от храма, один выбирается Его Величеством... В ту ночь, когда реликвия исчезла, порядок был тот же... Служители короны приезжают к храму извне. Служители Единой, в свою очередь, постоянно живут в небольшом флигеле при храме... Королевский служитель прибыл извне, служительница зашла изнутри, по внутреннему коридору... вы пробрались во внутренний флигель храма, убили одну из служительниц, сбросили её тело в колодец, переоделись в её одежду, после чего дождались своей очереди служения, проникли в храм, убили второго служителя, точнее, думали, что убили".

Колодец. Колодец во дворе был другой, совершенно точно, не такой, как при входе. Меньше. Старее. Деревянный. Дерево потемнело от сырости и времени, но...

— Агнесса! — зашипел над ухом Март. — Агнесса!

— Что? — я непонимающе заморгала, пытаюсь понять, где я нахожусь, и что происходит вокруг.

— Ничего! Ты стала такой прозрачной-прозрачной, я подумал, что сейчас и вовсе исчезнешь!

Я в ужасе уставилась на свои руки, а Март фыркнул.

— Шучу. Но засыпать в храме всё-таки не надо. Вставай. Он уже ушёл, и нам пора.

Обстановка вокруг и впрямь изменилась — вместо почтительной тишины снова ровный гул голосов, люди оттаскивают скамеечки обратно. Я поднялась на ноги и отошла к стене, в неширокую нишу между двумя колоннами, прижалась лбом к каменному боку и не почувствовала ожидаемого холода.

— Мне надо проникнуть внутрь.

— Надо, кто же спорит, — Март, очевидно, нервничал, больше, чем раньше. — Но не сейчас, вы же можете столкнуться и тогда... Пойдём отсюда. Счастье, что он тебя не заметил.

Март потянул меня за локоть, но я упёрлась, сама не зная, почему.

— Мне надо внутрь. Я должна увидеть.

— Он сейчас там! Агнесса, не дури, пойдём отсюда!

— Будешь меня силой удерживать — заору, — сказала я, пытаюсь стряхнуть гипнотическую одурь.

— Нет, это я сейчас заору. С ума сошла?

— Возможно... Март, я всё понимаю, я буду осторожной, насколько смогу. Как долго мне ещё бегать ото всех, сам подумай. Ты прав, фелинос — единственное, что я могу попробовать обменять на свою жизнь и свободу. На нашу жизнь и свободу. Они все мне это предлагали: и жрец, и следователь, и вот теперь ты с этим своим незнакомым королевским некромантом. А я хожу кругами вокруг да около и ничего не делаю!

— Но почему именно сейчас?! — зашипел мне на ухо Март. — Давай придём сюда завтра! Давай придём хотя бы вечером! Если бы я знал, что сегодня здесь службу ведёт Верховный, никогда бы...

— Потому что сейчас, — я оттолкнула его руку и вздохнула. — Выходи на улицу, погуляй и подожди меня где-нибудь... А если я не появлюсь, просто уходи. Добровольно я вас не сдам, конечно, но ты же в курсе их методов. Про фелиноса я действительно не

помнила.

— Почему ты забыла? — совсем тихо спросил Март. — Что могло произойти? В смысле, когда меня посадили в Винзор, ты... ты была совсем другая. Я даже на тебя и внимания-то не обращал, да и ты ни с кем не разговаривала, но потом...

— Я тебе говорила, — тоскливо заметила я. — Говорила уже не раз, а ты мне не веришь. Ну же, посмотри на меня, Март. Разве я могла бы украсть такую важную для всей страны вещь, да ещё и убить кого-то?

— Одна Тирата ведаёт, — скорбно вздохнул Март, получил от меня щелчок по носу и улыбнулся печально и снова на мгновение перестал быть на себя похожим. — Нет, мне не верится в это, Агнесса, но все эти разговоры о потере памяти, о душе из другого мира... В них я не верю тоже. И я знаю, что когда нам очень-очень нужно что-то, когда от этого зависит наша жизнь или жизнь наших близких, любой из нас способен на многое. Практически на всё.

В его шоколадных радужках вспыхивали крошечные искорки, белые и зелёные. Луава и Стилус.

Я с трудом выгнала из сознания колодец деревянный и представила тот, в котором не так давно умывала лицо и руки: каменный широкий край, тяжёлый деревянный черпак. Выдохнула, увлекая Марта ближе к себе, в каменную тень, закрывая по возможности его спиной, протянула руку к лицу, погладила его по щеке.

— Если бы это было так... Если бы это действительно было так! — и, не давая опомниться, толкнула его в стену, не видя даже — ощущая, как под ладонями становится пусто. Снова заморгала и уставилась на голую стену перед собой.

Вдруг не сработало? А вдруг сработало, но не так, как надо было? И Март теперь не у колодца, а вообще неизвестно где?

И у меня так мало времени...

Я решительно повернулась, обошла прихожан — часть, вероятно, покинула храм после службы, людей было меньше. Кто-то сидел на полу, кто-то — на специальных, более высоких, чем стасидии, скамьях, кто-то бродил по залу — с мечтательной улыбкой или скорбью, беззвучно шевеля губами или закрывая ладонями лицо... Узаконенное безумие или общение с высшей силой?

Прошла ко всё ещё огороженной ленточкой сцене. Никакого иконостаса или его подобия, смутно знакомого мне по православным храмам, в которых я бывала в детстве, не было. Живописных изображений Тираты или каких-то иных в храме вообще не наблюдалось, хотя вот статуи же были, целых две и в публичных местах, так что запрета на визуализацию — или как там оно называется, как в исламе, не было. А за иконостасом скрывается алтарь, священное место, куда нельзя женщинам и некрещённым... Может быть, и здесь так же? Несмотря на всю видимую "демократичность" храма, вряд ли жрец оказался тут через общие ворота, значит...

Я взглядела в тёмно-серую стену с едва заметными золотистыми вкраплениями и серебряными разводами. На первый взгляд она казалась цельной, монолитной, как скала. Мысленно костеря себя на все лады — Март был бы доволен, что я хотя бы от себя это услышала — наклонилась и пролезла под ограждающей лентой, то и дело ожидая гневного окрика со спины. Подошла вплотную к стене — никаких трещин, никаких скрытых дверей. А если какая-то тайная кнопка, секретная панель или... Я трогала стену руками, пинала ботинком снизу — безуспешно. И вдруг нога не почувствовала под собой опоры, и внутри

всё мгновенно заледенело от ужаса перед падением. Однако я не упала и даже не оступилась — совершенно незаметный при беглом осмотре провал, даже не прикрытый крышкой: мягко утопающие в полу ступеньки с округлыми краями, как у тщательно, любовно обустроенного подвала наших соседей в деревне, где хранились овощи и всякие заготовки на зиму, а летом — шубы хозяйки.

Темно. Сыростью и овощами не пахнет, разумеется.

Охраны нет, как и везде.

А Март сейчас прибежит обратно, конечно, если я отправила его к колодцу, а не в какую-нибудь жуткую бездну междумирья.

Ну что они мне сделают, если поймают? Боли я не чувствую, умирать уже умирала.

И я начала спускаться.

Глава 52.

Это не подвал и не такое что бы уж жуткое подземелье. Просто проход в земле. Ступеньки узкие, но не скользкие, вполне удобные, перил нет, но и необходимости в них нет. Спускаюсь — трудно сказать, насколько глубоко. Вряд ли это тайный храмовый лабиринт с жуткими тайнами и бродячими монстрами, особенно если учесть, что его даже не потрудились запереть, просто подземный переход во внутреннюю храмовую часть — по крайней мере, так я себя уговариваю. Нечего мне бояться, уже — нечего, даже приступа клаустрофобии можно не опасаться — вполне просторно, можно вытянуть руки в стороны, встать на цыпочки и даже подпрыгнуть! Странно только всё-таки, что нет никакой защиты... Я остановилась резко, прикусила губу — и на автомате порадовалась, что ни боль, ни кровь мне не страшны. Путь, от земляного, хорошо утоптанного пола, до сводчатого потолка перегораживала густая, слабо мерцающая в темноте белёсая паутина.

То есть, не паутина, конечно, хотя наличие каких-то исполинских паукообразных, могущих сотворить подобное, отрицать нельзя — кто её, магрскую фауну, знает. Может, и есть пауки, огромные жуткие твари, непременно благославленные Тиратой. Но вязь полупрозрачных нитей, с которых лениво стекали и падали вниз мутные белые капли, почему-то скорее наводила на мысли о неких предусмотрительных людях, не желавших, чтобы в святая святых проникали посторонние.

Я застыла в нерешительности. Да, я мёртвая, бонусом к чему идёт тотальная анестезия, но представить себе как вот это вот влажное, липкое ворсистое нечто прилипнет к моему лицу, пусть даже больно не будет... Ну, нет. Кроме того, возможно, функция паутинного занавеса не столько в уничтожении неудобных гостей, сколько в предупреждении о попытке незваного гостя потревожить тиратоугодное заведение.

Тронь тонкую, как струна или леска, нить — и раздастся чудовищный вой магических сирен, набегут бритоголовые служители с вилами наперевес и потащат Камиллушку к самому главному, а тот будет опять укоризненно качать головой, не верить и изошрённо пытаться телепатическими внушениями.

Пролететь между струнами нечего было и думать, слишком тесно они были переплетены между собой. Мерзость какая, ну надо же. Если долго всматриваться, начинаешь различать мельчайшие, пушистые, как парашютики тараксумов, ворсинки: дышащие, пульсирующие, наливающиеся этой тошнотворной влагой...

И я спасовала, попятилась, развернулась — и едва не взвыла, обнаружив точно такой же паутинный занавес за спиной, вероятно, появившийся за несколько секунд моего промедления. Слева и справа каменные стены. Спереди и сзади сеть паутины. Сейчас она

меня опутает, окутает, сожмёт, спеленает в мокрый тугой кокон, а потом будет медленно переваривать, кусок за куском, пролезать, прорасти внутрь, и я, полностью лишённая возможности двигаться, но и не на тот свет попасть не имеющая возможности, смогу только молча наблюдать, как моя кожа стекает, подобно расплавившемуся воску, и впитывается в серебристое плотоядное макраме.

Я вжалась в каменный бок коридора, проклиная себя всеми известными мне словами, земными и местными. Хорошо хоть, кота не взяла. Вряд ли ему могли бы серьёзно повредить эти... тентакли, но кто его знает.

Паутина то ли придвинулась ближе, то ли разрослась, очередная капля сорвалась на пол, не удержавшись на тонкой извилистой струнке. Тирата, ну почему так-то?! Уж лучше бы тогда, от рук королевского мага-палача, всё как-то по-людски, лучше, нежели от иномирной пакости. А донум, как всегда, отказал, и никуда я не перемещаюсь. Или, может, он как мобильник, в глубоких подвалах не работает? Тирата, вон, из Винзора сигнал не ловит...

— Мррр? — раздалось вдруг, так буднично и знакомо, словно ничего страшного не происходило, и я открыла малодушно прикрытые глаза. За мохнатой пеленой сверкнул зелёный иллюзорный глаз.

— Брысь! Кыш! Уходи отсюда, ну же!

Кот моего благородства не оценил. Сел, интеллигентно обернул хвост вокруг лап. Хорошо, мол, сидим, душевно. Я тут, ты там, а между нами — штука такая забавная кольшется.

— Не трогай! — зашептала я. — Это опасно. Может, само растает, если не шевелиться. Вдруг оно реагирует на движения?

Кот, разумеется, не ответил и слова мои проигнорировал целиком и полностью. Посидел, поморгал, поскучал, пощурил глазища, подвигал чёрными бархатными ушами в такт движению паутинного полотна, а потом приподнял лапу, примерился, и, несмотря на все рациональные аргументы стоящего рядом хомосапиенса, стукнул подушечкой по отростку.

И тот лопнул, к потолку устремилась струйка едва заметного дыма, белёсая жидкость прыснула во все стороны.

Кот воодушевился и стукнул лапой ещё и ещё...

Я, затаив дыхание, смотрела на него. Возможно, никаких особенных способностей животное и не проявило, и паутина была безопасной, но мне отчего-то думалось иначе — или только хотелось думать? Ксамурр лопал лапой паутину, точно причудливо изогнувшиеся мыльно-молочные пузыри. Разумеется, до самого потолка он не доставал, но снизу было уже реально пролезть, не задев унылой ободранной бахромы. И я полезла — вперёд, потому что... просто потому, что мне показалось: так будет правильно. Обернулась к умертвию — кот облизывал лапу, немного брезгливо, слегка подёргивая тощим напряжённым хвостом. Завитушки шерсти казались чуть влажными, но и кости проступили отчётливее.

— Не так ты и прост, — сказала я. — Ты же меня понимаешь, верно?

Кот на меня даже не взглянул.

— Я была не права, что тебе не доверилась, — вздохнула я. — Зачем-то же ты есть. Может, ты мой хранитель?

Слова "ангел" магрский язык явно не предполагал. Ксамурр моргнул, презрительно.

— Ну да, какова подопечная, такие и ангелы, одни с белыми крылышками, другие

чёрные и костлявые. Эй, не обижайся, ты куда?! Пойдём вместе, раз пришёл?

Кот обернулся. Я выпрямилась, преодолев паутинную преграду, похлопала себя по бедру — жест, обычно понятный и собакам, и котам, если верить по моей скудной практике общения с хвостатыми.

— Идём?

И тут он вдруг вздыбился, словно заболевая сколиозом на быстрой перемотке, оскалился и зашипел, точнее захрипел, каким-то змеиным "Х-х-х". Попятился, а я вздохнула:

— Ну, нет так нет. В конце концов, ты свободное умертвие. И я — свободное умертвие. Надеюсь, ещё увидимся, — последнее лягнула ни с того, ни с сего. С чего мне на это надеяться? Кот растаял в темноте подземного хода, а я обернулась и медленно пошла дальше, на едва заметный свет. Больше никаких чудес мне по пути не встретилось, но я не питала иллюзий: люди порой гораздо страшнее, чем паутина. И, к сожалению, от удара лапой не исчезают.

Глава 53.

Врать я умею неплохо. Во-первых, моральных терзаний по поводу лжи, особенно «во спасение», не имею. Во-вторых, есть большой опыт. Родители у меня были замотанные бытовухой, нервные суетливые люди, отец по большей части из-за злоупотреблений горячительными напитками, мать, в свою очередь — из-за отца. Самое главное, что от меня требовалось — не мешать им, особенно, если поблизости не оказывалось бабушки, становившейся добровольным живым заслоном между ними и мной. И хотя я никогда и ничего злокозненного заранее не планировала, как-то само собой получалось, что правду говорить нельзя. Потому что мне всё время хотелось не того, чего я, по глубокому убеждению взрослых, должна была хотеть. И речь шла не о дорогих игрушках или опасных "взрослых" увлечениях, а о сущей ерунде.

— А вот если... — говорила маленькая Камилла, и мама поджимала губы. Она и сейчас так делает, когда спрашивает о моей учёбе, отношениях, работе и жизненных перспективах, не очень-то радостных и перспективных.

В раннем детстве я мечтала стать скульптором и кондитером одновременно, но попытки сотворить съедобную чудо-глину из муки, какао, творога и почему-то соды потерпели сокрушительное поражение. Парфюмера из меня тоже не вышло — папин коньяк, смешанный с мамиными духами и найденными на кухне специями, пах слишком изысканно для среднестатистического ценителя. А в засушенных травах из нашего двора завелись тараканы... Становясь старше, я обзаводилась новыми бестолковыми мечтами и продолжала пытаться более чем бестолково претворять их в жизнь, да ещё и мой особый дар находить неподходящих друзей приводил к разным казусам в виде поломок, опозданий и плохих оценок в школе. Честные объяснения родителей никогда не устраивали, и я училась врать. Так было проще.

А потом научилась врать даже самой себе.

И сейчас, глядя куда-то в сторону скрытых фиолетовой хламидой коленей неизвестно откуда появившийся женщины, я, даже не задумавшись, отчеканила как по писаному:

— Новая служительница вместо безвременно почившей лирты Сириш к вашим услугам, уважаемая.

Надеюсь, я правильно запомнила имя...

Здесь, во внутреннем дворике, если этим нелепым словом стоило называть весьма просторную территорию, на которой при желании можно было профессионально сыграть в

футбол или разместить полк солдат, пахло не морем — струганым пряным деревом и дымом. Я вдохнула, радуясь тому, что ещё хоть что-то чувствую — не вкус, не ощущения, не боль, так хотя бы запах. Думала ли я, что смогу когда-нибудь сожалеть об отсутствии боли?

Больше всего заповедное захрамовое местечко напоминало частный загородный военный лагерь, где смешались в равной степени аскетичная строгость и какой-то европейский комфорт. Чистая земля, явно заботливо подметённая, старательно сложенная поленница дров, аккуратная горка золотистых опилок... Однотипные двухэтажные домики, один одноэтажный, из трубы на крыше которого, вызвавшей ностальгию до спазма диафрагмы, валил дым. Исполинский храм закрывал дневную Луаву, двор пребывал в тени. Зато утром, наверное, здесь потрясающие белые рассветы.

Колодец из тёмного дерева, покосившийся, накрытый какой-то сетью сверху, немного дисгармонировал с окружающей его обстановкой. Я поспешно отвела взгляд — воспоминания были нужны, но, сказать по правде, я предпочла бы вспомнить что-нибудь другое, посмотрела наверх... А вот и дом, в котором, если верить рассказу жреца, живут особые служители, охраняющие фелинос — об этом красноречиво говорил длинный проход-коридор без окон на уровне третьего этажа, действительно соединяющий дом и глухую храмовую стену, такой каменный аппендикс, чудо местной архитектуры, вероятно, пропитанное магией — ни в архитектуре, ни в физике я не сильна, но как же оно держится без дополнительной опоры снизу...

Интересно, чем сейчас занимаются служители-хранители? Может быть, их распустили, взяв какие-то магические клятвы о неразглашении произошедшего? Или они терпеливо ждут, не расходясь, возобновления привычного порядка?

Я замерла у каменной стены, на всякий случай отойдя на пару метров в сторону от открытого чёрного проёма подземного прохода — побегов «в мир» и незваных гостей «из мира» тут явно не боялись. Выходить на пустое пространство, возможно, предназначенное для групповых, как у мусульман, молитв под открытым небом, публичной порки, обритуа голов или ещё для каких-нибудь важных целей, было страшно. Людей не видно, тихо, пусто — самое время что-то посмотреть, раз уж пришла, а я стою, словно пустила корни.

Только вот темнеющий поодаль колодец... Я втянула воздух, закатала перчатку, взглянула на серую холодную кожу, прекрасно гармонирующую по цвету с храмовой стеной.

Мотивация, которая, как праздник, всегда с тобой.

Я перестала противиться этому амбивалентному чувству: сопротивлению и притяжению одновременно. Последнее победило, и вскоре я уже стояла у края колодца, тоже почти такого же, как в деревне у бабушки, только раза в два больше размером, с металлической ручкой, блестящей от многократного использования, крышей, покрытой вырезанной вязью незнакомых слов, высоким корпусом мне по пояс. Верёвки на воротах — бревне не наблюдалось. В отличие от новеньких, каких-то отутюженных зданий, колодец буквально пах древностью. Я протянула руку, погладила сырой деревянный бок ветерана колодезного труда, сдвинула в сторону наброшенную сеть. На нее было неприятно смотреть: как наручники на руках заведомо невиновного человека. Задела ручку, ожидая громкого лязгающего скрежета, но она повернулась легко и беззвучно.

"Храмы всегда строили над подземными водами. Перво-наперво колодец ставят, уважить Единую, а потом уже камни таскают" — я отшатнулась, но голос звучал внутри, бесцветный, шелестящий. Голос из чужого прошлого.

Подул ветер, но всё вокруг меня было тяжелым, неподвижным: голая земля, каменные

здания, деревянный колодец с тяжелой сетью, ничего живого, трепещущего, дышащего, так что ветер убрался подобру-поздорову, оставив после себя какое-то томительное ощущение печали и тревоги.

Я набралась решимости и заглянула в пустую тёмную глубину.

* * *

Там не было... ничего. Ожидаемо не было, а что я, собственно, рассчитывала увидеть, женский труп, не убранный на всякий случай примерно месяц спустя со времени убийства?

В детективах моего мира говорится, что убийцы часто приходят на похороны своих жертв, вот и я пришла, не совсем на похороны, конечно, но тоже следую по накатанной. Каменные стенки колодца, убегающие вниз, темный круг, глубина, очевидно, приличная: вода не блестит, ничего не разглядишь. Жаль, нечего кинуть — у меня с собой никаких мелких предметов. Пахло не то что бы нектаром и амброзией, но и привычного по детству в деревне запаха затхлости не было.

Нет, правда, на что я надеялась?

Ветер снова подул в онемевшее лицо, я устало прикрыла глаза и тяжело облокотилась на деревянный край, не опасаясь заноз. Дыркой больше, дыркой меньше... Хотелось сдёрнуть с себя платки и накидки, а лучше раздеться догола, распуścić волосы, пока они ещё не выпали. Если так подумать, моя память — тот же колодец, где-то на самом дне которого скрывается разгадка, ответы на все вопросы. А возможно, там пусто, вода ушла безвозвратно — и такое бывает.

"Почему они не допросили эту несчастную лирту после смерти?" — вдруг подумала я. Могут ли мёртвые врать? Могут ли говорить? Возможно, служителей запрещено допрашивать...

Я наклонилась над колодцем, отпуская мысли, отдавая их ветру. Тихо. Грустно. Тревожно. Страшно. Жутко. Жутко до одури! Мне сказали, что никого не будет, никого не должно было быть! Ни разу сюда не приходила, но видела рисунок, нарисованный кем-то план, слышала более чем подробный рассказ, но не могу вспомнить голос говорившего... Иду по двору, вот как очутилась здесь — не помню, ладно, не важно. Подхожу к флигелю, открываю дверь... Вот так просто? Да, она не заперта, здесь не боятся воров, а зря. В жилой пристройке служителей царит тишина. Лестница, ведущая наверх, узкая, лакированные ступеньки поскрипывают под ногами. Пару раз едва не спотыкаюсь: очень темно, у меня нервы на пределе. Поднимаюсь в небольшой пустой коридор: две двери по бокам, видимо, в жилые комнаты, мужскую и женскую, впереди арочные двустворчатые двери — за ними ход в храм. Мне нужно туда. Стараюсь ступать осторожно, но пол всё равно скрипит, и петли открывающихся дверей издают почти мяукающий протяжный звук, от которого сердце в пятки уходит. Ни окон, ни светильников. Но я всё же различаю слабые очертания окружающих предметов, и...

Что-то мягкое, но упругое касается лодыжки, и напряжение прорывается коротким предательским вскриком. Внезапно распаивается одна из боковых дверей, в коридоре появляется женщина с небольшим подсвечником в руке, слабо освещающим её лицо: старше моего, голова обрита... Нет, мне же обещали, что никого не будет, как же так?! Женщина щурится, видимо, пытается понять, послышалось ей или нет, а меня просто парализует от ужаса: если она поймёт, что я чужая, если применит донум подавления воли, которым владеют все служители Единой... у меня нет от него защиты... а я не имею права попасться!

— Кто здесь? Лирта... Что..? — произносит женщина, каким-то хриплым булькающим

голосом, торопливо ставит подсвечник на пол, но я успеваю разглядеть её пересеченное кровавой полоской лицо: кажется, из носа жрицы резко потекла кровь. Несколько мгновений ей явно не до меня — обеими руками судорожно вытирает рот, размазывая кровь по щекам и подбородку, часто всхлипывая, как после длительных рыданий, а мои руки действуют сами, не спросив головы.

Тяжелый подсвечник, холодный на ощупь, гаснувшие перевёрнутые капли огня. Замах. Удар. Тирата, что же я делаю... Что я натворила?!

...Вода ударила в лицо, резко, гневно, и я пришла в себя, трясущаяся, как лист. Руки, казалось, ещё чувствовали удар, тяжесть обмякшего тела. Медленно-медленно я заставила себя оторваться от деревянного корпуса, вытереть лицо, действительно мокрое — и откуда только взялась вода, не из колодца же выпрыгнула!

Значит, Агнесса действительно виновата, ударила по голове эту несчастную женщину, случайно оказавшуюся в доме... И сообщник у неё явно был: кто-то рассказал о распорядке дня и описал путь, вот только этот кто-то был не всеведущ. Память расплывалась после внезапного прорыва, но вероятно, каким-то образом Агнесса умудрилась потом стянуть с женщины фиолетовую накидку и надеть на себя, стащить тело вниз по лестнице и доволочь до колодца, столкнуть через край вниз, а потом подняться за фелиносом. Понятно, что даже если королевские супер-мега-некроманты потом допросили беднягу, это ничего им не дало: лирты Сириш не успела толком разглядеть вора и убийцу, слишком уж вовремя у неё случилось это кровотечение... Ну и что это всё мне даёт? Ничего! Опять не то, опять...

Чья-то рука легла мне на плечо, и я чуть не вскрикнула, совсем как Агнесса в моём — её воспоминании.

* * *

— Новая служительница вместо безвременно почившей лирты Сириш к вашим услугам, уважаемая.

— Лирты Сириш? Вы? Откуда вы взялись?! — изумлённо спросила женщина, и, пока я судорожно соображала, что можно ответить на этот простой вопрос, предположила сама:

— Лирт Веритос выдал вам пропуск?

Я глупо заулыбалась и интенсивно закивала. А сейчас она попросит этот пропуск предъявить... Но служительница вдруг оживилась.

— Я была уверена, что до завершения празднования Венуты эти вопросы решаться не будут, нас предупреждали, конечно, что новую служительницу пришлют со стороны, но вы такая молоденькая, лирты...

— Аг... — начала было я, но тут же спохватилась и закончила. — ...илла. Да, мне говорили, что сроки будут другие, но потом так внезапно поступило приглашение, я даже не успела толком собраться! Надеюсь, вы мне всё покажете и расскажете, чувствую себя такой растерянной!

Курс молодого лжеца. Не так важно, что вы говорите, куда важнее — как. Говорить нужно доброжелательно, с искренним интересом к собеседнику и теме беседы. Желательно попросить о незначительной помощи, которую собеседнику будет нетрудно вам оказать и которая выставит вас — небезразличным, а собеседника — всемогущим. Эта методика не раз спасала меня на экзамене. Стоит только заранее заготовить вопрос, демонстрирующий желание разобраться в материале куда глубже обязательной программы — и готово. Работает не на всех, но частенько.

Вот и сейчас явно уставшая от бытовых забот и хлопот женщина, лирты средних лет с

приятным лицом и бритой головой, что, надо полагать, говорило о её не самом высоком статусе, кивнула мне куда благосклоннее:

— Разумеется. Я Стая. Лирта Агилла, так вы прибыли не из Магрисы, верно?

— Нет, хотя часто бывала здесь у дальних родственников, — скорбно сказала я. — Но вы же знаете, что в настоящее время у жителей небольших городов есть определённые привилегии, позволяющие получать столичные должности быстрее местных?! — женщина явно не знала, что было логично, поскольку сей факт я только что выдумала, но возражать мне не стала, и я продолжила. — Так страшно не справиться с порученными обязанностями, с возложенной ответственностью! Центральный храм, надо полагать, самое большой сооружение в Магре?

Отвлекать, уводить в сторону, демонстрируя заинтересованность, а не страх — всё просто.

— Самое большое, верно, хотя этому прекрасному строению всего около сорока лет, — лирта Стая махнула рукой на каменную громадину с видом заправского экскурсовода. — И на строительство ушло всего несколько годков, так быстро ещё никогда храмы не возводили! Впрочем, справедливости ради надо заметить, что прежде здесь тоже храм стоял, декад двенадцать как, один из старейших. Сперва маленький домик, потом пристройками обзавёлся, разрастался, ну а уж потом...

— Он прекрасен, — с воодушевлением подхватила я. — А этот нисходящий свет из башен, символизирующий единство двух начал!.. Тараксумы на стенах как живые! Колонны... ммм... внутренние колонны тоже совершенно очаровательны, да, такие... прекрасные колонны, как толстые, так и тонкие, демонстрируют... ммм... разнообразие мира! — в описаниях я никогда особо сильна не была, так что не стала себя насиловать. — Но как же я рада, что могу увидеть не только внешний фасад, но и внутреннее убранство. В детстве мне казалось, что служительницы живут прямо в храме, представляете?!

Ещё одна уловка лжеца — с улыбкой признаться в незначительной собственной слабости или глупости. Обычно это располагает собеседника и делает его куда более снисходительным. Вот и лирта, так неудачно подвернувшаяся, тоже не смогла устоять:

— Ну, что вы! Тирата заботится обо всех своих детях в равной мере, как можно не обеспечить хотя бы минимальный комфорт тем, кто является её заместителями в миру! Для служителей построено несколько жилых домов, каждый из которых делится на мужскую и женскую половину.

— Вот это да! — восхищаюсь я. — А в каком буду жить я? Вероятно там, где жила лирта Сириш? Что с ней произошло?

— Возможно, там же, — пожимает плечами моя случайная знакомая, уходя от прямого ответа. Судя по всему, на интересующую меня тему говорить она не желает, так что приходится проявлять "догадливость".

— Вероятно, чем ближе жилище к храму, тем более уважаемым считается его обитатель? Какой интересный флигель, там тоже живут люди? — неопределённый кивок, и я продолжаю, ощущая себя идущей по болоту с закрытыми глазами. — Флигель и храм даже соединены проходом!

— Всё узнаете со временем, — махнула рукой женщина. — Служители в храме занимаются различными обязанностями, всё будет зависеть от этого. Не обязательно случится так, что вы займёте именно место лирты Сириш и будете жить на её месте, всё решат верховные...

Она вдруг поколебалась и тихо добавила:

— Не то что бы я суеверна, но на вашем месте я бы этого и не хотела. Знаете, я сама родом из Мранта, у нас там старики поговаривали: надевая сапоги умершего, его смерть встретишь. Вы понимаете, лирта?

Улыбаться я перестала.

* * *

Разговорчивая Стая не собиралась оставлять меня в одиночестве. Мы обошли и рассмотрели с ней, казалось, всё: действительно оказавшийся баней домик с трубой, несколько складских помещений, общую кухню, прачечную, заглянули в один из жилых домов... Я продемонстрировала живейший интерес, но внутри постепенно, воронкой нарастала паника: время шло, новых воспоминаний не появлялось, Март находился неизвестно где, а Верховный мог объявиться с минуты на минуту. Наконец, я едва успела вставить свои пять магриков в образовавшуюся паузу:

— Огромное спасибо за увлекательнейший рассказ обо всем, лирта, но лирт Веритос просил после небольшого ознакомления подождать его снаружи, так что...

— В этом нет необходимости! — улыбнулась мне служительница, кажется, действительно проникнувшаяся доверием и симпатией к новенькой целиком и полностью. Для надёжности она ещё и придерживала меня за локоть. — Спустя декады две минут у нас состоится Третий, уже пятый сверх плана, представляете? Лирт Веритос обещал объяснить причины, но до сих пор у него не было возможности, он всегда так занят. Кстати, а как вы проводили его у себя?

— С надеждой на то, что однажды своими глазами увидим пример Верховного! — подхватила я, борясь с накотившим желанием и эту даму огреть подсвечником и выкинуть в колодец, если она не оставит меня в покое. — А теперь наши мечты сбудутся! Вот только если лирт просил подождать его снаружи, то в этом был какой-то свой резон, так что мне уже пора, я скоро вернусь, разумеется...

— Не только посмотреть, но и поучаствовать! — лирта Стая совершенно меня не слушала. — С вами поделятся стасидией и ковриком, не волнуйтесь.

Я огляделась в поисках спасения (или подсвечника) и к своему ужасу обнаружила, что на пустом поле стали появляться люди в фиолетовых балахонах, мужчины и женщины, в основном бритые наголо, но пара незнакомцев отсвечивала и лиловыми шевелюрами.

Похоже и впрямь коллективная молитва под открытым небом. И шансов на то, что проницательный лирт Веритос второй раз не заметит странную прихожанку, единственную среди присутствующих не облачённую в храмовую одежду, сводятся к нулю: непременно заметит, заинтересуется, и на этом мои прогулки закончатся раз и навсегда. Второй раз они так не сплуют, и даже не сказать, что это несправедливо — Агнесса действительно натворила дел. Что же мне предпринять?

Взгляд заметался туда-сюда: хаотично перемещающиеся люди ставили низкие деревянные скамейки прямо на землю, почти как там, в храме... Я отстранённо подумала о том, что взволнованными от пропажи реликвии и грядущего конца света они тоже не выглядят: деловые собранные люди на своём рабочем месте. Вероятно, о пропаже фелиноса вообще никому из рядовых служителей неизвестно, не зря же Стая не знает о причинах дополнительных молитв!

Мне надо переместиться, мне надо уходить отсюда...

— Принесу вам стасидию, — всё так же дружелюбно улыбнулась лирта Стая и наконец-

то ушла, а я попятилась — вроде бы никто не обращал на меня внимания — и, с трудом сдерживая желание перейти на бег, двинулась к подземному проходу. Только бы успеть выйти, только бы ни с кем не столкнуться по дороге!

Подземный проход, вопреки моим опасениям, был открыт. Едва не перекрестившись — но вовремя решив не гневить лишний раз Тирату, мало ли что, — я сбежала по ступенькам и буквально врезалась в чью-то широкую грудь.

О, нет.

Только не...

— Лирта?! — тихий, но отчётливый голос, лицо слабо различимо в темноте, но не узнать его я не могла. — Ну что вы здесь забыли, особенно перед Тритием, кто вас просил соваться в самое пекло?

И ещё один голос, за спиной, тоже, к сожалению, знакомый, до отвращения — именно в его исполнении я узнала в Винзоре историю своего преступления, а парой часов ранее прослушала целую речь о грядущей Венуте.

Верховный. Пока что он видит только мою спину, но вот-вот...

— Меня не предупреждали о вашем визите, Лигран, а ведь я настоятельно просил вас не заходить на мою территорию. С вашей стороны это так... опрометчиво.

Глава 54.

Напряжение, исходящее от Лиграна, ощущалось мною физически. Зрение быстро адаптировалось к темноте, и я, стоящая почти вплотную к нему, подняла глаза, не в силах отойти назад, потому что любое движение назад приблизило бы меня к жрецу, а между ними двумя я однозначно выбирала лирта королевского следователя. И сейчас я смотрела ему в лицо, понимая, что страха перед ним не испытываю вовсе, несмотря на все странности его поведения: тот момент, когда он прикасался ко мне в Винзоре, так неприятно, до тошноты, когда столь легко согласился с моим арестом, когда вышел из винзорского зала во время казни. Если бы не это мёртвое тело, я бы даже подумала... Но верить ему нельзя. Ни верить, ни доверять, как бы ни хотелось.

Правда, в данный момент у меня нет другого варианта, только замереть и надеяться на то, что следователь не сдаст особо опасную государственную преступницу, которая когда-то дарила ему успокоительные травы и заваривала чай, а теперь стояла ни жива ни мертва, уткнувшись носом в чёрную ткань плаща на его груди.

Лигран, конечно, не ожидал увидеть меня здесь. Выглядит он... неважно, впрочем, вряд ли удивление — единственная тому причина. Губы напряженно сжаты, по бледному гладкому лицу, такому картинно-красивому и правильному, пролегли тёмные тени, словно он не спал несколько суток подряд, кажется, на висках даже застыли капельки пота. Но голос звучит ровно, взгляд карих глаз с зелёными крапинками устремлён поверх моей головы:

— Прошу прощения за нарушение договорённостей, поверьте, что без особых на то причин я не пошёл бы на этот шаг, но сейчас, когда ни вы, ни мы так и не смогли отыскать девушку, а роковая дата приближается, я считаю, что не время обращать внимание на неподтверждённые предрассудки прошлого, и мы могли бы забыть прежние распри и недопонимания, объединиться ради общей цели. И в данном случае я выражаю не только свою личную волю, но являюсь непосредственным вектором королевского волеизъявления, так что...

Его речь, такая витиеватая и такая гладкая, как барельеф на стене храма, течёт ровно,

монотонно, усыпляюще, почти без пауз, так что прервать его вежливо не представляется никакой возможности. И в то же время между нашими телами проскальзывает его рука, пальцы, мазнув по шее, скуле, застывают напротив моего лба, близко-близко, не касаясь кожи, буквально в паре миллиметров. И даже своим онемевшим лицом и мертвой плотью я чувствую легкое покалывание и тепло, нет, уже не тепло — жар, исходящий от его руки. Он словно пытается меня погладить через невидимое стекло, пальцы порхают рядом со лбом, глазами, щеками, носом, губами, подбородком. Раскалившаяся кожа горит, плавится, вот-вот закапает на пол растаявшим воском.

— ... возможно, в знак временного вынужденного перемирия вы разрешите мне присоединиться к Тритию и от лица королевской фамилии вознести мольбу Тирате о скорейшем...

— Лигран, сейчас не место и не время, — голос Верховного приобретает обманчивую опасную мягкость. — Простите мне моё негостеприимство и излишнюю резкость, причины которой, впрочем, известны вам не хуже, чем мне. Прошу. На Третий всё же не приглашаю, но и стоять вот так...

Я, так и стоящая к лирту Веритосу спиной, не вижу, но чувствую, как он смещается, отходит в сторону, уступая дорогу, и впервые меня посещает мысль о том, что своим присутствием здесь я не только подвергаю себя опасности, но и дискредитирую следователя, который вроде как меня покрывает. Допустим, мне снова повезёт, и я удеру сквозь пространство, но вот Лигран! Жрец легко предъявит ему обвинение в пособничестве, а как же иначе: стоял рядом, словно любовничек на свидании, чуть ли не в обнимку, на помощь не звал, в темницу не тащил, будто так и надо.

— Лирта, — как ни в чём не бывало, обращается ко мне следователь. — Перестаньте смущаться, лирт Веритос вас не обидит.

Он меня... что? Не обидит? Не обидит?! Ну, да, убьёт пару разочков да попытает, сапоги предложит облизать или пальцы отрубить, сушая мелочь, какие могут быть обиды.

— Поднимайтесь, обсудим кое-что... приватно, — почти светски продолжает жрец. — К сожалению, больше пары декад минут выделить вам не смогу, но...

Лигран берет меня за плечи и, как куклу, разворачивает на сто восемьдесят градусов, подталкивает вперёд между лопаток. Никто не воздействует на мою волю извне, но я подчиняюсь — физически-то он явно меня сильнее, ещё не хватало, чтобы на руках тащил.

Вот сейчас он меня жрецу и презентует, в знак примирения, так сказать. Этот презентует, тот упакует, а потом они на пару помолятся Тирате о скорейшем возвращении фелиноса.

Я поднимаюсь по ступенькам, как на эшафот. Человек тридцать служителей замерли у своих стасидий, лирт Веритос стоит в паре метров от нас, ветер наконец-то отыскал объект для трепыханий: сиреневые волосы служителя, которому очень не хватает могучего посоха и бороды, просто какая-то мучительная незавершённость образа. Жрец равнодушно скользит взглядом по моему лицу, а потом совершенно спокойно обращается к Лиграну:

— Пойдёмте.

Лигран, закутанный в чёрный плащ, только подчёркивающий нездоровую бледность его лица, по-военному чётко разворачивается и следует за жрецом. Я невольно смотрю на его ботинки — они перепачканы в земле, словно он только что увлеченно выкапывал могилу, и это как-то диссонирует с его внешностью и характером.

Впрочем, откуда мне знать его характер! Дело вообще не в этом, а в том, что жрец и

следователь удаляются в сторону одного из домиков, не обращая более на меня никакого внимания. Вообще никакого! Лирт Веритос, он же смотрел мне в лицо, и ни малейшего узнавания не мелькнуло...

Тоже передумал меня ловить? Да нет, не может быть! Но тогда...

Кто-то осторожно касается моего плеча.

— Лирта Агилла?

Я оборачиваюсь, а бритоголовая Стая с удивлением отступает назад:

— Простите, лирта, обозналась, просто... да, простите.

Испытывая дикую, невероятно сильную потребность увидеть себя в зеркале или хотя бы судорожно ощупать своё лицо, я тем не менее сдержалась, пожала плечами и продолжила стоять, ожидая Лиграна.

А, наверное, надо бежать, это было бы единственно правильным решением, и если жрец по какой-то причине меня не узнал, то это невероятная удача, которой надо пользоваться и...

Но я почему-то стою и жду. А между тем служители тоже ждут, преданно, как сектанты — отца-настоятеля, замерев у своих скамеечек, глядя в небо или, что называется, внутрь себя. Спрашивается, чего бы им не начать уже молитву, можно подумать, лирт Веритос обеспечит Тирате какую-то особую слышимость...

Я жду, они ждут, тишина висит в воздухе, кажется, можно её пощупать, ветер затихает, а меня снова атакуют воспоминания и мысли, внезапные, словно призраки оголодавших летучих мышей.

Детство... мама... тётка... школа... лавка... травы... Лигран.

Мама болеет. Страх. Печаль, разрывающая сердце. Никто ничего не может сделать.

Чувство вины. Почему? Не знаю...

Злость. На кого? Не помню...

Может быть, на неведомого отца, который никак не помогал нам?

Куда Агнесса ходила по ночам перед тем, как украсть реликвию? Мог ли быть у неё сердечный — или постельный, как предполагала гневливая тётушка — друг? Не знаю. Внутри ничего не откликается, ничего не вспоминается, точнее — никого, кроме черноволосого юноши, которого я отождествила с молодым Лиграном, но во сне ни разу не назвала по имени.

Могла ли я встречаться с ним?

Пронзительный крик снаружи вырывает меня из дурмана мыслеобразов. Трясу головой, моргаю, ощущая, как снова начинает щипать и жечь лицо. Вокруг носятся служители, фиолетовые хламиды трепещут и хлопают, словно вся эта небольшая толпа решила устроить спонтанный спортивно-танцевальный флешмоб без музыки. Кто-то толкает меня снизу, и первая мысль о Ксамурре — неужели решил вернуться и таки сподвигнуть бестолковую хозяйку к побегу? Но нет.

Или — почти нет?

Под ногами у меня довольно бодро скакала безголовая курица — или, скорее, какая-то другая аналогичная птица, длинные крылья беспомощно топорщились в стороны, узкий хвост волочился по земле. Белые перья вокруг окровавленной шеи покрывала россыпь мелких рубиновых брызгов.

* * *

Я кричать и визжать не стала — одним мёртвым существом больше, одним меньше —

но и смотреть на кровавый и явно свежий сруб сил в себе не наша. Просто со свистом втянула носом воздух: так, спокойно, может, тут даже без магии обошлось, вроде бы подобные случаи описаны в истории... Но визг и сумятица среди служителей явно были вызвана не пернатой бедолагой: между перевёрнутыми стасидиями носилось кое-что покрупнее: мощная коротколапая лысая зверюга размером с крупного кабана, точнее... о, Единая! Две половины разрубленной зверюги, передняя, с крупной клыкастой мордой, торчащими ушами, и задняя, с изогнутым на манер баранки хвостом, которые, кажется, безуспешно пытались воссоединиться. Частично выпавшие внутренности волочились по земле. Вот тут меня замутило уже по-настоящему, и только с учётом того, что я уже несколько дней ничего не ела и не пила, мой желудок удержался от непристойного выворачивания наружу.

— Идёмте, — почти подбежавший ко мне следователь в последний момент оттолкнул меня в сторону от ещё пары обезглавленных птиц, слепо мечущихся на коротких когтистых лапах. — Лирта, да ступайте уже!

Я путаюсь в собственных ногах, но всё-таки беспрепятственно добираюсь до подземного перехода, спускаюсь вниз и останавливаюсь только перед паутиным занавесом. Лигран сдвигает меня в сторону, протискивается вперёд. При соприкосновении с его телом паутина лопаётся — не так, как у Ксамурра, неохотно, с отвратительным легким причмокивающим хлопаньем, извиваясь, будто разумные водоросли. Лигран отмахивается от неё рукой, а я торопливо следую за ним.

Мы снова оказываемся в храме — немногочисленные посетители косятся на нас недоумённо, но без особого интереса. Выходим на улицу, очереди нет и следа. Лигран подходит к каменному круглому колодцу, опускается на край, зачерпывает воды и плещет себе на лицо, а я несмело протягиваю руку и, преодолевая брезгливость и смущение одновременно, вытаскиваю несколько белёсых нитей из его волос, стараясь не коснуться чёрных прядей.

Паутинки беззвучно тают в моих руках.

— Сам разберусь. Хотите умыться? Нет? Ну, так идите уже... куда-нибудь, моя сумасшедшая лирта, — чёрт возьми, он это даже без доли насмешки говорит. Просто констатирует факт.

— Больно? — спрашиваю первое, что приходит в голову.

— Приятного мало. Как вы-то туда прошли?

Наконец-то позволяю себе ощупать собственное лицо — ничего особенного в нём нет.

— Больно? — да неужто лирт королевский следователь до сарказма всё-таки снизошел?

— Приятного мало.

Мы смотрим друг на друга. На измученном лице Лиграна не прочитать никаких эмоций. Надо сказать, юноша, которому Агнесса дарил травы, был куда более живым, хотя и столь же серьёзным.

— Рядом с вами я действительно ощущаю себя сумасшедшей, — жалуясь я вслух. — Почему лирт Веритос меня не узнал?

— Иллюзия, — пожимает плечами следователь. — Наложил быстро, грубо, неприятно, но другого выбора не было.

Да он на все руки мастер.

— Откуда взялись все эти... мёртвые животные?

— Не всё ли вам равно? — после секундной паузы говорит Лигран. — Очень скоро мир

не без вашей помощи канет в бездну. Считайте случившееся маленькой репетицией.

— Вы в это верите?

— Какая разница, во что я верю?

Мы снова молчим.

— Я пошла туда, чтобы попробовать вспомнить, — неужели я перед ним оправдываюсь? — Я ничего не помню, я хочу вернуть эту вашу реликвию, я действительно не желаю никому зла, я...

— Вспомнили?

— Нет.

— Жаль.

Он отжимает воду с прядей чёрных волос, стряхивает ещё несколько паутинных нитей с плаща. Чуть поморщившись, вытаскивает хищно впившуюся в щёку паутинку, вытирает пальцем мигом набухшую каплю крови.

— Вас не удивляет, что я жива? — не выдерживаю я.

— Что касается вас, меня теперь уже вообще ничего не удивляет. Идите, Агнесса.

— Вы совершаете должностное преступление, отпуская меня, — кажется, он прав, и я сошла с ума.

— Вас волнует моя карьера?

— В Винзоре вы выглядели куда более заинтересованным.

— А я сейчас не на работе. У меня выходной.

Нет, разговор вообще не клеится, никак!

— Спасибо, — говорю я. — Спасибо, несмотря ни на что, и...

— Пожалуйста. Вы бы не задерживались. Здесь людно.

Лигран поворачивается и... уходит. А я смотрю ему вслед, глупо, разве что рот не открыла. Не хочу, чтобы он уходил. Походка кажется такой знакомой... чёртовы воспоминания! Чёртовой Агнессе и впрямь нравился этот парень.

Да мне-то что?! Нет, нельзя дать ему уйти просто так, надо немедленно его догнать и спросить, о прошлом, о настоящем, о будущем, о своём состоянии, о королевском некроманте...

Из-за двухэтажного дома, зелёного, как крапинки в глазах следователя, чинно выходят стражники, человек десять, по двое. Выходят расслабленно, неторопливо, не похоже, что облава, но теперь бежать за Лиграном нечего и думать. Я отворачиваюсь и бреду прочь, злясь на себя, на него, на эту Агнессу, натворившую дел, на Марта, который неизвестно где, снова на себя...

Ксамурр нагоняет меня минут через десять, муркает, задирает вверх тощий хвост — и я сажусь на корточки, глажу костлявую голову, уже без малейшего отторжения.

— А может, это ты его послал ко мне на помощь, а? И всё остальное — не твоих ли лап дело?

Кот молчит, жмурится. Тычется лбом в ладонь. Ластится, как живой.

— Это наглость с моей стороны, но, может, ты и фегинос мне принесёшь? Другие питомцы хозяевам таскают придушенную мелкоту, но ты же необычный зверь. Принеси мне божественную реликвию, а, Ксамурр? Отдам Лиграну, пусть ему премию выпишут.

Я поднимаюсь со вздохом и иду вперёд, снова иду, не чувствуя усталости в мёртвом теле, только бесконечную усталость где-то в душе.

Глава 55.

С большим трудом, но всё-таки я выкидываю ненормального следователя, вдруг расхотевшего меня ловить и арестовывать, из головы.

Ну расхотел и расхотел, даже помочь решил, ну и что? Во-первых, у них со жрецом могут быть какие-то давние личные тёрки. Жрец хочет меня поймать и помучить, а Лигран ему в отместку не даёт. Во-вторых, это просто такой фатализм у человека. Будь что будет. На самом деле ни в какой апокалипсис он не верит, венценосные наниматели достали хуже горькой редьки, а пытаться слишком прыткую девчонку с проблемной головой ему удовольствия не доставляет, вот он и забил большой болт на это дело.

Ну и в-третьих, сегодня у него выходной, а завтра может оказаться очень даже рабочий день, и Лигран снова отправит меня в тюрьму или на казнь, еще и сам поучаствует. Без удовольствия, конечно, со вздохом, типа "хочешь сделать хорошо — сделай сам", но всё-таки... Как мне показалось, служба значила для него очень многое. Возможно, конечно, я и ошиблась.

Сегодня мне повезло, но обольщаться не следует. Нет у меня в Магре друзей и сторонников.

— К тебе это не относится, — зачем-то обратилась я к коту. — Ну, и может быть, к Марту. Знать бы ещё, где он сейчас.

М-да, идея с колодцем явно не сработала, впрочем, может быть, и к лучшему: если бы мой некромант оказался рядом, то мог бы полезть меня спасать, нарвался бы на Лиграна, жреца, восстание скотобойни, ещё бы и это ему, как некроманту, добавили... И всё же чем ближе я подбиралась к приюту, тем больше меня начинали грызть всяческие сомнения, тревоги, чувство вины и прочее.

...Ильяна брезгливо оглядела меня с ног до головы, и чисто по-женски, чего вроде бы раньше за мной не водилось, мне захотелось макнуть её головой в чан с прокисшим гороховым супом. Но я сдержалась, конечно.

— Добрый день! — лучезарно улыбнулась я сестрице, словно в насмешку надо мной, буквально сражающей наповал свежим румянцем на лице, пышными каштановыми локонами, чистым и даже праздничным платьем. А тут я. По большей части серо-фиолетовая, дохлая, частично порезанная и потрёпанная, как старая тряпичная кукла, укутанная в какие-то платки, пыльные, с брызгами крови по подолу.

На контрасте вместе смотримся мы, наверное, изумительно. Но чана с супом под рукой нет, да и худой мир лучше доброй ссоры, и вообще, даже за насмешливый взгляд с нотками превосходства и толикой жалости не убивают.

К сожалению.

— Март ещё не вернулся?

— Нет, — теперь ехидство сменилось беспокойством. — Откуда он должен был вернуться, вы же вместе ушли?

— Мы... разошлись. В смысле, пошли разными дорогами, — Ильяна подняла бровь, но ничего не сказала, а я обогнула её и стала подниматься по лестнице к себе в комнату. Милко плёлся за мной с совком и шваброй, совершенно, надо сказать, не магической, а самой обычной — тряпкой, намотанной на длинную, крепкую палку, и сдавленно, едва слышно ругался, замечая падающие с меня одному ему видные пылинки, шерстинки и окровавленные перья. Закрыв, наконец, за собой дверь, я стянула проклятушие тряпки, чувствуя себя реально свежевыкопавшимся мертвецом — сизые ноги и руки, и без того не особо широкие, исхудали на пятый день голодовки, живот буквально приклеился к позвоночнику. Ну хоть

волосы пока не отваливаются, и то хорошо.

В дверь постучали, и я, помянув всеу Тирату, хмыру и разных сакралей, завернулась в одеяло и открыла дверь. На пороге стоял хмурый Милко всё с той же шваброй и совком.

— На, пол за собой помоешь, чай, не королевская дочь!

— Истинные аристократы не гнушаются наводить чистоту! — гордо сказала я, но местный домовый, он же дворецкий, он же горничная, уже хлопнул дверью прямо перед моим лицом. Я кинула предложенные инструменты на кровать и задумалась.

Не королевская-то не королевская, но, может, всё-таки жреческая? Снова и снова перед мысленным взглядом вставала фигура Верховного. Если забыть о некоторой, вполне, кстати, объяснимой злокозненности в отношении меня, то он... ну, очень даже ничего мужик, а двадцать лет назад был ещё краше. И неглупый. А то, что отцовский инстинкт не разыграл, так у лиц мужеского пола это бывает.

Может, прийти с повинной и попробовать договориться? А если я ошиблась? А если он, поняв, что про фелинос я действительно ничего не помню и, вероятно, вспомнить не смогу, окончательно упокоит ненужную чужую душу в теле ненужной наследницы..?

В дверь снова постучали. Я чертыхнулась и опять схватилась за одеяло.

— Ещё не домыла! — на пороге стояла Ильяна с каким-то свёртком руках. Снова смерила меня презрительным взглядом от голых ступней до вздыбленной макушки. Вот чисто женский талант — ни слова не сказать, а так выбесить, что я сейчас и её телепортирую куда-нибудь.

— Переодеться тебе, — процедила сестрица, и, чуть поколебавшись, добавила. — С Мартом всё в порядке?

— Надеюсь, — я забрала скрученную в узел одежду. Ещё один узел, только на этот раз нервенный, свернулся где-то под рёбрами. Вот почему физической боли я не чувствую, а душа болит? А можно наоборот, а, Единая?

Ильяна фыркнула и захлопнула дверь, ещё резче и громче, чем Милко. Вот ведь противная баба, а при брате сущий ангел, глазками хлопает и губки бантиком скручивает. Не удивлюсь, если тот самый способ, благодаря которому она проникла в Винзор и собиралась вызволять несчастного арестанта, знаком ей давно и вполне привычен, зря Март совестью маялся. И вообще, такую к крокодилам, пардон, к голодным кваркам без магического сопровождения кидать можно — ваши кварки, вы их и спасайте!

Я сердито отшвырнула одеяло и взялась за совок и швабру. В дверь снова постучали, и я угрожающе трянула орудиями труда пролетариата всех миров: кто бы это ни был, сестрица или чудо в перьях, сейчас мало не покажется.

На пороге стоял взъерепененный Март и смотрел на меня, полуголую, синюю в пятнышко, лохматую и страшную, во все глаза.

...Тирата, хмыра и все прочие сакрали, вот почему оно всегда со мной так?

* * *

Справедливости ради надо сказать, что и Март выглядел не самым лучшим образом — растрёпанный и помятый, и одежда как будто с чужого плеча, однозначно не та, что была на нём утром. Но зато живой, невредимый и явно не из другого мира вернувшийся — и то хорошо. В полном молчании он сделал шаг ко мне, я отступила, а он прикрыл дверь за собой, тихо и осторожно, прислонился к ней спиной и продолжал меня рассматривать.

— Привет, — пискнула я и, на всякий случай, прикрылась шваброй. Ещё несколько дней — и я реально смогу за нею спрятаться.

Март продолжал молчать.

— Ну, это... рада тебя видеть. А я... гм... в общем, в храме была.

— Да что ты говоришь?! — язвительно, нараспев произнёс Март. — Ну и как тебе экскурсия?

— Да так, — почему-то говорить ему о произошедшем, особенно о Лигране, не хотелось. — Малоинформативно, на самом деле.

— А-а-а, именно поэтому Милко сказал мне, что у тебя платье в крови.

— Ну и кровь, и что с того, что кровь, не моя же, и я никого не... — тут я дёрнулась и вздохнула. — На самом деле, я кое-что вспомнила. Служительницу, которая охраняла реликвию, похоже, действительно убила Агнесса.

— То есть, ты.

— Не я. Агнесса!

Мы посмотрели друг на друга.

— Если хочешь, если ты мне не веришь, можешь меня сдать, — говорю я, медленно опуская швабру, направляясь к одеялу и снова в него закутываясь. — Это ведь шанс для тебя получить помилование и начать нов...

Март подходит ко мне и обнимает, порывисто и крепко.

— Ну, убила и убила, в души из другого мира я не верю, но все-таки считаю, что та девушка, которую я не знал, и та, которую увидел в стенах Винзора — это две разные Агнессы. Ты, конечно, немножечко умерла, но и как будто начала новую жизнь? — он утыкается носом мне в волосы. — Только, пожалуйста, никогда так больше не делай, а? Не надо меня никуда отсылать. Я чуть с ума не сошёл от ужаса, что ты пошла туда одна, тебя схватят, а я ничего не смогу с этим поделать.

Напряжённый, подрагивающий комочек нервов в моём животе постепенно расслабляется, словно теплеет, и вдруг мне становится хорошо-хорошо. Очень неуверенно — потому что мне кажется, что ему будет неприятно, противно — я тоже обнимаю Марта своими исхудавшими жуткими руками.

И не чувствую у него никакого отторжения, ни малейшего.

— Где ты был? — шепчу я. — Я хотела отправить тебя к колодцу, только и всего. А куда отправила на самом деле?

— Видимо, туда, где, по твоему мнению, мне самое место, — с какой-то обидой в голосе говорит Март.

— Неужели на кладбище?!

— Хуже! В дом утех лирты Клариссы!

От неожиданности я прыскаю смехом, а потом в голову приходит другая мысль:

— Так, погоди-ка. И ты только сейчас оттуда пришёл?!

Мысленно прикидываю прошедшее с момента телепортации время до настоящего момента. Да за эти часы можно было отдельный бордель по соседству построить!

— Сгинь с глаз моих! — угрожающе говорю я, нашариваю на полу швабру и наставляю её на растерявшегося Мартена. — Пошёл к хмыре, извращенец!

— Да ты чего, Агнесса! — вышеупомянутый извращенец пятится к двери. — Я просто головой ударился, когда переместился, потому что... а как в себя пришёл, сразу к храму побежал, искал тебя, а потом сюда! Честно!

— Лучше бы ты другим местом ударился, — злобно говорю я, а потом, уже оставшись в одиночестве, обессиленно прислоняюсь головой к двери, а Ксамурр муркает под ногами, то

ли утешает, то ли возмущается моей глупостью по-котовьи.

До праздника Венуты остается пять дней, не считая сегодняшнего.

Глава 56.

Пять дней до Венуты. Четыре дня. Три.

А я так ничего толком и не сделала.

Не вспомнила. Не решилась на побег из столицы, да и без новых документов, а достать их второй раз было проблематично, побег становился почти нереальным мероприятием.

Не ожила.

Тело практически потеряло чувствительность, каким-то чудом лицо ещё сохранило свой природный цвет, но всё остальное... Все эти дни я не пила, не ела и боялась засыпать, периодически всё же не засыпая, а будто теряя сознание, проваливаясь в какие-то омуты. Казалось, сон только приближает к окончательному разложению, а ещё мне снились кошмары. Иногда — вполне понятные, с учётом нынешнего состояния, о личинках мух и червей, облюбовавших нутро, прогрызающих моё несчастное тело, застывшее на пороге бытия и небытия. Иногда — смазанные, словно растушёванные сны, чьё авторство я уже не могла определить однозначно. Может быть, Агнессы, а может — мои?

Мне снились улицы Магрисы, покрытые разноцветной пышной растительностью, бескрайнее море, полное кварков и неведомых чудовищ, сладкое молоко ушастых гван в хрустальных бокалах, жрец, почему-то без лица, но с длинными сиреневыми волосами. Ксамурр, полностью превратившийся в кошачий скелет, весело скачущий у моих ног.

И Лигран. Лигран в лавке. Лигран с кружкой чая в руках. И уже однозначно только моё видение — Лигран, вытаскивающий магическую паутину из бирюзовых волос, а потом — Лигран, почему-то глядящий меня по макушке.

На моменте, когда он извлёк паутинку из моей щеки и пальцем стёр выступившую каплю крови, я проснулась, пришла в себя и долго глядела в тёмный высокий потолок.

Глупая Агнесса. И глупая я.

* * *

Март старался поддерживать меня, но в его глазах я всё чаще замечала отблески совершенно неподдельного, какого-то усталого отчаяния. Естественно, как дитя этого мира, он верил во все предсказания и не мог не бояться — трудно быть скептиком, если ты сам как минимум оживляешь дохлых крыс, а как максимум — превращаешь симпатичную тебе девушку в ходячий полутруп! Каждый день он выходил из дома утром и возвращался только вечером. Что-то пытался придумать, предпринять, кого-то найти, но — безуспешно.

Сегодня его тоже нет.

Милко ворчит по углам. С Ильяной, такой же затворницей, как и я, мы почти не общаемся, но иногда, когда я всё-таки выхожу из своей комнаты и случайно на неё натыкаюсь, ловлю на себе её взгляды. Снисходительные, подозрительные, насмешливые, презрительные, а иногда — откровенно злобные. И причину этой злобы я, с одной стороны, понимаю, а с другой — принять никак не могу. Ну не виноватая я, оно само так получилось!

Само-то само, но, тем не менее, единственный путь возвращения этой самой украденной реликвии — воспоминания тела Агнессы, а доступ к ним имею только я.

...Милко резко распахнул дверь, на этот раз решив, что со стуком можно не заморачиваться. Обозначился на пороге хмурый недовольным мохнатым столбиком. Хрипло прокаркал:

— Ужинать ступайте.

Никакие попытки объяснить полужомбированному полудворецкому, что я не ужинаю, не обедаю и не завтракаю, успеха не имели. Есть ужин — все обязаны быть. Впрочем, с учётом того, что делать мне абсолютно нечего, даже спуститься на первый этаж — тоже своего рода приключение.

Вот только сегодня Март задержался дольше обычного. И сидеть напротив Ильяны, тет-а-тет, в молчании лицезрея процесс поглощения пищи оной... нет, спасибо.

— Нет, спасибо, — озвучила я, и недовольный Милко, шумно похрюкивая, как кабан в дубовой роще, удалился прочь.

Ксамурр вылез из-под кровати, покрутился у ног, заглянул в глаза.

— Возможно, всё обойдётся, — сказала я. — Для Магра всё обойдётся. А для меня? Если апокалипсиса не случится, я не смогу продать эту хмырову безделушку, точнее, обменять её на свою жизнь, понимаешь?

Кот явно не понимал и не видел причины расстраиваться. Ну, конец света, так конец света. Нам с тобой какое дело? Эта наша жизнь — чем не жизнь?

— Ни один из наиболее вероятных вариантов меня не устраивает, — возразила я коту, села на кровать и принялась утащенным с кухни столовым прибором, напоминающим слегка мутировавшую деревянную вилку, расчёсывать волосы. Никто не позаботился о том, чтобы выдать мне щётку, но до колтунов дело пока не дошло, шелковистые пряди растрепались и поникли, но, как ни странно, не спутались.

Зато это успокаивало.

Я задумчиво уставилась на длинный локон — никогда бы у меня-настоящей ничего подобного бы не отросло, а как я мечтала в детстве о волосах Рапунцель! И какой удивительный всё-таки цвет, бирюза и соль с перцем.

Соль?

Присмотрелась лучше: между чёрных и бирюзовых волосков мелькали седые, совершенно белые. Ещё вчера их не было! И сегодня не должно было быть... А завтра станет больше.

Ксамурр прыгнул на высокий подоконник и почти слился чёрным кудрявым боком с чёрным стеклом. Зелёный глаз на этом фоне мерцал, как Стилус.

— Ты прав, — сказала я коту, хотя кот не мог быть ни правым, ни виноватым в силу полной своей безмозглости. — Пойдём.

Милко встал перед дверью, угрожающе пыхнув огнём — порушенного ограждения вокруг бывшего приюта он мне так и не простил.

— Пусти, — попросила я.

— Лирт не велел, — буркнуло нелепое создание. — Лирт сказал, пришедшая дряя дома должна сидеть!

— Мне надо.

— Не велел.

— Он мне не хозяин!

— А мне хозяин.

— Непустишь, с дверью то же будет, что и с забором! — пригрозила я.

— Попортишь дверь, спалю в головёшки, — набычилось существо.

— А хозяин разрешил?

— Хозяин велел дом охранять.

Я выдохнула, чувствуя, что тоже нахожусь на грани возгорания. Неужели силой

прорываться придётся? Запереть меня вздумал, з-з-заботливый, можно подумать, меня это остановит! Правда, я вроде бы давала слово никого никуда не телепортировать, но...

— Пусти её, Милко, — раздался высокий и резкий голос. Я обернулась и увидела стоящую в дверном проёме из столовой в холл Ильяну. — Пусти, пусть идёт.

— Лирт не велел... — уже довольно неуверенно, пасуя, протянуло вредное существо.

— А лирта разрешает. Пусть идёт, куда хочет, её право.

— Так опасно ж, пострадать может, — буркнул Милко.

— Пусть страдает. Не всё же нам от неё страдать! — сестрица развернулась, волосы и платье одинаковым плавным движением поднялись и опустились, а бесформенный привратник, потоптавшись у входа, вдруг фыркнул и отошёл в сторону.

— Ступайте, пусть лирты между собой выясняют, — сказал, как плюнул, и скрылся на кухне.

— Мрр? — выглянул Ксамурр из-за небольшой скамеечки у стены.

— Идём, — сказала я. — Время страдать. И получить ответы.

Глава 57.

В прямых лучах Стилуса кости Ксамурра проступают яснее. Я вытягиваю руку, тоже подставляю нереально зелёному лучу — нет, мои кости ещё не заметны. В преддверии ли Венуты или сами по себе, стражники исправно делали обход города, некоторые бросали на меня равнодушные, некоторые — заинтересованные взгляды, но мне было всё равно. Уже почти ничего не имело значения. Времени почти не осталось.

Удивительное дело, но я вдруг начала прекрасно ориентироваться в Магристе. Или, вернее, чувствовать нужное мне направление, не путаясь в концентрических кругах улиц и широких проспектах. Так или иначе, до дома и по совместительству лавки, где всю свою недолгую жизнь прожила лирта Агнесса, я добралась, не заблудившись, ведомая каким-то внутренним, почти кошачьим чутьём.

Ксамурр бежал рядом, то забегая вперёд, то отставая, а у дома вдруг насторожился, попятился. Глянул недовольно.

— Мне тоже не очень-то хочется туда идти, — доверительно сказала я коту. — Но у меня нет другого выхода. Не знаю, почему. Это её дом. Всё началось здесь.

Главное — гневливую тётку не разбудить.

Заходить внутрь я не стала, села на крыльцо, обхватила руками колени и закрыла глаза. Вспомнила, как Март шептал мне "вспомни, девочка...". Ксамурр сел рядом, буханка буханкой... Напряжённая, настороженная буханка.

Тело не требовало сна, а вот душа...

Казалось, я проваливаюсь в бездонный колодец. Виски заломило, но отныне боль меня только радовала.

* * *

— Эй, вылезай, я же знаю, что ты тут! — не в меру серьёзный черноволосый юноша приподнял скатерть стола, за которым сидел, а я, сидя на полу, смотрю на него снизу вверх со страхом — а ну как тётке пожалуется! — и каким-то новым, непривычным для самой себя благоговением.

Недавно мне исполнилось целых пятнадцать лет. И вдруг я стала замечать, что мир становится другим. Более ярким, хотя, казалось бы, куда уж ярче, более контрастным. Иногда по утрам любишь всех на свете, даже тётку, и Луава такая обжигающе-прекрасная, и сил столько, что кажется, я могу взлететь в воздух — говорят, раньше некоторые люди

помимо донумов Единой были облагодетельствованы и другими дарами мелких сакралей, кто-то мог летать, кто-то подчинял себе время... Сказки, конечно, но, хоть донума у меня и нет, иногда в них так хочется верить! А порой я просыпаюсь без сил, не могу подняться с постели, ненавижу себя и всё вокруг: лавку с вонючими травами, шумных и жадных покупателей, которых слишком мало, соседей и всё остальное... Даже на маму я злюсь — ну, сколько можно болеть и мучиться! Все наши небольшие деньги уходят на лентяя-целителя, снимающего её боли. Его тоже ненавижу!

Потом я сгораю от стыда за эти злые мысли.

А ведь помимо всего этого, я ещё думаю... о разном. О том, о чём не полагается думать. Например, о собственном теле, которое так странно меняется в последнее время. Платье стало тесным в груди, а ещё вчера мне захотелось мяса, чего вообще не должно быть. Но главное — это мечты о черноволосом любителе травяного чая, иногда вовсе недопустимые для порядочной лирты. Непристойные. О прикосновениях, о поцелуях. Совершенно внезапно я разглядела, как он хорош, и теперь не могу не ждать, ежедневно, томительно ждать, а когда он приходит, отчего-то нервничаю и прячусь.

Или вот так подглядываю, как сегодня...

— Вылезай, — повторяет лирт, и я, встрёпанная и умирающая со стыда, выбираюсь из своего укрытия. "Я ведь уже не ребёнок, а выгляжу хуже некуда", — это тоже совершенно новая, непривычная мысль. Дурацкие волосы в беспорядке, платье старое, нитки бахромой на подоле, на корсаже пятно. Поднимаю подбородок повыше — что ещё остаётся?! — и стою. В конце концов, ничего я такого не сделала, ну, залезла под стол, ну и что? Может, монета закатилась, а я искала. Правда, тётке без разницы, если покупатель нажалуется, мало не покажется. Но к крикам и колотушкам я привычная, не помру.

— Проводишь меня до проспекта? — неожиданно говорит молодой лирт и, не дожидаясь ответа, кладёт на столик ровную стопочку монет. Зеленоватых металлических квадратиков явно больше, чем нужно. Выжидаю несколько мгновений, а потом хватаю заранее заготовленный пакетик с травами для чая и догоняю его.

— От кого пряталась-то? — голос у него... добрый. Набравшись смелости, я поднимаю глаза — и вижу, как он улыбается. Удивительно, хорошо улыбается, по-доброму. Голова кружится, что-то ёкает в животе, хочется завертеться на месте волчком, но я только сдержанно пожимаю плечами.

— Обижают тебя дома? — снова спрашивает лирт. — Ты всегда такая грустная. Что тебя тревожит?

Я теряюсь от этих простых и одновременно — таких сложных вопросов. Что тревожит? О, многое. Начиная от пятна на корсаже и ниток по подолу и заканчивая здоровьем матери и будущем в целом. В детстве я обожала свою лавку, но сейчас... сейчас я вдруг задумалась о том, что хотелось бы увидеть в своей жизни нечто ещё.

Например, море. И кварков. До моря рукой подать, а я только издалека его видела. Просто мечтаю не думать о деньгах, болезнях и прочих бедах, а прокатиться на священном кварке, получить благословление Единой. Но не дай Тирата, тётка об этом узнает, хорошо ещё, если просто шлёпнет полотенцем по лицу, а ну как за метлу возьмётся?

А ещё меня тревожит он. Лирт Лигран, о котором я ничего не знаю, но без которого уже не мыслю себе жизнь. Такой красивый, и, наверное, умный, и сильный, и добрый. А вдруг я тоже ему нравлюсь, хоть немножечко? Позвал же он меня с собой и расспрашивает вот, беспокоится...

Но ответить искренне я не могу, смущение, стыд и страх словно склеивают челюсти! И я пожимаю плечами и молчу, мечтая провалиться под землю, или чтобы Луава испепелила меня на месте. Лирт касается пальцами щеки, подбородка, приподнимает лицо и заглядывает в глаза. И я чувствую, как на кончиках его пальцев проступают когти.

Донум. Конечно же, вдобавок ко всему у него есть донум! Ну, зачем я ему сдалась, безродная, бедная и бездарная?

...А вдруг всё-таки нужна? Уже несколько лет подряд он приходит именно в нашу лавку, хотя есть и другие, где выбор больше, и вот сейчас он так на меня смотрит, и... Если у него есть донум, вдруг он сможет помочь маме, хотя бы подсказать, к кому и куда обратиться? Конечно, Лигран и сам не богат, это видно, но...

Я почти-почти открываю рот, чтобы сказать это всё. Не знаю, какими словами и что конкретно, но — сказать!

Однако лирт Лигран начинает первым.

— Я переезжаю, Агнесса. Теперь буду работать в королевском дворце, я получил новую работу, очень... важную и ответственную, к тому же мне предоставляют жильё. Это довольно далеко отсюда, и возможно, первое время я буду ездить по всей стране, и работать нужно много, чтобы закрепиться и оправдать доверие, так что... я, наверное, ещё не скоро здесь появлюсь. Да и... есть ещё причины, не важно. Лучше, чтобы меня здесь не видели.

Когти едва ли не впиваются в кожу, но я задерживаю дыхание и боли не чувствую. Точнее, чувствую, но совсем не в подбородке.

— Мне так жаль, я очень... привык к вашим травам. И к тебе тоже, юная лирта. Ты ещё совсем ребёнок, а уже такая хорошенькая девочка. Вырастешь — будешь настоящей красавицей через несколько лет. Надеюсь, всё у тебя будет хорошо. Может быть, я... могу что-нибудь сейчас для тебя сделать? Устроить в школу или поговорить с твоей тётей, чтобы не обижала?

Стою, онемев от неожиданности и... "еще совсем ребёнок"? "Буду красавицей через несколько лет"?

— Нет, — это говорит мой язык, не я. — У меня всё хорошо. Ничего не нужно. Всего... наилучшего.

— Подожди! — он ухватывает меня за рукав и всовывает в руку что-то мягкое, тонкое, мнущееся.

Лист растительной бумаги.

— Здесь мой новый адрес и пропуск, — говорит Лигран. — Не потеряй, я прошу тебя, не потеряй его. Пожалуйста, Агнесса, если тебе будет нужна моя помощь — приходи, я сделаю всё, что смогу. А если всё нормально в твоей жизни сложится, лучше тебе меня забыть. У меня служба опасная.

У меня руки трясутся, и я прячу их за спиной. Только на обратном пути домой вспоминаю, что так и не отдала ему пакетик с травами, и гневно вытряхиваю их в ближайшую канаву. А потом кусаю себя за запястье.

«Совсем ещё ребенок!»! Чего ты ждала, Агнесса?

Чего бы не ждала, а уж точно не тётки, которая вернулась с рынка так не вовремя, злющая, как хмыра. Отвесила мне оплеуху — за оставленную без присмотра лавку и мать. За всё хорошее — то, что бессовестная иссайка и драя, неизвестно от кого нагуленная, и чем старше, тем хуже, хотя и в колыбели уже ясно всё было. А потом вырвала из рук заветный листок и порвала на клочки, бросила в очаг — мол, ещё одного младенца уже от

племянницы ей не нужно, сестры хватило, тут не дом утех, чтобы невесть от кого письма хранить.

Вместе с бумажными обрывками будто горела моя первая любовь, чуть дымя, скукоживаясь черными струпьями на углях.

— Лирт, лирт, мне бы вас только на пару слов, прошу вас! — высокий хмурый мужчина средних лет смотрит на меня сверху вниз. Я стою на пороге, глядя на него снизу вверх.

Не уйду.

— Мои услуги дорого стоят.

— У меня мать умирает, лирт. Сегодня вся подушка была в крови. Первый раз такое.

— А от меня вы чего хотите?!

Чего я могу хотеть от человека, которого Тирата по недоразумению наделила донумом целителя? Ох, нет, нельзя так говорить. Не Тирата виновата, что у кого-то из её детей сердце твёрже, чем броня кварка. В чём-то, конечно, он прав — за бесплатно работать никто не хочет.

Но ведь я отдам! Просто чуть позже.

— Тебе лет-то сколько? — внезапно голос неумолимого собеседника, лучшего целителя во всей столице, чуть смягчается, а я торопливо отвечаю:

— Две декады.

— Уже?! А выглядишь младше.

Ну, что поделать. Какая разница, как я выгляжу, в конце-то концов!

— Юная, красивая и без денег — так не бывает, лирта, — с непонятной насмешкой говорит целитель. — Знаешь, могу посмотреть твою мать. Могу и излечить, если Единая даст своё благословение. Но не за просто так.

— Столько, сколько вы просите, у меня сейчас нет. Но я отдам, я клянусь! Я работаю, лирт. У меня лавка с травами. Всё отдам!

Не совсем у меня, у нас с тёткой, но об этом уже знать ему необязательно.

— Какой дивный цвет — как цветущий полевой киртан, — хмыкает целитель, и медленно проводит пальцами по волосам, запускает в них пальцы, касается голой шеи, я отшатываюсь, но он стискивает пряди в кулаке так жестко, что я только испуганно вжимаюсь в землю. Привычка, выработанная годами общения с тёткой: если больно, надо замереть и не сопротивляться, а то хуже будет.

— Вы женаты, лирт, — жалко выдавливаю я из себя, его жену и двоих детей я видела, когда приходила в прошлый раз.

— Верно. Но в доме любовных утех лирты Мелинды можно задёшево снять комнатку на вечерок, даже если приходишь со своим товаром.

— Вы что такое говорите! — что-то внутри меня скручивается от ужаса, тяжёлое и холодное, как лаполасты кварка.

— Что слышала. Один вечер — и жизнь матери. Возможно, я просто дурак, и следовало бы вышвырнуть тебя прочь, но пока ты такая свежая и сладкая, как первое молоко гваны, было бы жаль не распробовать. Придёшь? Два раза предлагать не буду, учти, лирта.

...только-только утром я стояла у Королевских ворот. Но без пропуска стражники и говорить со мной не стали, а когда я попросила позвать лирта Лиграна, захотали в голос. Может, про дворец и королевскую службу он мне соврал? Или просто всё изменилось, пять лет прошло, как-никак.

Опускаю глаза и гляжу на свои руки, сжавшиеся в кулаки. На едва заметный бурый след на манжетах старого застиранного платья — испачкалась, пока меняла бельё матери. Вспомнила, как горело послание от Лиграна в очаге пять лет назад, как мать задыхалась от кашля, как вопила тётка. Можно подумать, один вечер с этим твартом-переростком меня убьёт.

— Приду. Адрес скажите.

Целитель смеётся.

Глава 58.

Из дома я выбираюсь через окно — дверь слишком сильно скрипит. Стилуса не видно за облаками. Выбираюсь, стараясь не издать ни одного звука — мама за стенкой притихла, кашля не слышно, тётка не стучит кухонной утварью, зато мои зубы стучат друг о друга так, словно хотят вколотиться в дёсны. Сердце бьётся о рёбра.

Раз уж решила — нечего тут дрожать, как тараксум на ветру. Сожми зубы, возьми себя в руки — и иди.

"А если обманет?"

Не знаю, что тогда, просто не знаю. Нельзя исключать и такой возможности, но у меня нет больше времени ждать, и вот это тело сейчас — не более чем товар, прав лирт целитель. Я знаю, что красивая, и мои волосы с их редким цветом привлекают внимание. Сейчас Лигран уже не сказал бы, что я ребёнок.

А значит, нечего, как ребёнок, ныть. Поною потом.

Спрыгиваю на землю, замираю на миг, прислушиваясь. Ещё не так поздно, но в это время я одна никогда не ходила в город. Мимо проезжают редкие повозки, прогуливаются степенные семейные пары, давшие обеты Тирате. Под низкими сводами таверен шумно радуется жизни подвыпивший народ. Стражники скучают под резными фонарями.

Никто не обращает на меня внимания.

У одной из таверен неподалёку от дома утех лирты Мелинды мы и договорились встретиться с лиртом целителем, так цинично продававшим жизнь моей матери.

Его ещё нет, и я, зябко закутавшись в шаль, переступаю с ноги на ногу у входа. Двери призывно открыты, доносится гортанная музыка, пышет теплом. Очередной порыв ветра ударяет мне в лицо солёной морской свежестью.

"Лучше бы к морю пошла"

Схожу ещё. В этот миг я поднимаю лицо к пасмурному хмурому небу и клянусь Тирате непременно сходить к морю после того, как пройдёт, закончится эта ночь.

Лирт целитель, тоже закутанный в плащ, появляется, когда я уже испугалась — или обрадовалась — что он не придёт вовсе. Деловой и какой-то суетливый, он прихватывает меня за локоть и тянет за собой, я едва успеваю идти — он очень высокий, а у меня колени дрожат.

Никогда до этого не была в доме утех, да и слышала-то только от тётки, убеждавшей, что там мне самое место и рано или поздно кроме как там, такую, как я, нигде и не примут.

"Самое место — вот я туда и иду", — с неожиданной злостью подумала я. Как тогда, во время прощания с Лиграном пять лет назад, задрала подбородок повыше. Сжала пальцы — ногти впились в кожу так остро, будто и у меня были звериные когти, как у обладателей донумов.

Дама, встретившая нас у входа, была сама любезность и обходительность. Да на рынке

неподалёку от моего дома торговки больше хамят! И обстановка неожиданная — строгая и простая. Некоторую фривольность помещению придавали нарисованные на стенах тёмно-бирюзовые киртаны.

Так, с неестественно приподнятой головой и руками, сжатыми в кулаки, я и стояла, пока лирт целитель и хозяйка дома любовных утех — элегантная, дорого одетая лирта средних лет — обсуждали что-то вполголоса, так и поднялась по лестнице на второй этаж вслед за своим спутником, так и замерла у двери. Комната в противоположность холлу была пышно и довольно безвкусно украшена — в голубых, зелёных и серебряных тонах. И кровать под стать обстановке — большая, мягкая, возвышающаяся над полом всего-то на каких-нибудь пол-локтя.

Не мне судить о вкусе.

— Когда вы к матери придёте? — хрипло спрашиваю я. — Завтра?

— Послезавтра, — он совершенно буднично снимает свой безразмерный плащ, аккуратно складывает на прямоугольной подставке у стены — чтобы не помялся. — Завтра весь день занят, приёмы. У меня дни на четыре декады вперёд расписаны, но послезавтра, так и быть, освобожу вечер.

— Мои родные не должны ничего понять.

— Мне это и не нужно, — он, наконец, справляется со своим плащом, так же поделовому, словно ведёт приём, подходит ко мне и начинает снимать шаль с меня. Расстёгивает платье. — Мне нужно не это.

А я смотрю на нарисованный киртан на стене. Смотрю и смотрю. Не отрываясь.

* * *

Не я.

Агнесса.

А я — я — сижу на деревянном крыльце своего — чужого — дома и тоже трясусь, как тараксум на ветру, а Ксамурр нервно бьёт костяным хвостом по деревянным ступеням.

Воспоминания, безжалостные, острые, впившиеся в мою память, как кровососущие насекомые, не отпускают. Мне кажется, даже если я вернусь в своё земное тело, в свой мир, они останутся со мной неотъемлемой, неотделимой частью.

Несмотря на то, что я до сих пор не понимала эту иномирную девушку, что я отчётливо помнила, как она без малейших колебаний волокла лирту Сириш к колодцу, несмотря на какую-то совсем уж бессмысленную стихийную ревность к ней, её смиренное мужество, не особо умное, не принесшее в итоге никакой пользы, внушало невольное уважение.

И сочувствие.

Моя родная тётя, та, что оставила мне квартиру и уехала в Хорватию за любовью всей своей жизни, обожала современные любовные романы, их после её отъезда остался целый шкаф. Иногда, особенно за завтраком, я брала наугад и читала — с того места, на котором книжка откроется. Очень часто героини этих книг "распробовали" физическую любовь в процессе, даже если пресловутый "процесс" начался с насилия и сопротивления. Мне эта идея не нравилась, но опыта подтвердить или опровергнуть "чудесную магию прикосновений и ласк" у меня не было. Вроде как телу должно это нравится.

Агнесса ничего не распробовала. Ей было противно.

И мне — находящейся в её теле, с головой окунувшейся в её болезненные, какие-то липкие воспоминания, было противно, до рвотного спазма, до судорог в горле.

Она запомнила всё, до мельчайших деталей — и теперь я не знала, как это забыть. Лирт

целитель не был жесток, он не причинял ей боли намеренно и болью не наслаждался, но боль, безусловно была, — сухая, саднящая. Был запах его чужого, чужеродного тяжелого тела, потного после долгого трудового дня, такой кислый и пряный. Жесткие тёмные волоски в скрытых под одеждой местах. Слюни, торопливые поцелуи. Его вкус, неприятный, с горчинкой. Её руки, безвольно опущенные по бокам. И мучительно, бесконечно тянущееся время, киртаны на стене, пересчитанные на три декады раз.

И когда дверь вдруг распахнулась, резко, с оглушительным треском, а лирт целитель позаячы метнулся в угол, прикрываясь подушкой, комичный и омерзительный одновременно, Агнесса так и осталось лежать первую декаду мгновений, глядя на стену с бирюзовыми незатейливыми цветками, не чувствуя ни страха, ни облегчения, понимая только одно: всё это было зря.

И значит, нет смысла двигаться, вставать, что-то делать, оправдываться, прикрывать обнажённое и грязное тело, нет смысла ни в чем совершенно. Всё было зря, всё это было зря. Только когда такое знакомое, такое красивое лицо с правильными ровными чертами склонилось над ней, и она заглянула в карие с болотными крапинками глаза, Агнесса поняла, что бывает и хуже.

Конечно, бывает.

Глава 59.

Я поднялась с крыльца травяной лавки и по совместительству дома Агнессы и пошла по направлению к морю. Направление определяла интуитивно — и безошибочно.

Пусть я уже была на побережье, даже покаталась на кварках, как мечтала Агнесса, но мне отчего-то захотелось очутиться там снова — просто в память о ней.

"Не хорони её раньше времени, — сердито сказала себе. — Кто знает, может, она разгуливает сейчас по твоему городу, живёт в твоей квартире и в отличие от тебя бесконечно радуется свободе ото всех этих людей, каждый из которых любил её по-своему, но ни один не сделал счастливой?"

Воспоминаний становилось всё больше, а дней — всё меньше. Отчего-то казалось, что собственно фелинос и кража одного не оставили в душе Агнессы такой ощутимый след, как тот вечер, когда они встретились с Лиграном в доме утех. Судя по всему, Агнесса так и не узнала, что именно привело королевского следователя в местный бордель не раньше и не позже, а именно в самый неподходящий момент: то ли донос об употреблении запрещённых законом дурманящих веществ, то ли — те самые свидания "со своим товаром", поскольку жрицы продажной любви состояли на строгом королевском учёте, и встречи с нелегализованными дамами на территории домов утех категорически воспрещались по ряду причин, то ли что-то ещё, но судьба жестоко посмеялась над несчастной маленькой лавочницей. Лигран вошёл именно в ту комнату, где была она.

Голая, чувствующая себя бесконечно грязной, понимающая, что после такого целитель никогда к её дому не подойдёт и на полсотни декад шагов, Агнесса всё же заставила себя подняться. И хотя глаза следователя, который тут же отвернулся, выгнал всех забежавших за ним стражников, вытолкнул судорожно что-то причитающего целителя и бросил ей на кровать платье и шаль, остались совершенно бесстрастными, она, одеваясь, прикусила щёку, и только ржавый вкус крови во рту немного привёл её в чувство.

"Слишком много крови на сегодня", — подумала Агнесса с истерическим смешком, впрочем, не прорвавшимся сквозь плотно сомкнутые губы. Кровь матери на платье. Её собственная кровь. И если она хоть что-нибудь понимала в когда-то бедном студенте, а ныне

королевском следователе Лигране, толика крови сладострастного целителя несомненно прольётся тоже, и не безболезненно для последнего.

Не сказав ни слова, она оделась и встала около кровати, неловко прикрыв одеялом постыдные пятна на простынях, мечтая только о том, чтобы остаться одной, вымыться и уснуть.

— Девку с волосами, как киртан, куда девать, лирт следователь? — крикнул кто-то за стенкой.

— Девушку отпустить, — холодно ответил Лигран. Голос он не повышал, но его слышали.

— Но...

— Отпустить.

Рассматривая пол под ногами, Агнесса прошла мимо Лиграна.

— Стой.

Остановилась, так же безжизненно, как заводная кукла. Лигран подошёл к ней и сунул в руку небольшой, но тяжелый мешочек.

Монеты.

— Иди.

И она спустилась по лестнице мимо стражников, сидящей на кожаной софе лирты Мелинды, и пошла к себе.

Мать дотянула и до утра, и до следующего дня, когда Агнесса нашла другого целителя, не такого именитого и даровитого, как первый, но лучше, чем их местный, и оплатила полученными от Лиграна деньгами его визит. Мать он не вылечил, конечно, но состояние ей облегчил, правда, честно предупредил, что ненадолго.

Агнесса была рада и этому.

* * *

До моря мы с Ксамурром дошли к самому рассвету. Сели на песок и смотрели на медленно выкатывающуюся Луаву.

— Вот и море, — сказала я, будто обращаясь к Агнессе, которая не могла меня слышать в силу её отсутствия в этом теле, но мне почему-то было важно это сказать.

Волна накатывала за волной, самая обычная вода, чуть пенящаяся, умиротворяющая. Свежий солёный воздух. Бедный Март, ищет меня, волнуется, надо идти обратно. Жаль, что он тоже не хочет — или не может — мне поверить. Ему я могла бы рассказать обо всём, довериться, может быть, поплакать без слёз, уткнувшись в шею. Кот — это хорошо, вот только животное — оно и есть животное. Кот не ответит, а Март бы меня обнял, утешил. Согрел бы, даже в этом теле.

Лигран помнил ту Агнессу, настоящую, а Март... был только моим.

Ксамурр внезапно вздыбился коромыслом и зашипел, точнее — беззвучно, но гневно открыл зубастую костяную пасть. Опытным путём было выяснено, что никаких звуков, кроме отрывистого мурканья, кот издавать не способен.

— Ты чего опять? — я протянула руку к костяной спинке, инстинктивно желая успокоить, погладить, но кот против обыкновения не дался — отскочил в кусты, полосу густой рубино-зелёной растительности, идущей по кромке дикого пляжа, но при этом неотрывно смотрел на меня.

— Я так не понимаю! — пожаловалась я, поднялась на ноги, нехотя, сделала шаг в сторону кустов...

И внезапно упала лицом в прохладный влажный зернистый песок, руки и ноги перестали слушаться.

Не-ет, нет, нет, только не это, Единая!

Белые лучи Луавы потускнели, почернели, словно внезапно наступило полное затмение.

* * *

Кажется, над моей головой больше нет неба, а только каменные своды, до зубного скрежета напоминающие Центральный храм Единой. Я моргаю глазами, пытаюсь понять окончательно: храм или небо? Небо или храм?

Взгляд с трудом фокусируется на неторопливо приближающейся фигуре. Фиолетовое жреческое одеяние, длинные сиреневые волосы, размытый овал лица. Жрец.

Хмыров верховный жрец!

Чёрт, чёрт, чёрт! Где же ты, вездесущий супергерой-следователь, где же ты, необыкновенный донум разрывателя пространства... Но следователь, похоже, не просто взял выходной, а ушёл в отпуск до апокалипсиса, что же касается донума, на моей шее — тяжёлый каменный ошейник, очевидно, тот самый, из мезонтита, блокирующий магию. Руки и ноги я чувствую, а вот двигать ими не могу.

— Здравствуй, Камилла.

Сначала я дёргаюсь просто от звука. Потом — от того, что меня назвали по имени, моим настоящим земным именем! И только после осознания этого факта приходит новое.

Голос — женский.

Глава 60.

Сначала я грешу на своё туманное состояние, на то, что слух, как и зрение, ещё не вошёл в норму. Но картинка в глазах постепенно проясняется. Пол фигуры, теперь повернувшейся ко мне спиной, в силу бесформенности фиолетовой хламиды и универсально длинных сиреневых волос, не определяется, но если я ещё не сошла с ума, это однозначно не голос лирты Веритоса. Низкий, глубокий — но женский голос.

Если только жрецы не двуполы, как и их богиня...

Незнакомый голос — и в то же время где-то я его уже слышала, определённо. Не в храме, ни в первом, ни во втором, и не...

Пошевелила пальцами ног, пальцами рук, поморгала глазами, попыталась покрутить головой — голова не поддавалась. Не парализована, но и подняться не могу. Надеюсь, я лежу не на алтаре и отвернувшаяся неведомая лирта в данный момент не натирает канифолью ритуальные кинжалы для умерщвления несчастной девственницы и вызова Тираты, так сказать, во плоти для принесения личных извинений по случаю утери её любимой игрушки?

Чем дольше я лежу, тем больше мне не нравится эта идея. Агнесса, вообще-то, уже точно не девственница. Но всё остальное кажется, к превеликому сожалению, весьма вероятным. Пытаюсь откашляться и заговорить — но из открытого, почти оскаленного от усилий рта не вылетает ни звука, как давеча у Ксамурра. А жрица, уже заочно определённая мною в безумные ритуалистки и специалистки по чёрной магии, внезапно оборачивается — и мой безмолвно кричащий рот распаивается еще шире.

Не только голос, но и её лицо мне знакомо.

Земля.

Мой родной город, родной дом, соседний подъезд.

Камилла, ещё на все сто процентов землянка Русланова Камилла, а никакая не лирта Агнесса, пробирается в квартиру бабы Вали, чтобы попытаться забрать с балкона

проклятушего кота своей подружки.

И незнакомая женщина без возраста, с такими странными сиреневыми волосами, правда, на тот момент, убранными в тугой пучок, сидящая на диване, её холодный, неприятный, просто продирающий до костей голос: "А что это вы, милочка, в чужом жилище делаете?"

* * *

Теперь я удивляюсь собственной невнимательности, какой-то невероятной наивности и беспамятству: как же я могла забыть о той, из-за кого я фактически попала в другой мир? Почему не связала странный цвет волос незнакомки, несомненно, привлечший моё внимание в самый первый момент, с фирменной "изюминкой" внешности жреческой касты Магра? Почему, обдумывая и продумывая перспективы своего побега из этого прекрасного, необычного, яркого, но недружелюбного ко мне мира, не вспомнила, а как, собственно, я умудрилась сюда попасть?

Не знаю!

Может быть, кто-то, как и предполагал лирт Веритос, действительно поработал над моей памятью?

Хмыров Верховный. Значит, он всё знал с самого начала. К чему тогда был этот допрос и всё прочее, если он был в курсе, что я — не Агнесса?

И вообще, сейчас ошейник из мезонтита должен снять все наложенные магические внушения, разве нет? Почему я всё ещё не могу говорить и шевелиться?

— Меня зовут лирта Хорренда. Верховная жрица Единой. Предполагаю, что тебе может быть не известен тот факт, что у богини должно быть два верховных служителя, мужчина и женщина. В отличие от своего названного брата я не люблю публичности и редко показываю своё лицо. Но, возможно, в этот самый миг ты поняла, что мы уже знакомы. Впрочем, наше знакомство было поверхностным и состоялось далеко не при самых радостных обстоятельствах. Видишь ли, Камилла, многое из того, что мы планируем, разворачивается, осуществляется своим собственным путём, ведомым одной Тирате. Единая сотворила наш мир, но миров множество, и обустроить Магр должны мы, слабые, смертные и несовершенные существа, лишь некоторые из которых наделены донумами милостью творца.

Это я как раз уже слышала, от жреца, почти слово в слово.

Женщина склонилась надо мной, мягкая фиолетовая прядь коснулась моей щеки, и мне отчего-то стало противно, как если бы это было пушистое, но не менее мерзкое насекомое.

— Мы все это знаем, даже ты, иномирное дитя, это знаешь — вижу по глазам. Однако мы не всегда верим в те знания, что не добываются нами, а даются просто так, ни за что, с рождения. Как ты уже могла, вероятно, убедиться, многие здесь не признают иные миры. И не живут по заветам Тираты.

Лирт Хорренда взгляделась в меня и, чуть помолчав, кивнула.

— И я, что таить, на своём жизненном пути их нарушала. Мне жаль тебя, девочка, особенно жаль в твоём нынешнем состоянии — уж, по крайней мере, в нём-то я не виновата. Конечно, и ты ни при чём. Но теперь говорить об этом уже поздно. На твоей шее кольцо из мезонтита, не надейся улизнуть раньше времени. Как ты уже поняла, донум внушения — далеко не единственное, что мы, служительницы Единой, можем. Нам, женщинам, воплощениям главной половины Тираты, могут быть доступны несколько донумов, а также и другие таланты. В частности, я увлекаюсь кое-какими зельями и потратила немало лет на изучение процесса их создания и нейтрализации. Не магия — чистая физиология. Скоро

действие настойки пройдёт, ты сможешь говорить и шевелиться, а пока я просто хочу, чтобы нашему разговору ничего не мешало. У тебя такие выразительные чистые глаза, в них видны все твои эмоции, чувства и даже мысли.

Что бы ты ни думала, моей вины в твоих злоключениях не так много, как вины этой хмыровой приبلуды Агнессы. Что, ты со мной не согласна и тебе жаль девчонку? Вижу, жаль. Вероятно, память её тела оказалась сильна, и ты познакомилась с ней, а потом и привязалась? Не стоит её жалеть.

Лирта Хорренда обошла лавку — или всё-таки каменный алтарь? — на котором возлежало моё неподвижное тело — и присела на невидимую мне скамью. В этой точке мягкий белый свет, струящийся с потолка храма, падал ей в лицо, и оно, такое гладкое и ровное и одновременно такое парадоксально старое и уставшее, казалось театральной маской.

— Я долго искала нужную мне девчонку. Существо с очень редким донумом... Нет, моя дорогая Камилла, речь идёт вовсе не о разрывании пространства, отнюдь. Вероятно, ты будешь удивлена, но умение разрывать пространство и перемещаться — мой донум, а теперь — и твоя способность, девочка из иного мира. Что, ты хочешь сказать, что у вас не бывает людей со способностями? Да, но, видишь ли, пока я перетаскивала тебя, первый и, надеюсь, последний раз в жизни, вероятно, невольно, поделилась своим донумом с тобой. Не знаю точно, как это сработало, раньше мне не доводилось заниматься подобным. Но это не так уж важно, хотя пришлось за тобой побегать, кто бы мог подумать. Что же касается Агнессы, у неё была другая способность. Мы, жрецы, не могли прочитать её память, совсем. Не могли заставить рассказать о том, о чём она не хотела вспоминать. Словно... Впрочем, не важно.

Я нашла такую девчонку и её слабое место, да тут и искать было не надо — всё лежало на поверхности. Момент был на редкость удачным. Её мать умирала, а девчонка так трогательно попыталась её спасти, отправившись с целителем в дом утех. Я немного скорректировала её планы. Эмоции. Эмоции могут быть такими полезными, и речь сейчас далеко не только о донумах, хотя и о них тоже.

Верховная жрица снова наклоняется надо мной.

— Ну, не надо злиться. Бескорыстная помощь возвращает, я думаю, именно поэтому боги не вмешиваются в жизнь людей, хотя, безусловно, могли бы. Я всего лишь попросила девчонку об одной услуге, а взамен обещала исцелить её мать. Она даже не потребовала у меня ничего для себя, можешь такое представить? И я не обманула бы её. Возможно, даже приложила бы все усилия, чтобы её вытащить, хотя — нет, ну ты подумай! — в тот момент она была готова к тому, что не вернётся. Но...

Ну, да, ну, да. Небольшая услуга, конечно! Чего тебе понадобилось, интригантка ты престарелая?! Власть над этим маленьким миром? Над королевской династией? Месть? Попытка экзальтированной сектантки выйти на прямой диалог с богиней? А чего ж ты тогда сама не спёрла-то фелинос? Явно имела же массу возможностей. Впрочем, в любом из миров все горазды таскать каштаны из огня чужими руками.

— Но, — продолжала лирта, отведя взгляд от моего лица и потому, видимо, не отреагировав на бушующие во мне мысли, — Эта вздорная хмыра вдруг вздумала стащить фелинос. Кто бы мог подумать, да она вообще не могла о нём знать! Зачем он ей понадобился, зачем? Я выполнила бы свою часть сделки, мне это было не трудно! Кто просил её трогать реликвию? Ты, дитя из иного мира, тебе не понять... — женщина вдруг сгорбилась, и по мраморно-гладкой коже побежала сеточка морщин-трещин, словно рябь по

воде, голос стал тише, глуше. — Никто иной не тронул бы реликвию, от которой зависит мир в мире. Конечно, сейчас-то каждый с радостью потянет на себя край лоскутного одеяла мира и власти, попытавшись заполучить утерянный фелинос, но... зачем девчонка украла реликвию? Кто успел перехватить её после меня? Или до? Кто?!

Я смотрела в её глаза, такие тёмные вначале, постепенно, с каждым сказанным словом бледнеющие, теряющие цвет, пока радужка почти полностью не слилась с белком, и уже ничего не понимала, совершенно ничего!

Лирта Хорренда не просила Агнессу красть фелинос. Верховный жрец — тоже. Король, судя по известному мне своему представителю Лиграну — тоже! Тогда кто и зачем? Новое неизвестное лицо, иностранные шпионы? Конкурирующие притеснённые сакрали?

— Мне не нужны твои глупые мысли! — прошипела лирта, её маленькие цепкие руки вдруг с силой сжались на моём горле, ошейник расстегнулся и звонко цокнул о каменный пол, когти бескровно и безболезненно прокололи кожу. — Мне нужны её воспоминания! Я не могу их прочесть, а ты, думаю, — можешь. Зачем Агнесса взяла фелинос и куда дела?! Её схватили, она не могла вынести реликвию из храма, значит, либо спрятала, либо передала кому-то. Отвечай, или я тебе голову оторву...

Нашла, чем напугать! Но, чёрт их всех побери, и правда — зачем? А если, ну... королева изменяла мужу, и знает, что фелинос не подтвердит права наследника на престол..?

— Нет! С наследником всё в порядке! — взвыла жрица. — Прекрати думать и гадать, просто вспомни!

Легко сказать, можно подумать, не это я пыталась сделать все последние дни. Самое близкое из того, что "вспоминалось", из увиденного глазами Агнессы — убийство лирты Сириш, когда Агнесса шла в храм. Она хотела украсть фелинос, а зачем, для кого, куда — этого не было в её мыслях, совсем. Стоп!

Да и фелиноса, пожалуй, что и не было. Она шла в храм, что-то ей было нужно, но что..?

— Не было, — горестно подтвердила жрица, читающая мои мысли по глазам. — Выходит, она и тебя обманула. Я посылала её за книгой с заветами Тираты, это был отвлекающий маневр, разумеется...

В смысле — и меня обманула?

— Я не разбираюсь во всех этих грязных некромантских шгучках, — жрица почти безразлично убрала руки с моей шеи. — Знаешь, легенда гласит, что Тирата раздавала донумы как ценные дары своим любимым детям, а донум воскрешения из мёртвых был не даром, а наказанием единственного нелюбимого дитя. Жрецы Тираты не любят некромантов, ибо только Единая может отнимать жизнь и наделять ею, а те, кто осмеливаются идти против её завета — прокляты и при том высокомерны, словно они равны богине. И ты проклята проклятым. Скоро твоё тело, некогда такое прекрасное, будут жрать черви... Но если бы ты...

Я не слушала ни угрозы, ни обещания — в них не было ничего нового. Действие зелья, из-за которого тело не слушалось меня, постепенно проходило, первой вернулась речь, хрип вырвался из всё ещё полуоткрытого рта.

Если жрице не был нужен фелинос, что, что ей было нужно? С какой целью ей понадобилась Агнесса, чью память потом не смогут прочесть, когда поймают?

— Помоги Магру, а мы поможем тебе. И отправим назад. Всё просто.

Всё просто... всё должно быть просто...

— Когда Агнессу схватили, та несла всякий бред. Выдать нашу договорённость она не

могла, я об этом позаботилась, Веритос не мог прочесть её память, да и добрался он до неё не сразу — следователь постарался, чтоб его хмыра разорвала. Веритос не добрался, а я добралась. Но и я не могла прочесть её память. Знаешь, — лирта Хорренда наклонилась ко мне и произнесла почти доверительно. — Вокруг меня всегда были одни мужчины. Они сильны, но глупы, слишком однобоки, прямолинейны и склонны целиком полагаться на свои донумы. Я так никогда не полагалась. Как я уже говорила, и помимо донумов есть столько возможностей, если открыть глаза! Зелья. Иные миры. Мне нужна была подходящая душа из другого мира, и её добыла — вы даже внешне очень похожи, это важно. Нашла тебя. Разозлила и напугала — в таком состоянии всё прошло проще. Дала время освоиться, посмеялась над беспомощностью этих идиотов вокруг. И вдруг — ты исчезла, ты украла не только тело Агнессы, но и частичку моего дара! А потом они отправили тебя на казнь, невысказанный бред оскорбленного мужского самолюбия, ущемлённого какой-то безродной девицей. Эта иссайдка Агнесса сильнее их всех вместе взятых. Даже теперь, когда её душа либо разорвана в клочья, либо зависла в междумирьи, она не даёт мне...

"Всё просто" — продолжало стучать в моей голове, и с каждым стуком давление нарастало, а тьма рассеивалась. Губы, жёсткие, сухие, как подошвы старых кроссовок, шевельнулись, разомкнулись:

— Лирта Сириш... Вам надо было убить её, верно? Всё... просто. Но зачем? Почему? Вам нужен был убийца, которого никогда не свяжут с вами, вот и всё. Столько сложностей из-за одной смерти. Агнесса... не знала, что во флигеле кто-то будет, вы сказали ей, что никого... Но лирта Сириш — была. Фелинос не при чем, вы просили Агнессу... — память выплеснулась внутри ворохом хлопающих, как вороньи крылья, страниц воспоминаний. — Просили забрать книгу, а она столкнулась со служительницей, и сама не поняла, почему схватила тот подсвечник... маленькое внушение, о котором не узнал верховный жрец, тот, кто мог заставить всех сказать правду, кроме Агнессы, а та и правду не знала, и выдать воспоминания не могла. Когда появилась я, лирт Веритос уже ничему не верил и в воспоминаниях не копался. Лирта Сириш? Но зачем?

Тогда, увиденная мельком в воспоминаниях Агнессы, перепуганной, напряженной, служительница показалась мне немолодой, но сейчас я понимала, что ей едва ли исполнилось сорок, а вероятнее всего, было тридцать с небольшим. Обычная женщина, обычное лицо... Я уставилась на замершую рядом Верховную, сравнивая черты.

— Дочь? — предположила я, вспомнив свои измышления о себе и жреце. — Дочь, которая вдруг узнала о родстве, недопустимом для Верховной жрицы, и принялась шантажировать вас? Угрожать? Но сами пачкать руки и гневить свою богиню не желали?

Рябь морщин застыла, и лицо жрицы застыло, словно сломанная глиняная маска.

— Ты всё равно умрёшь, ты уже мертва, — сказала она, как-то устало. — Раньше этого мира или вместе с ним — не всё ли равно? Ты тоже не знаешь, где фелинос. Ты бесполезна.

И она вдруг толкнула меня в бок обеими руками, да так, что я, только-только начавшая ощущать свои несчастные конечности, свалилась с каменного алтаря и покатилась колбаской по полу. Движение это продолжалось недолго: тугие волокна пространства раздвинулись, разомкнулись и вытолкнули меня прочь из каменного храма. Желудок подскочил к горлу.

...возможно, лирта Хорренда не собиралась меня убивать, последовательно, хоть и извращённо воплощая в жизнь идеи о соблюдении завета Тираты, похожего на подредактированное "Не убий" (если только тот, кого ты убиваешь, не сделал ничего

плохого, например, не пырнул ножом изменника мужа или некачественно выполнил королевскую задачу — тогда можно). Возможно, жрица просто собиралась перенести меня на тот пляж, откуда похитила — и промахнулась на сотню декад метров. Я вывалилась не на сырой песок, а словно взмыла над морем — этакая хрипло голосающая чайка с онемевшими слабыми крыльями.

А потом я рухнула прямо в солёные волны, бирюзовые, как и волосы несчастной Агнессы.

Глава 61.

Плывать я умею.

В бассейне. По-лягушачьи, брассом.

Ну, в смысле, не только в бассейне, конечно же, но я никогда не плавала в бурном диком море, по словам Марта, полном каких-то ядовитых, плотоядных, жутких существ, из-за которых даже местные-то жители не рискуют сюда соваться, а пляжи почти пустынные.

А если учесть, что руки и ноги после хмыровой отравы не в меру талантливой хмыровой Верховной ведьмы двигаются с огромным трудом...

Единая, сейчас я нахлебаюсь воды и пойду ко дну! И пусть я мёртвая, но это, знаете ли, две большие разницы: ходить мёртвой по суше или лежать на дне иномирного океана, постепенно разбухая от воды. И никто не говорил, что местная подводная жуть — гипотетические исполинские акулы, гигантские спруты, кровожадные рачки и кто там ещё — побрезгуют падалью. Меня будут поедать, а я, возможно, ещё и понаблюдаю за процессом!

Я судорожно забила, стараясь не вдыхать воду, стряхнуть предательское оцепенение тела и удержаться на поверхности, а волны подбрасывали меня, как мячик. Бедное моё тело, что ж ему так не везёт! Берега не видно, Луава немилосердно слепит глаза, над головой — небо, и только в этом, пожалуй, я могу быть уверена на все сто процентов. В какой-то момент собственная рука показалась мне чем-то чужим, то ли змеёй, то ли муреной, и тогда я заорала — на море, на небо, на себя и всех остальных, так, как не орала, пожалуй, никогда. Будь они все прокляты!

И вдруг... дикие американские горки волн вдруг присмирели, словно кто-то выключил невидимый волнообразующий механизм, а руки, напротив, стали относительно дееспособны. Я замолотила ладонями по невероятно гладкой водной поверхности — словно секунду назад и не было никакого шторма! Даже море тут какое-то... ненормальное. Неужто Тирата и впрямь услышала, и всё, что было нужно — просто до неё докричаться?! Принялась грести, сперва не понимая, в каком направлении нужно двигаться, а потом всё же увидела узкую золотистую полосу берега вдалеке. Может, всё же удастся выйти и из этого приключения, ну, если не живой — какая ирония! — то хотя бы относительно целой? Конечно, безумная жрица права — так или иначе, осталось мне недолго. Но если я не могу повлиять на сам факт собственной смерти, по крайней мере, постараюсь поучаствовать в выборе её места и прочих обстоятельств.

Вода полностью успокоилась, отстоялась, чистейшая, прозрачная, как стекло, у поверхности и пугающе тёмная ниже. Кто его знает, какая тут глубина... судя по всему, не маленькая. Так, не будем концентрироваться на неведомом и страшном, тем более, что изменить ничего не получится. Глубина иномирного океана от меня сейчас никак не зависит, а значит, надо думать не о ней, а только о берегу, приближающимся с каждым рывком. Почему я так медленно плаваю! Не человек, а топор с ножками и ручками, честное

слово. Вернусь на землю — снова запишусь в бассейн, нет, возьму частные уроки. И на какие-нибудь боевые искусства. И ещё куда-нибудь, на курсы выживания в экстремальных условиях... К черту экономику, психологию и политологию, вот так окажешься в океане — и на что они тут сдались?

Не доплыву. Боли и усталости не чувствую, но движения рук сами собой становились всё медленнее, а толща воды будто уплотнялась с каждым рывком. Может быть, я давно уже просто безуспешно пытаюсь сдвинуться с места, а приближение берега — иллюзия воспалённого сознания?!

Тёмная тень отделилась от пугающей бездонной черноты и недвусмысленно скользнула ко мне, огромная, метра три — а я поняла, что вот прямо сейчас даже захрипеть не смогу. И чего я, спрашивается, сопротивлялась волнам, на небо орала, тонула бы себе спокойно, может, сознание бы потеряла — и не почувствовала бы, как меня будет пережёвывать иномирный подводный монстр!

Но не-ет.

— Сгинь, нечистая сила! — забормотала, продолжая грести, а намокшее платье и длинные волосы, расплывающиеся вокруг бирюзовым пятном, словно водоросли, немилосердно потянули вниз. — Сгинь, рассыпся, заклинаю, э-э-э, абракадабра!..

Бурая, клыкастая сплюснутая крокодилья морда с маленькими острыми глазами вынырнула в паре метров от меня. Зубы жемчужно сверкнули в лучах Луавы, а потом чудище поднырнуло под окаменевшую меня, медленно уходящую под воду. Пальцами и голыми коленями я ощутила плотную шкуру-броню — а потом оно рвануло к берегу, не ныряя в глубину, держа спину именно на той высоте над водной поверхностью, чтобы наездник, то есть, я, не захлебнулся, а восседал с определённым комфортом и полным обзором окружающего пространства. Инстинктивно я распласталась на этой гладкой упругой спине — и захохотала, ощущая, как сводит от соли многострадальную раненую кожу.

Кварк! Это же кварк, священное животное Тираты! Дикий или из тех, магически прирученных? Может, даже тот, кто меня катал. Не знаю! Но он меня не ест, он несёт меня к берегу!

Да я реально, реально крута — что там какой-то сломанный забор. Может, мамочка нагуляла меня от местного Нептуна, может, я Ариэ-э-э-эль!

Я-ху-у-у!

* * *

Эйфорическая истерика схлынула быстро. Впрочем, мы уже действительно подплывали к берегу. Вдалеке, чуть правее, я уже видела знакомый небольшой пролесок, деревья с сочными мясистыми листьями, деревянный сарайчик, перед которым — это я знала точно — был бассейн, отгороженный от моря деревянными створками. К этим створкам мы и подплыли, втолкнулись внутрь, мимо заворочались другие огромные туши, замерцали чёрно-антроцитовые глаза, захлопали лаполасты, и в тот же момент я услышала тревожный крик откуда-то сверху, подняла воспалённые со слипшимися ресницами глаза и увидела пару стройных фигур в акватических костюмах.

Обхватила кварка за шею руками — сил отрываться от такой удобной в тот момент спины, вставать, вылезать на сушу попросту не было. Я позволила слугителям — знакомой с прошлого раза лирте и её спутнику — вытащить себя, слушала их оханье и аханье, видимо, относившееся к моему сизо-серому телу, которое уже не скрывали слетевшие где-то в море тряпки и перчатки. Сначала работникам этого кваркинария показалось, что питомец

притащил из океана труп утопленницы, видимо, для того, чтобы поужинать вместе с братьями. Похоже, несмотря на приметные волосы, девушка меня не вспомнила. Потом я поморгала и постонала, ребята снова охнули и принялись обсуждать, как это кварк меня не съел, а спас, и не отмечена ли я Тиратой, а цвет кожи отнесли к синякам и долгому пребыванию в воде, стали размышлять, к какому целителю меня отправить. С недавних пор слово "целитель" вызывало у меня стойкий рвотный рефлекс, и я резко, как могла, села, снова напугав свидетелей своего неожиданного спасения.

— Не надо целителя. У вас зеркальная пластина есть? — ну вот, не принесена в жертву, не утонула, двигаюсь, говорю, да ещё и не съедена, руки и ноги на месте — чего еще желать? Апокалипсис, если я окончательно не потерялась во времени, послезавтра.

Всё нормально, Камилла, всё почти отлично, не дрейфь.

Лирт и лирты попятнулись, не отрывая от меня взглядов.

— Вы... — начала было девушка, а я перебила её:

— Со мной всё в порядке. В море оказалась случайно, видать, подшутили надо мной так... недобро. Чуть не утонула, но хвала Тирате, рядом оказался дружелюбный кварк. Я очень плохо выгляжу? Дайте мне посмотреть, пожалуйста.

Крокодилмордый кварк — реально чудесное существо, живое доказательство того, что никогда не стоит судить по внешности. Лигран вон красавчик, а много ли толку?

— Пластина у нас была, но... — тихо, даже робко, кажется, с сочувствием, сказала сотрудница. — Вам надо бы к целителю, ваша кожа...

— Мне нужно себя увидеть, — глухо повторила я.

— Сможете встать? — сдалась лирты. Ее собственное личико, обрамленное светлыми, как тараксумы, прядями, было трогательно румяным — работа на свежем воздухе рядом с морем, благодать, а вот загара почему-то ни у кого здесь нет, особенности кожи.

Я поднялась, точнее, фактически восстала с деревянного дощатого пола. Побрела, перебирая ноги, за лиртой-дрессировщицей. Мы вышли из сарайчика, обогнули его — и на одной из стен обнаружилось мозаичное панно из приклеенных осколков когда-то разбившегося зеркала.

Глубоко вдохнула — и сделала шаг к нему.

Смятение лирты было вполне понятно.

Никому не ведомое некромантское проклятие перестало щадить моё лицо. Щёки впали, скулы и нос заострились, серый цвет кожи местами уходил в фиолетовый, белки покрылись бордовой сеточкой.

Я не Халк и не Ариэль. Я Аватар...

Кошмарное зрелище.

Удивительно, как стоящая рядом девчонка и её коллега держат себя в руках, не скормили меня своему зверинцу, не вызвали стражу, не лишились чувств...

Я же сползла по деревянной стене вниз.

Всё.

Почти совсем уже всё. Это тело своё отбегало, а душа — моя душа — без тела существовать не сможет. И умирать так страшно, лучше уж резко, внезапно, разом, не осознав, что происходит, но не так, не так! Тирата, верни меня в мой мир, верни меня обратно!

"Зря я тогда, на крыше, оттолкнула Марта, — внезапно промелькнула отчаянная, совершенно отчётливая мысль. — Зря, зря, зря! Вот дура. Надо было ловить шанс, пока всё

было ещё не так плохо, не так страшно, не так мерзко, надо было успевать любить, чувствовать, касаться, а не ждать того самого идеального мига, ведь он мне нравится, очень, очень нравится. Конечно, он не совершенен, отнюдь, но совершенного мне и не надо. И ему совершенно точно не было противно, он хотел меня даже такую. Почему я не согласилась, а теперь я умру с воспоминаниями Агнессы, а всё могло быть совсем иначе в моей жизни, если бы можно было всё исправить, Единая, да, я не оттолкнула бы его тогда".

— Лирта, вам плохо?! — голосок служительницы кваркинария доносился словно издалека, а я проваливалась в своё отчаяние, сквозь влажные доски, чтобы снова вынырнуть из небытия... нет, не на крыше приюта. Не в спальне Марта. Не в своём мире.

Я стояла на пороге дома юного лирта Апратуса, того самого, что когда-то "призвал" меня в саду Высшей школы.

Зачем?!

Не думая, я вытянула руку и постучала в дверь, не особо надеясь, что студентик находится дома — всё-таки у молодёжи, даже безденежной, масса возможностей для досуга. Но дверь открылась. Несколько мгновений заспанный мальчишка смотрел на меня, а потом побледнел, посерел, позеленел, простонал "Мёртвая драя!" — и рухнул к моим ногам.

...подозреваю, когда бабушка говорила, что все мужчины при виде меня будут укладываться штабелями, она-таки подразумевала что-то иное.

Глава 62.

Кварковы потроха, вот ведь... трепетный какой.

Со вздохом я перешагнула через неподвижное тело, ухватила парня за щиколотки, мягкую кожу высоких, почти до колен пыльных сапог — вряд ли он ходит в таких по дому, скорее всего, либо собирался куда-то уходить, либо, наоборот — только что пришёл. С трудом втащила тощее, неожиданно тяжелое тело внутрь дома, надеясь, что его приятель не треснет меня сзади по затылку. Паренёк жалобно захныкал, завозился и, не открывая глаз, забормотал:

— Лирта Маграстена, вы же обещали, что больше не придёте, так не честно!

— Человек предполагает, а Тирата располагает, — наставительно заметила я. — Есть в доме ещё кто-то?

— Нет... Но! — спохватился мальчишка. — Скоро заявятся! Целая толпа.

— Ничего, мы успеем.

— Ну, что вам от меня надо? — обреченно, но хотя бы уже без нытья спросил Апратус. — Помочь вам окончательно упокоиться? Это не ко мне, это к некромантам надо, а я так, по иллюзиям, я же говорил.

— С упокоением вопрос решу как-нибудь сама, без тебя, — вздохнула я. — А вот иллюзии — это очень, очень актуально.

— Я еще почти ничего не умею!

— А у тебя выбора нет, прогульщик, — я снова вздохнула. — Либо ты накладываешь на меня иллюзию нормального человеческого лица, либо... — я задумалась, но не стала изобретать велосипеда. — Мы просто упокоимся вместе. Ты меня призвал, ты со мной и...

Апратус убрал руки от лица и уставился на меня:

— Драя, да я ж разве против?! С удовольствием бы вам помог! Но я плохой специалист, поймите! Там, гване наложить иллюзию ушей самайны — это ещё куда ни шло, но из вас человека делать — тут нужно настоящего мастера! Профессора, как минимум... А у меня сил не хватит. И умений.

— Говорил он, что не спец, оказалось, не жилец... — пропела я. — Иллюзия нужна ненадолго. Цвет кожи, лицо, как в прошлый раз. В идеале руки и шея. Это должна остаться я, а не кто-то новый, понимаешь? Просто с кожей нормального цвета, ну, и глаза, пожалуй, в порядок привести. Я не капризная.

— Иллюзия по частям не накладывается, — буркнул Апратус. — Будь проклят тот день и час, когда...

— Да поняла, поняла. Но сегодня — точно в последний раз. Клянусь.

— А зачем оно вам? — вдруг подозрительно спросил окончательно пришедший в себя парень. Стянул сапоги и зачем-то засучил рукава.

— На свидание хочу сходить, — серьезно сказала я. — Напоследок, перед тем как упокоиться. Вкусить все радости жизни и всё такое.

— Ну... вы только это... уйдите потом до того, как ваш кавалер проснётся. Постарайтесь в два часа уложиться, это мой потолок, — столь же серьезно ответил юный иллюзионист. — А то так и импотентом можно заделаться, нельзя так с мужчинами.. Пойдёмте наверх, что ли. Попробую... хотя результата не обещаю. И помните о времени.

«В полночь, Золушка, карета станет тыквой, а твоё лицо превратится в баклажан", — подумала я и пошла вслед за своим юным другом.

* * *

Я смотрю на звёзды. Как ни странно, здесь, в Магре, они кажутся почти точно такими же, как на земле, вот только проступают на небе не каждую ночь. Маленькие, белые, далёкие, равнодушные к людским бедам точки. Задираю голову, имитируя движение, которое частенько делала раньше, на земле, чтобы слёзы влились обратно в глаза, и в этот момент звёзды начинают медленно, беззвучно падать.

...нет, конечно, на голову мне огромные раскалённые небесные тела не валятся. Наверное, это обычный метеоритный дождь, но настолько сказочный, необыкновенно яркий, что я с трудом удерживаю рот закрытым. Белоснежные подтёки медленно тают в чернильной небесной тьме. Даже зелёный Стилус как-то померк на это фоне.

Надо загадывать желания. Успевать.

Успевать, когда я уже поняла, что в любом случае обречена, сейчас более чем актуально. И хотя моя жизнь никак не связана с несущимися в космосе булыжниками, чудеса всё-таки могут случаться.

Несмотря ни на что, весь этот мир, с его обитателями и их магией — одно огромное чудо. И глядя на падающие звёзды, я прошу неведомые силы, Тирату или кого-то ещё, позволить ему и мне выжить, остаться.

Я хочу жить. Хочу быть живой. Хочу чувствовать боль, нежность, страсть, горечь, голод, тепло. Хочу узнать любовь, хотя бы как-то, хотя бы немножечко.

Зря, зря, зря я тогда отказалась. Если для Марта я живая, какая разница, что происходит внутри меня, и как я выгляжу? Если моя смерть ему не страшна, не противна и не опасна, то чего боюсь и опасуюсь я?

Нечего мне бояться. Я просто теряю время, которого остаётся чудовищно мало. Секунды, секундища и секундочки с ошеломительной скоростью несутся, тают с лёгким шипением, словно попавшие в воду раскалённые угольки.

Я вышла из дома лирта Апратуса — на этот раз донум не пожелал сработать, а я не пожелала рисковать, перемещаясь невесть куда — и побежала к приюту. К Марту, напрямик, преступно топча газоны и даже небольшие кусты. Иногда то тут, то там мне виделась

знакомая юркая кошачья тень, узкий силуэт мёртвого кота, доставшегося мне в спутники, доносилось тихое мурканье.

А ведь тогда, на пляже, он хотел меня предупредить о появлении жрицы...

Кусты цеплялись за длинное платье, и я без малейших сомнений подтянула подол вверх и завязала узлом сбоку. Я бежала — через какое-то поле с влажной шелковистой травой, через маленький мостик над овальным прудом, огибала изысканные фонари с объявлениями о себе самой, скамейки, дома, стараясь не попадаться на глаза страже. Пасущиеся вдалеке гваны подняли лобастые головы и наострили длинные уши.

«Зайцы на анаболиках», — подумала я и хихикнула. А хотелось снова захохотать в голос, как тогда, верхом на кварке, особенно, когда я, словно вор, пролезала в дырку в заборе бывшего сиротского приюта.

Юный Апрутус работал со мной долго, в конце чуть снова не упал в обморок, но результат получился более чем сносным. Куда там фотошоперам и гримёрам с моей родины.

Милко встретил меня молча, просто отодвинулся в сторону, пропуская, но мне было не до этого поразительного события, очевидно, связанного с моей преобразившейся внешностью. Дверь в спальню Марта была открыта, а сама спальня — пуста. Меня это не остановило, даже не озадачило, словно какое-то наитие вело вперёд, подталкивало в спину. Иногда казалось, что живущая внутри магия переносит меня через ступеньку-другую. Я поднялась на верхний этаж за считанные мгновения.

По узкой неудобной приставной лестнице забралась на крышу, вылезла через прямоугольный люк, боднув его макушкой и даже не поморщившись от удара.

Ближе к звёздам. Ближе к Марту. Он там.

Интуиция — или постепенно пробуждающаяся, осваивающая тело магия — не подвела. Март был тут, я узнала его тёмный силуэт, лохматую голову — он стоял на самом краю крыши, спиной ко мне. Смотрел вперёд.

Не спит. Ждёт меня? Нервничает? Переживает? Меня не было так долго, а он просил...

Ну, так вот она я, пришла.

Как и мне, ему, наверное, сложно. Как и я, он на краю потери. И кто знает, кому из нас будет тяжелее потерять, я просто уйду, а он, если конец света всё же не случится, останется — со своими воспоминаниями, со своей виной.

Если бы я могла выбирать... я никогда бы не выбрала жизнь с такой незашиваемой, незаживающей прорехой в душе. Всё, что я могу, сделать так, чтобы эта прореха, эта вина, эта боль стала чуточку меньше, а воспоминаний, хороших воспоминаний — чуточку больше.

Беззвучно делаю шаг, сокращая расстояние между нами. Словно иду над пропастью.

И вдруг понимаю, что на крыше Март не один. Тоненькая фигурка, ранее незамеченная, отделяется от высокой кирпичной трубы. Ветер играет с её длинными распущенными волосами. Девушка подходит к Марту, жадно обнимает за плечи, словно осьминог, и целует в губы.

А он... отстраняется, медленно, непозволительно медленно, и голос у него глухой, незнакомый, такой, сосредоточенный, какой я у Марта никогда не слышала. Я у него только для шуточек и насмешек?

— Нашла время. Тебя не смущает то, что перед тобой твой собственный брат?

— Замолчи, — голос женщины тоже глухой, хриплый, и в нём слышится... вождение. — Позволь мне... пожалуйста. Позволь. Я хочу тебя. Брат или не брат — не имеет значения. Ты же помнишь, как нам было хорошо. Не можешь не помнить. Я каждую

ночь вспоминаю. Ты...

Это же Ильяна!

Я отступаю в тень, сливаясь с тьмой, как настоящий призрак, спускаюсь по лестнице вниз, почти не касаясь ступеней. Выхожу во двор, задираю голову к небу.

Звёздный дождь продолжается. Ксамурр вовсю крутится под ногами. Тревожится.

Искажающееся пространство снова подхватывает, утягивает меня прочь, и на этот раз мне действительно, совершенно искренне, нет дела до того, где я окажусь.

Кажется, у себя на родине я слышала фразу: "не имеет смысла возвращаться туда, откуда однажды ушёл".

Какая мудрая мысль.

Это действительно никогда, никогда-никогда не имеет смысла.

Глава 63.

— Ау! — зову я в темноту. — Ну, где я на этот раз? Уважаемые желающие побеседовать о фелиносе, просьба выстраиваться в очередь, но предупреждаю, что всех пошлю к хмыре, потому что этот ваш... хмыров фелинос мне... нахмыр не нужен!

Скудный ругательный запас надо обновлять! Хотя... уже не надо. Обойдусь.

Итак, что мы имеем? Агнесса якобы крадёт фелинос, для чего у неё не было никаких причин. Но отрицает это. Однако шансов на то, что ей поверят, ноль целых ноль десятых, потому что воедино были сведены два факта — местонахождение девушке в храме с последующим убийством служительницы и исчезновение реликвии.

Значит, что? Если Агнесса не врала, то либо реликвию украл-таки кто-то другой, служитель "от короны", недобитый напарник лирты Сириш, например, либо...

Я так и села.

А если её вообще никто не крал? Если она всё ещё в храме? Никто не знает, как выглядит фелинос, может это что-то совсем не похожее на драгоценность, и Агнесса прихватила её по незнанию? Или оно становится временно невидимым, или во время драки случайно уронили, или...

...а всё-таки, я сейчас где?

Было темно, зрение адаптировалось к сумраку привычно быстро. Кажется, я лежу на полу. А вокруг возвышаются какие-то неподвижные силуэты с мягкими контурами: то ли камни, то ли какая-то мебель... Скорее всё же мебель — над головой не небо, а потолок, покрытый отчего-то светящимися зеленоватыми трещинами. В одной из стен прорублено окно в форме неправильного пятиугольника.

Я ухватила за ближайший предмет — тумбу или камень, чтобы попытаться встать, но оказалось, что неопределимая на глаз штука покрыта плотной тканью. Не среагировав сразу, я ещё пару мгновений тянула чехол на себя, и ткань внезапно поддалась, заскользила, а мне на голову рухнул какой-то тяжелый округлый предмет.

— Эврика! — передразнила я саму себя, хотя "эврика" кричал Архимед из ванны, а вот стукнутый заветным яблоком по темечку Ньютон, надо полагать, с чувством сказал то самое универсальное английское слово на букву "фа". Поднялась, кряхтя, принялась возвращать ткань на место, и только потом рассмотрела упавший меня камень — ибо это был камень, удивительно гладкий, по-живому тёплый, чёрный с бордовыми пятнышками... Шум в голове затих, томительное давление на виски ушло, словно я выпила какое-то сильнодействующее тонизирующее и обезболивающее средство. Просто чудо-камушек...

Точно.

Чудо-камушек. Камушек-амулет. Камулет. Этот, как его, мечта студентов, гравстур, который хранится в музее высшей школы. А теперь здесь — временно — хранюсь и я, синий бесчувственный камушек, тоже не без способностей.

Нет, не синий. Еще часа полтора — вполне себе человекообразный по цвету камушек.

Туман внутри окончательно рассеялся, и я вдруг вспомнила всё, что предшествовало перемещению.

Мой бег по ночному городу от дома лирта Апратуса до бывшего сиротского приюта. Пустой дом. Крыша.

Март, стоящий на краю и смотрящий на город. Женская точеная фигура, руки Ильяны, оплетающие моего некроманта за плечи таким мягким, текучим, совершенно неродственным движением. Поцелуй, короткий, но тоже наполненный этой непривычной мне аурой животной недвусмысленной чувственности. И голос Марта, глухой, незнакомый, отрывистые слова, в которых не было ни злости, ни возмущения, ни прямого отказа...

Боже, боже. Какая... гадость. Он точно ненормальный, они все тут ненормальные, не зря на месте приюта когда-то стоял дурдом. Девиц из борделя я бы ему простила, в конце концов, мужская природа и бла-бла-бла, но сестра?! «Пагубная страсть, с которой нет сил бороться» — отлично звучит как слоган романтической книги, но мне становиться частью любовного треугольника не с руки. Нет времени, нет сил, нет желания. Если парень спал с собственной сестрой, пусть даже по её инициативе, — увольте, Камилле тут делать нечего. У меня своих поводов для шизы — более чем.

Легко сказать.

Снова и снова перед моими глазами мелькал этот допотопный театр теней. Его тень. Её тень. И их слияние. Я уткнулась лицом в пыльную ткань музейного стеллажа, прикусила зубами.

Тело не болит, не кровоточит, тело мертво.

А мне — больно. Очень.

* * *

Дверь была заперта, и я помянула хмыру и прочих безымянных сакралей. В окно мне не пролезть, да и падать совершенно не хочется. Но и сидеть здесь, ожидая у моря погоды — глупее не придумаешь. Несмотря на то, что денег у меня нет, ни одного магрика, я хотела бы пойти в какую-нибудь таверну и злостно напиться. А потом — по обстоятельствам. Телепортироваться в свой мир, а если не получится — эпично сдать. Может быть, даже добиться свидания с Лиграном и рассказать ему о том, что милая маленькая лавочница с бирюзовыми волосами вовсе не стала заниматься проституцией, а пошла на этот шаг от отчаяния и безысходности. Не знаю, зачем, но во имя Агнессы я должна это сделать. И про жрицу расскажу, тоже мне, детоубийца, живущая по заветам богини, вот кого давно ждёт камера смертников в Винзоре.

Уходи красиво — как-то так. Именно это мне и остаётся — уйти красиво. Не худший вариант.

...интересно, а есть ли в Магре газеты? Может, стоит найти журналистов?

Всё, что угодно, лишь бы не думать об этом лохматом сластолюбивом извращенце, уложившем в постель собственную сестру и ещё половину здешнего мира в придачу! Его опыт и врожденный талант чувствовались даже в моём мёртвом состоянии — от таких поцелуев ноги подкашиваются...

Стоп, Камилла. Ты поразительно непоследовательна и возмутительно небрезглива.

Пошла вон отсюда, а дальше по плану: напиться, попасть в тюрьму, вытребовать Лиграна, сделать шокирующие разоблачительные заявления, послать весь этот мир к хмыре.

Снова на автомате дёрнула ручку — и музейная дверь вдруг открылась, а я оказалась лицом к лицу с кем-то, чуть ниже меня ростом, заоравшим душераздирающим фальцетом:

— А-а-а-а!

— Не орите, — выдавила я, хотя если бы моё сердце билось, то, вероятно, уже покрошило бы рёбра в труху. — Всё в порядке, ну, спокойно!

Мужчина — а это явно был мужчина — заткнулся так же резко, как и завизжал, толкнул меня в плечо, заставляя отступить к зелёному лучу Стилуса, сочащемуся из трещины в потолке.

— Лирт Асверус, это я, Камилла! — надеюсь, в полумраке не видно, какая у меня перекошенная неестественная улыбка.

— Ты чего здесь делаешь, лирта? — изумился дедок. — Совсем хмыра мозги проела?!

— Я... — я споткнулась, а потом плюнула на всё мысленно и сказала, как есть. — У меня непослушный донум, лирт. Я перемещаюсь в пространстве и плохо это контролирую, особенно если переживаю. Простите меня. Не хотела вас будить и отвлекать.

— Донум, говоришь? — сухие мозолистые пальцы ухватили меня за кисть, ощупали выступившие когти.

— Не верите — сдайте меня королевской полиции.

В случае чего придётся пропустить этап с попойкой, всё равно это — просто символ разбитого глупого сердца, алкоголь на мою плоть не подействует.

Лирт Асверус вдруг хмыкнул.

— Не нашла Мартена, девочка?

— Нашла, — бесцветно сказала я. — Нашла, но...

Слёз нет. Нет слёз, нет даже повода для слёз — один ободряющий поцелуй на крыше ни о чём не говорит. Не жених он мне и не любовник, и даже не друг — ну не везёт мне с друзьями, хоть ты тресни! Просто временный напарник.

Никто.

Слёз не должно быть, отчего меня тогда так колотит, словно в ознобе?

— Лирта Камилла? — судя по осторожным сочувствующим интонациям, и сторож почувствовал моё состояние, стыдоба...

— А может, у вас есть что-нибудь горячее? — вдруг спросила я. — Мне... холодно. А потом и в полицию можно.

— Далась тебе эта полиция, не буду я никого вызывать, идём. Только ты это... камушек-то оставь.

Да что ж такое! Если бы не глазастый сторож Высшей Школы, я бы непременно утащила с собой шарик чёрного гравстура.

* * *

В каморке лирта на первом этаже было неожиданно уютно. Маленький очаг в углу, совсем как у нас с Агнессой в лавке. Пузатенький котелок, несколько разномастных, не очень чистых чашек. Старичок бодро разжёл очаг, а в котелок налил отнюдь не воду, а некую красную жидкость с оч-чень, очень недвусмысленным запахом.

Не прошло и десяти минут, а уже приступаем ко второму пункту, да я так продуктивно лет с двенадцати планам не следовала!

Как ни странно, но запах я продолжала чувствовать, а вот вкус приглушился. Все эти

долгие дни я ничего не ела и даже не чувствовала потребности в пище, но вот вода так или иначе периодически попадала в организм и вроде бы не сильно ему вредила.

Да плевать!

Доморощенный глинтвейн — иномирное вино с иномирными же специями и кусочками незнакомых мне фруктов — оказался восхитительным. Горячим — теоретически, ароматным, сладким с кислинкой, и я немножечко, самую малость оттаяла, вдыхая белый парок, поднимающийся над кружкой.

— Расскажите о Марте, что вспомните, — попросила я, не зная, зачем мне нужно это мазохистское самоизмывательство. — Скажите, у него же вроде была... сестра? Родители умерли, это я помню, но...

— Дался тебе этот похотливый хмарь! Лучше бы подумала, как в школу поступить, раз донум есть, и, судя по всему, не слабый, — дедок тоже опрокинул в себя кружку и тут же покраснелся. — Вообще-то на работе я себе такого не позволяю, лирта, ты же понимаешь?! — я энергично закивала. — Только ради тебя, ты такая худая и бледная, того и гляди, потеряешь сознание. Может, перекусим? Мяса, правда, не припас, но...

— Спасибо, не голодна, — торопливо отмахнулась я. — Так что там насчёт похотливого хмаря, точнее, его сестры?

— Сестра у него была, как же, помню, помладше на пару лет, — задумался лирт Асверус, вдребезги разбивая мои слабые надежды, что "сестра" — это не обязательно «родственница», а, может быть, аббревиатура "надоедливой психованной бывшей, которую не стоит расстраивать резким отказом". — Красивая девушка, вот только донума у неё не было. Так бывает, выбор Тираты неподвластен нашему пониманию. Приходила несколько раз, очень за брата переживала, а как не переживать, если непутёвый, а управы со стороны старшей родни нет никакой.

Красивая, это точно. Хотя бы не синяя. Меня передёрнуло и снова заколотило, а лирт щедрой рукой подлил ещё.

— А вообще, у нас тот выпуск интересный был, плодотворный, если можно так сказать, хоть и непростой, а по мне, пусть лучше так, чем все ходят строем, а ничего из себя не представляют, вот как нынешние первокурсники! Март-то раздолбай, но неглупый парень и довольно одарённый некромант был...

Одарённый, ещё какой. Вот она я, живое, точнее, мёртвое свидетельство его несомненной одарённости.

— ...но с хмыровой дыркой в башке! — сторож стукнул кружкой по деревянному столу.

— Остальные, надеюсь, без дырок, — я почти перестала вслушиваться в болтовню дружелюбного старичка и легонько прижалась лбом к краю кружки.

Дура, дура, дура! Ну какая же я дура!

— О да! Остальные были не такие. Да вот взять хоть Лиграна. Такой умный серьёзный мальчик — и вот, пожалуйста, прекрасную карьеру сделал, достиг небывалых высот — и всё сам, без протекции!

Рука дёрнулась, красный напиток пролился на стол.

— Как вы сказали? Лиграна?

Единая, Единая, это что сейчас было? Слуховая галлюцинация?

— Ну, да, — старичок бодро подскочил на потрескавшемся табурете с трогательной вышитой подушечкой на сидении, как резиновый мячик. — Лиграна, ныне королевского следователя. Такой сильный некромант, очень достойная карьера, очень! Я хотел и табличку

у входа сделать, мол, учился у нас такой, да он не разрешил, скромный парень и тихий, всегда таким был. Вот уж, наверное, удобно, на его-то работе: преступник помер, а на вопросы отвечает, как миленький! — седовласый лирт радостно и нетрезво захихикал, потирая покрытые старческими пятнами ладони.

А у меня сердце остановилось.

Впрочем, глупый оборот. Я давно уже мёртвая.

К чему это удивление.

К чему эта новая боль, совершенно иная, чем прежняя. Неужели во мне что-то живо. Только живое может так болеть.

— Интересно, — язык еле ворочался во рту. — Были ли они знакомы, я имею в виду Март и этот Лигран.

И жду ответа, хотя, по большому счету, ответ ничего уже не изменит.

— Лучшие друзья были, лирта, как не смотрю — всё вместе. Боялся, признаться, что Март-то Лиграна поведёт дорожкой киртанов, у него-то пьянки, гулянки, каждую декаду, считай, с новой подружкой, скандалы... простите, лирта. Но в итоге каждый продолжил идти своим путём, даже наоборот вышло — Лигран на приятеля повлиял, несколько раз его из передряг вытаскивал, вечно к делу какому-то пристроить пытался, да только всё напрасно, думаю.

М-да. Нет, дорогой мой лирт Асверус, не напрасно. Вот взять, например, эту историю. Мне кажется, Март прекрасно справился с поставленной перед ним давним школьным приятелем задачей.

Просто прекрасно. Актёр, каких поискать. Оскара. Десять оскаров. Я ведь ему поверила. Но таких совпадений не бывает. Он не узнала Лиграна в Винзоре. Ни словом, ни жестом не дал понять, что знает лирта королевского следователя. А Лигран! Ещё один актёр. Так вот откуда он взялся в Центральном храме. И заклинание Марта было не случайным. И облава... И казнь — они знали, что я не умру, точнее, умру и воскресну, но, вероятно, немного промахнулись со временем пробуждения в морге. Мой дар перемещения оказался для них сюрпризом, пришлось импровизировать.

Они всё знали! Всё это время они были заодно! Сначала следователь пытался уговорить Агнессу, а потом подсадил к ней по соседству обаятельного и артистичного приятеля, была ли в курсе сестра, неизвестно, но это уже не так важно.

Как осторожно Март убеждал меня отыскать фелинос, как мягко и ненавязчиво подводил меня к этой мысли, не брал нахрапом... Любая девушка бы растаяла.

Если бы не одна маленькая несостыковочка — на месте Агнессы оказалась я.

* * *

Марта на крыше не обнаружилось. Ну, да, зачем же оставаться там, когда у него есть удобная личная спальня, со своей зазубой можно перебраться туда. Сколько меня не было?

Долго. Наверное, часа четыре. Пара часов в Высшей школе и ещё пара часов — в дороге до приюта.

Надеюсь, им с Ильяной времени хватило.

Я засмеялась, сначала тихо, а потом в голос. Смех больше походил на вой.

Да ладно, Камилла! Не строй из себя истеричку. Не ты первая, не ты последняя. Я заткнула рот кулаком, остановилась перед чёрным зданием приюта. Зачем я сюда пришла? Скоро весь этот грёбаный мир сдохнет, и мы вместе с ним, и я, и они... оба. Чего я хочу? Разыграть финальный акт мыльной оперы?

Собственно, почему бы и нет. Что он мне делает? Убьёт? Ха. Сдаст жрецам, отправит в Винзор? Трижды "ха".

Будет всё отрицать? Почему бы и не послушать, тоже развлечение.

Ну ты и дура, Камилла. Всё ещё на что-то надеешься, да?

Да, да, да!

Я снова прижала кулак ко рту, а ногой непочтительно поколотила входную дверь — и та открылась почти сразу. Милко возник из ниоткуда, но сказать снова ничего не сказал, потоптался, фыркая, словно настоящий домовый, только в спину потом побурчал, что, мол, шмяются тут по ночам всякие, да сколько же можно, хозяин не велел... Ксамурр, явно дожидавшийся меня в саду, чёрной тенью проскользнул вперёд и растворился где-то в недрах бывшего сиротского приюта.

Если бы я могла плакать, я бы, наверное, плакала. Наверное, запястья бы немели, зубы стучали, колени подгибались... А так я шла себе и шла, и не падала.

В том, чтобы быть мёртвой, есть свои плюсы.

Перед дверью спальни Марта я ещё раз попробовала остановить себя и не превращать свой последний, возможно, день в дешёвую мелодраму — такую даже "Первый канал" бы не снял, побрезговал. Я ещё обдумывала эту мысль, а рука, словно ею управлял верховный жрец Единой лирт Веритос, уже толкала дверь.

Март не спал. И был один — кровать была пуста и судя по её слишком аккуратному виду, готова к новым подвигам хозяина. Расстёгнутая на груди рубашка немного мятая, один рукав задрался до локтя. Стоял у окна, высокий, стройный, лохматый. Обернулся, услышав мои шаги. Нахмурился.

Славный.

Черт возьми, хмыра побери, какой же он славный, несмотря ни на что!

Какая же я дура, Единая...

Иллюзия, наложенная Апрутусом, уже спала, и я стояла перед Мартенем во всей красе. Ну и пусть смотрит, что он со мной сделал. Ненавижу. Должна ненавидеть.

— Где ты была, Агнесса? Я же просил никуда не уходить, это опасно... Я чуть Ильяне голову не оторвал за то, что она тебя отпустила. Не нужно играть в героиню! Ты же мне обещала, что вместе...

Мы остановились метрах в трёх друг от друга. Я молчала, совершенно безуспешно пытаюсь взять себя в руки и обуздать собственную мимику, сцепила руки на груди — так себе преграда.

Надо бы глаза прикрыть, но я продолжала его разглядывать, почти жадно, зная, что это — в самый-самый последний раз, и всё-таки надеюсь на чудо, которое случается в книгах о других мирах, а в самих других мирах, конечно же, не случится.

Такой славный, такой... искренний в своём беспокойстве и возмущении. Такой...

— Я всё знаю.

— Что? — недоумённо переспросил Март. Сделал шаг вперёд, остановился, так же пристально меня разглядывая, как и я его.

— Я всё знаю, — тупо повторила я, осознав, что кроме этой банальнейшей фразы больше ничего не могу сказать. Ожидая расспросов, отрицаний, оправданий, чего-то ещё. — Знаю.

— Если ты о... — начал было он, но я махнула рукой.

— Я не про твою девку. Это меня не касается. Укладывай в постель хоть сестру, хоть

мать, хоть Верховную жрицу.

Грубо, дёшево! Но...

Молчание снова затягивалось.

И вдруг Март улыбнулся, и эта улыбка, которой я никак не могла ожидать, совершенно преобразила его лицо. Этот новый мужчина, саркастичный, жесткий, властный, и в то же время очень уставший, был мне незнаком. И его глаза смотрели на меня с лица Марта, горько и насмешливо.

— Всё знаешь? Всё ли, Агнесса?

Глава 64.

У меня... кончаются слова. А и правда, что ему можно сказать? "Сволочь, негодяй, предатель"? Ну, да. И что, стыдно ему станет? Нет. "Как ты мог"? Ну, вот так и мог, как все могут. По дружбе, за деньги или из идейных соображений — так ли это важно? Он знает меня совсем недолго, меньше месяца! А с лиртом королевским следователем дружен много лет и многим ему обязан. Они оба уверены, что Агнесса проститутка, воровка и убийца, на какую клавишу в его душе мне давить? Проклинать, стращать, рыдать, обзывать — всё это пустое, никому не нужное.

Мне — не нужное.

И сюда я пришла, чтобы просто его увидеть. С безумной надеждой на чудо, которое не случится, потому что в глазах Марта я прочитала свой однозначный приговор. Пусть предназначенный не мне, а Агнессе, но...

И на насмешливый и в то же время горький вопрос этого нового, незнакомого мне человека, я не отвечаю. "Всё ли я знаю"? Не всё, далеко не всё. Обхватываю себя руками, чтобы не рассыпаться на кусочки.

— Я тебе поверила, — говорю беспомощно, тихо, глупо. — Ты мне не верил, а я... тебе...

Нет, правда, нечего сказать. И идти некуда.

— Ладно, — Март опустился на кровать и посмотрел на меня. — Давай начистоту, раз уж ты всё знаешь. Не понимаю, на что ты рассчитывала, — произнёс он довольно холодно. Холодно и... зло? — На то, что кража фелиноса сойдёт тебе с рук? На то, что о тебе все забудут, казус с церемонией подтверждения прав наследника как-нибудь замнут, конечно, всё равно народ не знает подробностей и не будет присутствовать, а с Верховным Его Величеством как-нибудь сам договорится, да? Ты...

— С Верховными, — автоматически повторила я. — С лиртой Хоррендой, может быть, и договорится, а с лиртом Веритосом — навряд ли. Хотя судить трудно.

Март подскочил и стремительно подошёл ко мне, близко-близко. У него изменилась даже походка.

— Откуда ты знаешь имя Верховной жрицы?

— Сама представилась. Когда я ушла из приюта, — произношу я, роняя слова одно за другим, безжизненно и устало, словно проклятие добралось и до голоса — может, так оно и есть. — Лирта Хорренда пригласила меня на аудиенцию, в принудительном порядке. Это она отправила Агнессу в храм тогда, когда пропал фелинос, она помогла ей туда пробраться.

— Ты... что несёшь сейчас? — медленно проговорил Март, а я стояла, как статуя, и продолжала говорить:

— Агнесса шла туда не за фелиносом, — перед моими глазами снова разворачивались, расцветали картинки её памяти, и теперь я была полностью уверена в собственных

словах. — Верховная обманула эту наивную неопытную девочку, пребывавшую в полнейшем отчаянии от того, что её обожаемый следователь так плохо теперь о ней думает, — Март привстал, словно собираясь перебить, а я повысила голос. — Да, несчастную, наивную девочку, у которой умирала мать, и которая очень хотела её спасти, а ещё — вырваться прочь из дома, в котором жить было невыносимо. Вероятно, ты в курсе всего, да? В обмен на лечение матери Агнесса отправилась с целителем в дом утех, но облава, устроенная твоим школьным дружкой Лиграном, помешала, впрочем, никто не гарантировал бы, что тот урод сдержал слово. Жрица предложила Агнессе другую сделку — кража незначительной, ненужной ей вещицы. На самом деле, она подтолкнула её, девочку с удивительным донумом закрытой от ментального чтения памяти, к убийству собственной незаконнорождённой дочери, которая была для неё опасна. Если ваша реликвия и украдена, то не Агнессой. Я ничего не могу доказать, но я знаю, я видела её воспоминания... Совсем в другом мире в очень похожем теле жила девушка Камилла. Верховная поменяла наши сознания местами, по её словам, моя душа оказалась подходящей. Она сказала мне, что сама ничего не могла добиться от Агнессы, но я думаю, дело в другом, что-то произошло с ней, уж слишком жрица была уверена, что этой девочки больше нет. Я не врала тебе. Всё сложно, запутанно, глупо, но я хочу тебе сказать только одно. Я тебе не врала. Я оказалась в теле Агнессы в тот день, когда ты поднял мёртвую крысу.

Мартен смотрел на меня, не отрываясь.

— Не могу понять только, — сказала я, так же безжизненно, как и раньше, боль внутри словно притупилась, отступила за пелену безразличия ко всему произошедшему и происходящему. — Как ты до сих пор не оказался на должности королевского некроманта, с такими-то талантами?

— Тебя интересует моя должность? — Март поднял брови.

— Да не особо, — честно ответила я, а потом не удержалась. — Играл ты потрясающе, у меня ни разу не возникло в тебе сомнения. Вот только соблазнял меня слабо, вяло, без огонька, знаешь ли. Так не понравилась? Побрезговал? Или близость Ильяны мешала?

— Забудь об Ильяне, — он потёр лоб, ромбовидные кристаллики на висках, щёки. — Мы встречались, это правда, но давно и не долго. Она всегда вешалась мне на шею, я старался щадить её чувства, как мог. Это было вскоре после того, как я закончил Школу, и я до сих пор об этом жалею, — он осёкся, а я хмыкнула:

— В моём мире к отношениям между кровными родственниками не относятся так легко. Мягко говоря, это сильно не приветствуется, а в Магре, видать, всё проще, раз ты говоришь об этом так спокойно...

Март потянул меня к себе за руку, я не сопротивлялась, опустилась на кровать рядом с ним, и, когда наши глаза оказались друг напротив друга, поняла, что не дышу даже по привычке.

— Кто ты? — спросил он, очень тихо, очень серьёзно, и хотя где-то на задворках души мне всё же хотелось вцепиться ему в лицо когтями, орать, телепортировать к неведомой хмыре его, сестру-извращенку, весь этот дом, я ответила так же тихо и почти спокойно:

— Камилла. Агнессы в этом теле нет, только её воспоминания. Меня зовут Камилла. Я из другого мира.

— И ты появилась, когда...

— Когда мы познакомились в Винзоре. И ты угостил меня мясом.

— В день, когда я поднял мёртвую крысу, — медленно произнёс Март, видимо, что-то

вспоминая, прикидывая, высчитывая про себя, а потом снова уставился на меня, глаза в глаза, словно хотел взглядом просверлить насквозь.

Такой близкий.

Такой невыносимо чужой, что мне в какой-то миг стало безумно страшно, будто именно сейчас он из моей груди сердце вырвет и с хлюпающим хрустом раздавит в кулаке, как насекомое, — такой вымораживающий, жуткий был у него взгляд.

— Камилла?

— Да, — мои губы движутся, а звук не вылетает. Мартен наклоняется и достаёт из голенища сапога кинжал, тот самый, которым протыкал наши предплечья, когда смешивал кровь на ритуале на задворках таверны. Неуверенно касается другой рукой бахромы порванной кожи на шее, на запястье... Подходит к столу и резкими, отрывистыми безжалостными движениями что-то вырезает на столешнице. Подталкивает меня к столу.

— Что здесь написано?

— Вот это — твоё имя, — я спотыкаюсь на полуслове. — Ты выкладывал его камушками на пляже.

— Это другое имя. Агнесса умела читать, а ты, ты... — он взлохмачивает волосы, а потом ухватывает меня за подбородок и снова пристально, требовательно, отчаянно всматривается в глаза.

Лирта Хорренда говорила, что они не скрывают никаких мыслей.

Этот жест был мне знаком. Нет, не мне, Агнесе. Это уже было, давно, она и мужчина перед ней, высокий, красивый, сосредоточенный, острие проступивших когтей на коже.

«Я очень... привык к вашим травмам. И к тебе тоже, юная лирта...»

...да не может этого быть!

Я тоже протянула руку, коснулась его лба, щёк, провела пальцами по векам, губам, скулам. Задела камни-ромбики, а Март не шевелился, наблюдал за мной.

— Это не мезонит, но и не просто речная галька, — сказала я, не ожидая подтверждения, точнее, не нуждаясь в нём. — Подобные камушки-артефакты я видела в школьном музее. Они все выглядят очень похоже. Там был камень, помогающий длительное время поддерживать наложенные иллюзии.

— Славрит, — Март кивнул.

Я чуть-чуть надавила на гладкие чёрные фигурки, подвигала из стороны в сторону — и они выпали мне в ладони. Кожа под ними была самая обычная, разве что виднелся немного вдавленный контур. Рука, всё ещё касающаяся моего подбородка, дрогнула.

— Тот, кто убил крысу, тот, кто меня тогда так настойчиво... допрашивал, кто это был?

— Мой заместитель. Я после этого руки ему оторвал, а потом пришил обратно. Задом наперёд.

— Не сомневаюсь.

Не удерживаемая теперь ни магическим усилием мага, ни артефактом, иллюзия спадала неохотно, неторопливо, а мужчина передо мной — я не знала теперь, каким именем его называть — не спешил её подгонять. Но всё же она спадала. Мягкие черты лица приобретали правильную чёткость, хищную остроту, волосы темнели, удлинялись, распрямлялись... Дурашливость, подростковая насупленность, извечная лёгкая уютная заспанность, мягкость щёк и губ — всё это, казавшееся мне неотъемлемой, такой привычной и родной частью его облика, исчезало на глазах, словно капли воды под жгучими белыми лучами Луавы.

— Могу повторить, — я сама поражаюсь тому, что всё ещё в силах выговаривать

слова. — Ты прекрасный актёр. Для главы государственного ведомства, пожалуй, у тебя слишком много странной фантазии и склонности к авантюрам, но на сцене ты имел бы невероятный успех. Восхищена. Столько талантов. Надо полагать, ты не только королевский следователь?

— Не только, — голос изменился тоже. И тело. Рубашка на груди всё ещё была растёгнута, и я провела исхудавшими синеватыми пальцами по мускулам, которых не было у моего смешливого дурашливого приятеля.

Да и приятеля не было. Вообще никогда.

Обман.

Всё это один сплошной обман.

— А где же сам Март?

— Погиб несколько лет назад. Он всегда был рискованным, безбашенным и слишком любил женщин, которых любить не стоит.

— Понятно, — держаться, всё, что мне остаётся — это держаться. — А вот ты не такой. Расчётливый. Безжалостный. И не любишь никого, кроме себя, — я не могла оторваться от его глаз, по десятому кругу пытаюсь сосчитать болотные крапинки в карих радужках, каждый раз получая какое-то новое число. — Ах, нет, я не угадала. Ты любишь свою родину, свою службу и своего короля. Жизнь одной маленькой глупой лавочницы, осмелившейся покуситься на королевское имущество и покой — это такая мелочь, верно? Проще поверить в то, что она пошла по кривой дорожке, чем в то, что тётка забрала пропуск, а стражники обсмеяли, когда она пыталась прийти к тебе за помощью. Сунуть деньги и забыть, чем просто самому разузнать, как обстоят дела... Издеваться над ней снова и снова, используя омерзительное проклятие, отправив на казнь, постаравшись втереться в доверие так, как если бы... Вы мне невыносимо противны, лирт королевский следователь, и, насколько я понимаю, сам лирт королевский некромант. Ваши методы работы... лучше попасть во власть жреца с его пытками, чем пережить вот это всё.

Лигран открыл было рот, а я прижала к нему ладонь, обрывая любые его слова.

— После допроса жреца ты чувствуешь себя беспомощным, слабым, чувствуешь боль, страх, всё верно. После пары декад дней с вами хочется разорвать себе грудь и отмываться изнутри. И уничтожить весь этот хмыров мир, чтобы в нём никогда больше не рождалось таких, как ты. Потому что то, что ты делал... то, как ты всё это делал...

Моя злость, моя боль, моё отчаяние не могли быть переданы ни криком, ни плачем. В руке Лигран всё ещё сжимал кинжал, и я резко выхватила его и приставила к горлу — а черноволосый следователь, мастер иллюзий и перевоплощений, даже не пытался сопротивляться. Я вдавила полоску металла в его кожу и размазала каплю проступившей крови по шее.

— Ты будто бы жив. Ты чувствуешь боль, но на самом деле, это просто иллюзия. Во мне крови нет, а я куда живее тебя, потому что я никогда бы не стала так врать тому, кто мне доверяет, я никогда бы...

— Ты права. И... не права, — его глаза, миндалевидные, с чёрными ресницами, распахиваются шире, а моя ярость ворочается внутри, как раскалённая вулканическая лава. — Я не знал, как я мог поверить в пришельца из иного мира...

— Ты мог помочь хотя бы её матери.

— Я и помог.

— Интересно, как? Умертвил безболезненно? Поболтал с трупом?

— Мать Агнессы жива. Я узнал о её состоянии слишком поздно, верно, но как только узнал — сделал всё, что мог. Она находится в одном из целительских приютов в пригороде Магристы и идёт на поправку. Легенда о её смерти была лишь частью плана.

Наверное, я не должна была ему верить. Хотя какой был резон врать мне — теперь?

— Не худший способ добить и без того дошедшую до предела отчаяния девушку. А то, что случилось с телом дочери, ты её матери не поведал?

— Мартен действительно вряд ли знал это заклинание, — Лигран потянулся руками к завязкам на моём платье, а я перехватила его руки, наши когти слабо звякнули друг о друга. — Но я, разумеется, знаю. Я сниму заклятие, но мне придётся к тебе прикоснуться. Ка-мил-ла.

— Снимешь? Я не... умерла? Или ты добьёшь меня, а потом поднимешь, как крысу?

— Конечно же, нет, глупая девчонка! — было так дико слышать от него интонации Марта. Лигран мигом выхватил кинжал из моей руки и отшвырнул в угол, сжал мои запястья своими поистине стальными пальцами, опрокинул на кровать и навис сверху.

— Тебе легко обвинять. Может, в твоём мире приход иномирца в порядке вещей, а я и представить себе не мог... Да, я врал и притворялся, и это моя работа. Я работаю, чтобы этот мир выжил, чтобы король и его сын правили, чтобы они и жрецы не стравились друг с другом, потому что нашему миру не нужны войны, ни внутренние, ни внешние, не нужны потопа и ураганы, не нужны смерти и смуты! Да, я люблю этот мир! И готов на многое ради него. И я отнюдь не был счастлив, что милая девочка, которая мне так нравилась в годы учёбы, оказалась в центре этой отвратительной каши. Испуганно и высокомерно молчащая на все мои вопросы или несущая полный бред! Я понял, что ничего не добьюсь с ней от своего имени, что та встреча в доме утех навсегда заставила её от меня закрыться, и попробовал найти к ней подход с другой стороны, а когда и это не сработало — запугать. Я очень плохо разбираюсь в женщинах, Ка-мил-ла, и действительно соблазнял тебя крайне... неловко. Настоящий Март — вот тот бы справился куда лучше, а я... Но не надо судить о моей совести и бессердечности и прочем. Ты и понятия не имеешь...

Его рука соскользнула с моего запястья выше. Он поглаживал, разминал мои пальцы, а я молчала, не зная, что сказать и что сделать. Лёгкий массаж несколько секунд почти не ощущался, но потом...

— Ты чувствуешь что-то, Камилла? Сперва это будет небольшое покалывание. Потом — нарастающее тепло. Цвет будет сходить дольше, ссадины и ранки заживут. Что-то можешь внутри тянуть и болеть несколько дней. Выход из этого состояния не очень приятен. Знаешь... когда я оказался в тюрьме, когда я познакомился с тобой, со мной произошло... что-то похожее. До этого я был как будто мёртвый. Окоченевший, почти ничего не чувствующий. А с тобой... Вначале словно тварты по коже бегали. А потом тепло.

Я осторожно высвободила кисть из его руки и посмотрела на кончики пальцев. Синева сходила, словно краска под струями воды — не так быстро, но всё же... Чувствительность возвращалась.

— Через ткань так не получится, — словно извиняясь, произнёс Лигран. — Чтобы было быстрее, тебе придётся снять это платье. Если хочешь, я закрою глаза.

— Ты накладываешь иллюзию?

— Нет, — глаза он действительно закрыл, словно демонстрируя свою беззащитность передо мной. — Я сниму с тебя некротический стазис. Сильная вещь и мало кому известная, почти полная имитация смерти. Иллюзия может ощущаться на ощупь, видится зрительно, но

только со стороны. Подстроить ощущения изнутри — это будет уже внушение, которым владеют только жрецы, не я.

— Выходит, у тебя два донума? Жрица Хорренда говорила, это привилегия женщин.

— Это привилегия тех, кто готов этому учиться и прилагать усилия. Иллюзиям я именно учился, долго... Я понимаю, что ты сейчас обо мне думаешь. Я ничего уже не могу исправить из той невероятной глупости, которая между нами произошла, кроме, пожалуй, этого заклятия. Сними платье.

— Не всё было глупостью, — зачем-то говорю я. Когда он закрыл глаза, мне отчего-то стало легче. — Катание на кварках мне на самом деле понравилось.

— И молоко гваны на пляже. Было очень вкусно.

— И прогулка в поле с тараксумами.

— И посещение приюта Камиллы.

Я на автомате шлёпнула его по лицу. Лигран со вздохом пожал плечами, совершенно так, как мог бы это сделать Март, но глаз не открыл. Всё-таки мне было очень сложно злиться на него долго. Я слезла с кровати, развязала завязки на платье и осталась почти нагишом — верёвочное бордельное бельё в расчёт можно было не принимать. Села рядом, взяла его руку в свою и сдавила, наблюдая за тем, как он сжал губы, как затрепетали на щеках тёмные густые ресницы. И постаралась не вздрагивать от его прикосновений, которые с каждой секундой чувствовала всё лучше и лучше.

— Какой же ты... настоящий?

— Меня действительно зовут Лигран. История про родителей и прабабушку — это моя история, не Марта, за тем небольшим исключением, что пародию на мезонит в меня не вживляли, а заставляли плотать, в толчёном виде. Это было отвратительно. Когда бабушки не стало, я продал её дом и уехал в Магристу. Жил в приюте вместе с Мартом и его сестрой, подрабатывал в городской библиотеке и параллельно читал всё подряд. Потом мы с Мартом поступили в Школу, он остался жить в приюте, а я на деньги от продажи дома, которые смог по большей части сохранить, снял себе комнату. В отличие от друга, я любил одиночество и верил в то, что излишняя суета ослабляет донум. Я хотел стать спокойным и прозрачным, как вода. Хотел сосредоточиться на своей службе, на том, чтобы чего-то добиться. Агнесса мне очень нравилась. Я не назвал бы это любовью, скорее — отдушиной, незнакомой мне ранее нежностью. Я действительно воспринимал её ребёнком и жалел, что не могу ответить на её чувства. Вообще не хотел тогда никаких чувств. Но, видимо, в моём характере было слишком много... всякого, иначе я не сыграл бы роль Марта так убедительно и легко.

— Д-да, — подтвердила я, сглотнув. — Это было... неподражаемо. А что же насчёт казни?

— Не было казни. Тебя просто погрузили в сон. Но ты проснулась раньше и сбежала.

Что ж, я была близка к правде.

— Куда я отправила тебя тогда, в храме?

— К колодцу, куда же ещё. Я успел переодеться и бросился спасать свою сумасбродную подругу. Честно говоря, в какие-то моменты я действительно забывал о том, для чего делаю это всё. Мне хотелось просто с тобой остаться. И... я не хотел, чтобы Март был слишком привлекательным для тебя, словно ревновал к себе-другому. Тогда, когда я сказал тебе, что твоя новая жизнь началась в Винзоре... я так хотел, чтобы это оказалось правдой.

И оно оказалось правдой.

Его руки перешли с моих рук на лицо, а потом — на плечи. Я послушно повернулась

спиной, сдвинула волосы.

— Мёртвых животных поднял ты?

— Я. Устроил переполох. Находиться там долго было слишком опасно. Вообще-то, как королевский некромант, я не имею право проникать на внутреннюю территорию храма без предварительной договорённости.

— Она очень тебя любила, — торопливо проговорила я и зажмурилась, ощущая его руки на шее, самом чувствительном своём месте. — Очень. Не знаю, как она выдержала, когда ты появился там, в доме утех... Ты поэтому закрыл сейчас глаза? Тебе всё ещё противно её тело?

— Нет. Ты... права, Ка-мил-ла. Это моя вина. Мне так жаль. Мне безумно жаль, что всё сложилось так, как сложилось.

Мы замолчали, я прислушивалась к ощущениям: всё так, как он и говорил. Покалывание. И тепло.

И что-то ещё, чего совершенно точно не должно быть.

— Как ты узнала про Ильяну? — его пальцы зарылись в мои волосы, а я, не выдержав, прижалась к его плечу лбом, презирая себя за слабость и ощущая, как всё ближе подхожу к краю пропасти, ещё шаг — и возврата уже не будет.

— Поднялась на крышу и увидела, как вы целуетесь.

— Я с ней не целовался. Просто не хотел быть грубым и не сбросил с крыши, а надо было бы. Потом бы поднял. Как мертвие она была бы куда молчаливее и приятнее.

Опять эти интонации... На всякий случай я снова посмотрела ему в лицо. Передо мной сидел Лигран, а не Март. Лигран, которым Мартом и был. Два в одном.

— Это ты.

— Что?

— Ты — это он. Я, кажется, только сейчас до конца это поняла. Он — это действительно ты.

Словно сложился трудный пазл из пары тысяч кусочков, и мои спутанные противоречивые чувства, каждое из них, встали на свои места.

Его ладони легли мне на живот.

— Так точно необходимо? — я скосила взгляд вниз и плотнее сжала ноги.

— Не то что бы, но в противном случае ждать гораздо дольше.

Мне хочется его оттолкнуть, и в то же время — снова почувствовать на себе тяжесть его тела, как тогда, когда мы катались на крыше приюта. Скручивающиеся спирали в животе, гибкие и хлёсткие, легко отнести к воздействию магии.

— Что вообще Ильяна с нами делает? Она ведь знает, кто ты?

— О, да. Вообще-то, после окончания школы я пристроил её к себе в королевскую полицию на работу — по просьбе брата. В этой операции она должна была вытащить нас из Винзора, но потом навязалась ещё и ещё, якобы для достоверности. В принципе, обо всём знал очень ограниченный круг лиц, и помощь действительно могла понадобиться, если бы не эта неуместная ревность... А я...

— А ты — слабовольный похотливый хмарь, хоть в чём-то я не ошиблась. Где-то в глубине души ты... Эй!

Лигран открыл глаза и смотрел на меня. А мои руки замерли на полдороги — то ли грудь прикрывать, то ли его глаза. И в итоге безвольно опустились на кровать.

— Ты — это он, — прошептала я.

— Ты — это не она, — ответил он так же тихо. — Прости меня, лирта Камилла.

— Я прощения просить не буду, и не надеюсь.

— А тебе-то за что? Ты... когда-нибудь ты расскажешь мне о своём мире?

— Если мы выживем после Венуты — обязательно. Обещаю. А ты научишь меня читать и писать?

— Если мы выживем после Венуты — обязательно научу. Обещаю.

Мы словно обменялись обетами. Ох, Единая, может быть, некротический стазис фатально повлиял на мою мозговую деятельность?..

Восемнадцать. Восемнадцать болотных крапинок у него в глазах. Я уверена в этом, могу даже поспорить. Только в этом и уверена.

Лигран осторожно приподнимает меня за талию и усаживает на кровать с ногами. Под его взглядом, таким глубоким и таким жадным, я чувствую, как тепло в моём возвращающемся к жизни теле превращается в жар. Кажется, ощущаю все свои внутренние органы по отдельности. А Лигран массирует пальцы ног, один за другим. Стопы. Голени. Колени. Вдруг наклоняется и целует — сначала одно колено, затем другое, заставляя меня снова их сжать.

— Это тоже необходимо для снятия заклинания?

— Так быстрее и эффективнее, — и этот жест, которым он взлохмачивает волосы — знакомый и уже почти родной жест. — Ладно, вру. В этом нет необходимости, но... знаешь, я был на самом деле счастлив, когда играл роль Марта. Действующего не только по необходимости, делающего то, что ему хочется.

— А чего тебе хочется?

Он снова наклоняется и осторожно, очень бережно целует кончики пальцев моих ног. Кончики пальцев рук. Тыльную сторону запястья левой руки, почти полностью вернувшего свой природный цвет. Гладит волосы, массирует затылок. Но когда пальцы почти касаются груди, я молча перехватываю его руку.

Лигран приподнимает брови.

— Ты же не хочешь встретить конец мира с такой синюшной грудью?

— Хмарь, одно слово! — против воли, я улыбаюсь.

— В том, своём мире, ты... связывала свою судьбу обетами с кем-нибудь?

— Нет, — наверное, стоило бы соврать, но я говорю правду. — В моём мире у меня даже ни разу не было такого желания.

Его пальцы разминают колени, бёдра — с внешней стороны. И я чувствую себя, наверное, так, как парализованный, которому вернули возможность ходить. Тепло, мурашки, щекотка — всё это восхитительно. Невероятно.

— Не хочу.

Лигран тут же останавливается и пытливо заглядывает мне в лицо, отодвигается, но я мотаю головой:

— Не хочу встретить конец мира с синюшной грудью. Ты действительно ужасный человек, лирт королевский следователь, а я — ужасная дура, но я почему-то продолжаю тебе верить. Я никому не давала обетов, совершенно не умею разбираться в людях, но я пришла к тебе на крышу тогда, чтобы сказать, что я, наверное, люблю тебя. Как бы тебя не звали. Каким бы хмарем ты не был. И, наверное, не раз ещё пожалею о своих сегодняшних словах и обо всём остальном, но... Венута будет послезавтра. Я хочу узнать, как это бывает, когда этого хочешь.

— И хочешь нормальную грудь.

Мы смеёмся, и этот смех ломает последнюю преграду.

Лигран обнимает меня, сгребает в охапку и целует в губы — сначала легко, поверхностно, словно с какой-то досадой то ли на себя, то ли на меня, а когда я пытаюсь сказать ему, что он ничего мне не должен, поцелуй становится глубже, пальцы путаются в волосах. Мои руки скользят под его расстёгнутой рубашкой, наши тела соприкасаются, и меня словно прошивает молнией. Чувствую себя живой. Не засушенным листком из школьного гербария, а живой — пульсирующей, дышащей, влажной и сладкой, словно меня вымазали мёдом. И я позволяю продолжать себя оживлять — во всех смыслах этого слова. Ни о чём не жалея. Ничего не планируя на будущее. Отпуская чужие воспоминания, стыдные и горькие.

Они чужие.

И когда в какой-то момент Лигран шепчет моё, именно моё имя, я на мгновение верю в то, что и он их отпустил — хотя бы на эту ночь.

Глава 65.

Я просыпаюсь от какого-то металлического перезвона. Словно некто в небесах играет на огромном металлофоне.

Выспалась. Кажется, первый раз в жизни я так выспалась, до полной потери связи с реальностью. Лучи Луавы не проникают сквозь чёрное стекло окна, но сейчас, вероятно, утро. Вытягиваю руки вверх и несколько мгновений недоумённо созерцаю свои восхитительно бледные пальцы.

Светлую нормальную кожу.

Может быть, и всё остальное — не сон?

Осторожно сажусь в постели и оглядываюсь. Комната бывшего сиротского приюта, несколько не изменившаяся с ночи. Кинжал в углу на полу. Моё платье — на стуле. Ночью пришлось посетить ванную, но единственное, на что меняхватило сверху — это поднять платье.

На полу рядом с кроватью обнаруживается небольшой поднос с куском мясного пирога и прозрачным напитком в кружках. Вероятно, Лигран позаботился ночью о нашем завтраке. Голод и жажда! Кто бы мог подумать, что я буду скучать и по ним тоже.

Я почти благоговейно откусываю кусочек, желудок протестующе и в то же время вожделеюще ноет — отвык от работы. Ничего, привыкнет обратно.

Дверь с лёгким скрипом приоткрывается, и я инстинктивно натягиваю одеяло до подбородка, представив себе появление разъярённой Ильяны.

Но это всего лишь Ксамурр. Проскальзывает в узкую образовавшуюся щель, замирает у двери. Смотрит на меня выжидательно и, как мне кажется, не слишком одобрительно.

— Ну, вот как-то так, — одними губами говорю я коту и для пущей убедительности пожимаю плечами. — Так оно получилось, и знаешь — я несколько не жалею.

Кот гипнотизирует меня зелёными глазами.

— Оставайся, — так же беззвучно предлагаю я. — Я вас познакомлю. Ты умертвие, он некромант, вы должны друг другу понравиться, а в обиду я тебя не дам. Вдруг нам придётся когда-нибудь жить как одна семья?

...о чём ты думаешь, глупая Камилла?

Кот словно бы размышляет над моими словами, хотя, конечно, это я надумываю, а потом пятится, совершенно как человек, жаль только, дверь за собою прикрыть не может.

Ну, нет, так нет.

Зарываюсь в кровать и обнимаю спящего Лиграна со спины, утыкаюсь носом в чёрные волосы. Он приятно пахнет. Уютно. В комнате немного прохладно, а кожа у него тёплая. Вот так бы лежать и лежать, и ни о чём не думать.

Чувствовать. Дышать.

Металлический перезвон продолжается.

Наконец рука Лиграна оживает, подтягивает меня к себе. Он разворачивается, и мы смотрим друг на друга.

Как должны общаться люди, проснувшиеся утром в одной постели? Мне срочно нужна инструкция. И, судя по лицу Лиграна, ему она тоже не помешала бы.

— Что это за звук? — прерываю я молчание. — Надеюсь, это не только у меня в ушах?

— Следующим утром на восходе Луавы состоится праздник Венуты. В храмах специально обученные служители играют музыку воскрешения. Сегодня тоже праздничный день, когда особенно надлежит воздерживаться от недостойного поведения и непристойных мыслей.

— Даже и не знаю, как это сделать, — говорю я негромко, не испытывая ни малейшего желания от этих самых мыслей избавляться. — Я, можно сказать, заново родилась — и почему-то сразу с разными непристойностями в голове.

Лигран улыбается, и видеть его, именно его, а не Марта, таким непривычно. И тоже самую малость — волшебно.

— Сколько тебе было лет в твоём мире?

— Как и Агессе. Две декады и ещё один год. Наверное, это тоже имело значение при перемещении душ, внешнее сходство, возраст...

Больше всего я боюсь, что вот сейчас он что-нибудь скажет, и сказка рассеется окончательно. Например, что фегинос наконец-то нашли, и я больше ему не нужна.

— Вы похожи?

— Да, немного, но я не такая... — выдыхаю. — Не такая красивая. Не такая яркая. И волосы у меня просто тёмные. Обычные. Я вся — совершенно обычная. Даже без донума.

— Красота — понятие относительное. Да и донумы не всегда приносят счастье. А что касается цвета — ну, это и к лучшему, наверное. У обладательницы таких волос не могло быть простой судьбы.

— Может быть. В любом случае, ты-то меня другой не увидишь. И вряд ли я теперь вернусь обратно.

— Жалеешь?

— Даже не знаю, — и сейчас я как никогда искренне признаюсь в этом незнании. — Сначала — да, очень хотела. Но теперь... Там у меня, если подумать, ничего нет, а здесь...

Хотела бы я сказать, что "здесь у меня ты", но это же не правда. Так не бывает. Не настолько я дура, чтобы верить в чудодейственное значение одной-единственной ночи. Было хорошо? О, да, было хорошо. Но утро наступило и набатом стучит в ушах.

— Знаешь, чего я хочу?

— Поскольку повышаться на службе тебе, похоже, некуда, даже не могу предположить.

— Написать заявление на отпуск и пойти с тобой в Центральный храм.

— Даже не могу предположить, зачем, — повторяю на автомате, а ожившее сердце так непривычно колотится внутри. Если мир волшебный, может, и сказка в нём продолжится? Ну, там, предложение брачных обетов и всё такое, принц на белом кварке...

— Есть огромное желание конфиденциально и членовредительно побеседовать с некоторыми заинтересованными лицами и объяснить им, что иномирные и не только души надо уважать.

...или не продолжится. Может быть, в действительности он просто хочет заставить лирту Хорренду вернуть Агнессу. Может быть, всё-таки решил, что каждой из нас место в своём мире и в своём теле. Не зря же задавал мне все эти вопросы.

— Так вот как вы решаете вопрос с преступностью? Банальной физической расправой и казнями?

— А в вашем мире проблемы с преступностью решаются как-то иначе? И эффективнее?

...ладно, уел.

— А ты не можешь, как глава полиции, официально объявить о том, что я, ну, не виновата? И обеспечить нам осмотр храма?

— Могу, но не за один день. Такие вещи требуют согласования, я не уполномочен решать подобное единолично, по большому счёту, я только исполнитель, особенно в том, что касается дел государственной важности. А по поводу осмотра внутренней стороны храма необходим заверенный лиртом Веритосом орден, составленный на особой бумаге с королевским гербом и...

Ясно. Бюрократия — она в любом мире бюрократия. Как говорится, апокалипсис апокалипсисом, а обед по расписанию.

— В храм в любом случае придётся пойти, раз нельзя официальным путём, пойдём окружным, — нарочито бодро говорю я, поднимаясь, закутываясь в одеяло во внезапном нелогичном приступе стеснения. — Надо попробовать вспомнить всё ещё раз. Я более чем уверена, что Агнесса не брала фегинос специально, что она даже не имела о нём ни малейшего понятия, но, возможно, я смогу найти какую-то зацепку. А тебе со мной идти необязательно, тем более, если это может плохо сказаться на твоей службе... — делаю шаг по направлению к ванной, а Лигран вдруг оказывается за спиной. Тянет за тонкую ткань одеяла, прикасается к плечам губами, легко, словно травинкой щекотит.

— Я пойду с тобой, и это не обсуждается. Когда ты ночью вставала, я подумал, что ты решила сбежать. Испугался так, как в детстве умертвий никогда не боялся.

— Но препятствовать не стал, да?

— Разве я смог бы тебя удержать, Камилла, разрывающая пространство? Да и стоит ли удерживать того, кто хочет уйти?

"Ты — мог бы", — собиралась я сказать, но ничего не сказала. Позволила стянуть с себя одеяло, прикрыла глаза, втянула воздух, всхлипнула, почувствовав на талии требовательные ладони, горячее дыхание на шее, а спиной — его тело. Уткнулась лбом и предплечьями в стену в поисках опоры.

...Не знаю, какой у счастья цвет. Какой вкус, какой запах — тоже не знаю. Но теперь, если я ещё когда-нибудь услышу мелодичный металлический перезвон над головой, словно боги лучами великих светил стучат по небесному металлофону, я в самую первую очередь вспомню именно о счастье, и только потом — обо всём остальном.

* * *

— Дурацкое ощущение, — жалуясь я. — Не трогай меня в другом виде, безумный двуликий лирт. У меня чувство, что я изменяю тебе с тобою же.

Лигран, вернувший себе прежний облик Марта — для Милко и Ильяны, с которой "выяснить отношения до разрешения ситуации с Венутой и фегиносом смысла всё равно нет,

одна трата времени и сил" — приподнимает бровь.

— А с другой стороны, какая профилактика измен. Надоел, наскучил тебе супруг — просто измени ему с ним же самим.

— Экий ты затейник.

"И пока что далеко ещё не супруг".

— Если бы всё сложилось иначе, я бы провёл тебя по Магристе. Ни на один праздник город так не украшают.

Выходить действительно пора, а мы целуемся у входной двери. И одновременно вздрагиваем от стука в дверь.

— Март? — это голос Ильяны. — Ты ещё не встал?

— Вылезем через окно? — шепчет мой малодушный некромант мне на ухо, одновременно ухитряясь поцеловать в шею.

— У меня есть предложение получше, — тоже шепчу я. — Обними меня и держись крепче.

Он и обнимает, а меня снова скручивает болезненно-тягучим электрическим разрядом. "Это просто потому, что ты не привыкла, — говорю я себе. — Это пройдёт, очень скоро. Вы поймёте, как много между вами лжи, как мало общего. Физическая близость прескучит, вероятно, ему первому. Не обольщайся, не погружайся. Всё закончится, всё пройдёт. Больно будет".

Чем острее я осознаю это, тем парадоксально сильнее моё влечение. Зажимаю его руку подбородком.

— А если не сработает? — чувствовать отклик в его теле едва ли не большее удовольствие.

— Никаких "если". Только не сегодня. Сегодня я могу всё, что угодно. Веришь?

— Верю, — говорит он, а послушное мне пространство глотает нас, одного за другим.

Глава 66.

Металлический перезвон, утихший на пару мгновений, усилился, не просто усилился, а стал нестерпимо громким, лязгающим, словно кто-то оголтело, но методично бил огромным половником по гигантской кастрюле. Этот звук связать со счастьем я уже никак не могла. Лигран сжал мою руку, и мы, сидящие вплотную друг к другу в каком-то просторном... ящике? — с колышущимися светлыми стенками, замерли.

— Где мы? — прошептал он мне на ухо, сквозь рёв иномирных музыкальных инструментов, раздававшийся, кажется, на всю Магристу. В общем-то, мы могли даже орать — вряд ли бы кто-то нас услышал.

— В святая святых, — ответила я прежде, чем поняла, что знаю ответ на его вопрос. — Во внутренней части Центрального храма. Там, где хранился исчезнувший фелинос. А это... — я коснулась стенки, которая стенкой вовсе и не была, — это, судя по всему, накрытый скатертью стол.

— Любишь ты сидеть под столами, — хмыкнул Лигран и осёкся. — В смысле, не ты, а...

— Да ладно, не исправляйся, я понимаю. Всё в порядке. Я — я тоже люблю подстолье. В детстве любила.

— Что ты понимаешь?

— После Венуты скажу.

В самом деле, выяснять отношения буквально в стане врага было более чем глупо. Хотя,

если подумать, врагов как таковых у нас вроде бы и нет. Все заодно, все хотят вернуть фелинос на место, разве не так? Так-то оно так, но... А кому вернуть его хотел Лигран? Королю? Чтобы апокалипсисопрекращательный механизм заработал, реликвия должна оказаться на месте во время церемонии подтверждения права наследования, а это значит, что королю мы её принести и должны, хотя он и его интересы для меня величина неизвестная. Жрецы хотят того же, просто выгадав для себя каких-то привилегий. Другое дело, что в своих благих и не очень намерениях они могут помешать мне...

А что насчёт насчёт отношений... Две декады дней приключений и одна ночь, захватившая, правда, ещё и утро, за полноценные отношения считаться не может. Выяснить попросту нечего. Ревновать к прошлому бессмысленно. Не стоит обольщаться.

Не стоит, я сказала!

— Служители, — зашептала я Лиграну на ухо, коснувшись губами его ушной раковины — хмыра всё побери, не об этом сейчас надо думать! — Где-то там двое служителей, от храма и от короны. Они не знают, что фелиноса нет?

— Конечно, не знают. Утечка информации и паника никому не нужны.

— Значит, дозор они несут по-прежнему... Как выглядит реликвия? Скажи мне, сейчас ты же можешь мне сказать.

Теперь уже Лигран коснулся моего уха, слегка прикусил, но ничего не ответил.

— Скажи!

— Я его не видел.

— Даже ты?! Не верю. Как можно искать то, чего нет?

— Вот так. На церемонии присутствуют только члены королевской семьи и Верховный жрец. Я, как и все прочие жители Магра, не имею права её посещать и обращать свой взор на божественное. А у вас не так?

— Не так. Точнее, не совсем так... Ладно. Это тоже потом. Хватит задавать мне вопросы, сейчас момент не подходящий! Служителей надо как-то отвлечь, чтобы я могла выйти и осмотреться. А лучше на время успокоить.

— По голове и в колодец?

Определённо, что-то от Мартовского раздолбайства имело место быть и в натуре лирта королевского следователя. И не могу сказать, что мне это не нравилось.

— А вот не надо про колодцы. Теперь твоя очередь проявить себя.

— Ладно, ты права, — вздохнул Лигран. — Твоя близость меня дестабилизирует, надо вылезать, а не осквернять священное место своими приземлёнными и непристойными мыслями, моя лирта. Сиди здесь и жди меня.

— Эй! — я занервничала вопреки собственным же словам про "очередь проявить себя". — Ты куда? Почему один?

— Успокаивать служителей. Камилла, неужели ты думаешь, что я совсем бесполезный?! Ну, не то что бы... Просто не привыкла ещё.

— А что будет, если тебя обнаружат?

— Ничего хорошего, — его лицо снова стало серьезным, бесстрастным и сосредоточенным, и я на мгновение испугалась: а вдруг у него раздвоение личности? Ну не может человек быть таким... разным, одинаково естественным в обеих своих личинах! А Лигран, не ведая о моих терзаниях, продолжил. — Ничего хорошего, но и ничего критичного, разумеется. Если меня обнаружат, то задержат до появления кого-то из Верховных. Королевские охранники фелиноса мне не подчиняются, только непосредственно

королю. Жреческому внушению мне противопоставить нечего. Но служитель от жрецов должен быть только один, если вырубить его первым и сразу, сложностей быть не должно.

— Пойдём вместе?!

— Сиди и не позорь меня, лирта, — строго сказал мой лирт и гибко вынырнул из-под стола. А я осталась, терзаемая самыми что ни на есть противоречивыми чувствами: тревогой, виной и каким-то смутным в силу своей новизны желанием положиться на другого.

Глава он местной полиции или кто?!

Дзынь, дзынь, дзынь!

Хочется зажать руками уши, но я боюсь, что пропущу что-нибудь важное, хотя в таком шуме всё равно ничего не услышать. Бедолаги служители, изнутри всё воспринимается совсем не так, как снаружи. Да уж, на "непристойные мысли" сил действительно не остаётся, разве что на одну — спалить этих звонарей на площади перед Центральным храмом, а пепел развеять над морем.

Мы ведь не договорились с Лиграном, сколько мне тут ждать. Пока он за мной не придёт? А если жреческий служитель перехватит над ним контроль и заставит прийти сюда, а потом отрезать мне голову, например?

Провожу пальцем по тонкой, искусной зеленой и серебряной двусторонней вышивке на скатерти, той, которой накрыт ставший моим убежищем стол. В конце концов, если что-то пойдёт не так, я смогу вытащить нас обоих.

Хотя, что может пойти не так?

В этот момент металлический звон резко прекращается, и наступившая тишина ещё оглушительнее ударяет по ушам, так, что хочется обхватить вибрирующую голову руками в попытках удержать от падения с ненадёжного шеста шеи. Я напряженно вслушиваюсь, пытаюсь понять, что происходит там, снаружи — уловить разговоры, звуки борьбы, шаги, что угодно.

Ничего не слышу.

Не выдержав бездействия, отодвигаю край скатерти и высовываю голову. Кажется, мы попали в какую-то рабочую каморку, поэтому здесь так тихо — Лиграна нет. Никого нет. Больше всего помещение напоминает аккуратный камерный склад, большая часть вещей, здесь находящихся, мне не понятна и не знакома. Вижу вертикальные прямоугольные рамки — вешалки для фиолетовых ряс служителей, несколько светильников в виде тараксумов — или тараксумов с подсветкой в центре, металлические кубки разных размеров и цветов, от платинового до медного, стопки книг и бумаг, круглые деревянные "блины" непонятного предназначения, металлические шары и пирамиды на полу... Я выбралась из своего укрытия — действительно обычного стола на пяти ножках с пятиугольной столешницей, как в Винзоре, только застеленного струящейся дорогой на вид скатертью, и в последний момент успела подхватить изящную округлую посудину, вознамерившуюся рухнуть на каменный пол от моего неловкого толчка.

Выпрямилась, подошла к вешалке, поколебалась несколько мгновений: надевать ли для маскировки служительскую мантию? Не стала, в случае чего, не хотелось бы получить стулом по темечку от того же не узнавшего меня Лиграна или запутаться в обильных складках плотной ткани. Двери в традиционном понимании не было — арочный проход скрывал занавес, словно бы сотканный из миллиона мельчайших серебристых бусин. Я сдвинула его в сторону и услышала тихий стеклянный перезвон.

Оказавшись в следующей зале, тоже безлюдной, по крайней мере, на первый взгляд, я потрясённо замерла. Потолок резко уходил вверх, грубый необработанный камень стен источал подземный холод, звук шагов, издаваемый даже моими мягкими туфлями, подхватывался своевольным эхом. Словно меня снова перенесло своевольным донумом в какую-то пещеру внутри скалы — но занавес из бусин за спиной никуда не делся. Я опустила глаза и снова вздрогнула — пол был прозрачным, стеклянным, от моих шагов, словно по слабо схватившемуся льду на поверхности лужи, проступала паутина трещин, а под ним во все стороны растекалась тёмная вода. Я шагала, подспудно то и дело ожидая треска льда под ногой, но стоило мне сделать новый шаг, как разломы на старом месте моментально затягивались.

Чем дальше я шла, тем больше не по себе мне становилось. Не выдержав, наклонилась, присела на корточки, коснулась ладонью пола — а ну как и впрямь ледяной? Но нет, это не лёд, очень прочное стекло — или прозрачный камень вроде кварца...

А вот заключённая под полом вода вдруг стала вести себя странно. Словно я — огромный ходячий магнит, а она — жидкое густо-синее железо. Так и тянется ко мне, как живая, извивается волнами, струями.

Я провожу рукой над полом — и вода послушно следует за ней. Может, это какой-то оптический эффект?

— Брысь! — тихонько говорю я, стучу кулаком по полу, и тёмная жидкость разбегается в разные стороны, как клубок перепуганных синих ящериц.

Не успевая обдумать загадочное поведение более чем загадочного пола, я внезапно замечаю своё слабое полупрозрачное отражение.

— Агнесса! — зову шёпотом своего двойника, словно она — запертый подо льдом призрак. — Агнесса!

Снова протягиваю руку к полу — и девушка из каменного зазеркалья тянется ко мне в ответ, а вода вновь начинает жадно подбираться ближе.

"Помоги мне..."

Кто из нас это сказал?

Кажется, что заключённая в стекле девушка улыбается мне — грустно, но в то же время насмешливо. Мол, а чем бы ты могла мне помочь?

Чем?

Вернуть ей тело?

Ещё вчера утром я согласилась бы с этим безоговорочно. Ещё вчера днём. Это тело принадлежит не мне! Но сегодня всё поменялось... И вернуть это тело означало бы потерять больше, чем Магр, чем даже жизнь. Это означало бы потерять Лиграна.

"Который тоже тебе не принадлежит", — улыбалась мне призрачная лирта, застывшая в огромном куске иномирного кварца.

Где-то вдалеке раздаётся невнятный шум, и я с огромным трудом отвлекаюсь от призрачной Агнессы. Встаю и осторожно иду на шум. В какой-то момент мне начинает казаться, что в зале есть кто-то ещё — звуки шагов двоятся. Тревожно оглядываюсь — никого нет, но полная иллюзия постороннего присутствия сохраняется.

— Агнесса? — вновь вопросительно шепчу я. Подхожу к одной из ровных стен, провожу по ней руками и безошибочно нахожу незаметные взгляду выступы.

Это дверь.

Та самая дверь, за которой находится жилой флигель. Когда Агнесса вернулась от

колодца, она пошла именно сюда, и я никак не могла уловить её состояние, словно об этом у неё и не сохранилось никаких воспоминаний. Впрочем, возможно, мне достаточно просто пройти её путём?

Я постаралась попадать в ритм шагов, которые мне пригрезились, которые до этого момента словно бы отставали от моих собственных. И ноги сами потащили меня вперёд.

Прошла залу-пещеру, более не обращая внимания на мечущуюся под ногами воду, ощущая себя пустой и бездумной. Отыскала ещё одну дверь в стене, которую не нашла бы никогда в жизни, если бы не знания и память Агнессы. Эта дверь в свою очередь вела в какой-то длинный пустой коридор, и только потом я, словно зачарованная, вышла в новый зал, на этот раз — вполне традиционный и более чем торжественный, даже сверкающий. На полу тканые ковры, у одной из стен — подобие иконостаса, только вместо икон — каменные барельефы, изображающие тараксумы. Отдельно стоящая в углу статуя Тираты — не особенно большая и величественная, зато целиком из металла. Серебристые и зелёные витражи в очень высоких, под потолком окнах создавали соответствующее освещение,

Я не смотрю на это всё. Не смотрю на Лиграна, застывшего безмолвной тенью в углу, бросившего на меня острый взгляд. На безвольно распластавшиеся, хотя, по всей вероятности, живые тени-фигуры у его ног — мужчина в обычной одежде и бритоголовый служитель в фиолетовом одеянии. Взгляд словно бы мимоходом отмечает какую-то неправильность и скользит дальше.

Агнесса зашла в зал и искала книгу, но книги нет, это фикция. Её чувства, ужас и недоумение после эпизода со служительницей приглушены внушением жрицы, но она не может не понимать, что ей нужно бежать, уходить... Но уходить она не хочет. Она надеется на помощь Верховной, она надеется найти то, что та просила, выполнить свою часть соглашения.

Подхожу к двуполой статуе Единой, прикосновения к обнажённому камню кажутся почти непристойными. Разумеется, в первую очередь она подумала о тайнике — я и сама бы так подумала. Никаких сейфов и сундуков.

Нажимаю на глазницы, полуоткрытые губы, неуверенно касаюсь кончика выпуклой груди. Пожимаю каменные пальцы: одна, мужская, мощная и широкая рука опущена вниз, другая, женственная и изящная, вытянута чуть в сторону. Заострённые когти не портят этой чувственной красоты, немного порочной в силу наличия признаков обоих полов.

"Если палец указывает в небо, дурак смотрит на палец" — мне вспоминается фраза из какого-то фильма моего мира, и я невольно слежу взглядом за направлением каменной руки. Она указывает на цветочный барельеф. Впрочем, пожалуй, в зале нет ничего иного, что могло бы привлечь внимание.

Цветы как цветы.

Тараксумы как тараксумы.

Хотя...

Подхожу ближе, рассматриваю переплетение стеблей, листьев, летящих пушинок-парашютиков, мохнатые шарики цветков. Возможно, если бы не те омерзительные воспоминания о встрече с целителем в доме утех, если бы не цвет моих волос, я никогда не обратила бы внимания на одинокий цветок киртана, почти незаметный в общем цветочном хороводе среди других.

Агнесса тоже его заметила, не могла не заметить. Я погладила шершавую поверхность, осторожно нажала на иномирный колокольчик — и почувствовала, как рука проваливается

сквозь каменную стенку.

Рука, уже не моя, Агнессы, ухватывает тонкую прямоугольной формы коробку, точнее — шкатулку, узкую, вытянутую. Не картон, не дерево, и, вероятно, не камень. Ни мне, ни Агнессе ещё не доводилось держать изделия из кости — но это, вероятно, оно и есть. Цвета топленого молока шкатулка с причудливым узором, из цельной кости какого-то исполинских размеров существа.

Пустая.

Сейчас она пустая, но тогда...

Крышка тихо щёлкает, и я вижу мастерски вырезанное углубление странной формы. Неожиданно, но знакомо. То, что можно вложить туда — позвоночник, хребет небольшого существа, если предварительно подпилить ему рёбра. Что бы это ни было, оно похоже на кости и находится внутри костей.

А ещё говорили, что Тирата не любит некромантов!

Что же это могло быть? Я с самого начала думала о небольшом украшении, похоже, так оно и есть. Колье. Диадема. Возможно, пояс. Чётки.

Инстинктивно оглядываюсь: а вдруг они все слепые идиоты, одна я умная и зрячая, и вот прямо сейчас увижу это самое пропавшее колье, скажем, у статуи на шее, или...

Агнесса открыла шкатулку, отщёлкнув крепления-лапки — штук десять, одну за другой — и коснулась рукой лежащей внутри белой костяной змейки, снова испуганно огляделась. Быстро засунула ненужную безделицу обратно, каменная пластина с изображенным на ней киртаном беззвучно вернулась на место. Девушка с чёрно-бирюзовыми волосами повернула голову и заметила появившегося словно бы из ниоткуда стражника — служителя от короны.

В этот раз я вижу происходящее словно со стороны, а не глазами Агнессы. Служитель медленно приближается, как дикий барс, в его руках блестит изогнутая металлическая полоска — местное оружие? — и Агнесса отступает, мигом забывая о своей случайной находке. Я знаю, что случится дальше — они окажутся в каменном гроте, и служитель неожиданно провалится, вмёрзнет в стеклянный пол, потеряет сознание от перепада температур — или от чего-то ещё.

А я смотрю на пустой зал. И вижу, как узкая полоска кости выскользывает, точно змея, сдвигая в сторону стенку каменного тайника с изображённым на нём киртаном. Покрывается дымкой, увеличивается в размерах, кости словно растут на костях — так выглядят спутанные окаменевшие кораллы.

Мёртвое, но живое. Я сама такой недавно была. И не только я...

Я — уже именно я — держу в руках костяную шкатулку.

— Нет! — громко, неестественно громко говорит Лигран, до этого времени лишь напряженно, но безмолвно наблюдавший за мной.

Ещё не стряхнувшая паутину воспоминаний и видений, я медленно поворачиваюсь к нему, и вижу темноту, сгущающуюся между его ладоней.

Это так... абсурдно и дико, словно я участвую в съёмках в каком-то малобюджетном фантастическом фильме. Магия, на мой неискушённый и в то же время уже замыленный книжками и киношками взгляд, должна быть такой, какой она и была до сих пор — внутренней, невидимой, скрытой. А между тем чёрный дымящийся шар в руках Лиграна густел, уплотнялся, разбухал, а глаза смотрели на меня пристально, неотрывно, мёртво.

Я поняла, что он сейчас сделает — за секунду до того, как Лигран поднял руки и швырнул в меня смертоносную сферу, прицельно и чётко.

Глава 67.

Отступить бы я не успела, но воздух втянул меня внутрь и вышвырнул у противоположной стены, я ударилась плечом о статую Единой, взвыла от боли.

Совсем недавно я скучала по боли. Кажется, зря.

Лигран, сосредоточенный, неестественно медлительный и совершенно бесчувственный на вид, похожий на киношного киборга, плавно повернулся ко мне. Кажется, я наскучила ему раньше, чем ожидала. А ведь можно было просто сказать, что "дело не в тебе, дело во мне, давай останемся друзьями" и всё такое...

От второго удара я уклонилась так же, не успев обдумать, оценить ситуацию во всей её катастрофичности. Мобилизовавшийся донум вырвал меня из одного куска пространства и впечатал в другой, оказавшийся каменным "иконостасом". Металлическая статуя, в которую угодила чёрная сфера, разлетелась на куски, в ржавую труху, один из срикошетивших острых осколков царапнул щёку, я автоматически слизнула тонкую струйку крови.

Я жива. Действительно, жива.

И значит, могу умереть...

Увернуться от третьего удара уже не успела — то ли неосвоенный дар засбоил, то ли отвлеклась на ржавый вкус крови на языке. Смотрела, как летит в меня, целясь куда-то в грудь, спрессованная тьма, потрескивающая и мерцающая, словно шаровая молния.

Откуда-то снизу, навстречу первому сгустку тьмы, рванулся ещё один, поменьше. Тень, не шарообразная, скорее, вытянутая, размазанная в пространстве, сбила в полёте магическую сферу — я инстинктивно зажмурилась, ожидая взрыва, но его не последовало.

Смертельный шар, разорвавший металлическую статую в клочки, мой неожиданный спаситель катил по каменному полу, как шерстяной клубок. Стукнул лапой, раз, другой — и тьма лопнула чернильным пузырьём, почти как прозрачная паутина, тогда, в подземном переходе.

Мой верный котик, кажется, идёт по моему следу лучше любого охотничьего пса. И готов защищать, даром, что неживой.

Лигран сделал шаг ко мне, ещё шаг, и в его остекленевших глазах я снова увидела собственную смерть. Неотвратимую, беспощадную, холодную. Ксамурр вклинился между нами, оскалился, беззвучно захрипел, и, чувствуя его крошечные, почти невесомые лапки-косточки на ногах и животе, я вдруг пришла в себя, стряхнула оцепенение. Краем глаза отметила новую фигуру, напряженно застывшую в дальнем конце зала — фиолетовая хламида, бритая голова.

Ещё один служитель?!

Почему бы и нет, но...

Внушение! Лигран говорил, что ему нечего противопоставить внушению жрецов...

— Ксамурр! — беспомощно шепчу, прижимаясь щекой к мягкому боку — Лигран говорил, что на тактильном уровне иллюзия даёт нам то, чего мы от неё ожидаем, этакий самообман с магической подоплёкой. Даже в таком состоянии я ещё не настолько сошла с ума, чтобы надеяться, что кот, пусть даже столь необычный, может меня понять и выполнить просьбу. — Ксамурр, служитель... убери его, прошу! — и сталкиваю кота с живота.

Кот упирается, вцепляется в меня — его острые загнутые когти, впившиеся в живот, тоже не более чем иллюзия, и я стряхиваю его с себя без особых усилий. Страшное на вид, но беззащитное, безобидное, в общем-то, существо.

А Лигран, красивый до судорог, опасен.

— Того вон, в рясе! Убери его отсюда, ну! — несу, сама не зная, что.

Пусть я сошла с ума, сейчас это неважно. Лигран наклоняется, протягивает руки к моей шее, как в замедленной съёмке, будто пребывая в ином времени, так же неотвратно, как время, глядит куда-то вбок, сквозь меня, а я вжимаюсь в стылую жесткую стену. Без особой надежды упираюсь руками в его грудь, но донум — теперь-то я знаю, заимствованный, едва ли не украденный — не работает. Если бы не ладони мужчины, почти чувственно скользящие по моим рукам, не сжимающиеся на шее стальные пальцы, я могла бы подумать, что он хочет поцеловать меня.

И ведь целовал, совсем недавно...

Может быть, эта томительная, внушающая ужас медлительность каждого его действия говорит о том, что он сопротивляется внушению? Если бы... Я помнила, как быстро сломал мою волю Верховный жрец, моментально. Противодействие казалось невыносимым.

Вот так глупо, абсурдно, нелепо Лигран меня сейчас и убьёт.

Я должна защищаться, хоть как-то, хоть чем-то, тянуть время, разговаривать, кричать, бить ногами, но я ничего, совершенно ничего не делаю. Хотя моя предыдущая смерть оказалась на поверку ненастоящей, всего лишь по большому счёту репетицией, я уже успела перестать её бояться.

— Ты этого не хочешь, — голос сбивается на хрип, а руки цепляются за ромбики в висках, и я срываю их, чтобы в последний раз посмотреть в его настоящее лицо, если доживу до снятия иллюзии.

Наши взгляды встречаются. Как и раньше, как и всегда, я ничего не могу прочесть в его глазах, болотного цвета крапинки лопнули, тёплый шоколад потемнел. Руки, болезненно сжавшиеся на горле, так, что воздух ещё проходит, но едва-едва, начинают мелко дрожать.

— Ты этого не хочешь... Ты — этого — не хочешь!

Я повторяю эту фразу, то про себя, то вслух — звук почти не протискивается сквозь губы, голова кружится. Я должна сопротивляться, должна биться, как вытасенная на сушу рыба, как человек, которого утаскивает на морское дно расшалившийся кварк! А мне до абсурда хочется еще больше прильнуть к его рукам, которые дрожат и вибрируют, словно вот-вот взорвутся.

Он мог закончить со мной ещё целую вечность назад, судя по всему, приказ служителя был вполне конкретен. Но...

Мои руки, всё еще запутавшиеся в его волосах, густых и шелковистых, как из рекламы шампуня, становятся липкими, и, с трудом оторвавшись от его глаз, я смотрю на собственные пальцы — на них пятна густой бордовой крови. И на этот раз это не моя кровь.

А в следующий миг стальная хватка рук разжимается, и я тут же отползаю вдоль стены, как полураздавленный жук, хриплю, кашляю, чувствуя, как саднит и ноет горло, заживо горят лёгкие. От слабого прикосновения к плечу инстинктивно дёргаюсь, не переставая жадно втягивать воздух. Лигран пошатывается, будто сейчас упадёт, но тут же восстанавливает равновесие, направляется в сторону служителя, склоняется над ним.

Кажется, мы живы. Кажется. Кот, отчего-то полностью сбросивший иллюзию, то есть совершеннейший голый скелет насыщенно молочного цвета, снова залезает мне на колени, я обхватываю его одной рукой и прижимаю к груди. Отыскиваю глазами так не вовремя появившегося служителя, не зная, чего ожидать: полуобглоданный некроотицей труп? Но служитель явно жив, сидит в до боли знакомой коленапреклонной позе, мерно раскачиваясь

влево-вправо, как маятник, судя по всему, не замечая более ничего вокруг.

Неужели в этом магическом мире какой-то кошачий скелетик способен ввести в такой транс? И надолго ли его хватит?

Лигран подобными вопросами не задаётся, протягивает руки — на расстоянии, возможно, их дрожь мне только чудится, массирует бритоголовому виски — и тот безвольно оседает на пол. Гуманно, что ж. Не знаю, что бы я сделала, будь на его месте и имей его возможности. Возможно, проткнула бы эти самые виски насквозь — так, чисто от нервов и для профилактики подобных садистских фокусов в дальнейшем.

— Камилла? — наконец, мой гуманный некромант, только что чуть не свернувший мне шею, возвращается ко мне, двигаясь осторожно, словно охотник, приближающийся к раненому кабану.

Ну и сравнения приходят мне в голову!

Я нервно смеюсь, горло вновь схватывает болью, смех переходит в кашель. Сейчас бы воды, иначе придётся объясняться жестами. Успокаивать Лиграна, что всё в порядке, что он ни в чем не виноват, что...

А Лигран и не думает вырывать на себе волосы и кромсать на груди рубаху. Переводит всё ещё слегка затуманенный взгляд на топчущегося по мне кота:

— Откуда... это?!

— Это Ксамурр, — снова истерически хихикаю. — Мой хвостатый, немножечко мёртвый, но верный друг.

— Умертвие? В Центральном храме?

Я пожимаю плечами. Изумление Лиграна мне не очень понятно, ну, скелет, ну, в храме, но ему-то не привыкать! Лучше бы прощения просил на коленях — бессмысленно, но хотя бы красиво.

— Что тебя удивляет? Ты же поднимал животных тогда, на заднем дворе...

— Те были свежие, только со скотобойни, можно считать, повезло, да и к тому же под открытым небом, а не под сводами храма... Здесь я не уверен, что смог бы так легко, тем более, умертвие, которому уже не меньше декады лет, судя по костям...

— Он хороший и послушный, — Ксамурр по-прежнему открывает пасть в беззвучном шипении, а я невольно думаю, что даже в каком-нибудь фантастическом фильме плод труда целой группы гениальных программистов не двигался бы так органично и естественно, как это самое что ни на есть реальное создание. — Тише, он свой!

Котьяра закрывает клыкастую пасть, тычется лбом в ладонь. Смотреть в его безглазый череп немного жутковато, но, в конце концов, на моей родине, по крайней мере, в просвещенных странах процветает бодипозитив. Без глаз, без кожи, без мяса... зато сердце доброе и храброе. Гипотетическое сердце, конечно.

— Почему он тебя слушается?! — настойчиво спрашивает Лигран, рассеянно стирая по щеке вытекшую из уха кровь. — У тебя нет донума некромантии. Когда он к тебе пришёл? Что ты для этого делала? Какую формулу призыва произносила?

— Какие формулы?! Ничего я не делала, и в мыслях не было. Он появился после казни, прямо в морге. Он со мной везде ходил, а больше никому не показывался, боялся, наверное. Но вообще-то я увидела его в первый раз ещё в своём мире. Можно сказать, я из-за него тут и оказалась... — всё это действительно звучит странно, хотя — не более странно, чем прочее, со мной произошедшее. — Он хороший и безобидный! — торопливо добавляю я, вдруг испугавшись за преданного котейку. И тут же вспоминаю о главном:

— Фелинос!

Неуклюже пытаюсь подняться с пола — Лигран подхватывает меня под руку. Не отпускает, проводит пальцами по шее. Наверное, она вся в синяках, хотя если сравнивать с трупными пятнами это такие мелочи.

Он мог бы сказать мне, что чувствует сейчас, глядя на эти кровоподтёки, но кровавая дорожка на его шее всё же говорит куда громче любых слов. И моё ответное прикосновение — это тоже сильнее, чем обмен брачными обетами.

Так мне кажется.

* * *

Отворачиваюсь и нахожу изображение киртана среди тараксумов. Надавливаю на камень, извлекаю костяной футляр, протягиваю Лиграну.

— Вот, реликвия хранилась здесь. Агнесса открывала шкатулку и видела её, но потом закрыла и убрала обратно. Ничего она не крала и не собиралась красть, уверена. И вообще, в вашем фелиносе нет ничего особенного, это всего лишь...

— Нет, — быстро перебивает меня Лигран. — Не надо говорить, я не имею права это слышать.

Ох уж эти законопослушные иномирные граждане! Человеку, родившемуся в России, никогда их не понять.

— Так значит, ты думаешь, он до сих пор где-то здесь? Фелинос?

— Не сам же он ушёл в бега! Или где-то здесь, или его взял кто-то другой. Других вариантов нет.

— Служитель позвал на помощь, Агнессу поймали, всё произошло очень быстро, никого не пропустили. Обыскали всех, даже меня, даже жреца Веритоса!

— И всё-таки кого-то пропустили.

Лигран переводит взгляд на кота, а я даже досажую из-за его неприкрытого внимания.

— Что это за существо?

Слово "кот" произносится не желает, и это наводит на какие-то подозрительные мысли.

— В нашем мире много таких. Буквально у каждого второго дома. Они живут у людей в домах и на улицах.

— Что вы с ними делаете?

— Изначально они ловили других, крайне вредоносных маленьких животных, поедающих запасы еды и переносящих разные болезни. Но сейчас мы их... любим.

Судя по лицу Лиграна это не очень ему понятно.

— Священное животное?

— Что-то вроде того, — в конце концов, я обещала рассказать ему о своём мире после Венуты.

— В Магре я таких однозначно не видел. Может, он и пришёл из твоего мира?

— В моём скелеты не ходят, и некромантов нет! — очередной приступ нервного смеха я зажимаю кулаком.

— Но ты не удивилась, увидев мертвие в своём мире?

— Он умеет накладывать на себя иллюзию. Выглядел обыкновенно.

— Это невозможно. Животные не имеют донумов, Камилла, — словно консервативный педагог на лекции, заявляет Лигран. — Иллюзии им неподвластны.

— А этому подвластны. Он не такой, как все.

«И он мой».

Что-то холодное, узкое, вытянутое скользнуло по щеке, и я чуть не заорала, подумав о змее, хлестанула себя по лицу. Брызги полетели в разные стороны.

Вода.

Вода?!

Я обернулась к стене и увидела водяную струйку, ползущую вертикально вверх вопреки всем законам физики и здравого смысла. Обычную воду, без рук, глаз и костей.

А горло по-прежнему саднило...

К этому моменту Лигран успел исследовать руками, то есть простучать весь "иконостас", покопаться в обломках статуи, осмотреть стены и несколько деревянных ящиков в углу залы. Теперь его внимание привлекли дюжина молитвенных скамеечек в углу — надо сказать, точно таких же, как и во дворе, для простых смертных, а не каких-нибудь там золотых, инкрустированных самоцветами.

Торопливо, даже воровато, я набрала в ладони воду — холодную и чистую — и сделала пару глотков. Не знаю, что здесь происходит, но удивляться точно уже ничему не буду. Брызнула водой на скелет — тот мотнул черепом и качнул хвостом.

Осмотрев скамейки, Лигран вернулся ни с чем. Опустился на пол, уставился на кота. Коты — они такие, вот тут апокалипсис на носу, ты чуть любимую — потенциально — девушку не задушил, но появляется кот, даже не целиком, а только своей хребетно-костяной частью — и ты уже не можешь оторвать от него глаз.

Я тоже посмотрела на кота. Внимательнее, чем раньше.

На костяную шкатулку.

И снова на кота.

Опустилась рядом с Лиграном, провела пальцами по узкому холодному позвоночнику усевшегося между нами мертвья.

Кот муркнул.

Мы с Лиграном взглянули друг на друга.

— Где проходит церемония? — спросила я так же хрипло, как и тогда, когда он меня душил.

— В королевском двор...

Окончания фразы я уже не услышала: снова провалилась в пустоту.

Алиса в стране чудес.

Скелет кота вместо белого кролика.

Если бы говорить не было бы так больно, я бы кричала в голос.

* * *

Падение заканчивается быстро и неожиданно. В глаза ударяет пронзительно-резкий зелёный свет, я инстинктивно закрываю их рукой. И внезапно замечаю, что сжимаю в ладони белую костяную полоску.

Ожерелье, диадема, а может быть, пояс...

Единая, скажи мне, пожалуйста, что я сплю?! Ну, пожалуйста...

Глава 68.

Вот уж не думала, что можно соскучиться по пластику. В этом мире во внутренней, да и во внешней отделке помещений царствует камень, и от этого воздух всегда самую малость прохладный, даже стылый.

Сейчас я лежала на камне, упиралась спиной и затылком в камень, а прямо напротив

меня располагался каменный фонтан в форме огромного цветка. Исторгаемая из тычинок жидкость фосфоресцировала мятной зеленью, сам камень тоже радовал глаз насыщенным малахитовым оттенком.

Голова гудела, и я на автомате прижала ко лбу зажатую в ладони узкую и длинную костяную пластину. А потом так же резко отняла, уставилась на неё во все глаза.

Нет, не может быть..! И вот из-за этой... шпугенции весь сыр-бор? Да нет тут никаких застёжек, ни на диадему, ни на ожерелье не сгодится. Да и каким образом этот отполированный позвоночник мелкого млекопитающего помогает подтвердить право королевского наследника на трон? Тоже, что ли, светиться начинает? И откуда он у меня-то взялся?

Неважно. Надо понять, куда меня в очередной раз занесло, выбраться оттуда и постараться добраться до дворца, а точнее, до самого Его Величества. Пусть наследник престола подтвердит своё право божественным образом, нервная и обидчивая богиня, готовая из-за неуважения к какой-то побрякушке разнести к хмыре целый мир, успокоится, а я реабилитирую доброе имя Агнессы и смогу наконец-то подумать, как жить дальше.

Я поднялась, отряхнула и расправила юбки, автоматически поискала карман на просторах платья и не нашла. Какая же некомфортная мода! Удобные трусы и платья с карманами — вот чего не хватает этому миру, а вовсе не какой-то там реликвии... Жаль, я не захватила футляр, а тащить столь ценную вещь вот так, в руках — как-то это неправильно. Непочтительно.

Отчего-то ассоциация с украшением никак не желала покидать мою голову. Диадема вышла бы жутковатой, в стиле Хэллоуина, да и коротковата она, с учётом пышных волос Агнессы. Для браслета великовата. А вот чокер вышел бы отменный, будь бы застёжка, мне как раз...

Я приложила гибкую костяную полоску к шее, просто примерить по длине, и внезапно почувствовала, как острые отростки, напоминавшие позвонки, впились в кожу — не до крови, но плотно, впритык. Мигом запаниковав, попыталась стянуть ошейник — но куда там, держался он крепко и ни в каких застёжках и креплениях не нуждался. Судя по всему, оторвать теперь его можно было только вместе с моей собственной головой.

Кажется, то, что я почувствовала, называется приступом панической атаки. Даже обнаружив на голених трупные пятна, я не так перепугалась, как сейчас, представив постепенное сужающуюся костяную удавку, сдавливающую шею, перекрывающую воздух и ломающую позвонки. Буквально три — четыре декады минут назад подвергшийся внушению Лигран пытался меня задушить и вот опять!

Впрочем, пока что новое украшение вело себя относительно прилично, и я плюнула на попытки его снять, постаралась переключить внимание. Огляделась в поисках двери, и, обнаружив её, осторожно приоткрыла и выглянула. Дверь была деревянная, массивная, ручка металлическая, и я вдруг подумала, насколько же здесь роскошная богатая обстановка. благородный зелёный камень, дверь стоимостью с мою годовую зарплату, высокие потолки, портьеры на окнах, на стенах — очертания портретов в тяжёлых блестящих рамах.

Если так подумать...

Если так подумать, донум редко ошибался с нужным мне адресом. И раз уж незадолго перед перемещением я думала про королевский дворец, то возможно, это он и есть. Осталось только отыскать непосредственно Его Величество. Насколько это реально? Дадут ли мне возможность обратиться к правителю непосредственно и без промедления?

Ну почему я не успела прихватить с собой Лиграна! Что он теперь делает? Выбрался ли беспрепятственно из храма? Куда пошёл? Всё-таки жить без мобильной связи хмыровски неудобно...

Дверь открылась беззвучно, легко, с чем я себя и поздравила. Но стоило высунуть нос наружу, в длинный коридор, мягко освещённый невидимыми мне источниками света, как я тут же резко отпрянула обратно: слева и справа стояло по две высокой неподвижной фигуре, очевидно — дворцовых стражей.

Чёрт. Неудачно.

Категорически не хочу попадаться страже — надо полагать, незнакомую девицу тут же схватят и отправят в места не столь отдалённые, разбираться на свежую голову. До королевского тела не допустят, а сами разбирательства могут продлиться долго или вообще начаться утром, когда будет уже поздно... Что же делать? Уйти — они не уйдут, если здесь их дозорное место. А я даже не знаю, где конкретно нахожусь и куда надо идти, дворец-то огромный!

Остаётся уповать только на донум, правда, сознательному приказу тот подчиняется крайне редко. Я осторожно прикрыла дверь, обхватила голову руками, и зашептала:

— Хочу перенестись к королю, хочу прямо сейчас перенестись к королю, хочу...

— Привет.

Звонкий, как колокольчик, высокий голосок заставил меня подскочить чуть ли не до потолка. Я обернулась и увидела тоненького мальчика с длинными золотистыми волосами до плеч, в бархатном зелёном костюмчике, хорошенького, как картинка. Юный паж или лесной эльф, да и только. На вид ему было лет семь или около того — я не имела дела с детьми, за исключением того периода, когда сама была ребенком, считая детей, как и кошек, бесконечно далёкими от собственной жизни на ближайшую декаду лет.

С котами уже ошиблась.

...интересно, что думает о детях Лигран. Всё-таки он меня старше и... Я разозлилась на себя за эти неуместные мысли и уставилась на мальчика.

— М-м-м, привет. А ты чего не спишь?

— На рассвете будет праздник Венуты, сегодня ночью никто не спит, — он рассматривал меня, внимательно, но, кажется, не собирался ни кричать, ни звать на помощь. — А вы кто?

— Меня зовут Камилла. Я случайно сюда попала и теперь не знаю, что мне делать.

Опыта общения с детьми и с котами у меня нет, однако почему-то, в отличие от взрослых, врать им не хочется.

— Мне надо попасть к Его Величеству.

— Его Величество в поднебесном зале, — как само собой разумеющееся, заявил мальчик. — Идите сюда, мне надо доделать мою работу, а потом мы поговорим.

Я последовала за ним. Мы обошли фонтан, который, оказывается, находился не с краю, а только по центру огромной, отделанной зелёным камнем, комнаты. За фонтаном обнаружили вполне живые апартаменты — кровать с балдахином, почти как на картинках в книжках про принцесс, низкий детский стол, стул с высокой спинкой. В какой-то момент я вздрагнула от неожиданности: вдоль стены стояли низкие скамеечки, и в первый момент мне показалось, что на них сидят ещё дети. Зелёного света, испускаемого водой фонтана и серебристого света от оригинального светильника на столе — стеклянного кувшина, наполненного аналогичной мерцающей жидкостью, хватало, чтобы в полной мере осветить

столешницу с разложенными на ней бумагами и письменными трубочками, оставив всё остальное пространство в полумраке. Проступившие контуры фигур я поначалу приняла за живых сидящих людей, точнее, в силу их размеров — детей.

И только присмотревшись как следует, поняла, что это всего лишь куклы. Мастерски выполненные куклы, на вид фарфоровые, дорого и вычурно одетые, вот только лица были пустыми, с одинаковыми чёрными бусинами глаз, но безо рта, носа ресниц, бровей. Навскидку я насчитала штук десять — странное увлечение для мальчика, хотя во что ему играть, если машин в этом мире нет, войн вроде бы тоже не ведётся...

— Какие у тебя... — я не сразу подобрала нужное слово. — Игрушки. Вот это да!

— Это мои друзья, — мальчик пожал плечами, сел за стол, выпрямил спину, и начал аккуратно выписывать строчки магрской вязи.

Я понаблюдала за ним несколько минут — в тишине раздавался только скрип палочки по растительной бумаге. Спустя примерно полчаса странный ребенок отложил палочку, аккуратно собрал листы в стопочку на край стола и уставился на меня. Под его вдумчивым не по возрасту серьёзным взглядом мне стало не по себе. Хотя опыта общения с детьми у меня и нет, но по идее, они должны быть шумными, диковатыми, любопытными, капризными... а этот ночью сидит себе во дворце и закорючки выводит. Обнаружил незнакомую тётку — и ни грамма удивления.

...хотя кто его знает. Смотрит, смотрит, а потом как заорёт во всю плотку, что его убивают.

— Меня зовут Камилла, — повторила я. — А тебя?

— Тив, — ребёнок вылез из-за стола и подошёл к куклам. Начал аккуратно поправлять тех, кто сидел неровно.

— А живых друзей у тебя нет? — вырвалось у меня.

— Был Злот, но он умер, — бесстрастно ответил мальчик. — Он был уже старый, когда я родился. Наш некромант пытался его оживить, чтобы я не расстраивался, думал, я не отличу его от живого, но я сразу всё понял. Если кто-то мёртвый, то с живым его не спутаешь, даже если ведёт себя точно так же. Поэтому мне нравятся эти друзья — они сразу мёртвые. Отец сердился и даже сказал, чтобы лирт некромант не появлялся во дворце несколько дней, а я уже большой, я понимаю, что Тирата не возвращает души.

Я не нашлась, что ответить. Вспомнила историю, которую поведал мне Март о причинах своего смертного приговора — он не сумел воскресить питомца наследника престола... Возможно, далеко не всё там было ложью. Я-то гадала, почему лирт некромант и королевский следователь ведёт себя как одинокий частный детектив и почти не пользуется своим служебным положением. А он, оказывается, впал в немилость.

Стоп.

Наследника престола?!

Я по-новому взглянула на иномирного Тутти.

Повезло так повезло. Я снова дёрнула злосчастный ошейник, но сниматься тот категорически не желал. Что ему еще надо?! Вот наследник, вот реликвия! Подтверждай! Может златокудрый Тив должен потрогать меня за шею?

— Золт — это не человек?

— Нет. Он грам. Был грамом.

...Отлично. Знаний местной фауны мне решительно не хватает.

— У меня тоже был питомец, такой, какого ты никогда не видел. Хочешь, нарисую,

какой?

Мальчик чуть поколебался, но протянул мне чистый лист и трубочку, а я наклонилась, очень рассчитывая на то, что проклятуший фелинос почувствует близость своей истинной цели, свалится с моей израненной шеи и рьяно поползёт в сторону Тива.

Ни фига подобного.

Пришлось нарисовать кота — как умею, а умею я довольно коряво. Однако у принца буквально вспыхнули глаза:

— Я таких никогда не видел!

— А я никогда не видела граммов. Нарисуешь мне?

Грам оказался довольно милым зверьком, напоминавшим коалу — нечто мохнатое, с мягкими округлыми ушами.

— Можно, я напишу на вашей картинке своё желание на Венуту?

— Какое? — нервозность и неопределенность нарастала, и поддерживать непринуждённый разговор становилось всё труднее.

Проклятый ошейник никак не реагировал на близость наследника, а значит, всё-таки нужно будет встречаться с королем и жрецами лично.

А если я его как-то испортила? А если я ошиблась, и это вообще не фелинос?

— Желание, загаданное на Венуту, говорить никому нельзя! — мальчик поднял вверх указательный палец. — Не сбудется. А вы своё уже написали?

— Я не умею писать.

— Совсем?! — изумился Тив. — Ни одного слова?!

— Одно слово как раз умею, — и сказать по правде, оно и является моим желанием, так что почему бы и нет. — Можно я возьму твой лист?

Я написала "Лигран", свернула бумажку и сунула в манжет за неимением лучшего — не в декольте же лезть при ребёнке.

— Как же так вышло?

— Приехала издалека, у нас там учат... другому языку. Послушай, лирт Тив, мне действительно надо повидать короля. Он... твой отец? — я набралась решимости. Может, здесь есть какой-нибудь тайный ход или...

— Ага, — совсем по-детски мотнул головой мальчик. — Только сейчас он очень занят, готовится к церемонии. Зато мне первый раз в жизни разрешили не спать всю ночь!

— Праздник! — против воли, я улыбнулась. — Я понимаю, что Его Величество занят, но мне очень, очень, очень нужно его увидеть.

— Тогда надо записаться на ау... — Тив задумался, но всё-таки выговорил, — ...диецию.

— Мне надо именно сейчас. Это очень-очень-очень важно.

Мальчик заколебался, по столу царапнули проступившие коготки, и он испуганно потёр столешницу. Неправильный какой-то принц. Неизбалованный.

— Ой, у тебя есть донум? — почти искренне изумилась я.

— Конечно, есть. У меня такой же, как и у отца, и у дяди. Смотри! — он потянулся было ко мне, словно желая взять за руку, но тут же опомнился и двинулся к малахитовому фонтану, стараясь идти неторопливо и размеренно.

Я тоже подошла, гадая, как выстроить разговор, чтобы не спугнуть маленького принца. Уставилась на светящуюся воду — надеюсь, она не радиоактивная.

...ох, ну и глупости приходят в голову. Принц-то тут всю жизнь живёт, и ничего.

По поверхности воды плавали какие-то плотики, человечки, миниатюрные кварки и другие незнакомые мне диковинные существа — оставалось только порадоваться, что Тирата избавила меня от встречи с ними тогда, в море. Я уже хотела вернуть разговор к теме срочной аудиенции, но тут вода заколыхалась, словно со дна поднималось некое подводное чудище, закружились многочисленные водовороты, вверх взметнулись гейзеры, игрушки на поверхности пришли в движение. Некоторое время я наблюдала за водными игрищами, а потом тихо сказала:

— Здорово. Никогда не видела ничего подобного. Но если я не встречу с Его Величеством прямо сейчас, произойдёт что-то плохое. Если бы это было не важно, я не стала бы приходить ночью, особенно накануне Венуты.

— Отец не любит, когда его беспокоят, — Тив посмотрел на меня едва ли не со слезами. — Особенно сейчас. Последнее время он очень... вспыльчивый.

...и я даже знаю, почему.

— Он переживает, потому что ему очень нужна вот эта штука, которая на моей шее, — я откинула волосы, демонстрируя ошейник. — Он её потерял. А я нашла и принесла сюда. Мне надо ему её отдать, но я боюсь, что стражники меня не пропустят и мне не поверят.

Мальчик смотрел на меня во все глаза. Настоящий принц — воспитанный, выдержанный, и речь поставлена — сомневаюсь, что его сверстники в моём мире так разговаривают. А с другой стороны, доверчивый и явно очень одинокий ребёнок, кажется, рад пообщаться с кем угодно, кто заглянет на огонёк. Бедолага.

А ведь на моём месте могла и преступница-наёмница какая-нибудь оказаться. Втёрлась бы в доверие, добралась бы до королевского тела, а то и похитила бы мальчишечку — и готово. Видимо, донум разрывателя пространства действительно очень и очень редок, раз никто не защитил ни дворец, ни храм от подобных вторжений.

— А твоя мама?

— Она вместе с отцом. Вся семья готовится к церемонии.

— А ты почему не с ними?

— Я делаю домашнее задание, — важно ответил мальчик, явно повторяя чьи-то чужие слова. — Праздник — не повод игнорировать свои обязанности, это повод потрудиться вдвойне.

...действительно, королевское воспитание. Но мне-то что делать? Идти через стражников с надеждой на их лояльность или действие донума? Остаться с принцем и ждать, когда за ним придут, являясь на церемонию впритык или, опять же, попадая в королевскую темницу до выяснения всех обстоятельств появления в покоях наследника неустановленного лица? То есть очень даже установленного — убийцы, воровки и беглой каторжницы.

— Вы можете дойти до поднебесного зала сами, — неожиданно произнёс Тив. Тиверн — я неожиданно вспомнила упомянутое Лиграном имя, да, точно, Тиверн.

— Там стража, она меня не пропустит!

— Стража вас не тронет, идёте! — он снова неосознанно потянулся ко мне, и я в ответ осторожно протянула руку. Принц поколебался всего несколько мгновений, а потом вложил свою ладошку в мою.

Так, держась за руки, мы и дошли до входной двери.

— А вы ещё придёте? — прошептал он, глядя на меня снизу вверх, золотистые ресницы дрогнули.

...что-то во мне жалобно ёкнуло, срезонировало, то ли одиночество моего собственного детства в полной, в общем-то, семье, то ли — одиночество Агнессы. Мне не хотелось врать Тиверну и правду говорить тоже не хотелось, тем более, правду, в которой я не могла быть уверена. И я сказала самое что ни на есть нейтральное:

— Постараюсь.

Наследник престола открыл дверь совершенно спокойно, я вздрогнула, ожидая чего угодно — крика "стража, тут чужая тётя!" или ещё какого-нибудь сюрприза, но принц тоненько и в то же время звучно, как какой-нибудь полководец-лилипуг, провозгласил:

— Стра-ажа! Всем закрыть глаза, пока я считаю до двух декад! — и, повернувшись к несколько обалдевшей мне, прошептал, неожиданно переходя на "ты":

— Иди!

— Куда?!

— Прямо и прямо, а потом наверх до конца! — и продолжил, гораздо громче. — Один! Два-а!

Я затопталась на месте, не зная, идти или нет, но принц продолжал нараспев считать, и я шагнула вперёд. И в раннем детстве-то не любила жмурки, а уж сейчас, с моими-то нервами, от которых остались одни воспоминания... Стражники — четыре рослых мужика — действительно стояли с закрытыми глазами, вытянувшись, как свечи. Не уверенная, что высокий мальчишечий голос заглушает грохот моих шагов, что там, в конце коридора, не обнаружится с десятков каких-нибудь не слышавших приказа стражников, я торопливо затопала вперёд, испытывая головокружительное желание обернуться — и не менее сильное желание бежать без оглядки. Дойдя до конца коридора — вместо канделябров в стены были вкручены стеклянные ёмкости всё с той же светящейся жидкостью, я уставилась на два чёрных проёма — а теперь куда, налево или направо?! Шагнула наугад направо и оказалась на лестнице, каменные ступени безжалостно выдавали стук туфель, и я стянула их, оставшись в одних чулках.

Единая, что я буду делать, если меня поймают? Если мне не поверят? Что..?

Двумя пролётами выше я на секунду остановилась перевести дыхание — а вот была мёртвой и с подобными проблемами не сталкивалась! — и в этот момент в меня врезался возникший невесть откуда высокий темноволосый мужчина. Я не удержалась, сделала шаг назад, покачнулась на верхней ступеньке, а незнакомец ухватил меня за ворот и рванул на себя. Я замерла, глядя в его породистое строгое лицо снизу вверх — ростом он был почти с Лиграна, но на вид старше лет на двадцать, приятная располагающая внешность. Что, конечно же, не помешает ему сейчас сдать меня страже или...

А мужчина смотрел на меня так, словно никогда до этого женщин не видел. Провёл рукой по волосам, по щеке — там, где от осколка взорвавшейся в храме статуи Единой наверняка остался свежий шрам.

— Антина? — произнёс удивлённо, ухватил двумя руками моё лицо, приблизил к своему, всмотрелся ещё внимательнее. — Антина?!

...да хоть хмыра лысая, только не бросай меня в терновый куст.

Глава 69.

— Антина?!

Сияющая жидкость в сосудах, висящих на стенах, то резко вспыхивает, то медленно гаснет. Возможно, это такой местный аналог экономии электро-, то есть, магоэнергии. Или же освещение как-то реагирует на эмоциональный фон присутствующих.

Эмоциональный фон... нестабилен.

— Не то что бы... — я осторожно пытаюсь выпутаться из цепких объятий странного незнакомца. Не стражник. Не, слава всем богам, жрец. Но одет дорого, богато, под стать окружающей обстановке и здесь, во дворце, ночью, чувствует себя как дома. Кажется, уже понял свою ошибку, но и из рук не выпускает, только отодвигает подальше, чтобы разглядеть лучше. А имя «Антина» я уже совершенно точно слышала, но вспомнить, когда и где, пока не получается. Не так уж много знакомых женщин у меня здесь было, не в доме же утех его называли, хотя...

— Ты кто, юная лирта? Новая служительница?

"Я ваша спасительница", — хочется брякнуть, как всегда не вовремя, но пытаюсь сдержаться изо всех сил. Знать бы, кто передо мной, но приходится действовать наугад. Поскольку для сочинения удобоваримого вранья времени катастрофически нет, я говорю правду, точнее полуправду:

— Меня зовут Агнесса, я... — в этот момент свет вспыхивает особенно ярко, и мужчина ошеломлённо протягивает руку к моим волосам, сжимает прядь, проводит от корней до кончиков — бережно и властно одновременно.

— У вас волосы, как у моей матери. Никогда ни у кого, кроме неё, ранее не встречал подобного оттенка. Кто ты?

Дались им всем мои волосы!

— Но лицо... Лет двадцать назад в Центральном храме Тираты служил некто лирт Грамос, он готовил травяные ароматические смеси и отвары, у него в помощницах была очаровательная дочь...

И я, наконец, вспоминаю.

— Лирт Грамос — это, видимо, дедушка... мой, а Антина — мать. А вы, лирт...

— Ритворн, юная лирта. Что ты здесь делаешь?

— Лирта Агнесса заблудилась, — раздаётся голос сзади, бесстрастный и решительный голос, от которого у меня моментально мучительно сводит желудок. — Приносим свои извинения за то, что потревожили вас, Ваша милость. Лирта уже уходит.

Ваша милость... не король, как я подумала грешным делом, но кто-то очень-очень близкий. Высокопоставленное лицо. Возможно, родственник.

Знал мать Агнессы.

У его матери похожие волосы.

И вдруг я особенно отчётливо вспоминаю замёрзшую в лёд воду в чашке.

Не может быть, не может быть! Я даже рот открыла, чтобы произнести вслух, что этого всего просто не может быть, забыв о том, что хмырова Венута вот-вот начнётся, что сейчас глубокая ночь, это королевский дворец, полный стражи, что вокруг моей шеи удавкой свернулся долгожданный фелинос. Произнести, не обращая внимания на то, что за мной в сопровождении двух высоченных бритоголовых секьюрити стоит сам Верховный жрец Магра лирт Веритос.

— Ведь вы уже уходите, лирта?

Моя голова сама собой собирается кивнуть, повинуюсь безмолвному приказу, подбородок тянется вперёд и вверх, а потом стремится опуститься вниз, словно чугунное ядро, и одновременно рот захлопывается с такой силой, будто губы крепко сшили между собой суровой ниткой и иголкой размером с палец. Внушению жрецов противостоять невозможно...

"Мне нечего ему противопоставить", — сказал мой Лигран, но потом вопреки собственным словам сдержался, пусть на сотую долю микросекунды, возможно, эта самая доля секунды спасла мне жизнь...

Он сдержался, и я должна.

Не знаю, уже не знаю, увижу ли я его снова, но мысль о нём заставляет огромным усилием воли держать голову поднятой вверх, и пусть губы так и не размыкаются, я хотя бы не киваю китайским болванчиком. Просто стою и гляжу, не отрываясь, на высокого мужчину перед собой, инстинктивно ища в нём защиту. У незнакомца высокий лоб и густые брови, тонкие пальцы сжимают всё ещё моё плечо, и мне безумно жаль, что Агнессы сейчас нет на моём месте.

Жаль, что она не узнает того, о чём догадалась я.

Догадался ли лирт Ритворн или нет, неизвестно, но его взгляд, устремлённый на жреца, холоден, как могильный камень.

— Применение внушения внутри дворца недопустимо. Вы забываетесь.

— Недопустимо, если того не требует государственная безопасность, Ваша милость. Эта девушка мне, к моему прискорбию, знакома. Она нарушила закон, она попрала заветы Тираты, она...

— Мне тоже знакома эта девушка. Снимите внушение и уйдите.

— Ваша милость, Вы заблуж... — Верховный спотыкается на полуслове. — Она опасна, и она может сбежать! У неё редкий донум, подчиняющий пространство... Она подозревается в краже фелиноса и убийстве! Её нужно немедленно допросить!

Со спины он не видит костяного ошейника — распущенные волосы закрывают обзор. При мысли о грядущем допросе всё внутри сжимается, но единственное, на что меня хватает — продолжать стоять неподвижно. Лигран, это ради тебя я сюда пришла. Дань глупому маленькому суеверию твоего мира...

— Снимите внушение.

Жрец едва ли не скрипит зубами, мне нет необходимости видеть его лицо, чтобы понять это, но, очевидно, не подчиниться он не может, хотя, судя по голосу, которым он продолжает возражать, с удовольствием бы заставил стоящего перед ним человека облизать, а затем проглотить свои ботинки.

— Снимите внушение и оставьте нас. Немедленно.

Освобожденная голова нервно дёргается.

Время, время, время! Я только и делаю, что теряю время.

— Что вы здесь делаете? — мягко повторяет лирт Ритворн, словно в ответ на невысказанные мною мысли. — Агнесса, — он произносит её имя, словно пробуя на вкус нечто сладкое, а я вдруг чувствую знакомое тепло и закручивающееся движение воздуха вокруг. — Дочь Антины... Где она? Что с ней? Подождите! — лирт протягивает руку и успевает ухватить, дёрнуть за запястье, но пальцы соскальзывают с манжета платья, а меня уже уносит прочь.

* * *

Лежу на спине, упираясь ноющим боком в стену. Надо мной небо — без единой звезды, густое, тёмное. Тем пронзительнее светится иномирной нереальной зеленью Стилус. И глядя на него сейчас, я отчётливо понимаю только одно — я всё ещё в Магре.

Тиверн говорил, что король находится в зале.

Это, вероятно, не зал.

Но зал называется "поднебесный"...

А надо мной — небо.

И вокруг буйствует ветер.

Я сажусь и отмечаю, как полоса за полосой к горизонту небосвод светлеет. Рассвет наступит очень скоро. Неловко поворачиваюсь — и дыхание перехватывает от ужаса. Внизу пустота, земля далеко внизу. Хочется подняться на ноги или хотя бы отползти, но за мной стена, совершенно гладкая и какая-то округлая, не за что зацепиться, нечем держаться, а ветер крепчает и безумствует. Кажется, это какой-то башенный шпиль с небольшим выступом по кромке, на котором мне и повезло очутиться. Я боюсь высоты, но всё равно, упираясь затылком, локтями, лопатками, вытягиваюсь вверх и осматриваюсь.

Отсюда видно... всё. Вся Магриста. Бурые крыши домиков. Зелёные поля. Узкая лента золотого пляжа. Под полосой светлеющего неба — беспокойное, сморщенное, как кожа на намокших пальцах, море. Отчего-то оно тревожит меня и вызывает желание отвернуться, хотя думать сейчас полагается совсем о другом.

Хотя бы о том, что пройдя несколько метров по карнизу вправо, по-прежнему вжимаясь спиной в конус башни, прямо под собой я вижу поднебесный зал Его Величества, чьё имя даже не удосужилась узнать.

Неудобно даже. Надо будет обратиться — и не знаешь, как.

Крыша дворца напоминает вершину огромной, чуть сплюсненной шахматной ладьи. В её сердцевине сияющей пентаграммой выложена зелёным камнем пятиконечная звезда, в вершинах лучей которой пять высоких стеклянных колонн с той же ядовито мерцающей серебристой жидкостью внутри.

В центре звезды стоят люди. Самое смешное, что они, похоже, не видят, не замечают меня, никто не удосуживается задрать голову. Их голоса пытается развеять ветер, но общий смысл я могу уловить. Внимание прежде всего привлекает незнакомый мужчина — единственный из присутствующих подходящий на роль короля, правда, на его голове не корона, а спутанная паутина тонких серебряно-стальных нитей. Напротив него — лирт Веритос, его не узнать невозможно. За спиной короля тонкая светловолосая женщина и ребенок, в котором я с трудом, но узнаю юного магрского принца. Лирта Хорренда стоит в отдалении от остальных и кажется совершенно лишней, посторонней фигурой на этой сцене.

— Вы не выполнили обещания, Верховный.

— Я нашёл девушку, всего пару декад минут назад она была почти у меня в руках, но лирт Ритворн...

— Так это мой брат во всем виноват? После исчезновения феиноса девушка три декады дней находилась в Винзоре!

— Меня к ней не пускали! — шипит жрец. — Вы, светские, ограничены слишком большим количеством условностей. Вы рабы ваших чувств. Ваш брат заинтересовался её волосами и хорошенькой мордашкой, после чего она пропала, а Ваш протеже Лигран, оказывается, знал её раньше! А потом выяснилось, что её память неподвластна прочтению, и я не уверен, что так было всегда. Слишком много странных совпадений, которые все вокруг склонны пускать на самотёк. А теперь это я не выполнил обещание! Сейчас Тирата в ожидаемом гневе, и кто, кроме нас, вообще хоть что-то предпринимал?!

— Лигран проявил слишком много... инициативы, — холодно говорит король. — Но вас это не касается. Как не касается, собственно, ничего, кроме усмирения гнева богини... которого, впрочем, никто, кроме вас, и не чувствует.

— Ветер усиливается, — жрец вытягивает руки, словно поглаживая воздушные струи, и мне отчего-то абсурдным образом кажется, что происходящее его скорее радует, нежели тревожит. — Море волнуется. Никто не чувствует, кроме меня?!

— Погода, — несколько нервозно отзывается король. — Это просто погода!

Единая, сколько можно слушать их бестолковую перебранку? Сижу тут, как... Электроник на флюгере!

— Так что вы от меня хотите, если происходящее меня не касается? Я... мы, — лирт Веритос оборачивается на застывшую в молчании лирту Хорренду, словно призывая её вступить в дискуссию, — мы можем быть свободны, Ваше Величество? Вы оправдываете лирта Лиграна, Ваш брат не подсуден по определению, вы не опасаетесь последствий исчезновения реликвии, в таком случае... всего доброго?

— Церемония божественного подтверждения права наследования представителями культа Единой — устаревшая формальность, — чеканит король. — Но Магру эта формальность нужна. Завтра вы подтвердите: Тиверн — законный наследник престола. Он мой единственный сын. У Ритворна нет детей. Есть фелинос или нет, это ничего бы не изменило. Тиверн — наследник! К чему вся эта суета?

— Вы предлагаете мне соврать, Ваше Величество, — вкрадчиво, но от этого не менее звучно продолжает жрец. — Соврать народу Магра, что уже само по себе недостойно моего сана, но это полбеды. Вы предлагаете соврать перед Единой, нарушить её завет...

— А что предлагаете вы? Объявить народу Магра, что с завтрашнего дня у него нет правителя? Что будет дальше, что начнётся дальше, вы представляете?

— Почему вы не задумались об этом раньше? Когда я просил Вас, многократно, дать мне первому допросить девушку, оказавшуюся на месте преступления? Когда вы поверили вашему мальчишке-некроманту — следователю с его дурным воображением и бредовыми идеями, а не мне?

— Вы допрашивали ее и тоже ничего не смогли!

— Вы одобрили её казнь, полнейший абсурд!

— Это была постановочная казнь.

— Вы могли бы поставить меня в известность!

— Я не обязан перед вами отчитываться.

— Но сейчас вы просите о невыполнимом одолжении...

— Довольно! — холодно проговорила лирта Хорренда, обрывая двоих уже перешедших на крик мужчин разом. — Фелиноса нет, девушка исчезла. Рассвет наступит через несколько декад минут. Если Единая благосклонна, если ничего не произойдёт, это значит, что она одобряет наследника. Если же нет... ничего уже не будет иметь значения.

Верховная стояла, прямая и ровная, как свеча с фиолетовым пламенем на макушке. Король и лирт Веритос замолчали, но продолжали смотреть друг на друга, королева, чьего имени я не знала, обнимала Тиверна, видимо, пытаясь закрыть ему уши.

Ветер трепал моё платье всё сильнее и сильнее. Я вжалась спиной в покатую поверхность башенного шпиля. Не может быть никакого конца света, вот так, буднично и глупо. Сейчас это всё закончится, недовольный жрец согласится, что Тиверн наследник, жрица уйдёт, уверенная, что я погибла в море и её тайна никогда не всплывёт наружу, а я как-нибудь перемещусь вниз, найду Лиграна и...

— Смотрите! — звонко выкрикнул маленький принц, вывернулся из объятий матери и стремительно, как напуганный оленёнок, побежал к зубчатому краю дворцовой крыши. Я

невольно взглянула туда, куда он показывал, все присутствующие взглянули, даже суровая жрица обернулась.

Мальчик-принц указывал на море.

Море уже не просто волновалось и шло злой нетерпеливой тревожной рябью. Теперь его поверхность ходила ходуном, и все присутствующие на мгновение замерли, как один, уставившись в одну точку.

«Ревизор. Немая сцена», — я невольно фыркнула, но очередной порыв ветра ударил в лицо, и смеяться как-то резко расхотелось.

— Вы всё еще уверены, что фелинос это формальность, Ваше Величество?! — жрец легко перекричал ветер, торжество и ужас смешивались в его голосе, но торжества было все-таки больше.

Король резко повернулся к нему, начал что-то говорить, яростно и судорожно, лицо жреца было перекошено, словно рот существовал отдельно от горящих вожделением глаз, королева попыталась оторвать Тиверна от края крыши и прижать к себе, а Тиверн...

Маленький принц вдруг задрал голову и замахал мне рукой:

— Лирта, лирта, как вы туда забрались?!

* * *

Неожиданно мне стало почти весело. Высоко сижу, далеко гляжу... Волосы развевались облаком, плясали вокруг, как языки демонического пламени. Между мной и стоящими внизу людьми было метров десять, никакого дальнобойного оружия у них в руках не наблюдалось, по сути, если никто не обладает донумом полёта — я в полной недосыгаемости.

Снова подёргалась хмыров ошейник, но он никак не хотел сниматься.

— Лирта Агнесса, доброго вечера! — лирт Веритос не терял самообладания, надс отдать ему должное. — Чем обязаны?

Король смотрел на меня молча. Лицо стоящей поодаль Верховной ничего не выражало. Надо полагать, о своём донуме она направо и налево не кричала, перенестись ко мне не могла или не решалась, но я почему-то была уверена, что опасность разоблачения собственных грехов беспокоила жрицу куда больше расшалившейся водной стихии.

— Вы искали фелинос! — я собрала волосы в хвост, демонстрируя шею, не зная, видно ли им снизу моё украшение. Судя по выражению лиц присутствующих, недоумение на которых медленно сменялось напряженным предвкушением, ошейник был замечен и правильно истолкован, и я не ошиблась.

— Чего вы хотите? — Его Величество был серьезен, как на деловых переговорах с капризными иностранными послами, а я взглянула на него внимательнее. Родственник, как-никак. Если я не ошиблась... Пусть не мой, пусть Агнессы, но тем не менее. На своего брата, очевидно, старшего, правитель Магра был не слишком-то похож, за исключением чёрных бровей и волос. Интересно, почему на троне сидит именно он? Выбор фелиноса?

— Я хочу вернуть пропажу, — мой голос охрип, то ли от крика, то ли от ветра, то ли от нарастающего пульсирующего в горле беспокойства, которое я тщетно пыталась скрыть за широкой улыбкой. — Я хочу её вернуть! Я ничего не крада, я ни в чем не виновата!

— Разумеется, лирта, — король следил за мной цепким тяжелым взглядом и разговаривал, как опытный психиатр с буйным больным, невесть откуда раздобытым заряженный револьвер. — Мы ни в чём вас не обвиняем. Мы... рады тому, что пропажа нашлась.

— Но я не могу слезть! Здесь высоко!

— Ваше Величество... — лирт Веритос повернулся к королю, но тот взмахнул рукой, коротким жестом обрывая жреца.

— Вы обладаете донумом перемещения в пространстве, насколько я знаю. Спускайтесь, и я даю вам слово... моё нерушимое слово, если фелинос окажется у меня... вы останетесь живой и свободной, лирта. Я клянусь вам.

— Обладаю, но не управляю, — я опять подавила истерический смешок. — Я не управляю этим, Ваше Величество!

— Сбросьте нам фелинос. Моё слово останется в силе.

— Не могу его снять! — я подёргала за ошейник. — Не получается!

Король и жрец переглянулись, а я невольно им посочувствовала.

— Позвать слуг?

— Слуги не имеют права входить в Поднебесный зал во время Венуты.

— Ваше Величество! — Верховный понизил голос, но я всё равно слышала, что он говорит. Королева снова зажала уши принцу Тиверну. Мальчик перестал улыбаться и смотрел на окруживших его взрослых растерянно и испуганно. — Ваше Величество, позвольте мне... Речь идёт о судьбе мире, посмотрите на море, оглянитесь вокруг!

— Я дал слово.

— А я нет... Уберите ребёнка! — Верховный делает шаг в сторону, а я ощущаю, как моё скованное тело неумолимо тянет к краю. Ноги не слушаются, лицо — как маска, но это не мешает мне беззвучно завывать внутри от ужаса: почему-то я уверена, что расстояние до крыши дворца окажутся для меня фатальными — жрец позаботится об этом.

Я пытаюсь сопротивляться, где-то в глубине души понимая, что это, возможно, единственный выход — повинуюсь внушению, я спрыгну с карниза башенного шпиля, а там фелинос снимут, пусть даже для этого мне отрежут голову.

Моя жизнь — и жизнь целого мира на весах. Пусть даже чужого, волшебного, немного безумного мира. Я не хочу делать этот выбор, но сделать его придётся. Может быть, так лучше, так проще, что сделала его не я. Не сопротивляйся, Камилла...

Но всё-таки мне страшно, и, замерев на краю, я упираюсь изо всех сил, пытаюсь остановиться.

В этот самый момент стеклянные колонны со светящимся содержимым в основаниях каменной звезды, две из пяти, бесшумно взрываются, лопаются, освободившаяся жидкость не стекает на пол, и, точно струи из исполинских дизайнерских огнетушителей, направленные чей-то недрогнувшей рукой, целенаправленно сбивают жреца с ног.

Его и только его. Короля они огибают, а лирту Хорренду почему-то не видно. Что ж, она-то как раз могла попробовать сбежать, с учётом того, что её неприглядные тайны могут выплыть наружу, и, в отличие от меня, своим донумом она управляет неплохо.

А я облакачиваюсь на стену, сползаю по ней. Моё живое тело чувствует и боль, и усталость, и слабость, ноги трясутся, а зубы стучат, но я дёргаю и дёргаю злосчастную полоску из кости. Безрезультатно.

Жрец, мокрый и тоже немного светящийся, обалдело крутит головой, сидя на полу. Его анимешные волосы потемнели, облепили плечи и спину, и теперь он кажется почти обычным мужчиной средних лет, по недоразумению нацепившим странный нелепый парик.

— Вы..! — возмущенно начинает он, глядя на короля снизу вверх, но тот опять мастерски обрывает начавшееся выступление одним лаконичным жестом.

Поистине королевский навык.

— Это не я, — говорит король, что-то в его лице меняется.

— Но...

— Это она.

Ветер ревёт в ушах, словно я качусь с горы.

— Кто ты? — в этот момент, только в этот, проявляется сходство Его Величества со старшим братом, а я не знаю, как объяснить всю эту историю в двух словах.

— У неё волосы, как у лирты Аиши, — подаёт голос доселе молчавшая королева, её руки безвольно опускаются, Тиверн, пользуясь случаем, отбегает к краю крыши. И поясняет, видимо, для жреца. — Матери лирты Ритворна.

Разные матери — это многое объясняет.

— Хмарь хмыров, — устало роняет Его Величество, а его жена нервно всплескивает руками, но уши сына и наследника находятся слишком далеко. — И когда успел, он кроме храма и библиотек никуда не ходил!..

— Ваше Величество! — успевший подняться жрец делает шаг вперёд, и третий светящийся сосуд взрывается, так же бесшумно и ярко, как его собратья.

— Всё в порядке! — кричит вдруг Тиверн и машет рукой взрослым. — Море уходит!

И мы опять одновременно поворачиваемся в одном направлении и смотрим.

Небо неумолимо светлеет, и теперь золотистая полоса пустынного пляжа видна отчётливее. И да, она стала больше и темнее. Море действительно отходит, отступает, но только никто из присутствующих, кроме маленького золотоволосого принца, не чувствует радости по этому поводу.

Я слишком хорошо понимаю, что это значит.

* * *

Белоснежные лучи Луавы мерцают на горизонте.

— Ваше Величество! — я снова срываюсь на хрип, надрываю голос, потому что некогда восстанавливать дыхание и откашливаться. — Прошу вас, позвольте лирту Веритосу сделать то, что он... считает нужным. Я сама... не смогу сразу. Это необходимо.

— Девчонка права! — вступает жрец. — Нам нужен фелинос!

— Как бы то ни было, она моя племянница, и я не позволю... Лирта, успокойтесь и попробуйте сконцентрироваться, сосредоточиться...

Я пробую, пробую, пробую... И неожиданно меня охватывает злость. Бросаю взгляд на море — оно действительно отступает, стремительно, очень быстро. А это значит, что в запасе одна-две декады минут, слишком мало, чтобы размышлять и придумывать что-то ещё. Слишком мало времени до того момента, как толща воды обрушится на этот мир, столь опрометчиво не успевший даже построить ковчега.

Возможно, именно ради этого шага я здесь и оказалась. И, не думая, не успевая испугаться, ни на кого не глядя, я делаю этот шаг, на миг застывая в невесомости, точно в замедленной съёмке — но вместо падения вниз кто-то резко дёргает меня назад за шиворот, так, что я слышу оглушительно громкий треск ткани, возможно, только в своём воображении.

— Пусти! — рычу я, а Лигран, появившийся рядом невесть откуда, хватая меня за плечи.

— Камилла, стой!

Я догадываюсь, откуда он взялся, хотя понять, зачем Верховная жрица сделала мне напоследок такой подарок, никак не могу. Явно не из-за угрызений совести.

Но он здесь, и это... подарок. Самый лучший из всех возможных. И я поворачиваюсь к нему, стоя на узком карнизе, порывисто обнимаю, Луава всё выше и ярче, ветер всё сильнее, люди внизу что-то говорят, даже кричат, но я не слышу.

— Я нашла фелинос, — у меня глаза слезятся от ветра, но это не слёзы, кажется, жители Магра попросту не умеют плакать. — Смотри, это он. Это он, но я не могу его снять!

Беру его руки в свои и кладу себе на шею — жест абсолютного доверия в моём случае. Холодные пальцы осторожно скользят по коже, касаясь костяной полоски.

Он столько мне врал, он почти убил меня, а я ему доверяю, и сейчас, когда море словно набирает воздуха в грудь для финального крика, когда я понимаю, что еще миг — и я рванусь из рук Лиграна прочь, чтобы его же спасти — ошейник вдруг соскальзывает вниз, и мы оба хватаем его, стучаясь лбами.

Эйфория захлестывает меня, как цунами. Мне не придется прыгать, я буду жить, все будут жить!

Поворачиваюсь к королю, чувствуя себя на грани то ли обморока, то ли истерики, встречаюсь с ним глазами и швыряю фелинос вниз. Он летит невероятно, невозможно медленно, словно планирует вниз мягкое невесомое перо.

И жрец, и король вытягивают руки вверх, едва ли не подпрыгивают, но...

Тяжелая полоска из кости до них не долетает, застывает метрах в двух, нарушая все законы земного тяготения, вроде бы универсальные для любых миров. Сворачивается, точно белая гусеница, клубком, обвиваясь дымом, превращается в кокон, а затем кости разворачиваются, расползаются во все стороны.

Прямо в сером рассветном воздухе над головами тянувшихся вверх людей я вижу до боли знакомый маленький силуэт, белый скелет небольшого существа. Кажется, вот-вот блеснёт зеленью хитрый кошачий глаз, тонкий костяной хвост ходит ходуном влево-вправо.

А потом Ксамурр, мой верный приятель, растворяется, как голограмма, и появляется вновь — на порожке башенного шпиля, у моих ног. Тычется в голень.

— Мррр?

— Фелинос подтвердил право наследника... наследницы! — насмешливо и немного безумно восклицает лирт Веритос. — Этого вы хотели, Ваше Величество? Зато девушка жива!

Король не говорит ни слова.

Лигран не говорит ни слова.

Верховная жрица, стоящая между двух оставшихся в целости светящихся столбов, — я не заметила, когда она вернулась — тоже молчит.

Но я не всматриваюсь в их лица, они все сейчас — словно за стеклянным экраном. Наклоняюсь, подхватываю Ксамурра на руки и поворачиваюсь к морю. Оно вроде бы неподвижно и приподнялось, кажется, совсем немного — иллюзия, возникшая лишь потому, что верхняя кромка воды сливается с небом. Я знаю, что всё не так, что волна огромна и идёт со скоростью смерти. Не знаю, что я творю, хочется вытянуть руки вперед и закрыть глаза, так я и делаю, ощущая, как Лигран, пришедший в себя, обнимает меня со спины.

Это не мешает. Наоборот.

Магия в крови Агнессы, одобренная, признанная божественной силой, в этот момент кажется мне столь же огромной, как волна, ей тесно в этом тоненьком, хрупком и смертном человеческом теле, и она вырывается наружу. Последние два светильника лопаются, такая мелочь, по сравнению с остальным.

Море. Я должна остановить море. Может быть, у меня вырастают невидимые огромные крылья. Может быть, я грежу или схожу с ума, мысленно воспаряя над обезумевшей толщей воды и разглаживая её незримыми гигантскими ладонями, одной — своей, женской, узкой и тонкой, а другой — мужской, сильной и крепкой, так похожей на ладонь Лиграна.

— Ш-ш-ш, — словно дую на больное, успокаивая плачущего, утешая скорбящего. — Тише, тише, тише...

И не вижу — чувствую, как цунами высотой с башню, опускается вниз, миллиметр за миллиметром, вопреки всем законам земного тяготения и прочим правилам. Моя магия сильнее всех правил, пусть даже только в этот самый момент.

Ветер стихает, а Лигран сжимает меня крепче.

— Донум воды? — шепчет он мне на ухо, на кончиках пальцев проступают когти, мягко царапают предплечья. — Наследница престола? Ты просто кладезь загадок, лирта Камилла.

Я поворачиваюсь, больше уже не глядя на море, а Луава светит ему в глаза, и Лигран жмурится, тоже похожий на кота.

— Пожалуй, я теперь выгодная невеста, и могу начинать страдать от того, что ты со мной по расчёту.

— Пожалуй, я могу начинать страдать, что не дотягиваю до тебя и тебе нужен более завидный жених, — тон в тон отвечает он.

— Это всё не моё. Это... её, Агнессы, — я неловко обвожу рукой Магристу, просматривающуюся, как на ладони. А Ксамурр недовольно бодает меня в руку, напоминает о себе, мол, жених женихом, а разве я не молодец? Впрочем, не стоит додумывать за котов их мысли. Даже за таких, необыкновенных котов, божественных реликвий по совместительству.

— Может быть, — соглашается Лигран. — Это её. А я — твой. Этого мало?

— Этого — более чем достаточно.

Я отступаю, чтобы разглядеть его всего, залитого светом дневного светила, прекрасного, лучшего и моего — от макушки до пяток, собираюсь сделать только маленький шаг — но моё тело тянет назад, слишком сильно, чтобы я успела хоть что-нибудь сказать или сделать. Слишком сильно и слишком быстро — лирте Хорренде свидетели не нужны.

Лигран опять успевает меня схватить, я отправляю мысленный посыл — окажись на земле! — и он исчезает, как тогда, в храме.

А я сама — падаю.

Не на крышу дворца, пропасть подо мной гораздо, гораздо глубже — с этой стороны башенного шпиля до земли будет метров тридцать, а может, и больше.

Сердце отстукивает последние секунды, гортань сжимается ужасом, а своевольный донум то выхватывает меня из потока свистящего ветра, то возвращает обратно.

Я оказываюсь в маленьком магрском госпитале, где всюду снуют шустрые целительницы с убранными под нежно-розовые головные повязки волосами. Дородный целитель, склонившийся над постелью бледной и худой темноволосой женщины, с изумлением смотрит на меня, но не препятствует, когда я подхожу ближе и заглядываю в её глаза, называю "мамой", целую, обнимаю и рассказываю, что у меня всё хорошо, что я познакомилась со своим отцом, что он до сих пор вспоминает её, что я тоже очень её люблю. И она поправится.

Я оказываюсь в Высшей магрской школе и лукаво заглядываю в лицо юного лирта Апрутуса, а тот бледнеет, зеленеет и со стоном "Драя, вы же обещали, что больше не

придѣте!" оседает прямо на землю.

Я оказываюсь в "Приюте Камиллы" и учу девчонок шить удобное нижнее бельѐ, а одна из них решает уйти со своей сомнительной службы и открыть ателье.

Я оказываюсь в поле, полном тараксумов, и иду, едва касаясь ладонями огромных белых пушистых шаров, чувствуя себя почти счастливой в этот момент.

Я оказываюсь на крыше королевского дворца, передаю Ксамурра Тиверну и строго говорю, что вот он — наследник, а я как правительница уже сделала всё, что могла и хотела. Ксамурр сердито стучит хвостом, но не сказать, чтобы спорит, даёт себя погладить. И жрец почти разочарованно подтверждает право юного принца.

У меня вообще самый послушный и замечательный в мире кот! Даром, что мёртвый и вообще ненастоящий. Как мне кажется, фелинос может принимать любой облик, импонирующий его хозяину.

Я оказываюсь на побережье, глажу кварка по упругой пологой спине, а тот скалится, словно щенок, и — я точно знаю — согласен ещё меня покатать.

Жаль, что уже не получится.

Я попадаю в какое-то совершенно невообразимое место, то, которое Верховная называла "междумирьем", рассказываю Агнессе, которую не вижу, но чувствую, что всё было не напрасно, хотя бы отчасти, прошу прощения за то, что не уберегла её тело, и она не злится на меня, даже Лиграна не ревнует — ведь он был её мечтой, а реальностью стал только для меня.

Кажется, я даже с самой Тиратой разговариваю, и убеждаю её, что донум внушения для жрецов — непозволительная роскошь, а Единая кивает задумчиво, и на свои магрские статуи она нисколько не похожа.

Словно сотни лиц, сотни жизней проносятся перед моими глазами за те несколько мгновений свободного падения, а потом я ощущаю только глухой удар — и никакой боли. Боли нет, но и ни рук, ни ног я более не чувствую — вероятно, сломан позвоночник. Ксамурр упирается лапками в грудь, и только из-за него я держусь, не закрываю глаза.

Свет неумолимо меркнет, словно Луава утомилась и пошла на боковую часов на восемь раньше обычного.

Я жду.

Когда лицо Лиграна склоняется надо мной, говорю то ли ему, то ли высокому магрскому небу, не знаю точно, кому именно:

— Не делай глупостей и живи.

Мне так хочется обнять его на прощание, но никакая магия уже не может сделать меня живой, двигающейся, дышащей. А то волшебство, которое ещё теплится внутри, я хотела бы отдать ему, всё, без остатка. Прошу, Единая...

В свою самую последнюю смерть я проваливаюсь, как в сон.

Глава 70.

— Подуй! — бабывалина внучка Машка суёт мне одуванчик чуть ли не в рот.

Я сижу на лавочке у соседнего подъезда. Баба Валя вяжет что-то мягкое, длинное и зелёное, шепотом считает петли, одним глазом поглядывая на внучку. Машка крутится то тут, то там, визжит, когда под очередным булыжником обнаруживает залежи недовольных вторжением толстых жуков и гусениц.

Внучка бабы Вали рвёт одуванчики, а я смотрю на летящие в жарком июльском воздухе серебристые парашютики и не могу заставить себя подыграть ребѣнку. Машке всего три

года, и она знать не знает об иномирной богине Тирате и священных тараксумах, но я-то знаю и храню своё персональное священное безумие глубоко внутри.

Это моё, только моё, и в ответ на плаксивую машинку гримасу я лишь отрицательно качаю головой и прикрываю глаза.

Несмотря на прогрессирующий артрит, баба Валя блаженно улыбается, щурится на солнце, весело мерцающее в листве высоких тополей и берёз, щедро, хоть и бестолково растущих в нашем дворе.

— Болезнь, Камиллочка, это, конечно, плохо и беда. А с другой стороны, вон, дочка с внучкой приехали, и теперь я не абы как, а при семье. У всего есть две стороны. А ты всё одна да одна, нельзя так, молодая, красивая, хоть кота бы завела.

Я размеренно киваю её словам, которые за последний год слышала уже не раз и, к сожалению, не два и не три. Год, продлившийся, как вечность, и в то же время пролетевший сброшенным с крыши камнем. Тот день, когда я пришла в себя после падения с крыши королевского дворца Магристы, помню отчётливо, точно со стороны на себя смотрела, а все остальные дни — слились в единую смазанную полосу.

Тот день...

* * *

Что-то мерно пикает, тикает и шуршит. Голова кажется мраморной, а тело, напротив, мягким и подгнившим, но при этом тоже тяжёлым и неподъемным. Краем глаза замечаю тёмный монитор на тумбочке сбоку со светящимися цифрами, чуть выше — высокую, как вешалка, капельницу, знакомую мне по богатому детскому больничному опыту. Чувствую провода на лице, горло напоминает наждачную бумагу, кажется, вот-вот ворвётся доктор Хаус со своей командой и скажет, что у меня хроническая интоксикация сдохшими в муках мечтами об идеальном мужчине и волшебном мире.

— Единая? — хочу позвать я, сухие губы стучаются друг о друга, а язык не поднимается. Возможно, при падении с башни я его откусила. И зубы выбила.

Умирать не страшно, один раз я уже умирала... С этой мыслью я снова погружаюсь в небытие.

Повторное пробуждение до зубного скрежета однообразно: пiski, шорохи и тяжёлая неподвижная голова. Правда, мне удаётся справиться с губами, и я хриплю в темноту:

— Лигран...

Какие-то голоса, незнакомые, искажённые, оживают за горизонтом моего восприятия, не в настоящем времени, а в воспоминаниях, и хотя они произносят вроде бы знакомые мне слова, я не понимаю. С у усилием поворачиваю голову и вижу окно.

Самое обычное окно — пластиковая рама, мятые пыльные жалюзи подняты, обнажая кусок тёмно-синего неба и огрызок луны, безжалостно-тусклой. Не зелёной, земной луны.

— Лигран! — зову я, уже понимая, что звать бесполезно.

Откуда бы ему взяться на земле?

Поднимаю руку, ту, которая без иглы от капельницы — с трудом, но поднимаю — ногти отрасли, но они светлые, и пальцы совсем не такие, как у лирты Агнессы. Не такие тонкие, изящные, и вот этот шрамик — собака покусала в детстве. Можно ещё проверить длину и цвет волос, и всё прочее, но в этом нет необходимости.

Я больше не Агнесса. Я не на Магре. Я не разбилась при падении, она — разбилась, а я — вернулась. Может быть — нет, не может быть, а совершенно точно — я просто чем-то заболела и всё, что я видела, было агонией сознания на грани жизни и смерти.

Как же иначе?

Сплетение удивительных видений, непостижимая игра мозга, ничего больше. Ничего не было, ничего не будет, кроме той самой жизни, к которой я так стремилась вернуться. Крысы не оживают, кварков не существует. Лиграна тоже не существует, никогда не существовало.

А я обычный человек, не повелевающий водой, не разрывающий пространство. Никакой. Обычный. Умеющий плакать.

Это последнее я доказываю сама себе сразу же. Слезы текут по щекам, и я моргаю, пытаюсь их остановить, закусываю потрескавшиеся губы, пытаюсь не издавать лишних звуков — вдруг я здесь не одна? Живот содрогается в спазмах. Я реву, а привыкшие к темноте глаза выхватывают очертания больничной палаты, реву, не имея возможности зажать себе рот или вытереть щёки. Приборы пищат более сердито и громко, но никто на их зов не приходит.

Ну и хорошо.

Это только моя боль, может быть, я никогда не смогу её выплакать, но в любом случае, обойти её невозможно.

Только пройти насквозь.

* * *

Из больницы меня забирала вернувшаяся из Хорватии для решения каких-то формальных вопросов тётка. Оказалось, что меня обнаружили без сознания в соседнем подъезде бабы Вали почти три декады — о, чёрт, тридцать — дней назад. Обнаружила меня никто иная, как сама баба Валя, вернувшаяся из поликлиники, и, недолго думая, вызвала скорую. Так я и провалялась целый месяц, то в платной палате, за что следовало благодарить ту же тётю, то в реанимации, пока каким-то образом не пришла в себя. По поводу причин столь длительной потери сознания никто не мог сказать ничего конкретного, за исключением "черепно-мозговой травмы" и прочих умных медицинских слов, до которых мне не было дело. Ничего криминального, потеряла сознание, ударилась головой, а травмы головы, знаете ли, коварны. Без особого труда выпросила себе академ в университет на ближайший год, хотя, наверное, зря. Физически-то чувствовала более-менее сносно, а морально...

Как бы то ни было, когда вокруг люди, желание подняться на крышу и сигануть вниз становится меньше.

С большим содроганием, но я всё же набралась смелости и позвонила Людке. Та охала и ахала минут пятнадцать, а когда я осторожно спросила про кота, только отмахнулась — пропал, мол, и чёрт с ним. Не в коте счастье.

...я бы поспорила, но не стала.

Жизнь двинулась дальше, неуклюже, как телега на квадратных колёсах, но всё-таки она двигалась. Днём я работала, вечером приходила домой, ужинала, не чувствуя вкуса, и отправлялась гулять по городу часов до трех-четырёх ночи, чтобы потом уснуть без сновидений на неразложенном диване. Шла, не глядя, куда, заткнув уши наушниками, повторяя, как мантру: однажды это пройдёт.

Однажды я перестану пытаться устроить бурю в стакане воды — не фигурально, а в самом что ни на есть прямом смысле.

Перестану выискивать на полках магазинов бирюзовую краску для волос. Замирать при виде колокольчиков.

Перестану вздрагивать, глядя на черноволосых мужчин, и вообще, начну глядеть на

мужчин не для того, чтобы разглядеть в их лицах черты того, кто существовал только в моём воображении.

Заведу собаку или канарейку.

Начну дуть на одуванчики.

Этот миг обязательно должен наступить в твоей бездарной и скучной, нет, нормальной и правильной жизни, лирта Камилла.

...просто — Камилла.

Сегодня у меня выходной, а я сижу на лавочке у подъезда рядом с бабой Вале́й, и мне настолько не хочется ничего, что даже смартфон я оставила дома, хотя повтыкать в смартфон — самое милое дело для человека, потерявшего в жизни даже иллюзию смысла.

Что я могла найти там сейчас?

— Нельзя одной, Камилла, — неспешно, но и неотвратно, как бульдозер, продвигает свою главную мысль баба Валя. — Я вот одиночества накушалась полной ложкой, но хоть дочка есть, внучка вот, бог даст — еще и внука мне Галка родит. А ты чего? Есть хоть на работе мужики свободные?

— Мужики-то есть, да всё как-то не то, баб Валь. Да зачем они мне сдались, вон, мой отец всю жизнь пил, мать намучилась, не хочу я так. Лучше заведу сорок котов.

— Молодая ты, Агнеска, не понимаешь!

— Я... — резко оборачиваюсь, смотрю на сосредоточенное лицо соседки. — Как вы меня называли?

— Как?

— Как меня зовут?!

— Камилла, — женщина даже отодвигается, смотрит на меня недоумённо. — А что?

— Ничего... Послышалось.

...это невыносимо.

— Баб Валь, а что вы для понижения давления пьёте?

— А тебе зачем?

— Низачем, — я встаю, отряхиваю длинную юбку, вставляю ноги в растоптанные шлёпки. Раньше только в брюках ходила, а теперь...

Раньше — и теперь. Раньше — и теперь!

Это невыносимо!

— Да, хоть бы и кот, — бубнит вслед баба Валя. — Вон, смотри какой, я уже не первый раз его вижу, пыталась прикормить, да не даётся. Кучерявый такой, не тронь, Машка, кисю! Поцарапает! Кыш!

От слова "кучерявый" меня передёргивает, как от удара тока.

— Где этот кот?

Испуганная интонациями моего голоса соседка едва ли не крестится:

— В подвал забежал, говорю ж, пугливый...

— Ксамурр! — зову я, сначала осторожно, а потом всё громче. — Кс-кс-кс, Ксамурр!

Слёзы, которые я пыталась сдержать внутри весь этот год, начиная с пробуждения в палате, прорываются наружу, баба Валя охает, а я кричу и плачу, давлюсь слезами и собственным голосом. Машка испуганно засовывает палец в рот.

Я всё готова отдать за то, чтобы ещё раз увидеть тот сон. Я жизнь готова за него отдать. Единая, я хочу вернуться. В своё зазеркалье, в свою страну чудес, в свой придуманный мир, к своей несуществующей любви.

Вся жизнь — за декаду минут, по-моему, неплохой обмен, вот только кого умолять о нём, если чудес не бывает?

— Может, врача вызвать? — в голосе бабы Вали и сочувствие, и тревога, и легкое неодобрение. Её нетрудно понять.

Закрываю глаза, буквально вдавливая мокрые слипшиеся ресницы в щёки.

— Кися! — кричит Машка. — Смотри, бабушка, кися!

Не буду открывать глаза, пока не просохнут слёзы. Чудес не бывает. Не у меня.

...мохнатая голова тычется в голую лодыжку.

— Камилла... — голос бабы Вали звучит так, словно из подъезда вышел то ли патриарх, то ли президент, и лично пообещал поднять ей пенсию в десять раз. — Камилла, тут к тебе... пришли.

...Может быть, я опять провалилась в кому и грежу. Но в таком случае, пожалуйста, не возвращайте меня обратно, потому что кот в ногах и знакомые сильные руки на плечах, подбородок, упирающийся мне в затылок, это именно то, что мне нужно для того, чтобы быть даже не счастливой — живой.

Если я больна — не лечите.

Если я сплю, не будите меня, пожалуйста.

Если я умерла — не воскрешайте. Меня всё устраивает.

Хотя теперь, после всего произошедшего, мне кажется, смерть никогда по-настоящему меня не найдёт.

Эпилог

Я не смотрю ни на кота, ни на мужчину.

Боюсь спугнуть волшебство или — галлюцинацию. Сбой во всей окружающей реальности или только внутри моей головы... Не глядя, салютирую бабе Вале, хватаю Лиграна — или до боли похожее на него видение — за руку, крепко, до хруста, сжимаю и тяну за собой. До подъезда, а дальше — по грязной, давно не мытой лестнице, мимо заржавевших почтовых ящиков, банок с сигаретными бычками на подоконниках высоких окон, по щербатым ступенькам на свой четвёртый этаж. Не выпуская его руки из своей, второй рукой мучительно долго нащупываю в кармане ключ, открываю дверь — кот похозяйски проскальзывает вперёд меня, — и буквально падаю в свой тесный коридор. Моя и тёткина одежда грудой висят на вешалке, разнокалиберная обувь и пыльный коврик мешаются под ногами. Свет не включаю, из какого-то суеверного страха, что мой некромант из другого мира на свету пропадёт, как тень.

Дверь захлопывается, а я набираюсь смелости и смотрю ему в лицо.

Год прошёл. А он точно такой же, восемнадцать болотного цвета крапинок в карих глазах, длинные чёрные волосы, лицо, совершенное, совершенно прекрасное, рубашка и брюки, какие у нас ни в одном бутике не купить, высокие сапоги, плащ за спиной, словно его выдернули со съёмок фантастического фильма. Настолько неуместный в моей дурацкой прихожей, как бриллиант в мусорной куче. А вот я смотрюсь среди общего хаоса абсолютно органично — волосы, второй день не мытые и небрежно собранные в хвост, сползшая с плеча ляжка мятого топики, на носу веснушки, на ноге мозоль, старый шрам от собачьего укуса на пальце. Шрам через всю душу от того, что его не было, свежая рана от того, что он есть — и, наверное, сейчас уйдёт, потому что я — не Агнесса. Не настолько красивая, не владеющая донумом, не пахнущая чудесным целебными травами, не... Он глядит на меня во все глаза, не отрываясь.

Ксамурр крутится у ног — ему-то точно без разницы, как я выгляжу и что умею.

Странно.

По идее, склонную к бродяжничеству божественную реликвию Магра должно тянуть к членам королевской фамилии, к коим я больше не отношусь. Может быть, с Магром что-то случилось? Тирата разгневалась, не согласилась на кандидатуру Тиверна, и...

По крайней мере, Лигран жив. Это самое главное.

— Ну, привет, — нарушаю я невыносимую звенящую тишину. — Это — я. Ты, наверное, удивлён. И разочарован. Но спасибо, что ты пришёл, то есть, я хотела сказать... Я тебя ждала. Весь этот год, каждый день, каждый час, каждую минуту. Я провела с тобой только одну ночь, да ещё и в другом теле — и с тех пор я не могу нормально уснуть, и, наверное, никогда уже не смогу, но это неважно, на самом деле. Спасибо, что ты пришёл, не знаю, как ты смог это проверить, где и с кем ты был всё это время, но... Этот мой мир, он... он такой паршивый, хотя здесь по большей части нет смертной казни, и его богам совсем на него плевать. Спасибо, что ты пришёл. Я тебя не держу, я, правда, пойму, если ты ждал чего-то... кого-то другого и уйдешь сейчас навсегда. И... — слова заканчиваются, я замолкаю.

Лигран качает головой и говорит...

Что-то.

Ни одного слова не понимаю, кроме своего имени. Кажется, я ошиблась, и понимание иномирной речи не входило в базовые настройки, а было дополнительным и временным бонусом от лирты Хорренды. Что ж, это логично, хотя и досадно до ужаса. Зачарованно вслушиваюсь в музыку иномирной речи. Самую малость грассирующую, не так, как у французов, но всё же. Красивый язык, текучий, мелодичный. Не понимаю ни-че-го, просто слушаю, так же внимательно, как до этого он слушал меня. Кажется, он не злится и неплохо скрывает своё разочарование. Но желаемое так хочется принять за действительное, особенно сейчас.

Нервно стягиваю резинку с волос — они короче, чем были у Агнессы, и не такие шелковистые.

Что мне делать? Что говорить? Как себя вести? Пригласить на кухню, напоить пакетированным чаем, предложить сосисок — единственное в холодильнике, что хоть как-то напоминает мясо? Слезы снова льются из глаз, и Лигран удивленно замолкает, осторожно касается щеки ладонью. Наверное, для него это какая-то особенная иномирная магия.

— Я так тебя ждала, мне будет так больно потерять тебя снова, — бестолково объясняю я, и на этот раз он ничего не отвечает, наклоняется и касается губами щеки. Пробует на вкус.

— Солёные, как море, — я не выдерживаю и обнимаю его — пусть отталкивает. — Я так тебя ждала.

Не помню, как мы оказываемся в комнате, такой же беспорядочно-пыльной, с неразложенным диваном. Здесь светло, солнечный свет беззастенчиво проникает сквозь немытое мутное стекло, пыль парит в лучах. Теперь мне хочется, чтобы он меня видел, такую, как есть, безо всяких прикрас. Настоящую.

Лигран снова говорит что-то и вдруг улыбается. Не так лихо, как Март когда-то, но — хорошо. Тепло. Усаживает меня, всё еще с мокрыми щеками, на кровать. Садится на корточки у ног, нерешительно касается стоп, гладит — и целует пальцы, каждый по очереди, не отрывая от меня взгляда, горячего и немного лукавого одновременно. И — самую малость — тревожного. Может, он ждет, что из кухни выйдет законный муж, ведь прошел целый год? Может, он тоже боится, что в этом мире у меня своя жизнь, и ему нет в ней места?

Смотрит мне в глаза и целует. Лодыжки, голени, добирается до колен, останавливается. Как тогда, в приюте. И я сижу, замерев, со своими шрамами, мозолями, синяками и прочими земными несовершенствами, лохматая, непрекрасная, неволшебная, самая обычная.

Самая... счастливая.

* * *

— Такого мужчину скрывала! — баба Валя тяжело поднимается с лавочки мне навстречу. — Хотя, вообще-то, ты права. Такого скрывать надо, а то украдут. С руками оторвут. Иностранец, да? Артист, небось?

— Следователь.

— Мент, что ли? То есть, как это у них называется... коп?! — почти в суеверном ужасе говорит соседка, а я смеюсь. Не могу перестать улыбаться, как идиотка или чеширская кошка, всю эту неделю, которую мы с Лиграном провели вместе. Он хотел посмотреть мой мир. И я, как могла, рассказывала ему и показывала. Техническая немагическая Россия шокировала моего мага, кажется, от и до.

Да я и сама за две декады лет не привыкла и не смирилась...

В тот самый первый день, правда, из дома мы так и не вышли. Я боялась выпустить его из рук, как ребёнок — воздушный шарик, и, в общем, не выпустила. Ни тогда, на диване, ни много позже — в ванной, а точнее, в душе, куда мы отправились вместе.

— Донума у меня больше нет, — говорю я. Говорю и говорю, как будто весь этот год была немой и глухой, в общем-то, в каком-то смысле так оно и было. А с осознанием того, что Лигран меня не понимает, исповедоваться даже проще. — Но, знаешь, на самом деле теперь я не могу воспринимать воду, как раньше. Она для меня нечто особенное. Только это всё не то. Честно говоря, по магии я скучала так же, как и по тебе. Невероятно скучала. После того, как я остановила цунами, не быть способной даже в ванной бурю устроить...

Моя ванна, разумеется, нас двоих бы не вместила, так что бурю устраивать было не в чем. Но вот душ я включила. Лигран ловит интонации моего голоса, улыбается, брызгает мне в лицо водой. Я смеюсь, и брызгаю в него тоже. Здесь тесно. Но зато можно прижаться к нему чуть крепче, хотя, казалось бы, куда...

Вода вдруг становится ощутимо холоднее, почти ледяная, а потом идёт кипяток, и я взвизгиваю. А дальше... довольно-таки куцый дождик из душевой лейки превращается в полноценный ливень.

— Это не я! — пытаюсь я сказать Лиграну, вопросительно заглядывающему мне в лицо. — Это не я, так не бывает, донум был у Агнессы, не у меня!

...ну, да, не бывает. А еще не бывает мурчащих умертвий и восхитительных иномирных следователей в собственной ванне.

— Мы затопим соседей, надо срочно остановить воду, какой ужас, — я шепчу, но, кажется, вру самой себе. Я не в ужасе, я в восторге. Вода не останавливается, и она не просто льёт, а заворачивается в водовороты и водоворотики, крутится в воздухе тугими упругими струями и смерчами, покрывает кафель инеем и дымится паром, а я хохочу и снова испытываю на прочность свой бедный разум.

В дверь начинают колошматить, очевидно, скандальная соседка снизу пришла требовать справедливого отмщения. Вода замирает, а затем стремительно начинает всасываться обратно, в душевую лейку, и это, кажется, ещё невероятнее, чем остановленное наводнение мирового масштаба. В дверь колотят всё громче, а Лигран выходит в коридор, по дороге заворачиваясь в свой сброшенный на пол роскошный плащ, и решительно её открывает.

Соседка снизу, кажется, проглатывает язык. Ну, я бы тоже его проглотила, увидев Лиграна в собственном подъезде в одном плаще на голое тело, повязанном на манер римской тоги. И фраза "вы меня затопили" прозвучала бы как-то двусмысленно...

К тому моменту, как я выбираюсь из совершенно сухой ванной, Раиса Ивановна уже ушла. Лигран улыбается мне, а я говорю, теперь уже не сомневаясь ни капельки:

— Давай вернемся?

— Давай, — отвечает он мне, я киваю, на автомате, и только потом до меня доходит, что...

— Ну, ты и сволочь!

— Что это значит?

— Хмарь хмыров! Ты опять мне соврал! Ты меня понимал!

— Я просто хотел, чтобы ты всё сказала честно. Куда проще сказать честнее, если думаешь, что тебя не понимают.

— Я и так всегда была с тобой честной, — не знаю, смеяться или запустить в него Ксамурром, крутящимся у ног. — Давай вернёмся? Если я нужна тебе там, конечно...

— Ты везде мне нужна. Но, сказать по правде, я и сам хотел это тебе предложить.

— Чего же не предложил?

— Так ты и слова вставить мне не давала!

...вместо Ксамурра я запускаю в него подушкой.

* * *

— Баб Валь, а я уезжаю. Тётю предупредила, ключи вот вам оставить хотела.

— Замуж выходишь?! — всплеснула руками баба Валя. — Ну, поздравляю!

— Не знаю, — честно ответила я. — Как получится. Я ещё даже не знаю, дадут ли мне... ну, визу.

— А далеко ехать-то?

— Далеко, — я улыбнулась снова, испытывая желание прикрыть рот рукой. — Но я люблю... путешествовать.

* * *

Мы вернулись в Магр втроём: я, Ксамурр и Лигран. И не сразу, разумеется, какое-то время спустя, наша жизнь устроилась, а я получила ответы на большинство вопросов, которые задавала себе долгими бессонными ночами, пока бродила в одиночестве по городу, в котором родилась, без особого выбора, а вот жить и умирать там не собиралась.

По правде говоря, думать о смерти совсем не хочется, хотя если твой парень — некромант, а питомец — умертвие, сделать это довольно трудно. Но, по крайней мере, о своей собственной смерти я точно не думаю.

Весь этот год Лигран просидел в Винзоре. Уверенный в том, что меня больше нет, он не особо сопротивлялся этому административному взысканию, наложенному Его Величеством на слишком инициативного и строптивного подданного. Впрочем, судя по всему, наказание было в большей степени профилактическим, а может быть, имело подтекстом стремление защитить страдающего всё ещё лирта королевского следователя от него самого? По крайней мере, за консультациями по различным вопросам король и его доверенные лица приходили к нему, как на работу, пару раз в декаду дней, как минимум, а по истечении года бывшего уголовника настоятельно попросили вернуться к прежней деятельности и занять прежнюю должность. Возвращаться ему ни к чему не хотелось, но, как и я, он понимал, что одиночество фатально для рассудка. Говорить о своих чувствах и состоянии так откровенно,

как я, Лигран явно не собирался, может быть, стеснялся или стыдился собственной слабости, но между слов читалось, что чувства эти были самые что ни на есть упаднические и горькие. Однако в тот же день, что он оказался на свободе, Лигран переместился со своего рабочего места на пляж, а буквально через несколько секунд рядом с ним оказался Ксамурр. Вероятно, Тирата услышала-таки мою последнюю просьбу о передаче дара из умирающего тела Агнессы к Лиграну — и исполнила её.

Приобретённым даром Лигран воспользовался сразу же, а Ксамурр указал дорогу.

Впрочем, по поводу того, к чему всё же привязан донум, к телу или к душе, а также о способах его передачи у меня нет однозначного ответа. Надеюсь, что в Высшей школе, куда я всё-таки поступила, я его найду. С учётом того, что мой донум всё-таки королевский, пришлось открыть своё возвращение королю и лирту Ритворну. Несмотря на то, что Лигран где-то в глубине души слегка сомневается в исключительной родственности его добрых чувств ко мне, проще говоря, жутко меня ко всем ревнует, я теперь в королевском дворце почти что свой человек. Больше всего этому рад маленький принц Тив — кажется, после той самой ночи мы действительно подружились.

В своем мире, в своей кровной родной семье я чувствовала себя куда более одинокой, чем здесь: у меня есть лирта Антина, к которой я хожу в гости, и которая называет меня "дочкой", есть почти отец — тот, кто хочет считать себя таковым и кто вызывает мою искреннюю симпатию, и почти двоюродный брат, которого я обещала покатасть на кварке, с разрешения родителей, разумеется.

А ещё окончательно отбившийся от рук кот, которого не надо кормить, и Лигран.

Верховный жрец Магра действительно признал право Тиверна наследовать престол. И я этому рада — Тив хороший ребёнок. Что же касается жрицы Хорренды, то её лишили сана и судили, для Магрского мира событие беспрецедентное. Впрочем, это ещё не самое необыкновенное — после Венуты служители Тираты, все, разом, утратили донум внушения.

По мне так и правильно — никто не имеет права никого принуждать. Хорошо, что Единая это поняла, может быть, даже не без моего скромного участия. Даже боги порой признают свои ошибки и исправляют их, хотя бы отчасти.

Лирт Ритворн говорит, что скромничать мне давно пора перестать.

Лирт Апрутус, с которым я частенько сталкиваюсь в Школе, говорит, что я кого-то очень ему напоминаю, только он не может понять, кого, а Лигран говорит, что надо думать об учебе, а не о всяких там старшекурсниках.

А я говорю ему, что люблю этот мир и его больше всех на свете.

Стилос ничего не говорит, светит зелёным светом, как ни в чём не бывало.

Тараксумы цветут на бескрайних полях на окраине Магристы, огромные, как дыньки.

Ильяна уехала из Магристы.

...и вот это — самое лучшее!

Больше книг на сайте - Knigoed.net